Александр ДЮМА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мемуарные очерки «История моих животных» — произведение многоплановое. Оно включает в себя воспоминания автора об его книгах, друзьях, путешествиях, охотах, отрывки из бесед и, конечно, истории животных, в разное время обитавших у него в доме.

Иллюстрации Е. Ганешиной

- I
- II
- III
- IV
- V
- VI
- VII
- VIII
- IX
- X
- XI
- XII
- XIII
- XIV
- XV
- XVI
- XVII
- XVIII
- XIX
- XX
- XXI
- XXII
- XXIII
- XXIV
- XXV
- XXVI
- XXVII
- XXVIII
- XXIX
- XXX
- XXXI

- XXXII
- XXXIII
- XXXIV
- XXXV
- XXXVI
- XXXVII
- XXXVIII
- XXXIX
- XL
- XLI
- XLII
- XLIII
- XLIV
- XLV
- XLVI
- XLVII
- КОММЕНТАРИИ
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11

I
У МЕНЯ ЕСТЬ СОБАКА, У МЕНЯ БЫЛИ КУРЫ

Быть может, вы охотник?

Быть может, у вас есть куры?

Быть может, вашей охотничьей собаке случалось — когда она действовала с самыми лучшими намерениями и считала, что имеет дело с фазанами или куропатками, — душить ваших кур?

Последнее предположение вполне допустимо и не содержит в себе ничего обидного, так что я осмеливаюсь его высказать.

В таком случае вы, дорожа вашей собакой и вашими курами, должны были сожалеть о том, что не знаете способа наказать, не карая смертью, животное-куроубийцу.

Убив свою собаку, вы не вернете к жизни кур; впрочем, в Писании сказано, что Господь желает раскаяния, а не смерти грешника.

Вы заметите мне, что эта евангельская истина нисколько не выражает заботу Бога о собаках.

Узнаю в этом ответе человеческую спесь.

Я считаю, что Бог заботился не только о человеке, но и о всякой твари, какой он дал жизнь, от клеща до слона и от колибри до орла.

Впрочем, я готов пойти на уступку вашей гордости, дорогой читатель, и скажу следующее:

возможно, Бог создал особое искушение для собаки — животного, чей инстинкт ближе всего к человеческому разуму;

возможно, мы даже рискнем предположить, что инстинкт некоторых собак развит более, чем разум некоторых людей.

Вспомните прелестное высказывание Мишле: «Собаки — кандидаты в человеческий род».

И если кто-нибудь станет с этим спорить, мы приведем доказательство: взбесившаяся собака кусается.

Решив этот вопрос, приступим к нашему рассказу.

У меня есть собака, у меня были куры.

Вот что такое драматург, вот с каким мастерством он приступает к теме! «У меня есть собака, у меня были куры!» — в этой единственной фразе, в этих восьми словах заключена вся развязка драмы; более того, она объясняет нынешнее положение вещей.

У меня есть собака, у меня она по-прежнему есть —

следовательно, моя собака жива. У меня были куры, у меня больше их нет — следовательно, мои куры мертвы.

Вы видите, если только обладаете способностью устанавливать соотношения, что, если бы даже я не сказал вам этого — возможно, несколько преждевременно, — вы из этой единственной фразы «У меня есть собака, у меня были куры» не только узнали бы, что моя собака жива и что мои куры умерли, но, по всей вероятности, могли бы догадаться: именно моя собака задушила моих кур.

Итак, вся драма заключается в этих словах: «У меня есть собака, у меня были куры!»

Если бы я мог надеяться быть избранным в Академию, то был бы уверен, по крайней мере, что в один прекрасный день мой преемник произнесет похвальное слово в мою честь, и, превознесенный каким-нибудь великим вельможей или великим поэтом будущего, каким-нибудь грядущим Ноаем или Вьенне, успокоился бы на этой фразе: «У меня есть собака, у меня были куры», убежденный, что содержащийся в ней замысел не пропадет для потомства.

Но увы! Я никогда не попаду в Академию! И после моей смерти мой собрат никогда не произнесет похвального слова!

Отсюда просто-напросто следует, что я должен сам похвалить себя при жизни.

Известно ли вам, дорогие читатели, или же неизвестно, но в драматическом искусстве все зависит от подготовки.

Познакомить читателя с персонажами — один из наиболее верных способов заставить его заинтересоваться ими.

Слово «заставить» звучит резко, я это знаю, но оно профессиональное; надо всегда заставлять читателя заинтересоваться кем-либо или чем-либо.

Однако существует множество способов добиться этого.

Помните ли вы Вальтера Скотта, по отношению к которому мы начинаем проявлять себя достаточно неблагодарными? Возможно, нашу неблагодарность следовало бы вменить в вину не нам, а новым его переводчикам.

Итак, у Вальтера Скотта был собственный способ привлечь внимание к своим персонажам, причем, за редкими исключениями, почти всегда один и тот же, и, каким бы необычайным этот способ ни казался на первый взгляд, он, тем не менее, приносил ему успех.

Этот способ заключался в том, чтобы быть скучным, смертельно скучным, часто в продолжение половины тома, иной раз — целого тома.

Но в этом томе он расставлял по местам своих персонажей; в

этом томе он давал подробнейшее описание их физического и духовного облика, их привычек; вы так хорошо знали, как они одевались, как ходили, как говорили, что, когда одному из них грозила опасность, вы восклицали:

— Ну как же он из этого выпутается, этот бедняга, который носит одежду цвета зеленого яблока, ходит хромая и говорит шепелявя?

И вы бывали совершенно изумлены, проскучав половину тома, целый том, иногда даже полтора тома, — вы бывали совершенно изумлены, обнаружив, что вас бесконечно заинтересовал этот человек, который говорит шепелявя, ходит хромая и носит одежду цвета зеленого яблока.

Возможно, вы скажете мне, милый читатель:

— Вы расхваливаете нам этот прием, господин поэт; уж не пользуетесь ли вы им сами?

Прежде всего, я не расхваливаю этот прием, я объясняю его и даже ставлю под сомнение.

Нет, мой метод, напротив, полностью ему противоположен.

— Так у вас есть метод? — остроумно и учтиво спросит меня г-н П. или г-н М.

Почему бы и нет, дорогой мой г-н П.? Почему бы и нет, дорогой мой г-н М.?

Вот мой метод — такой, как он есть.

Только для начала я скажу вам, что нахожу его дурным.

— Но в таком случае, — возразите вы, — если ваш метод плох, зачем вы им пользуетесь?

Потому что мы не всегда властны пользоваться или не пользоваться приемом и, боюсь, иногда прием пользуется нами.

Люди верят, что они обладают идеями; я сильно опасаюсь, как бы, наоборот, не оказалось, что это идеи обладают людьми.

Существует одна идея, которая искалечила два или три поколения и которой, возможно, предстоит искалечить еще три или четыре.

Короче говоря, я ли владею своим методом, или мой метод владеет мной — вот он перед вами.

Начать с интересного, вместо того чтобы начать со скучного; начать с действия, вместо того чтобы начать с подготовки; говорить о персонажах после того, как они появятся, вместо того чтобы выводить их после того, как о них рассказано.

Может быть, вначале вы скажете себе:

— Я не вижу в этом методе совершенно никакой опасности.

Ну, так вы ошибаетесь.

Когда вы читаете книгу или смотрите, как играют драму, комедию, трагедию, наконец, любое драматическое произведение

— Schauspiel[1], как говорят немцы, — вам всегда приходится больше или меньше поскучать.

Нет огня без дыма, не бывает солнца без тени.

Скука — это тень; скука — это дым.

Однако опыт доказывает, что лучше скучать вначале, чем под конец.

Более того: некоторые из моих собратьев, не зная, что предпочесть, решили наводить тоску на читателя на протяжении всего романа или на зрителя в продолжение всего Schauspiel.

И это им удается.

А я едва не стал жертвой своего метода, который состоит в том, чтобы развлекать с самого начала.

В самом деле, посмотрите мои первые акты, взгляните на мои первые тома: мои старания сделать их настолько развлекательными, насколько это возможно, часто вредили четырем другим, когда речь шла о первом акте; пятнадцати или двадцати другим, если речь шла о томе.

Свидетельство тому — пролог «Калигулы», убивший трагедию; свидетельство тому — первый акт «Мадемуазель де Бель-Иль», едва не погубивший комедию.

После того как вы развлекались первым актом или первым томом, вы хотите развлекаться постоянно.

А это трудно, очень трудно — почти невозможно — все время развлекать.

В то время как, напротив, поскучав во время первого акта или за чтением первого тома, вы желаете немного отдохнуть.

И тогда читатель или зритель испытывает беспредельную благодарность за все, что делается с этой целью автором.

В одном только прологе «Калигулы» нашлось бы довольно того, что могло обеспечить успех пяти таким трагедиям, как «Хлодвиг», как «Артаксеркс», как «Сид Андалусский», как «Пертинакс» и как «Юлиан в Галлии».

Только надо было каждый раз давать этого понемногу, а главное — не давать всего в самом начале.

В этом роман или драма подобны обеду.

Ваши гости голодны, они хотят есть. Им все равно, что они будут есть, лишь бы только утолить голод.

Подайте им луковый суп — некоторые, возможно, поморщатся, но, без сомнения, все станут есть; затем дайте им свинину, кислую капусту, какую-нибудь грубую пищу — что угодно, но в изобилии, и, наполнив желудок, они не станут ворчать, уходя.

Они даже скажут: «Было невкусно, но, право же, я пообедал».

Вот почему иногда имеют успех те авторы, кто заставляет

скучать постоянно, с самого начала романа или пьесы и до конца.

Этот способ — наименее употребительный и самый ненадежный; я не советую прибегать к нему.

Вот два других метода.

Для начала метод Вальтера Скотта.

Вы подаете, как на предшествующем обеде, луковый суп, кислую капусту, заурядное мясо. Но затем появляются куропатки и фазаны, даже обычная домашняя птица — гусь, если хотите, и ваши гости аплодируют, забыв начало обеда, и восклицают, что пообедали словно у Лукулла.

Мой же метод хуже всех прочих, как я уже сказал.

Я подаю своих куропаток и фазанов, своих палтусов, своих омаров, свои ананасы, не приберегая их на десерт; затем вы видите рагу из кролика, сыр грюйер и кривитесь; и я вполне счастлив, если вы не кричите на всех перекрестках, что моя кухня на шестьсот метров ниже и самого дрянного трактира, и уровня моря.

Но я замечаю, милые читатели, что несколько отвлекся от собаки, которая у меня есть, и от кур, которые у меня были.

Мне кажется, сегодня я воспользовался методом Вальтера Скотта.

Надо испробовать все.

II
ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ МОИХ ЖИВОТНЫХ

В таком случае продолжаем действовать по способу великого шотландского романиста, то есть знакомить с нашими персонажами.

Но, для того чтобы узнать их по-настоящему, читатель должен любезно согласиться отступить на семь или восемь лет назад.

Он застанет меня в Монте-Кристо.

Каким образом Монте-Кристо получил свое имя?

Не я назвал его так: я не настолько тщеславен.

Однажды я ждал к обеду Меленга с женой и двумя детьми.

Монте-Кристо только что был построен и не имел еще имени.

Я, как мог, объяснил его местонахождение своим приглашенным, но не настолько точно, чтобы все милое семейство сумело добраться пешком.

В Пе́ке они наняли карету.

— К господину Дюма, — сказала г-жа Меленг.

— А где это? — спросил кучер.

— На дороге в Марли.

— В Марли ведут две дороги, нижняя и верхняя.

— Черт возьми!

— Так которая вам нужна?

— Не знаю.

— Что же, у дома господина Дюма нет названия?

— Есть: замок Монте-Кристо.

Пустившись на поиски замка Монте-Кристо, они его нашли.

Госпожа Меленг рассказала мне эту историю.

С тех пор дом г-на Дюма стал называться замком Монте-Кристо.

Хорошо, чтобы потомки, когда они займутся исследованием этого вопроса, получили верные сведения.

Итак, я жил в замке Монте-Кристо.

Не считая гостей, которых мне приходилось принимать, я жил один.

Я очень люблю одиночество.

Людям, способным его оценить, одиночество заменяет не любовницу, а возлюбленную.

Человеку, который работает, и работает много, прежде всего необходимо одиночество.

Общество — развлечение для тела; любовь — занятие для

сердца; одиночество — религия души.

Однако я не люблю уединяться в полном одиночестве.

Я люблю одиночество земного рая, иными словами — пустыню, населенную животными.

Я ненавижу скотов, но обожаю животных.

Еще совсем ребенком я был величайшим разорителем гнезд, величайшим охотником на птиц и величайшим любителем ловли на манок в лесу Виллер-Котре.

Сошлюсь на свои «Мемуары» и на историю жизни и приключений Анжа Питу.

Из всего сказанного следует, что я, уединившись в Монте-Кристо, не обладая простодушием Адама и не облачаясь в его костюм, владел уменьшенной копией земного рая.

У меня было или, вернее, последовательно перебывало пять собак: Причард, Фанор, Турок, Каро и Тамбо.

У меня был гриф Диоген.

У меня были три обезьяны, носившие имена: одна — известного переводчика, другая — прославленного романиста, а третья, самка, — знаменитой актрисы.

Вы легко поймете, что из соображений приличия я утаиваю от вас клички обезьян: почти все они были даны из-за внешнего сходства с этими людьми или связаны с подробностями их личной жизни.

Как сказал один великий публицист — я назвал бы вам, кто именно, но боюсь ошибиться, — «частная жизнь должна быть обнесена каменной стеной».

Если угодно, мы станем называть переводчика Потишем, романиста — последним из Ледмануаров, а обезьянью самку — мадемуазель Дегарсен.

У меня был большой красно-синий попугай, по имени Бюва.

У меня был желто-зеленый попугай, по прозвищу папаша Эврар.

У меня был кот Мисуф.

Золотистый фазан Лукулл.

И наконец, петух Цезарь.

Вот, по-моему, полный перечень животных, населявших замок Монте-Кристо.

Сверх того, были павлин со своей павой, дюжина кур и пара цесарок; этих птиц я привожу здесь лишь для памяти, так как они либо вовсе не обладали индивидуальностью, либо были совершенно заурядны как личности.

Само собой разумеется, что я также не упоминаю бродячих собак, которые, проходя верхней или нижней дорогой в Марли, заглядывали между прочим к нам, сводили или возобновляли

знакомство с Причардом, Фанором, Турком, Каро и Тамбо и, в соответствии с законами арабского гостеприимства, в излишне строгом следовании которым обычно упрекают владельца Монте-Кристо, пользовались этим гостеприимством в течение более или менее длительного времени, всегда ограниченного лишь прихотью, капризами, потребностями или делами этих четвероногих постояльцев.

А теперь, поскольку судьба кое-кого из живности, населявшей в 1850 году земной рай Монте-Кристо, сплетена с судьбами некоторых других животных, обитающих во дворе и в саду дома на Амстердамской улице, где я живу в настоящее время, закончим этот длинный список четвероногих, четвероруких и пернатых, назвав моих новых жильцов.

Боевой петух по кличке Мальбрук.

Пара чаек — господин и госпожа Дени.

Цапля по кличке Карл Пятый.

Сука, именуемая Флорой.

Пес, сначала прозывавшийся Катина́, а впоследствии — Катилина.

Именно с ним связана выразительная фраза, которой я так горжусь: «У меня есть собака, у меня были куры».

Но прежде чем перейти к этой истории, которую я, естественно, приберегаю напоследок, как самую трагическую и наиболее увлекательную, у нас еще на долгое время есть о чем поболтать с вами, милые читатели, потому что я собираюсь просто-напросто предложить вам жизнеописания Причарда, Фанора, Турка, Каро, Тамбо, Диогена, Потиша, последнего из Ледмануаров, мадемуазель Дегарсен, Мисуфа, Бюва, папаши Эврара, Лукулла и Цезаря.

Начнем с истории Причарда.

По заслугам и почет.

III
ШОТЛАНДСКИЙ ПОЙНТЕР

Причард был шотландский пойнтер.

Всем вам, дорогие читатели, известно значение слова «пойнтер», но, возможно, мои прекрасные читательницы, хуже нас разбирающиеся в охотничьих терминах, этого не знают.

Стало быть, именно для них мы приведем следующее объяснение.

Пойнтер — это собака, которой свойственно, как и указывает название породы, ходить на пуантах.

Английские пойнтеры хороши, шотландские — превосходны.

Вот как действует пойнтер: вместо того чтобы охотиться под ружейным дулом, как брак, спаниель или барбе, он уходит от хозяина и охотится в сотне, двух или даже трех сотнях шагов от него.

Но, едва найдя дичь, хороший пойнтер делает стойку и, пока хозяин не наступит ему на хвост, остается неподвижным, словно собака Кефала.

Для тех из наших читателей или читательниц, которые недостаточно знакомы с мифологией, сообщаем, что собака Кефала во время охоты на лисицу была превращена в камень.

Для тех, кто желает знать все, прибавим, что собаку Кефала звали Лайлап.

— Но как звали лису?

Вы думаете, что застали меня врасплох; греческое слово «αλωπηξ» и означает «лиса».

Эта тварь была «αλωπηξ» в высшей степени, и, так же как Рим называли «городом» — «urbs», так и эту лису называли «лисой».

И она в самом деле вполне заслуживала такой чести.

Представьте себе гигантскую лисицу, посланную Фемидой, чтобы отомстить фивянам; каждый месяц она требовала человеческого жертвоприношения, двенадцать жертв в год, всего на две меньше, чем требовалось Минотавру; это заставляет предположить, что лисица была всего на четыре или пять дюймов меньше быка.

Неплохой рост для лисицы!

— Но, раз Лайлап превратился в камень, значит, лиса от него убежала?

Успокойтесь, милые читательницы: лиса одновременно с собакой была превращена в камень.

Если вы случайно попадете в Фивы, вам покажут обеих: вот

уже три тысячи лет лиса пытается убежать от собаки, собака — догнать лису.

О чем мы говорили?

Ах, да! Мы говорили о пойнтерах, которые искупают свой недостаток — свойство ходить на пуантах — лишь тем, что замирают в стойке, будто гранитные псы.

В Англии, аристократической стране, где охотятся в парках площадью в три или четыре тысячи гектаров, обнесенных стенами, населенных красными куропатками и фазанами, пестреющих заплатами клевера, гречихи, рапса и люцерны, которые никто не косит, чтобы дичи всегда было где укрыться, пойнтеры могут делать стойку сколько им будет угодно и замирать словно каменные.

Дичь это выдерживает.

Но в нашей демократической Франции, поделенной между пятью или шестью миллионами землевладельцев, где у каждого крестьянина над камином висит двуствольное ружье, где урожай, который всегда ожидают с нетерпением, убирают вовремя и часто заканчивают уборку до открытия охоты, пойнтер — сущее бедствие.

Причард же, как я и сказал, был пойнтер.

Теперь, зная непригодность пойнтера для Франции, вы спросите меня, как получилось, что я завел пойнтера?

Ах, Господи! Откуда берутся плохие жены? Как случается, что друг вас обманывает? Почему ружье разрывается у вас в руках, хотя вы разбираетесь в женщинах, мужчинах и ружьях?

Так сложились обстоятельства!

Вы знаете пословицу: «Все на свете зависит от случая».

Я отправился в Ам навестить узника, к которому испытывал глубокое уважение.

У меня всегда вызывают глубокое уважение узники и изгнанники.

Софокл говорит:

> Чтите несчастье; оно от богов достается!

Этот узник, со своей стороны, испытывал ко мне некоторую приязнь.

Позже мы с ним поссорились…

Я провел в Аме несколько дней, и за эти дни, совершенно естественно, завязал знакомство с правительственным комиссаром.

Его зовут г-н Лера, и он милейший человек (не путать с г-ном Лера де Маньито, который также совмещает или совмещал

должность комиссара полиции со званием милейшего человека).

Господин Лера, тот, что из Ама, был со мной весьма любезен; он повез меня на ярмарку в Шони, где я купил двух лошадей, и в замок Куси, где я поднялся на башню.

Затем, перед самым моим отъездом, услышав, что у меня нет охотничьей собаки, он сказал:

— Ах, как я счастлив, что могу сделать вам настоящий подарок! Один из моих друзей — он живет в Шотландии — прислал мне очень породистого пса, а я дарю его вам.

Как отказаться от собаки, преподнесенной так мило, даже если это пойнтер?

— Приведите Причарда, — прибавил он, обращаясь к двум своим дочерям, прелестным девочкам десяти-двенадцати лет.

Они привели Причарда.

Это был пес с почти стоячими ушами, глазами горчичного цвета, длинной серо-белой шерстью и великолепным султаном на хвосте.

За исключением этого султана, животное было довольно уродливым.

Но я узнал из «Selectæ e profanis scriptoribus»[2], что не следует судить о людях по внешнему виду, а из «Дон Кихота Ламанчского» — что «не всяк монах, на ком клобук», и спросил себя, почему бы не приложить к собакам правило, применимое к людям; поверив Сервантесу и Сенеке, я принял предложенный подарок с радостью.

Господин Лера, подарив мне свою собаку, казалось, радовался больше меня, получившего ее; таково свойство добрых сердец: они меньше любят получать, чем отдавать.

— Дети называют его Причардом, — сказал он мне со смехом. — Если вам не нравится это имя, вы вольны называть его так, как вам заблагорассудится.

Я ничего не имел против этой клички и даже считал, что если кто-нибудь и вправе обидеться, то это собака.

И Причард продолжал именоваться Причардом.

Вернувшись в Сен-Жермен — тогда я еще не жил в Монте-Кристо, — я оказался богаче (или беднее — как вам угодно) на собаку и двух лошадей, чем был до отъезда.

По-моему, в данном случае слово «беднее» подходит больше, так как одна из моих лошадей заболела кожным сапом, а другая растянула связки, вследствие чего я вынужден был избавиться от обеих; я получил за них сто пятьдесят франков, и ветеринар еще уверял меня, что сделка выгодная.

Лошади обошлись мне в две тысячи франков.

Что касается Причарда, на котором, естественно,

сосредоточится все ваше внимание, — вы сейчас узнаете, что с ним стало.

IV
У НАС ЕСТЬ СОЙКА

Вероятнее всего, Причарду было месяцев девять-десять.

В этом возрасте следует начинать воспитание собаки.

Надо было выбрать для него хорошего учителя.

В лесу Везине жил мой старый друг. Его звали Ватрен; можно даже сказать «его зовут», так как я надеюсь, что он еще жив.

Наше знакомство восходит к дням моего раннего детства; его отец служил лесником в той части леса Виллер-Котре, где у моего отца было разрешение на право охоты. Ватрену было тогда лет двенадцать — пятнадцать, и он навсегда сохранил о генерале — так он называл моего отца — необыкновенную память.

Судите сами.

Однажды мой отец захотел пить и, остановившись у дома лесника Ватрена, попросил стакан воды.

Папаша Ватрен дал генералу стакан вина вместо воды и, когда генерал выпил вино, славный малый поставил этот стакан на пьедестал из черного дерева и покрыл стеклянным колпаком, словно некую святыню.

Умирая, он завещал стакан своему сыну.

Возможно, и сегодня этот стакан служит главным украшением камина старого лесника — ведь и сын в свою очередь стал стариком, но в последний раз, как я его видел, он, несмотря на возраст, был одним из самых деятельных старших лесников в Сен-Жерменском лесу.

Ватрен старше меня лет на пятнадцать.

Во времена нашей общей молодости эта разница была еще заметнее, чем сегодня.

Он был взрослым парнем, когда я был еще ребенком и с простодушным детским восхищением ходил с ним ловить птиц.

Дело в том, что Ватрен лучше всех умел устраивать клейкие ловушки.

Не раз, когда я рассказывал парижанам или парижанкам о живописном способе охоты, называемом ловлей на манок, и, как мог, старался объяснить ее приемы, кто-нибудь из моих слушателей говорил: «Признаюсь, мне хотелось бы взглянуть на такую охоту».

Я просил назначить день и, когда он был выбран, писал Ватрену:

«Дорогой Ватрен, приготовьте дерево. В такой-то

день мы переночуем у Коллине и назавтра, с пяти часов утра, будем в Вашем распоряжении».

Вы ведь знаете Коллине, не правда ли? Это хозяин «Домика Генриха IV», превосходный повар.

Когда попадете в Сен-Жермен, закажите ему, сославшись на меня, котлеты по-беарнски: потом вы меня поблагодарите.

Так вот, Ватрен приходил к Коллине и, подмигивая, как присуще ему одному, говорил:

— Дело сделано.

— Дерево приготовлено?

— Немножко.

— А сойка?

— Есть.

— Тогда вперед!

Я же, повернувшись к обществу, объявлял:

— Дамы и господа, хорошая новость! У нас есть сойка.

Чаще всего никто не понимал, что я хотел сказать.

Тем не менее это было очень важно, ибо обеспечивало успех завтрашней охоты. Добыв сойку, мы знали, что ловля на манок будет удачной.

Объясним же все значение слов «у нас есть сойка».

Лафонтен, которого упорно называют «старичок Лафонтен», как Плутарха называют «старичок Плутарх», сочинил басню о сойке.

Он озаглавил эту басню «Сойка, нарядившаяся в павлиньи перья».

Чистая клевета!

Сойка, одно из тех созданий, в чьей голове возникает больше всего дурных мыслей, никогда и не думала — готов в этом поклясться! — о том, что приписывает ей Лафонтен: наряжаться в павлиньи перья.

Заметьте, я не только утверждаю, что она никогда в них не наряжалась, но ставлю сто против одного, что злосчастной птице это никогда и в голову не приходило.

Однако лучше бы ей наряжаться в павлиньи перья, чем делать то, что она делает: она не имела бы столько врагов.

Так что же делает сойка?

Вам известен миф о Сатурне, пожиравшем своих детей? Ну, так сойки как родители лучше, чем Сатурн: они едят только чужих детей.

Теперь вы понимаете, как ненавидят сойку синицы, чижи, зяблики, щеглы, соловьи, славки, коноплянки, снегири и малиновки за то, что она проглатывает их яйца или съедает их

птенцов.

Они смертельно ненавидят ее.

Только ни одна из этих птиц не может помериться силами с сойкой.

Но когда с сойкой приключается несчастье, горе, беда, все окрестные птицы ликуют.

Итак, для сойки несчастье, горе, страшная беда — попасть в

руки птицелова, и в то же время для птицелова поймать сойку — большая удача; после того как птицелов приготовил дерево, то есть оборвал на нем листья, сделал на ветвях надрезы и вставил в эти надрезы смазанные клеем прутья; после того как он построил под этим деревом свой шалаш, покрыв его дроком и папоротником; после того как он, один или с компанией, вошел в этот шалаш, — вместо того чтобы при помощи листка пырея или кусочка шелка подражать пению или, вернее, крику разных птиц, — ему, если у него есть сойка, достаточно достать ее из кармана и выдернуть у нее перо из крыла.

Сойка издает крик.

Этот крик разносится по всему лесу.

В тот же миг все синицы, зяблики, чижи, снегири, славки, малиновки, соловьи, щеглы, красные и серые коноплянки — все, сколько их есть в лесу, вздрагивают и прислушиваются.

Птицелов выдергивает из крыла сойки второе перо.

Сойка снова кричит.

И тогда начинается праздник для всей пернатой братии: ясно, что с общим врагом случилось какое-то несчастье.

Что могло с ним случиться?

Надо взглянуть! Где он? С какой стороны? Здесь? Там?

Птицелов выдергивает из крыла сойки третье перо.

Сойка кричит в третий раз.

— Это здесь! Это здесь! — хором кричат все птицы.

И они все вместе — стаей, тучей — устремляются к дереву, у подножия которого три раза раздавался крик сойки.

Ну, а поскольку дерево снабжено клейкими прутьями, всякая птица, которая на него опустится, оказывается пойманной.

Вот почему я говорил своим гостям, представляя им Ватрена: «Дамы и господа, хорошая новость! У нас есть сойка».

Вы видите, дорогие читатели, что со мной все становится ясным, только надо дать мне время, особенно, когда я пользуюсь методом Вальтера Скотта.

Так вот, к этому славному Ватрену — у кого я дружески позаимствовал его имя, чтобы одарить им главного героя моего романа «Катрин Блюм», — я и отвел Причарда.

V
ВАТРЕН И ЕГО ТРУБКА

Ватрен бросил на Причарда презрительный взгляд.

— Так! Еще один englishman[3]! — сказал он.

Прежде всего вы должны познакомиться с Ватреном.

Ватрен — мужчина пяти футов шести дюймов ростом, худой, костлявый, с резкими чертами. Нет таких зарослей колючих кустарников, каких не рассекли бы его ноги в длинных кожаных гетрах; нет такой чащи, сквозь которую не продрался бы его острый, словно чертежный угольник, локоть.

Он молчалив, как все люди, привыкшие к ночным обходам; когда он имеет дело со своими лесниками, почитающими его за оракула, Ватрен довольствуется взглядом или движением руки: они его понимают.

Одним из украшений его лица, я бы даже сказал — почти продолжением его, — служит трубка.

Не знаю, был ли когда-нибудь мундштук у этой трубки: я всегда видел ее в состоянии носогрейки.

Это объясняется очень просто: Ватрен курит без перерыва.

А для того чтобы пробираться в зарослях, нужна особая трубка, не длиннее носа: трубка и нос должны проходить с одинаковым усилием.

Зубы Ватрена так долго сжимали мундштук, что те зубы, между которыми он был зажат, округлились и сверху и снизу; таким образом, мундштук словно схвачен клещами и ему не вырваться из них. Трубка Ватрена покидает его рот лишь для того, чтобы грациозно склониться над краем кисета и наполниться подобно амфоре принцессы Навсикаи у источника или кувшину Рахили у колодца.

Как только трубка Ватрена набита, она вновь занимает свое место в клещах и старый лесничий вытаскивает из кармана огниво, кремень и трут (Ватрен не увлекается новшествами и пренебрегает химией); затем он раскуривает трубку, и, до тех пор пока она не истощится, дым выходит из его рта с такой же размеренностью и почти в таком же изобилии, как из паровой машины.

— Ватрен, — сказал я ему как-то раз. — Когда вы больше не сможете ходить, вам достаточно будет приладить два колеса, и ваша голова станет служить локомотивом для вашего тела.

— Я никогда не перестану ходить, — просто ответил Ватрен.

Он говорил правду: Вечный жид был не лучше его

приспособлен к ходьбе.

Само собой разумеется, что Ватрен отвечает не вынимая трубки изо рта; его трубка — своеобразный нарост на челюсти, черный коралл, приросший к его зубам; при разговоре Ватрен издает одному ему свойственный свист, происходящий из-за того, что зубы оставляют мало места для прохождения звука.

У Ватрена есть три способа приветствовать.

Приветствуя меня например, он довольствуется тем, что приподнимает шляпу и вновь водружает ее на голову.

Ради начальника он снимает шляпу и, когда говорит, держит ее в руке.

Перед принцем он снимает с головы шляпу и вынимает изо рта трубку.

Вынуть изо рта трубку — высший знак уважения со стороны Ватрена.

Однако, вытащив трубку, он ни на одну линию не раздвигает зубов; напротив, теперь обе челюсти, ничем не разделяемые, смыкаются, словно под действием пружины, и свист, вместо того чтобы ослабеть, усиливается, поскольку для прохождения звука остается лишь крошечное отверстие, просверленное мундштуком трубки.

Вместе с тем Ватрен — завзятый охотник по шерсти и по перу; он редко промахивается и стреляет по болотным куликам, как мы с вами могли бы стрелять по фазанам; он умеет читать следы и способен с одного взгляда сказать вам, с каким кабаном вы имеете дело: молодым, трехлетком, двухлетком, одинцом или четырехлетком; он отличает секача от самки и может по расширению зацепа ее копыта определить, супоросая ли она и сколько в ней поросят; наконец, он может узнать все, что интересует охотника, собирающегося напасть на зверя.

Итак, Ватрен взглянул на Причарда и произнес: «Так! Еще один englishman!»

Мнение о Причарде было составлено.

Ватрен почти так же не терпел прогресса во всем, что касалось собак, как держался за свое огниво. Единственная уступка развитию охотничьего дела, на какую он пошел, заключалась в том, что он поменял национального брака серо-каштановой масти, честного брака наших предков, на английскую легавую суку с двойным нюхом, белую с подпалинами.

Но пойнтера Ватрен не признавал, поэтому долго не соглашался заняться его воспитанием.

Он дошел даже до того, что предложил отдать мне одного из своих псов, старого слугу, с каким охотник расстается лишь ради своего отца или сына.

Я отказался: мне нужен был Причард, а не другая собака.

Ватрен вздохнул, налил мне вина в генеральский стакан и оставил Причарда у себя.

Оставить-то он его оставил, однако не удержал: через два часа Причард вернулся на виллу Медичи.

Я уже сказал, что в то время еще не жил в замке Монте-Кристо, но забыл упомянуть, что жил на вилле Медичи.

Причард был принят там плохо: его отстегали кнутом и Мишелю — моему садовнику, привратнику и доверенному лицу — было поручено отвести его обратно к Ватрену.

Мишель отвел Причарда и осведомился о подробностях побега. Причард, запертый вместе с другими собаками лесника, перепрыгнул через изгородь и вернулся в избранное им жилище.

Изгородь была высотой в четыре фута; Ватрену никогда не доводилось видеть, чтобы собака совершала такой прыжок.

Правда, у Ватрена никогда не было пойнтера.

На следующий день, открыв двери виллы Медичи, мы нашли Причарда сидящим у порога.

Причард получил вторую порку кнутом, и Мишелю во второй раз было приказано отвести его к Ватрену.

Ватрен надел Причарду на шею старый ошейник и посадил его на цепь.

Вернувшись, Мишель сообщил мне об этой жесткой, но необходимой мере. Ватрен обещал, что я вновь увижу Причарда лишь тогда, когда его воспитание будет закончено.

На следующий день я работал в беседке, расположенной в самой глубине сада, и вдруг услышал неистовый лай.

Это Причард дрался с большой пиренейской собакой, которую только что подарил мне один из моих соседей, г-н Шалламель.

Я забыл, дорогие читатели, рассказать вам о нем (о пиренейском псе); позвольте мне вернуться к нему в одной из следующих глав. Впрочем, будь эта забывчивость преднамеренной, она сошла бы за хитрость, поскольку она обнаружила бы главную мою добродетель: способность прощать оскорбления.

Причард, которого Мишель вытащил из зубов Мутона (пиренейского пса звали Мутоном, но вовсе не из-за его нрава, в таком случае имя было бы весьма неудачным, а из-за его белой шерсти, тонкой, словно овечье руно), — Причард, вырванный, как я сказал, из зубов Мутона Мишелем, получил третью взбучку и был в третий раз отведен к Ватрену.

Причард съел свой ошейник!

Ватрен много раз спрашивал себя, каким образом Причарду

удалось съесть ошейник, и никогда не мог найти ответа на свой вопрос.

Причарда заперли в дровяном сарае, откуда он никак не мог убежать, разве что съел бы стену или дверь.

Попробовав то и другое, он, несомненно, нашел дверь более удобоваримой, чем стена, и съел ее, подобно отцу из «Узницы» г-на д'Арленкура, который

В тюрьму ко мне еду принес и рядом двери сел.

Через день, во время обеда, в столовую вошел Причард со своим развевающимся султаном и слезами радости на горчичных глазах.

На этот раз Причарда не стали бить и не отвели к Ватрену.

Мы дождались прихода Ватрена, чтобы созвать военный совет и решить, как поступить с Причардом, дезертировавшим в четвертый раз.

VI
ОХОТА ЗА ОТБИВНЫМИ

Ватрен появился на заре следующего дня.

— Видели вы когда-нибудь такого нигедяя? — спросил он у меня.

Ватрен был до того возмущен, что забыл со мной поздороваться.

— Ватрен, — сказал я ему. — Я замечаю одну вещь: ваша носогрейка сегодня намного короче, чем обычно.

— Еще бы, — ответил Ватрен. — Этот нигедяй Причард до того меня бесит, что я вот уже три раза из-за этого раздавил зубами мундштук моей трубки, и жене пришлось обмотать его ниткой, не то этот бродяга разорил бы меня на мундштуках!

— Слышите, Причард, что о вас говорят? — обратился я к сидевшему на полу Причарду.

Причард слышал, но, без сомнения, не понимал тяжести обвинения: он смотрел на меня самым нежным взглядом и подметал хвостом пол.

— Если бы у генерала была подобная собака!.. — продолжал Ватрен.

— Что бы он сделал, Ватрен? — спросил я. — Мы поступим, как поступил бы он.

— Он бы, — начал было Ватрен. — Он бы…

После этих слов он остановился и задумался, затем ответил:

— Он ничего бы не сделал, потому что генерал, видите ли, был совершенная божья коровка.

— Ну, так что же нам делать, Ватрен?

— Черт меня возьми, если я это знаю! — заявил Ватрен. — Упорствовать и оставить у себя этого нигедяя — он разрушит мой дом; вернуть его вам… Я все же не хочу, чтобы последнее слово осталось за собакой: это, знаете ли, унизительно для человека.

Ватрен был до того возмущен, что, не зная об этом, заговорил на бельгийский лад, подобно мещанину во дворянстве, который, сам того не подозревая, говорил прозой. Я увидел, что он раздражен до последней степени, и решил сделать предложение, которое могло бы его успокоить.

— Послушайте, Ватрен, — сказал я ему. — Я сейчас надену свои охотничьи башмаки и гетры. Мы спустимся к Везине, сделаем обход вашего участка и посмотрим, стоит ли дальше заниматься этим нигедяем, как вы его называете.

— Я его называю так, как он того заслуживает. Его следовало

бы назвать не Причардом, он — Картуш, Мандрен, Пулайе, Артифаль!

Ватрен назвал имена четырех знаменитых разбойников, чья полная приключений жизнь манила его в юности.

— Да что там, — сказал я Ватрену, — будем по-прежнему называть его Причардом, подумайте сами! У господина Причарда тоже были свои заслуги, не считая того, что они и сейчас при нем.

— Идет! — ответил Ватрен. — Я сказал так, потому что не знал Причарда, а эти четверо мне известны.

Я позвал Мишеля.

— Мишель, велите подать мне мои гетры и охотничьи башмаки; мы отправимся в Везине и посмотрим, что умеет Причард.

— Что ж, — сказал Мишель. — Вы увидите, что у вас меньше причин для недовольства, чем вы думаете.

У Мишеля всегда была слабость к Причарду.

Дело в том, что Мишель — немного браконьер, а Причард, как вы увидите позже, настоящая браконьерская собака.

Мы спустились в Везине; Мишель вел Причарда на поводке, а мы с Ватреном беседовали о подвигах — не воинских и любовных, подобно совершенным Амадисом, а об охотничьих.

На повороте спуска я сказал:

— Взгляните-ка, Мишель, как эта собака похожа на Причарда.

— Где?

— Вон там, на мосту, в пятистах шагах перед нами.

— Ей-Богу, правда, — согласился Ватрен.

Сходство показалось Мишелю настолько поразительным, что он оглянулся.

Никаких следов Причарда.

Он осторожно перекусил поводок своими резцами и, сделав крюк, забежал вперед.

Именно Причард важно прохаживался по Пекскому мосту и сквозь перила смотрел, как течет вода.

— Ну, чертеня! — воскликнул Мишель.

— Так! — сказал я. — Вот теперь вы заговорили с овернским выговором. Ватрен, если мы не придумаем, как поступить с Причардом, мы сделаем из него учителя иностранных языков.

— Вы из него сделаете только бродягу и ничего больше, — ответил Ватрен. — Эй, смотрите, куда он пошел!

— Ватрен, не вменяйте Причарду в вину его достоинства, поверьте, у него и без того хватает недостатков. Я могу сказать вам, куда он идет: он собирается навестить моего друга Коррежа и съесть его завтрак, если служанка зазевается.

В самом деле, минуту спустя из станционного здания Пека

выскочил Причард, преследуемый женщиной с метлой в руках.

В пасти у него была отбивная, которую он только что стащил с решетки.

— Господин Дюма! — кричала женщина. — Господин Дюма! Ловите вашу собаку!

Мы преградили путь Причарду.

— Ловите! Ловите его! — продолжала кричать женщина.

Как же! С таким же успехом мы могли схватить Борея, похищающего Орифию.

Причард молнией промелькнул между Мишелем и мной.

— Похоже, — заметил Мишель, — этот плут любит мясо с кровью.

— Баранину и говядину следует есть недожаренными, — наставительно произнес Ватрен, проводив глазами Причарда, который скрылся за поворотом дороги, идущей в гору.

— Ну вот, — обратился я к Ватрену, — вы еще не знаете, умеет ли он приносить, но уже знаете, что уносить он умеет.

Догнавшая нас женщина упорствовала в своем стремлении преследовать Причарда.

— Ох, милая моя, — возразил я ей, — думаю, вы только напрасно потеряете время: когда вы настигнете Причарда, если вы вообще его настигнете, отбивная, вероятно, будет уже далеко.

— Вы так думаете? — спросила женщина (опершись на свою метлу, она старалась отдышаться).

— Я в этом уверен.

— Ну, так можете гордиться тем, что кормите отъявленного вора.

— Сегодня утром, милая моя, вы его кормите, а вовсе не я.

— То есть… это я, это я… это господин Корреж… Да, но что же он скажет, господин Корреж?

— Он скажет то же самое, что Мишель: «Похоже, Причард любит мясо с кровью».

— Да, но он будет недоволен, и все это свалится на меня.

— Послушайте, я постараюсь заранее сказать ему, что поведу его с собой завтракать на виллу Медичи.

— Все равно, если он станет продолжать в том же духе, ваш пес, с ним приключится несчастье… я только это вам и скажу: с ним случится беда.

И она простерла свою метлу в том направлении, где скрылся Причард.

Как видите, это было настоящее предсказание ведьмы: даже метла была на месте.

VII
ВИНО ИЗ ЛУАРЕ

Мы остались стоять на Пекском мосту; Мишель, Ватрен и я смотрели вслед исчезнувшему Причарду, служанка жестом проклятия простирала в том же направлении метлу.

Если бы какому-нибудь художнику когда-нибудь пришла в голову мысль почерпнуть сюжет для своей картины в том повествовании, какое я имею честь предложить вам, я думаю, он должен был бы выбрать как раз этот момент.

На первом плане оказались бы живописно сгруппированные четыре персонажа; вдали — убегающий Причард с отбивной в пасти (ведь надо будет показать Причарда, чтобы сцена стала понятной) и, наконец, в самой глубине, на горизонте, прекрасный город Сен-Жермен, построенный амфитеатром и прежде всего являющий глазам путешественника лучшее, что он может предложить: павильон, где разрешилась от бремени Анна Австрийская, и окно, через которое сияющий Людовик XIII

показал народу своего сына — Людовика XIV.

К Ватрену первому вернулся дар речи.

— Ах, нигедяй! Ах, нигедяй! — повторял он.

— Дорогой Ватрен, — сказал я ему, — думаю на сегодня наша охота закончена.

— Почему это? — спросил Мишель.

— Да потому что мы собирались охотиться с Причардом, но, раз у нас больше нет Причарда…

— Значит, вы считаете, что Причард не вернется?

— Конечно, Мишель: сужу о нем по себе и точно знаю, что на его месте я не вернулся бы.

— Вы не знаете Причарда: это наглец.

— Итак, Мишель, ваше мнение?

— Спокойно отправляемся к господину Ватрену, съедим у него по куску хлеба с сыром, выпьем по стаканчику вина, и через десять минут вы почувствуете, как хвост Причарда хлещет вас по икрам.

— Согласны? — спросил меня Ватрен. — Моя жена вчера как раз зажарила кусок телятины, и у меня есть легкое вино из Луаре — это, видите ли, родина моей жены. Вино из Луаре вам понравится… Я помню, что вы любите телятину.

— Вы знали меня еще юным, милый мой Ватрен, так что я не смог бы утаить от вас ни одного из своих недостатков. Но как быть с Коррежем?

— Мы прихватим его по пути; где хватит для двоих, там и третьему найдется.

— Да, но в таком случае нас уже четверо!

— Ну, а куры на что? Вы думаете, у них задница зашита? Мы приготовим яичницу.

— Идет, Ватрен, я дарю себе день свободы; согласен на вино из Луаре, телятину и яичницу.

— Не говоря уж о хорошей чашке кофе. И молоко попробуете.

— Хорошо, Ватрен, идем.

— Пойдем!.. Ну, Причард, нигедяй!

— Что еще случилось?

— У меня из-за него трубка погасла! Еще один такой воспитанник, как он, и — слово Ватрена — я совсем одурел бы от них обоих.

Ватрен, достав кремень и трут, высек огонь, снова раскурил трубку, и мы тронулись в путь.

Не успели мы пройти и двадцати шагов, как Мишель тронул меня за локоть.

Я посмотрел на него: он сделал мне знак оглянуться.

Причард наполовину высунулся из-за угла стены, за которой

он прятался.

Он смотрел, что мы делаем и, вероятно, пытался отгадать наши мысли.

— Не показывайте, что заметили его, — посоветовал Мишель, — и он последует за нами.

Я притворился, что не вижу Причарда, и он в самом деле последовал за нами.

На станции Везине к нашей компании присоединился Корреж.

Хотите, милые читатели, взглянуть на прекрасного гребца и познакомиться со славным малым? Возьмите на Сен-Жерменской железной дороге билет до Везине и на станции спросите Коррежа.

Славный малый, он — я вам могу в этом поручиться — предоставит себя в полное ваше распоряжение.

Прекрасный гребец, он поднимется с вами по Сене до Сен-Клу, а если вы его уговорите — до самого Парижа.

Мы пришли к Ватрену. Перед тем как войти, я обернулся и увидел Причарда, благоразумно державшегося на расстоянии в две сотни шагов.

Я зна́ком выразил Мишелю свое удовлетворение, и мы вошли в дом.

— Жена, — позвал Ватрен, — завтракать!

Госпожа Ватрен испуганно взглянула на нас.

— Ах, Боже мой! — произнесла она.

— Ну, что?.. — продолжал Ватрен. — Нас четверо? Так неси четыре бутылки вина, яичницу из двенадцати яиц, кусок телятины, чашку кофе каждому, и все будет чудесно.

Госпожа Ватрен вздохнула; дело было не в том, что этой превосходной женщине нас показалось слишком много, просто она боялась, что у нее не хватит еды.

— Ну-ну, вздыхать будем завтра! — сказал Ватрен. — Живо накрывай на стол! Мы торопимся.

Стол был в один миг накрыт, и на нем выстроились четыре бутылки вина из Луаре.

Послышалось шипение масла в сковородке.

— Попробуйте-ка это вино, — предложил Ватрен, наливая мне полный стакан.

— Ватрен, Ватрен, — ответил я ему, — что это вы делаете, черт возьми?

— Да, правда, я и забыл, что в этом вы похожи на генерала: он не пил ничего, кроме воды; иногда, случайно, когда очень уж разойдется, выпивал стакан разбавленного вина; тем не менее, один раз мой отец дал ему стакан чистого вина; смотрите, вот он, этот позолоченный стакан, стоит на камине. Господин Корреж, вы

еще не видели этот стакан, не правда ли? Так вот, это стакан генерала. Бедный генерал!

Затем, повернувшись ко мне, Ватрен продолжал:

— Ах, если бы он видел, как вы пишете книги и как вы стреляете, он был бы очень доволен.

Теперь настал мой черед вздохнуть.

— Ну вот, я сделал глупость, — сказал Ватрен. — Я же знаю, как на вас действует, когда я говорю о генерале; но, как хотите, а я не могу не говорить о нем. Это был человек… Проклятье!.. Так! Вот моя трубка и разбилась.

В самом деле, Ватрен, желая придать выразительности своим словам, попытался скрипнуть зубами, и на этот раз откусил мундштук своей трубки у самой головки.

Головка упала на пол и разбилась вдребезги.

— Проклятье!.. — повторил Ватрен. — Так хорошо обкуренная трубка!

— Что ж, Ватрен, вы обкурите другую.

— Сразу видно, что вы не курите, — ответил Ватрен. — Если бы вы курили, так знали бы, что трубке надо не меньше шести месяцев, пока у нее появится хоть какой-то вкус. Вы курите, господин Корреж?

— Еще бы! Только я курю сигары.

— Ну, так вы не знаете, что такое трубка.

Ватрен открыл шкаф и взял оттуда трубку, обкуренную почти так же, как та, которую он только что имел несчастье утратить.

— Так! — заметил я. — Да у вас есть запас, милый мой Ватрен.

— Да, — сказал он. — У меня таких десять или двенадцать в разных стадиях; но все равно, та была самая любимая!

— Не будем больше о ней говорить, Ватрен: о непоправимых несчастьях следует забывать.

— Вы правы. Попробуйте-ка это вино, и посмотрите его на свет: ясное, как рубин. За ваше здоровье!

— За ваше здоровье, Ватрен.

И, ответив на тост, я осушил стакан.

VIII
НОВЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ ПОЙНТЕРА ПРИЧАРДА

Едва я успел допить свой стакан, как раздались яростные крики.

— Ах, вор! Ах, разбойник! Ах, подлец! — кричала в кухне г-жа Ватрен.

— Огонь! — произнес Мишель.

Не успел Мишель сказать «Огонь!», как стакан Ватрена полетел со всей силой, какая была в моей двуглавой и дельтовидной мышцах.

Послышался жалобный визг.

— А, на этот раз хозяин не промахнулся, да? — засмеялся Мишель.

— В чем дело? — спросил Корреж.

— Готов биться об заклад — это снова нигедяй Причард, — сказал Ватрен.

— Бейтесь, Ватрен, бейтесь! Вы выиграете! — ответил я ему и выбежал во двор.

— Только бы это оказалась не телятина! — побледнев, вскричал Ватрен.

— Это как раз телятина, — ответила появившаяся на пороге г-жа Ватрен. — Я положила ее на подоконник, и этот негодник Причард ее унес.

— Что ж, — сказал я, вернувшись с куском телятины в руке, — я вам принес ее назад.

— Так это в него вы бросили стакан?

— Да, — ответил Мишель, — и стакан не разбился. Ах, сударь, вот это ловко!

В самом деле, стакан, ударив Причарда в плечо, упал на траву и не разбился.

Но удар был достаточно сильным для того, чтобы заставить Причарда взвизгнуть.

Для того чтобы взвизгнуть, Причарду пришлось открыть пасть.

Открыв пасть, он выронил кусок телятины.

Кусок телятины упал на свежую траву.

Я подобрал его и принес.

— Ну-ну, успокойтесь, госпожа Ватрен, — утешал я, — мы позавтракаем…

Подобно Аяксу, я собирался прибавить: «Невзирая на волю богов!»

Но эта фраза показалась мне слишком высокопарной, и я удовольствовался тем, что закончил:

— … назло Причарду.

— Как, вы станете есть эту телятину? — спросила г-жа Ватрен.

— Я думаю! — ответил Мишель. — Надо только срезать то место, где есть следы зубов; ни у кого нет такой здоровой пасти, как у собаки.

— Это правда, — подтвердил Ватрен.

— Правда! Это значит, сударь, что, если вы случайно поранились, надо только дать полизать рану вашей собаке: ни один пластырь не может сравниться с собачьим языком.

— Если только собака не бешеная.

— Ну, это другое дело; но если бы вас укусила бешеная собака, следовало бы взять заднюю часть лягушки, печень крысы, язык…

— Хорошо, Мишель! Если когда-нибудь я окажусь укушенным, обещаю прибегнуть к вашему средству.

— Это все равно, как если бы вас когда-нибудь ужалила гадюка… Вам случалось видеть их в лесу Везине, господин Ватрен?

— Никогда.

— Тем хуже, потому что, если бы вас когда-нибудь ужалила гадюка, вам надо было бы только…

— … натереть ранку щелочью, — прервал я его, — и выпить пять-шесть капель той же щелочи, разбавив их водой.

— Да; но если вы будете находиться в трех или четырех льё от города, где вы найдете щелочь? — спросил Мишель.

— Ну? — сказал Корреж. — Где вы ее найдете?

— Это правда, — раздавленный этими доводами, я опустил голову, — не знаю, где бы я мог ее взять:

— Ну, так как же поступили бы вы, сударь?

— Я поступлю по примеру древнеегипетских заклинателей змей и для начала пососу ранку.

— А если она будет на таком месте, которое вы не сможете сосать… например на локте?

Не поручусь, что Мишель сказал именно «на локте», но я совершенно уверен, что он назвал такое место, которое я не смог бы пососать, какой бы гибкостью тела ни одарило меня Провидение.

Я был раздавлен еще сильнее, чем в первый раз.

— Так вот, вам надо было бы всего-навсего поймать гадюку,

разбить ей голову, вспороть брюшко, достать желчь и потереть ею… это место; через два часа вы были бы здоровы.

— Вы уверены, Мишель?

— Еще бы я был не уверен: мне сказал это господин Изидор Жоффруа Сент-Илер в последний раз, как я ходил за яйцами в Ботанический сад; вы не можете сказать, что он не ученый!

— О нет, Мишель, можете быть спокойны, этого я не скажу.

Мишель знает множество средств, одно лучше другого, почерпнутых им из различных источников. Должен признаться, что не все его источники столь же почтенны, сколько последний, названный им.

— Готово! — произнес Корреж.

Это означало, что телятина подверглась операции и теперь со всех четырех сторон у нее была аппетитная розоватая мякоть, с которой совершенно исчез всякий след зубов Причарда.

За телятиной появилась яичница: толстая, хорошо подрумяненная, чуть сопливая яичница.

Простите меня, прекрасные читательницы; но ваша кухарка — если только она умеет жарить яичницу, в чем я сомневаюсь, — скажет вам, что «сопливая» — именно то слово, какое требуется, и что в словаре Бешереля, в котором на десять тысяч слов больше, чем в Академическом, другого не найти.

Далее, не сердитесь из-за того, что я усомнился в умении вашей кухарки готовить яичницу.

Она у вас искусная повариха?

Еще один довод в мою пользу! Яичница — блюдо служанок, фермерш, крестьянок, а не искусных поварих! Именно яичницу и фрикасе из цыпленка я заставляю приготовить своего повара или свою кухарку, когда испытываю их.

«Но кто же ест яичницу?»

О, как вы ошибаетесь, прекрасные читательницы! Откройте Брийа-Саварена, статью «Яичница», и прочтите параграф, озаглавленный «Яичница с молоками карпа».

Яичница! Спросите подлинных гурманов, что такое яичница.

Я заставил бы своего учителя игры на скрипке пройти десять льё ради того, чтобы съесть яичницу с легким бульоном из креветок и салат со шпиком.

«Так вы учились играть на скрипке?»

«Как учился ли я играть на скрипке?.. Три года — читайте мои “Мемуары”».

«Но мне не приходилось слышать, чтобы вы играли на скрипке».

«Я и не играю; но это не мешает тому, что я учился играть на скрипке; читайте мои “Мемуары”».

«Надо было проявить упорство».

«О, я не господин Энгр и не Рафаэль, чтобы обладать подобного рода упорством».

Вернемся, наконец, к яичнице г-жи Ватрен: она была превосходна. Мы позвали эту славную женщину, чтобы выразить ей свое восхищение, но она слушала нас рассеянно и постоянно озиралась кругом.

— Что ты ищешь? — спросил Ватрен.

— Что я ищу… я ищу… — пыталась ответить г-жа Ватрен. — Это удивительно!

— Скажи, что ты ищешь?

— Я ищу… В конце концов, я ее видела, я же ее держала всего десять минут назад!

— Что ты видела? Что ты держала? Говори же.

— Я же ее наполнила сахаром.

— Ты ищешь свою сахарницу?

— Да, мою сахарницу.

— Что ж, — сказал Корреж, — в этом году столько мышей развелось!

— А ведь это не слишком полезно для мышей — есть сахар, — заметил Мишель.

— Правда, Мишель?

— Ну, конечно; вы знаете, что мышь, которая питается одним сахаром, слепнет.

— Да, Мишель, мне это известно; но в этом случае не следует обвинять мышей. Можно предположить, что мыши съели сахар, но они не стали бы есть сахарницу.

— Как знать, — сказал Корреж.

— А из чего была сахарница? — спросил Мишель.

— Фарфоровая, — ответила г-жа Ватрен. — Да, фарфоровая. Великолепная сахарница; я выиграла ее на ярмарке.

— Когда это было?

— В прошлом году.

— Госпожа Ватрен, — предложил Корреж. — Я выиграл другой предмет утвари; если хотите, я подарю вам его взамен вашей сахарницы — им еще не пользовались.

— Это прекрасно, — продолжала г-жа Ватрен, — но что все же могло случиться с моей сахарницей?

— А куда ты ее поставила? — поинтересовался Ватрен.

— Я поставила ее на подоконник.

— Ага!.. — воскликнул Мишель, словно его озарила внезапная мысль, и вышел из комнаты.

Через пять минут он вернулся; перед собой Мишель гнал Причарда, на котором была в виде намордника надета сахарница.

— Вот вам кое-кто, — сказал он, — поплатившийся за свои грехи.

— Как, это он взял сахарницу?

— Сами видите, раз она и сейчас на нем. О, он не довольствуется одним кусочком сахара: ему еще и сахарница понадобилась.

— Понимаю, вы привязали сахарницу к его морде…

— Нет, она держится сама по себе.

— Сама по себе?

— Да, взгляните получше.

— Так что же, у этого разбойника кончик носа намагничен?

— Это не так; он, понимаете ли, сунул нос в сахарницу, которая у донышка шире, чем у отверстия, потом разинул пасть, затем набрал в нее сахар; в это время появился я; он хотел закрыть пасть, но кусочки сахара помешали этому; он хотел вытащить морду, но не смог, поскольку пасть была открыта. Господин Причард попался, как ворон в рожок; он останется в таком виде, пока сахар не растает.

— О, все равно, господин Дюма, — сказала г-жа Ватрен, — согласитесь, что у вас ужасная собака, и лучше бы тот, кто подарил вам ее, оставил ее себе.

— Хотите ли вы, чтобы я признался вам кое в чем, дорогая госпожа Ватрен? — ответил я. — Я начинаю придерживаться вашего мнения.

— Странно, — произнес Ватрен, — но меня все это, напротив, привязывает к нему; я думаю, мы что-нибудь из него сделаем.

— И вы правы, папаша Ватрен, — согласился Корреж, — у всех великих людей были огромные недостатки, и, покинув коллеж, они заставляют говорить о себе не в связи с почетными наградами.

Тем временем сахар растаял и, как предсказывал Мишель, Причард без посторонней помощи избавился от своего намордника.

Но из страха перед новыми бедствиями Мишель обвязал один конец своего носового платка вокруг шеи Причарда, а другой обернул вокруг кисти своей правой руки.

— Ну, давай другой сахар, — сказал Ватрен. — Выпьем кофе и пойдем испытаем этого шутника.

Мы выпили кофе, далеко превосходивший все, что Ватрен мог нам о нем сказать, и повторили вслед за хозяином дома:

— Пойдем испытаем этого шутника!

IX
ГЛАВА, В КОТОРОЙ ПРИЧАРД ПОБЕЖДАЕТ СИЛУ С ПОМОЩЬЮ ХИТРОСТИ

Перед тем как выйти из дома, Ватрен позаботился о том, чтобы заменить носовой платок Мишеля смирительным ошейником.

Знаете ли вы, что такое смирительный ошейник?

Я спрашиваю об этом не вас, милые мои читатели, но прекрасных своих читательниц.

«Нет».

«Случалось ли вам видеть на шее у злой и драчливой собаки мясника ошейник, утыканный гвоздями острием наружу; его надевают для того, чтобы противники такой собаки не смогли схватить ее за шиворот?»

«Да».

«Так вот, это защитный ошейник».

Чтобы превратить защитный ошейник в смирительный, вам надо всего лишь вывернуть его остриями гвоздей внутрь.

К этому ошейнику дрессировщик собак прилаживает веревку и с ее помощью удерживает собаку в двадцати шагах от себя.

Это называется охотиться под ружейным дулом.

Пока веревка не натянулась, острия гвоздей только приятно щекочут шею животного.

Но стоит ему увлечься, как веревка сильно натягивается, гвозди немедленно впиваются ему в горло, и тогда животное останавливается, издав более или менее пронзительный вопль — смотря по тому, насколько глубоко вошли в него гвозди.

Редко бывает, чтобы собака, остановленная сотню раз таким способом, не поняла цели этого наказания — помешать ей убегать от хозяина.

Ее постепенно отучают от этого.

Сначала веревку оставляют волочиться, привязав поперек палку длиной в восемь или десять дюймов; палка цепляется за кустарники, клевер или люцерну, мешая животному бежать, и оно понимает, что ведет себя неправильно.

Затем оставляют веревку волочиться без палки.

Это второй период воспитания. Препятствие уменьшено, и животное испытывает менее острую боль.

После этого веревку снимают, оставив лишь ошейник,

который доставляет ему ощущение щекотки, о каком мы говорили; эта щекотка, не будучи неприятной сама по себе, только напоминает о том, что ошейник есть, что ошейник на месте, что этот дамоклов меч продолжает угрожать собаке.

Наконец ошейник снимают с тем, чтобы снова надевать его на собаку в особых случаях — воспитание совсем или почти совсем закончено.

Именно через это страшное испытание и должен был пройти Причард.

Судите сами, какое унижение для пойнтера, привыкшего носиться в трех сотнях шагов от хозяина, быть принужденным охотиться под ружейным дулом!

В глубине души я был убежден, что Причард никогда с этим не смирится.

Ватрен уверял, что заставлял покориться и более упрямых собак.

Мишель осторожно повторял:

— Надо поглядеть.

Вскоре мы это увидели.

Встретив на пути первое же дерево, Причард сделал три круга около ствола и остановился.

— Видели ли вы такую тварь? — спросил Ватрен.

И, сделав столько же оборотов, сколько сделал Причард, он распутал его.

Мы продолжили путь.

Встретив на пути второе дерево, Причард снова сделал три оборота вокруг ствола и опять оказался привязанным.

Только теперь, вместо того чтобы сделать три оборота вправо, как в первый раз, Причард сделал три оборота влево.

Сержант-инструктор национальной гвардии не смог бы с большей точностью командовать строевыми учениями.

Правда, его люди, вероятно, исполнили бы его команды с меньшей ловкостью.

— Дважды тварь! — сказал Ватрен.

И Ватрен, как и в первый раз, сделал три круга в обратную сторону около второго дерева и освободил Причарда.

С третьим деревом Причард поступил таким же образом.

— Трижды тварь! — сказал Ватрен.

Мишель засмеялся.

— Ну, что такое? — спросил Ватрен.

— Да вы же видите, он делает это нарочно, — ответил Мишель.

Я, как и Мишель, начинал в это верить.

— Как это делает нарочно?

Ватрен взглянул на меня.

— Ей-Богу, боюсь, что Мишель прав, — сказал я ему.

— Ничего себе! — воскликнул Ватрен. — Ну, смотри у меня!

Ватрен достал из кармана свой хлыст.

Причард смиренно улегся, словно русский крепостной, приговоренный к наказанию кнутом.

— Что делать? Стоит ли отколотить этого нигедяя?

— Нет, Ватрен, это бесполезно, — ответил я.

— Но тогда!.. Но тогда!.. Но тогда!.. — закричал доведенный до отчаяния Ватрен.

— Тогда следует предоставить животное его инстинкту; вы не привьете пойнтеру достоинств брака.

— Значит, вы считаете, что его надо отпустить?

— Отпустите его, Ватрен.

— Ну, беги, бродяга! — сказал Ватрен, сняв веревку.

Едва Причард почувствовал себя на свободе, как, не кружась вокруг какого бы то ни было дерева, скрылся в чаще, с опущенным к земле носом и с развевающимся по ветру султаном.

— Что ж, — сказал я. — Вот он и убежал, этот плут.

— Поищем его, — предложил Мишель.

— Поищем его, — повторил Ватрен, качая головой, как человек, слабо убежденный в истине евангельского утверждения: «Ищите, и найдете».

Тем не менее мы отправились на поиски Причарда.

X
КАРМАН ДЛЯ КРОЛИКОВ

В самом деле, нам ничего не оставалось, как искать Причарда, и вполне возможно, что вы разделите мнение Мишеля на этот счет.

Мы искали Причарда, не переставая свистеть и звать этого бродягу, как называл его достойный лесник.

Поиск продолжался добрых полчаса, поскольку Причард остерегался откликаться на наш свист и наши призывы.

Наконец Мишель, который шел в тридцати шагах от меня по прямой, остановился.

— Сударь! — сказал он. — Сударь!

— Ну, что там, Мишель?

— Смотрите, ой, смотрите же!

У меня, вероятно, не было таких серьезных оснований для того, чтобы молчать и не двигаться, подобно Причарду, поэтому я без всяких возражений ответил на призыв Мишеля.

Стало быть, я направился к нему.

— Ну, что случилось? — спросил я.

— Ничего, только взгляните.

И Мишель вытянул руку вперед.

Взглянув в указанном направлении, я заметил Причарда, неподвижного, словно знаменитая собака Кефала, о которой я имел честь беседовать с вами.

Его голова, спина и хвост образовали совершенно застывшую прямую линию.

— Ватрен, — позвал я в свою очередь. — Идите-ка сюда.

Ватрен подошел.

Я показал ему Причарда.

— Так! — сказал он. — Думаю, он делает стойку.

— Черт возьми! — воскликнул Мишель.

— Над кем он делает стойку? — спросил я.

— Пойдем посмотрим, — ответил Ватрен.

Мы приблизились. Ватрен столько же раз обошел Причарда кругом, сколько Причард обходил вокруг деревьев.

Причард не шевельнулся.

— Хоть бы что, — сказал Ватрен. — Вот это жесткая стойка.

Затем, махнув мне рукой, он продолжал:

— Подойдите.

Я подошел.

— Смотрите сюда… Видите что-нибудь?

— Ничего не вижу.

— Как, вы не видите кролика в норе?

— О да, конечно, вижу!

— Проклятье! — воскликнул Ватрен. — Будь у меня палка, я убил бы его, чтобы приготовить вам фрикасе.

— О, если дело только за этим, — сказал Мишель, — так вырежьте себе палку!

— Ну да! Тем временем Причард нарушит свою стойку.

— Нечего бояться: за него я отвечаю; разве что кролик убежит…

— Я вырежу палку, — решил Ватрен, — хотя бы для того, чтобы посмотреть.

И Ватрен стал вырезать пачку.

Причард не двигался; он только временами косился в нашу сторону своим горчичным глазом, блестевшим, словно топаз.

— Терпение, терпение, — говорил Мишель пойнтеру. — Ты же видишь, что господин Ватрен вырезает палку.

И Причард, взглядывая на Ватрена, казалось, понимал; затем, поворачивая голову в прежнее положение, снова застывал в неподвижности.

Ватрен вырезал себе палку.

— Вы успеете отрезать ветки, — сказал Мишель.

Ватрен отрезал ветки.

Затем он осторожно приблизился, примерился и бросил свою палку в середину куста травы, где лежал кролик.

В тот же миг мы увидели белое брюшко несчастного зверька, колотившего по воздуху всеми четырьмя лапками.

Причард хотел было броситься на кролика; но Ватрен был рядом и после недолгой борьбы сила осталась на стороне закона.

— Положите-ка этого молодца себе в карман, Мишель, — вот и обещанное фрикасе.

— Славная у него спина, — заметил Мишель, низвергая кролика в пропасть между подкладкой и сукном своего сюртука.

Бог знает, сколько кроликов повидал этот карман!

Ватрен искал Причарда, чтобы поздравить его.

Причард исчез.

— Где же он, черт возьми? — спросил Ватрен.

— Где? — повторил Мишель. — Нетрудно догадаться: ищет другого кролика.

Так оно и было; мы стали искать Причарда.

Через десять минут мы на него наткнулись.

— Прямо скала! — сказал Мишель. — Смотрите.

В самом деле, Причард так же добросовестно делал стойку, как и в первый раз.

Ватрен подошел к нему.

— Вот и кролик, — сказал он.

— Ну, давайте, Ватрен, на этот раз у вас есть готовая палка.

Палка взлетела и, почти тотчас же опустившись, со свистом рассекла терновый куст.

Затем Ватрен, погрузив в куст руку, вытащил оттуда второго кролика, держа его за уши.

— Возьмите, Мишель, — сказал он. — Положите его в другой карман.

Мишель не заставил себя упрашивать, только он положил добычу в тот же карман.

— Но, Мишель, почему не в другой, как сказал вам Ватрен?

— Ах, сударь! — ответил Мишель. — В каждом из них по пять таких поместится.

— Мишель, не стоит говорить подобных вещей в присутствии должностного лица.

Затем, повернувшись к Ватрену, я продолжил:

— Ну, Ватрен, число «три» угодно богам.

— Возможно, — согласился Ватрен. — Но оно может оказаться неугодным господину Герену.

Господин Герен был инспектором.

— Впрочем, все это излишне, — сказал я. — Вы знаете теперь Причарда?

— Как если бы сам его сделал, — ответил Ватрен.

— Ну, и что вы о нем скажете?

— Конечно, для охоты под ружейным дулом это была бы слишком буйная собака, но что касается стойки — он ее держит твердо.

— Куда он подевался? — спросил я у Мишеля.

— О, он, должно быть, нашел третьего кролика.

Поискав, мы в самом деле обнаружили Причарда, делающего стойку.

— Ей-Богу, — сказал Ватрен, — мне было бы любопытно узнать, сколько времени он продержится.

И Ватрен извлек свои часы.

— Что ж, Ватрен, — предложил я ему, — вы здесь находитесь при исполнении обязанностей, так позвольте себе эту прихоть, но я жду гостей, отпустите меня домой.

— Идите, идите, — ответил Ватрен.

Мы, Мишель и я, отправились обратно на виллу Медичи.

Обернувшись в последний раз, я увидел, как Ватрен надевает на шею Причарду строгий ошейник, а Причард, похоже, даже не замечает, чем занят лесник.

Через час в дом вошел Ватрен.

— Двадцать семь минут! — крикнул он, едва увидев меня издали. — И, если бы кролик не убежал, пес до сих пор оставался бы на месте.

— Ну, Ватрен, что вы об этом скажете?

— Я же говорю, что стойка у него хорошая.

— Да, это уже известно. Но чему вам остается его научить?

— Одной вещи, которой вы сами обучите его не хуже, чем я, одному пустяку: приносить. Вы играючи научите его этому. Здесь нет необходимости во мне.

— Слышите, Мишель?

— О, это уже сделано, сударь, — ответил Мишель.

— Как сделано?

— Ну да, он приносит, словно ангел.

Этот ответ не дал мне достаточно ясного представления о том, как именно приносил Причард.

Но Мишель бросил ему свой носовой платок, и Причард принес платок.

Но Мишель бросил ему одного из двух кроликов Ватрена, и Причард принес кролика Ватрена.

Наконец Мишель отправился в курятник, принес оттуда яйцо и положил его на землю.

Причард принес яйцо, как приносил перед тем кролика и платок.

— Это животное умеет делать все, что ему положено уметь, — сказал Ватрен, — и ему недостает только практики.

— Что ж, Ватрен, второго сентября вы услышите от меня о Причарде.

— Подумать только, — сказал Ватрен, — что если бы вот этакого нигедяя заставить охотиться под ружейным дулом, за него вполне можно было бы отдать пятьсот франков как один лиар.

— Это верно, Ватрен, — согласился я, — но забудьте об этом: Причард никогда не согласится.

В это время явились гости, которых я ждал, и Ватрен, одним из основных достоинств которого была скромность, удалился и тем самым положил конец нашей беседе, какой бы интересной она ни была.

XI
ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЛ СОБОЙ МУТОН

Поговорим о том, что это были за гости, прервавшие важный разговор, происходивший между Мишелем, Ватреном и мной по поводу Причарда.

Это был Маке (только что пополнивший население моего обезьяньего дворца последним из Ледмануаров); с ним я в то время писал «Шевалье де Мезон-Ружа».

Это был де Фиенн, один из добрейших людей, каких я знаю, когда он не считает себя обязанным иметь литературное суждение.

Это была Атала Бошен, так прелестно исполнившая роль Энн Дэмби в «Кине»; она должна была с чувством сыграть Женевьеву в «Жирондистах».

Наконец, это был мой сын.

Я принял своих гостей, предоставив в их распоряжение весь дом от подвала до чердака, конюшню с четырьмя лошадьми, каретный сарай с тремя каретами, сад с курятником, обезьяньим дворцом, птичником, оранжереей, игрой в бочку и цветами.

Себе я оставил лишь маленький домик с цветными стеклами (я приладил к его стене стол, и летом он служил мне рабочим кабинетом).

Я предупредил своих гостей о новом обитателе дома по кличке Мутон и о том, что не следует слишком доверяться этому имени, известному мне в отличие от нрава его обладателя: он мне неведом.

Я показал его им: он сидел в аллее, качая головой, словно белый медведь, и глаза его сверкали красным пламенем, словно два карбункула.

Впрочем, до тех пор, пока с ним не искали ссоры, Мутон оставался совершенно безобидным.

Я поручил Александру показать гостям все.

Сам же я не мог развлекаться: мне надо было сочинить три фельетона.

Вовсе не хочу сказать, что сочинение фельетонов не забавляет меня, но, сочиняя их, я развлекаюсь не так, как прочие люди, их не сочиняющие.

Гости разбрелись по саду, и каждый выбрал, в соответствии со своими прихотями: кто обезьян, кто — птичник, одни отправились в оранжерею, другие — к курам.

На мне был охотничий костюм, и я поднялся к себе в

спальню, чтобы переоблачиться в одежду одновременно и хозяина дома и труженика.

Если это может вас заинтересовать, знайте, что летом и зимой я работаю без жилета и сюртука, в брюках со штрипками, домашних туфлях и рубашке.

Единственное различие, какое вносит в мой костюм смена времен года, касается ткани моих брюк и моей рубашки.

Зимой на мне суконные брюки, летом — канифасовые. Зимой я ношу полотняную рубашку, летом — батистовую.

Итак, десять минут спустя я сошел вниз в батистовой рубашке и канифасовых брюках.

— Что это означает? — спросила Атала Бошен.

— Это мой отец, я дал обет одевать его во все белое, — ответил Александр.

Пройдя сквозь строй восклицаний, я добрался до своего рабочего павильона.

В то время я писал «Бастарда де Молеона», и, поскольку мой сосед Шалламель подарил мне Мутона как раз тогда, когда я начинал роман, мне пришла в голову мысль прославить Мутона, предоставив ему сыграть роль в моей новой книге.

По-прежнему используя метод Вальтера Скотта, я начал с того, что описал Мутона под именем Алана, подарив его дону Фадрике, брату дона Педро.

Вот портрет Алана, который избавит меня от необходимости изображать Мутона.

> *«Вслед за ними большими прыжками выбежал крупный, но резвый пес, из тех, что сторожат стада в горах, с заостренной, как у медведя, мордой, с горящими, как у рыси, глазами, с выносливыми, как у лани, ногами. Он был покрыт длинной шелковой попоной, отливавшей на солнце серебром; на шее у него был широкий, украшенный рубинами золотой ошейник с маленьким, тоже золотым колокольчиком; свою радость он выражал прыжками, в которых угадывались две цели — явная и скрытая. Видимой была белоснежная лошадь, укрытая просторной попоной из багряной парчи; она ржала, словно вторя игривым прыжкам пса; незримым, вероятно, был какой-нибудь вельможа, еще не сошедший с парадного крыльца, куда нетерпеливо убегал пес, чтобы через несколько секунд снова, весело прыгая, появиться у ступеней лестницы.*
>
> *Наконец, тот, ради кого ржала лошадь и прыгал пес, тот, в чью честь народ кричал “Вива!”, появился на верху*

лестницы, и тысячи голосов слились в один возглас:
— Да здравствует дон Фадрике!»[4]

Если вы, милые читатели, хотите знать, кто такой был дон Фадрике, вам следует прочесть «Бастарда де Молеона».

Я обещал сказать вам только одно: что представлял собой Мутон.

Теперь вам это известно.

Последуем же за новым персонажем, который нам встретился, понятия не имея о том, куда он нас заведет.

На железной дороге это называется «побочной линией», а применительно к поэме и роману — «вводным рассказом».

Создателем вводного рассказа был Ариосто.

Я хотел бы сказать вам, кто изобрел побочную линию.

К несчастью, я этого не знаю.

XII
ГЛАВА, В КОТОРОЙ АВТОР ПОЗВОЛЯЕТ ПРЕДУГАДАТЬ РАЗВЯЗКУ

Только сейчас я сказал вам: «Теперь вам известно, что представлял собой Мутон».

Я ошибался: вы этого не знаете.

Вам знаком его внешний облик, это так; но что значит внешность!

Важен духовный облик.

Если бы для того чтобы понять людей, довольно было знать их внешне, то в таком случае, когда Сократ говорил своим ученикам: «Первое правило мудрости таково: познай самого себя», его ученикам достаточно было бы просто-напросто посмотреться в стальное зеркало; они увидели бы у себя рыжие или каштановые волосы, голубые или черные глаза, светлую или смуглую кожу, впалые или толстые щеки, тонкий или округлый стан, и, увидев все это, они познали бы себя!

Но Сократ своим знаменитым «γνωυι σεαυτόν»[5] хотел сказать совсем другое; он хотел сказать: «Сойди в глубину своей души, исследуй свою совесть и узнай, чего ты стоишь в нравственном отношении. Тело — всего лишь оболочка души, ножны меча».

До сих пор вы знали лишь оболочку Мутона, вы знали только ножны потомка Алана.

Да и знали вы их плохо.

Я показал вам Алана в золотом ошейнике, украшенном рубинами, с колокольчиком из того же металла; такая роскошь, как вы прекрасно понимаете, хороша для собаки королевского брата, но пес, принадлежащий романисту или драматургу, не имеет права на подобные знаки отличия.

Итак, у Мутона не было золотого ошейника, украшенного рубинами; у него не было даже железного, даже кожаного ошейника.

Внеся эту поправку, перейдем к характеру Мутона.

Его характер довольно трудно поддавался определению. На первый взгляд Мутон скорее внушал симпатию, нежели казался желчным и нервным сангвиником; он был медлителен в движениях и угрюм. Я попытался расспросить Шалламеля о прошлой жизни пса, но он удовольствовался тем, что ответил

мне:

— Постарайтесь для начала, чтобы Мутон привязался к вам, и тогда вы увидите, на что он способен.

Это вызвало у меня некоторое недоверие к прошлому Мутона; но, к несчастью, недоверие как нельзя менее свойственно моему характеру; итак, я постарался привязать к себе Мутона.

С этой целью я откладывал для него кости за каждым завтраком и каждым обедом, а после еды сам относил их ему.

Мутон грыз свои кости со зверским и вместе с тем мрачным аппетитом; но все мои знаки внимания не заслужили для меня с его стороны хотя бы незначительной ласки.

По вечерам, отправляясь прогуляться по общеизвестной террасе в Сен-Жермене, я брал с собой Мутона, желая немного развеять его сплин; но, вместо того чтобы бегать и скакать подобно другим собакам, он плелся за мной, понурив голову и повесив хвост, словно собака бедняка, провожающая траурные дроги хозяина.

Однако стоило кому-нибудь заговорить со мной, как Мутон издавал глухое рычание.

— Ой, что это с вашим псом? — спрашивал мой собеседник.

— Не обращайте внимания: это он ко мне привыкает.

— Да; но, похоже, он не привыкает к другим людям.

Более опытные физиономисты прибавляли:

— Берегитесь! У этого малого нехороший взгляд.

Затем, если знание физиогномики сочеталось у них с осторожностью, они быстро удалялись, спросив:

— Как его зовут, вашего пса?

— Мутон.

— Ну ладно, прощайте, прощайте… Осторожнее с Мутоном!

Обернувшись, я говорил:

— Слышишь, Мутон, что о тебе сказали?

Но Мутон не отвечал.

Впрочем, за ту неделю, что он был моим сотрапезником, я ни разу не слышал, чтобы Мутон залаял.

Когда же вместо собеседника ко мне приближалась собака собеседника (вернее, она приближалась к Мутону с учтивым намерением по-собачьи с ним поздороваться), Мутон рычал на нее как на человека, но вслед за этим немедленно и стремительно щелкал зубами.

Если собака, против которой был направлен этот выпад, находилась в пределах досягаемости для Мутона — горе ей! Такая собака до конца своих дней оставалась хромой.

Если же ей удавалось быстрым движением, хитростью или бегством ускользнуть от страшных зубов и эти зубы хватали

пустоту, челюсти Мутона смыкались со скрежетом, напоминавшим тот, что издают ожидающие пищи львы г-на Мартена.

На следующий день после моей третьей прогулки с Мутоном я получил официальное распоряжение мэра Сен-Жермена.

Он предлагал мне купить цепь и надевать ее на шею Мутону, когда я иду с ним гулять.

Я немедленно послал купить цепь, чтобы, как послушный подчиненный, исполнить муниципальное распоряжение.

Только Мишель все время забывал купить ошейник.

Вы увидите, каким образом забывчивость Мишеля, вероятно, спасла мне жизнь.

XIII
КАК Я СОБЛАЗНИЛСЯ ЗЕЛЕНОЙ МАРТЫШКОЙ И ГОЛУБЫМ АРА

Из всего, что вы прочли в предыдущей главе, следует: характер Мутона остался для меня если не совсем неизвестным, то, по меньшей мере, темным, а та часть, которой он дал проявиться, рисовала его отнюдь не в розовом свете.

К двум часам пополудни дело обстояло так: Мутон выкапывал из земли георгин Мишеля (тот в качестве садовника пытался вырастить голубой георгин), мой сын курил в гамаке папиросу, а Маке, де Фиенн и Атала дразнили Мисуфа, приговоренного к пяти годам заключения в обезьяннике за убийство при смягчающих вину обстоятельствах.

Мы просим наших читателей простить нас за то, что отдаляем развязку, позволив ее предугадать, но думаем, что пришло время сказать несколько слов о мадемуазель Дегарсен, Потише, последнем из Ледмануаров и о каторжнике Мисуфе.

Мадемуазель Дегарсен была самка мартышки самой мелкой разновидности. Место ее рождения неизвестно; но, если положиться в этом вопросе на классификацию Кювье, она, должно быть, родилась на древнем континенте.

Она попала ко мне самым простым способом.

Я совершил небольшую поездку в Гавр — с какой целью, мне было бы очень трудно сказать, — я поехал в Гавр, возможно, лишь для того чтобы увидеть море. Оказавшись в Гавре, я ощутил потребность вернуться в Париж.

Только из Гавра никто не возвращается без того, чтобы что-нибудь не привезти.

Надо было решить, что именно я привезу из Гавра.

У меня был выбор между безделушками из слоновой кости, китайскими веерами и карибскими трофеями.

Ничто из этого меня совершенно не привлекало.

Я прогуливался по набережной подобно Гамлету,

Печальный, опустив руки и в роли и в жизни,

когда у двери торговца животными увидел зеленую мартышку и голубого попугая.

Мартышка просунула руку между прутьями своей клетки и схватила меня за полу сюртука.

Голубой ара вертел головой и влюбленно смотрел на меня желтым глазом, зрачок которого уменьшался и расширялся с самым нежным выражением.

Я очень чувствителен к проявлениям такого рода, и те из моих друзей, кто лучше других меня знает, уверяют: для чести моей семьи и для моей собственной — это счастье, что я не родился женщиной.

Итак, я остановился, взяв одной рукой лапку мартышки, а другой почесывая голову попугая, рискуя при этом повторением случая с ара полковника Бро (смотри в моих «Мемуарах»).

Но ничего похожего не произошло: мартышка тихонько подтянула мою руку поближе к своей мордочке, просунула язык между прутьями клетки и нежно облизала мне пальцы.

Попугай засунул голову себе между ног, блаженно полузакрыв глаза, и издал легкий сладострастный стон, не оставлявший сомнения в природе испытываемых им ощущений.

«Право же, — сказал я себе, — вот два очаровательных существа, и, если не опасаться, что с меня потребуют выкуп Дюгеклена, я поинтересовался бы их ценой».

— Господин Дюма, — спросил вышедший из лавки торговец, — вас устроят моя мартышка и мой попугай?

«Господин Дюма»! Эта лесть довершила действие ласки двух существ.

Надеюсь, в один прекрасный день какой-нибудь чародей сможет объяснить мне, каким образом мое лицо, менее других распространяемое посредством живописи, гравюры или литографии, известно и на краю света, так что везде, куда бы я ни приехал, первый же рассыльный спрашивает меня:

— Господин Дюма, куда отнести ваш чемодан?

Правда, отсутствие портрета или бюста возместили мои друзья Шам и Надар, широко прославившие меня; но в таком случае эти два предателя меня обманывали и вместо карикатуры на меня сделали мой портрет?

Помимо того неудобства, что я никуда не могу отправиться инкогнито, известность моего лица доставляет мне и другое: стоит любому торговцу прочитать в моих биографиях, что я имею обыкновение швыряться деньгами, и увидеть меня приближающимся к его магазину, как он принимает добродетельное решение продать г-ну Дюма свой товар в три раза дороже, чем прочим смертным, и это решение он, естественно, тотчас осуществляет.

В конце концов, этому горю уже ничем не поможешь.

Итак, торговец обратился ко мне с елейным видом продавца, твердо решившего сбыть вам товар, который вы еще не решили

купить: «Господин Дюма, вас устроят моя мартышка и мой попугай?»

Надо было бы заменить в слове всего две буквы, чтобы придать ему настоящий смысл: «Господин Дюма, вас расстроят моя мартышка и мой попугай?»

— Так! — ответил я. — Раз вы меня знаете, вы продадите мне вашего попугая и вашу обезьяну за двойную цену.

— О господин Дюма, как вы можете так говорить! Нет, с вас я не стану запрашивать. Вы мне заплатите… скажем…

Торговец сделал вид, что пытается вспомнить, за какую цену сам их купил.

— Вы заплатите мне сто франков.

Должен сказать, я задрожал от радости. Я не очень точно знаю рыночную цену обезьян и попугаев, но мне показалось, что сто франков за два подобных создания — неслыханно дешево.

— Только должен вам сказать, как честный человек, — продолжал торговец, — что попугай, возможно, никогда не заговорит.

В моих глазах это удваивало его стоимость. Значит, у меня будет попугай, который не прожужжит мне уши своим неизбежным «Ты покушал, Жако?».

— Ах, черт! — ответил я. — Вот это досадно.

Но как только я это сказал, мне стало стыдно за себя: я солгал, и солгал в надежде добиться скидки, тогда как торговец сказал правду, рискуя обесценить свой товар.

И, охваченный угрызениями совести, я предложил ему:

— Послушайте, я не хочу с вами торговаться, я даю вам за них восемьдесят франков.

— Берите, — без колебаний согласился торговец.

— Только давайте договоримся, — продолжал я, поняв, что меня обворовали, — восемьдесят франков за обезьяну с клеткой и попугая с жердочкой.

— Конечно, мы так не уславливались, — ответил продавец, — но я ни в чем не могу отказать вам. Вы можете похвастаться тем, что позабавили меня своим «Капитаном Памфилом». Ну, нечего сказать, — вы знаете животных, и я надеюсь, эти двое у вас не почувствуют себя несчастными. Берите клетку и жердочку.

Клетка и жердочка от силы стоили сорок су.

Как предложил продавец, я взял клетку и жердочку и, возвращаясь в гостиницу «Адмиралтейская», напоминал поддельного Робинзона Крузо.

В тот же вечер я выехал в Париж, один заняв все переднее сиденье в дилижансе до Руана.

Говоря, что занял его один, я имел в виду себя, мою

мартышку и моего попугая.

От Руана до Пуаси я добрался по железной дороге, а от Пуаси до виллы Медичи — в двухместной берлине, которую нанял в столице графства короля Людовика Святого.

XIV
КАКИМ ОБРАЗОМ Я УЗНАЛ, ЧТО ПОПУГАИ РАЗМНОЖАЮТСЯ И ВО ФРАНЦИИ

Мне нет необходимости говорить вам, что мадемуазель Дегарсен и Бюва еще не были так окрещены, поскольку я привык давать имена, прозвища и клички моим сотрапезникам, основываясь на их достоинствах или на физических и нравственных увечьях.

Они назывались просто «мартышка» и «ара».

— Скорее, скорее, Мишель! — сказал я, входя. — Вот вам клиенты.

Прибежавший Мишель принял из моих рук клетку мартышки и садок попугая, откуда его хвост торчал словно наконечник копья.

Я заменил на садок, заплатив за него три франка, жердочку, которая обошлась мне в двадцать су.

— Смотри-ка, — произнес Мишель. — Это самка сенегальской мартышки — cercopithecus saboea.

Я взглянул на Мишеля с глубочайшим изумлением.

— Что это вы сейчас сказали, Мишель?

— Cercopithecus saboea.

— Так вы знаете латынь, Мишель? Тогда вам бы надо поучить меня на досуге.

— Латыни я не знаю, но знаю свой «Словарь естественной истории».

— Ах, черт возьми! А это животное вы тоже знаете? — спросил я, вытащив попугая из его садка.

— Это? — сказал Мишель. — Еще бы мне его не знать! Это голубой ара — macrocercus ararauna. Ах, сударь, почему же вы не привезли самку вместе с самцом?

— Чего ради, Мишель, раз попугаи во Франции не размножаются?

— Вот в этом вы как раз ошибаетесь, — возразил он.

— Как, голубой ара размножается во Франции?

— Да, сударь, во Франции.

— На юге, может быть?

— Нет, сударь, для этого нет необходимости быть на юге.

— Тогда где же?

— В Кане, сударь.

— Что? В Кане?

— В Кане, в Кане, в Кане!

— Я не знал, что Кан расположен на такой широте, где попугаи способны размножаться. Сходите, Мишель, принесите мне Буйе.

Мишель принес мне словарь.

— *«Каде де Гассикур»* — не то… *«Кадуцей»* — не то… *«Как»* — совсем не то… *«Кан»*…

— Сейчас увидите, — пообещал Мишель.

Я стал читать:

— *«Кадомус, главный город департамента Кальвадос, на Орне и Одоне, в 223 километрах на запад от Парижа, 41 876 жителей. Королевский суд, суд первой инстанции и торговая палата…»*

— Вот увидите, — сказал Мишель, — сейчас будет про попугаев.

— *«Королевский коллеж; юридическая школа; академия…»*

— Горячо!

— *«Широкая торговля гипсом, солью, лесом… Захвачен англичанами в 1346 и 1417. Вновь отбит французами…»* и так далее. *«Родина Малерба, Лефевра, Шорона…»* и так далее. *«9 кантонов — Бургебюс, Виллер-Бокаж…»* и так далее, «*… и Кан, который считается за два; 205 коммун и 140 435 жителей. Кан был столицей Нижней Нормандии».* Вот и все, Мишель.

— Как! В вашем словаре не сказано, что ararauna, то есть

голубой ара, размножается в Кане?

— Нет, Мишель, здесь этого не сказано.

— Ну, хорош же ваш словарь! Подождите, подождите, я схожу за другим, и вы увидите.

Действительно, через пять минут Мишель вернулся со своим «Словарем естественной истории».

— Вот увидите, вот увидите, — повторял Мишель, в свою очередь открывая словарь. — *«Перитонит»,* не то… *«Перу»,* не то… *«Попугай»* — вот оно! *«Попугаи моногамны…»*

— Мишель, вы так хорошо знаете латынь; известно ли вам, что означает слово «моногамны»?

— Полагаю, это означает, что они могут петь на все лады.

— Нет, Мишель, нет, совсем другое; это значит, что у них всего по одной жене.

— А-а, — сказал Мишель, — вероятно, это происходит оттого, что они говорят, как мы… Смотрите, я нашел! *«Долгое время считалось, что попугаи совершенно не размножаются в Европе, но доказано обратное…»* и так далее и так далее «… *одной парой голубых ара, жившей в Кане…»* В Кане, вот видите, сударь…

— Честное слово, да, вижу.

— *«Господин Ламуру сообщает нам подробности».*

— Послушаем подробности господина Ламуру, Мишель.

Мишель продолжал:

— *«Эти ара с марта 1818 года по август 1822, что составляет четыре с половиной года, снесли шестьдесят два яйца за девять кладок…»*

— Мишель, я вовсе не говорил, что ара не могут класть яйца; я сказал…

— *«Из этого числа,* — продолжал Мишель, — *двадцать пять яиц произвели птенцов, из которых только десять умерли. Остальные выжили и превосходно акклиматизировались…»*

— Мишель, я признаю, что у меня были ложные представления о попугаях ара…

— *«Они неслись не различая времени года,* — продолжал Мишель, — *и кладки последних лет были более продуктивными, чем в первые годы…»*

— Мишель, мне больше нечего возразить…

— *«Количество яиц в гнезде менялось. Их могло быть до шести одновременно…»*

— Мишель, я сдаюсь…

— Только известно ли вам, сударь, — спросил Мишель, закрыв книгу, — что не следует давать ему горький миндаль и петрушку?

— Горький миндаль — это понятно, — ответил я, — он

содержит синильную кислоту; но петрушка?

Мишель, заложивший книгу большим пальцем, снова ее открыл:

— *«Петрушка и горький миндаль,* — прочел он, — *смертельный яд для попугаев*».

— Хорошо, Мишель, я этого не забуду.

Я так хорошо это запомнил, что некоторое время спустя, услышав о внезапной кончине г-на Персиля, воскликнул:

— Ах, Боже мой! Должно быть, он поел попугаев?

К счастью, на следующий день это известие было опровергнуто.

XV
КУЧЕР-ГЕОГРАФ СООБЩАЕТ МНЕ, ЧТО Я НЕГР

Я был поражен ученостью Мишеля: он знал наизусть «Словарь естественной истории».

Однажды я ехал в кабриолете с одним из моих друзей.

Это было во времена старых кабриолетов, в которых вы сидели рядом с кучером.

Не знаю, по какому случаю я сказал моему другу, что родился в департаменте Эна.

— Ах, вы из департамента Эна? — спросил кучер.

— Да. Вам это почему-либо неприятно?

— Нет, сударь, совсем напротив.

Вопрос кучера и его ответ были одинаково темны для меня.

Почему этот кучер так воскликнул, узнав, что я из департамента Эна? И почему ему было особенно приятно — его «совсем напротив» заставляло меня в это поверить, — почему ему было особенно приятно, что я уроженец этого департамента, а не какого-нибудь другого из восьмидесяти пяти остальных?

Именно эти вопросы я, несомненно, задал бы ему, если бы мы были одни; но, слишком занятый тем, что говорил мой сосед, я пустил свое любопытство галопом, и, поскольку лошадь наша плелась шагом, оно опередило нас, и я не смог его догнать.

Неделю спустя я снова нанял кабриолет на той же стоянке.

— А! — сказал кучер. — Это тот господин, что из департамента Эна.

— Именно! Это вы везли меня неделю назад?

— Собственной персоной. Куда вас сегодня отвезти, хозяин?

— К Обсерватории.

— Тсс! Сударь, не говорите так громко.

— Почему?

— Если моя лошадь вас услышит!.. Ну! Бижу! Ах, сударь, вот кто, будь у него десять тысяч ливров ренты, не купил бы кабриолет!

Я посмотрел на него.

— Почему вы спросили меня о департаменте Эна — не оттуда ли я родом?

— Потому что, если бы господин был в одиночестве и хотел поболтать, мы поговорили бы о департаменте Эна.

— Так вы знаете его?

— Еще бы! Славный департамент! Департамент генерала Фуа, господина Мешена, господина Лербетта и господина Демустье, автора «Писем к Эмилии о мифологии».

Как видите, дорогие читатели, я был совершенно забыт в перечне известных людей департамента.

Это настроило меня против кучера.

— Что вы знаете в департаменте Эна?

— Все знаю.

— Как, вы знаете все?

— Все.

— Вы знаете Лан?

(Я произнес «Лан»).

— Лаон, вы хотите сказать?

(Он произносил «Ла-он»).

— Лаон или Лан, это одно и то же; только пишется «Лаон», а говорится «Лан».

— Конечно, я говорю, как пишется.

— Вы стоите за орфографию господина Марля?

— Я не знаю орфографии господина Марля, но я знаю Лаон, древний Bibrax и средневековый Laudanum… Ну, что вы на меня так смотрите?

— Я не смотрю на вас: я вами восхищаюсь!

— О, вы можете насмехаться сколько угодно, это не мешает мне знать Лаон и весь департамент Эна с его префектурой. В доказательство скажу, что там есть башня, построенная Людовиком Заморским, и что там продают очень много артишоков.

— Я ничего не могу на это возразить; истинная правда, друг мой. А Суасон? Суасон вы знаете?

— Суасон — Noviodunum. Знаю ли я Новиодунум? Еще бы мне его не знать!

— Поздравляю вас с этим; я знал Суасон, но не знал Новиодунума.

— Да это одно и то же, разницы никакой. Именно там стоит собор святого Медарда — великого писуна. Вы знаете, хозяин, что когда в день святого Медарда идет дождь, он потом сорок дней не прекращается. Святой Медард должен быть покровителем кучеров кабриолета. Знаю ли я Суасон!.. Так-так-так, вы спрашиваете, знаю ли я Суасон, родину Луи д'Эрикура, Колло д'Эрбуа, Кинетта; место, где Хлодвиг победил Сиагрия, где Карл Мартелл разбил Хильперика, где умер король Роберт; столица округа; шесть кантонов: Брен-сюр-Вель, Ульшилё-Шато, Суасон, Вайи-сюр-Эн, Вик-сюр-Эн, Виллер-Котре…

— Вы и Виллер-Котре знаете? — воскликнул я, надеясь

застать его врасплох.

— Villerii ad Cotiam Retiae. Знаю ли я Виллер-Котре, или Кост де Рец! Большая деревня.

— Маленький городок, — возразил я.

— Большая деревня, повторяю.

И в самом деле, он повторял это так уверенно, что я понял: бороться с ним бесполезно, я ничего не добьюсь. Впрочем, я сознавал, что вполне мог ошибаться.

— Хорошо, пусть будет большая деревня, — уступил я.

— О, незачем говорить «пусть будет», это так и есть. Знаю ли я Виллер-Котре: лес в двадцать пять тысяч гектаров; две тысячи шестьсот девяносто два жителя; старый замок времен Франциска Первого, ныне — дом призрения; родина Шарля Альбера Демустье, автора «Писем к Эмилии о мифологии»…

— И Александра Дюма, — робко прибавил я.

— Александра Дюма, автора «Монте-Кристо» и «Мушкетеров»?

Я знаком выразил согласие.

— Нет, — произнес кучер.

— Как это нет?

— Я сказал — нет.

— Вы говорите, что Александр Дюма не родился в Виллер-Котре?

— Я говорю, что он там не родился.

— Ну, это уж слишком!

— Как вам угодно. Александр Дюма не из Виллер-Котре; впрочем, он негр.

Признаюсь, я был сбит с толку. Этот человек, казалось, так хорошо знал весь департамент Эна, что я боялся ошибиться. Раз он так решительно это утверждал, человек, знавший весь департамент вдоль и поперек, вполне возможно, если разобраться получше, что я негр и родился в Конго или Сенегале.

— Но, значит, вы родились там, в департаменте Эна? — спросил я у него.

— Нет, я из Нантера.

— Так вы там жили, в департаменте Эна?

— Никогда.

— Но вы в нем были хотя бы?

— Никогда, никогда в жизни.

— Каким же образом, черт возьми, вы знаете департамент Эна?

— Велика хитрость! Держите.

Он протянул мне изорванную книгу.

— Что это за книга?

— Это вся моя библиотека, сколько есть.

— Черт возьми! Похоже, вы часто в нее заглядываете.

— Вот уже двадцать лет я ничего другого не читаю.

— Но, похоже, вы часто ее читаете?

— А что, по-вашему, мне делать, когда нет работы? А времена такие тяжелые, что я половину дня провожу на стоянке.

Я открыл книгу; мне любопытно было узнать, как может называться том, способный в течение двадцати лет занимать человека.

И я прочел: *«Статистика департамента Эна».*

XVI
Я ПОКУПАЮ МУЖА ДЛЯ МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕГАРСЕН

Мишель отличался от моего кучера только тем, что избрал для себя чтение если не более поучительное, то, по меньшей мере, более забавное.

— Мишель, — сказал я, — вы сами видите: надо заказать у Лорана жердочку для macrocercus ararauna и клетку у Труя для cercopithecus saboea.

— Сударь, — возразил Мишель, — ничего не возражаю против жердочки, но клетка ни к чему.

— Как это ни к чему? Несчастное животное не может оставаться в этой: это клетка для щегленка или снегиря. Через неделю оно здесь умрет в корчах.

— Пока вас не было, здесь случилось несчастье.

— Так! Что за несчастье?

— Ласка задушила фазана; вам подадут его на обед.

У меня вырвалось восклицание, которое не было ни отказом, ни согласием. Я очень люблю есть дичь, убитую мною самим, но я куда менее пылко отношусь к дичи, задушенной любым животным, если это не охотничья собака.

— Значит, клетка свободна? — спросил я.

— С утра.

— Тогда переселим в нее мартышку.

Мы поставили маленькую клетку рядом с большой, расположив открытые дверцы одну против другой. Мартышка устремилась в новое жилище, запрыгала с жердочки на жердочку, а затем вцепилась в прутья, скрипя зубами, жалобно взвизгивая и показывая мне язык.

— Сударь, — сказал мне Мишель. — Эта зверушка хочет самца.

— Вы так думаете, Мишель?

— Я в этом уверен.

— Так вы думаете, что обезьяны здесь размножаются, как и попугаи?

— В Ботаническом саду есть такие, которые там родились.

— А если нам предложить ей попугая?

— Сударь, здесь есть один маленький овернец, который время от время приходит попрошайничать вместе со своей обезьяной. На месте господина я бы купил у него обезьяну.

— Почему именно этого зверя, а не другого?

— Потому что он кроток, словно ягненок, и получил превосходное воспитание. У него есть шапочка с пером, и он снимает ее, когда ему дают орех или кусочек сахара.

— Еще что-нибудь он умеет делать?

— Он дерется на дуэли.

— Это все?

— Нет, он ищет вшей у своего хозяина.

— И вы думаете, Мишель, что этот юный аллоброг расстанется с таким полезным животным?

— Вы же понимаете, надо у него спросить.

— Что ж, Мишель, мы спросим и, если он окажется благоразумным, осчастливим сразу двоих.

— Сударь! — произнес Мишель.

— Что?

— Вот как раз и он.

— Кто?

— Овернец с обезьяной.

В самом деле, калитка, ведущая во двор, приоткрылась и в щели показалась сонная физиономия, толстая и кроткая.

Мишель, имевший, как известно, некоторые познания в овернском наречии, пригласил явившегося войти.

Мальчик не заставил себя просить. Он вошел, протягивая свой картуз.

Обезьяна, сидевшая на коробе у мальчика за спиной, сочла себя обязанной приветствовать нас вслед за своим хозяином и сняла свою трубадурскую шапочку.

Эта обезьяна была поменьше мартышки, но принадлежала к тому же семейству.

Насколько можно было разглядеть под ее причудливым нарядом, у обезьяны была совершенно прелестная мордочка с удивительно добродушным и лукавым выражением.

— Ой, как он похож на… — сказал я Мишелю, назвав при этом имя известного переводчика.

— Ну вот, — ответил Мишель, — имя уже есть.

— Да, Мишель; только мы сделаем из него анаграмму.

— Что это — анаграмма?

— Это значит, — объяснил я, — что из тех же букв мы сложим для него другое имя. Остережемся обвинения в диффамации, Мишель.

Мишель взглянул на меня.

— О сударь, вы можете называть свою обезьяну как вам угодно.

— Я могу называть свою обезьяну как хочу?

— У вас есть на это право.

— Я так не думаю, Мишель.

— У вас есть на это право.

— Ну хорошо; предположим, я буду иметь счастье сделаться владельцем этого прелестного животного, тогда мы назовем его Потишем.

— Назовем его Потишем.

— Мы еще не получили его, Мишель.

— Предоставьте мне полную свободу действий.

— Я даю вам все полномочия, друг мой.

— Какой суммой я могу располагать?

— Сорока франками.

— Оставьте меня с мальчиком, я все устрою, — сказал Мишель.

Я оставил Мишеля с мальчиком и вернулся на виллу Медичи, где не был четыре дня.

XVII
СПЯЩИЙ КОТ

В путешествиях — как в долгих, так и в коротких — мне кажется восхитительным то, что всегда можно рассчитывать на два верных удовольствия — отъезд и возвращение.

Я не говорю о самом путешествии — это удовольствие самое ненадежное из трех.

Итак, я возвращался с улыбкой на лице, переводя довольный и благосклонный взгляд с одного предмета на другой.

В окружающих вас предметах обстановки всегда есть нечто от вас самого.

Прежде всего, есть ваш характер, ваш вкус, отпечаток вашей личности.

Мебель красного дерева, если бы она могла говорить, несомненно, рассказала бы другую историю, чем резная мебель; палисандровое дерево не повторило бы анекдотов дерева розового; мебель Буля — рассказов ореховой мебели.

Как уже было сказано, я переводил довольный и благосклонный взгляд с одного предмета на другой.

Вдруг я заметил на козетке, стоявшей на месте камина, что-то вроде черно-белой муфты, которой не видел прежде.

Я приблизился.

Муфта мурлыкала самым сладострастным образом.

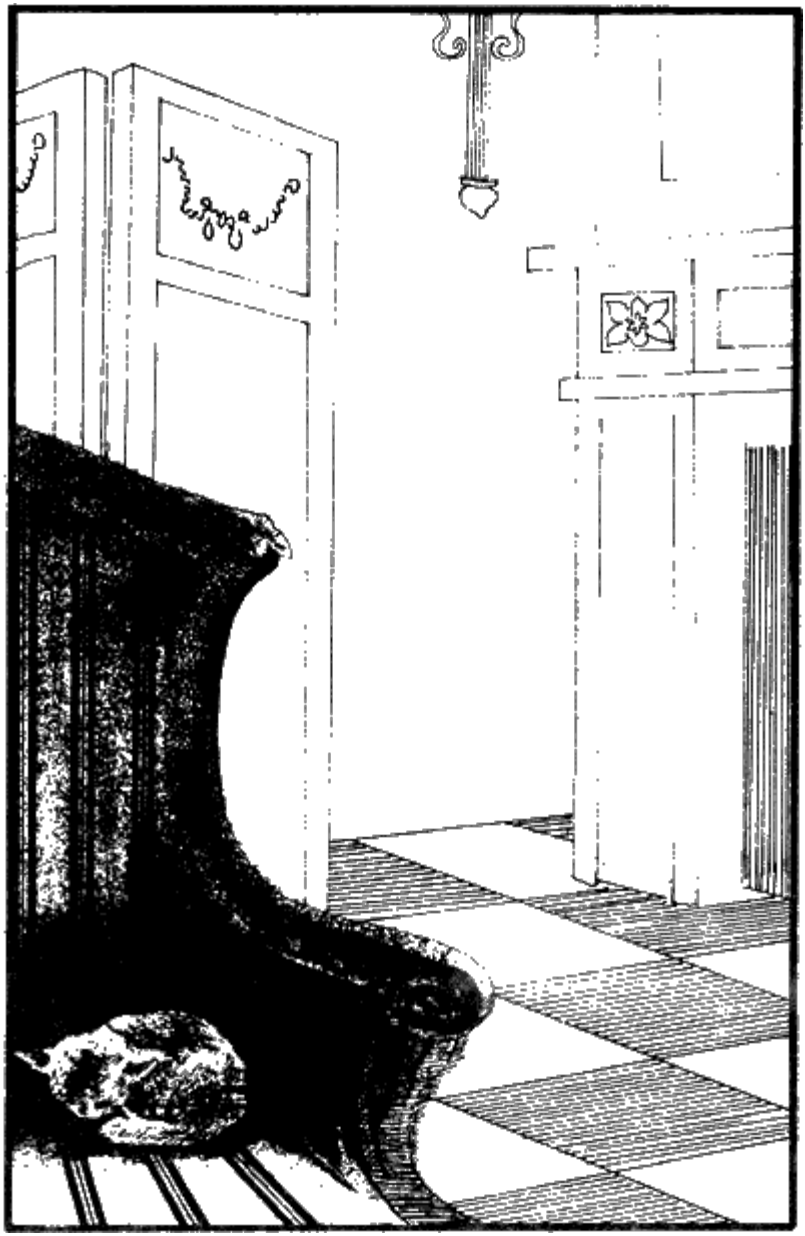
Это был спящий котенок.

— Госпожа Ламарк! — крикнул я. — Госпожа Ламарк!

Госпожа Ламарк была кухарка.

— Я знала, что господин вернулся, — сказала г-жа Ламарк, — и если я не поспешила засвидетельствовать ему свое почтение, то только потому, что готовила рагу под белым соусом, а господин — он ведь сам повар — знает, как легко сворачивается этот проклятый белый соус.

— Да, это мне известно, госпожа Ламарк; но вот чего я не знаю, — откуда ко мне явился этот новый постоялец.



И я указал на кота.

— Сударь, — сентиментальным тоном произнесла г-жа Ламарк, — это Антони.

— Что значит Антони, госпожа Ламарк?

— Иначе говоря, найденыш, сударь.

— Ах, бедное животное!

— Я знала, что господин заинтересуется этим.

— И где вы его нашли, госпожа Ламарк?

— В подвале, сударь.

— В подвале?

— Да. Я услышала: «Мяу, мяу, мяу!» — и сказала себе: «Это может быть только кошка».

— Правда? Вы так и сказали?

— Да, и я спустилась, сударь, и за вязанками хвороста нашла бедняжку. Тогда я припомнила, что господин один раз сказал мне: «Госпожа Ламарк, надо бы завести кошку».

— Я это говорил? Думаю, вы ошибаетесь, госпожа Ламарк.

— Именно так вы и говорили. Тогда я сказала себе: «Раз господину хочется кошку, эту послало нам Провидение».

— Вы себе это сказали, дорогая госпожа Ламарк?

— Да, и подобрала котенка, как вы видите.

— Если вам совершенно необходим гость, с которым можно разделить чашку кофе, вы не должны себя стеснять.

— Только как нам назвать его, сударь?

— Мы назовем его Мисуф, если вам угодно.

— Как если мне угодно? Вы хозяин.

— Только следите, госпожа Ламарк, чтобы он не съел моих астрильд, моих амадин, моих рисовок, моих вдовушек и моих ткачиков.

— Если вы боитесь, — войдя в комнату, сказал Мишель, — так есть одно средство.

— Для чего средство, Мишель?

— Средство помешать коту есть птиц.

— Посмотрим, что за средство, друг мой.

— Сударь, у вас есть птичка в клетке; вы закрываете клетку с трех сторон, вы раскаляете решетку, вы кладете решетку с той стороны клетки, что осталась открытой, вы выпускаете кота и выходите из комнаты. Кот готовится к нападению, он подбирается и одним прыжком падает всеми четырьмя лапами и носом на решетку. Чем больше раскалена решетка, тем лучше он исцелится от своего желания.

— Спасибо, Мишель… А что с трубадуром?

— В самом деле, я совсем забыл, что с этим и шел сюда. Так вот, сударь, дело сделано: он отдает Потиша за сорок франков, только просит взамен двух белых мышей и морскую свинку.

— Но, Мишель, где, по-вашему, я должен взять двух белых мышей и морскую свинку?

— Если вы хотите поручить мне это, я знаю, где их взять.

— Что значит — хочу ли я вам это поручить? Да вы окажете мне величайшую услугу, если возьметесь за это.

— Так дайте мне сорок франков.

— Вот вам сорок франков, Мишель.

Мишель взял сорок франков и ушел.

— Не будет ли нескромностью спросить, — произнесла госпожа Ламарк, — что означает «Мисуф»?

— Но, милая госпожа Ламарк, «Мисуф» означает «Мисуф».

— Значит, Мисуф — это кошачье имя?

— Без всякого сомнения, поскольку Мисуфа так звали.

— Какого Мисуфа?

— Мисуфа Первого. Ах да, правда, госпожа Ламарк, вы ведь не знали Мисуфа.

И я впал в такую глубокую задумчивость, что г-жа Ламарк скромно решила подождать другого случая, чтобы узнать, кем был Мисуф Первый.

XVIII
МИСУФ ПЕРВЫЙ

Часто или редко, но вам, конечно, случалось зайти в лавку старьевщика.

Там, полюбовавшись голландским стипо, ренессансным ларем или древней японской вазой; подняв на уровень глаз венецианский бокал или немецкий кубок; рассмеявшись в лицо китайскому болванчику, качающему головой и высовывающему язык, вы внезапно прирастали к полу в углу, устремив глаза на маленькую, наполовину скрытую в тени картину.

Темноту озаряло сияние вокруг головы Мадонны с младенцем Иисусом на коленях.

Мадонна возвращала вас к какому-нибудь воспоминанию детства, и вы внезапно ощущали, как ваше сердце заполняет сладкая печаль.

Тогда вы, забывшись, шаг за шагом спускались в глубь самого себя, не помня об окружающих, не думая о том, где вы находитесь и зачем сюда пришли; крылья воспоминания уносили вас, вы летели, словно у вас был волшебный плащ Мефистофеля, и снова оказывались ребенком, полным надежд и ожиданий, перед своей давней мечтой, которую вид святой Мадонны пробудил в вашей памяти.

Так вот, в эту минуту со мной произошло нечто подобное: имя Мисуфа перенесло меня на пятнадцать лет назад.

Моя мать была жива. В те времена я еще испытывал счастье иногда дать себя побранить матери.

Моя мать была жива, а я служил у г-на герцога Орлеанского, и это давало полторы тысячи франков.

Я был занят работой с десяти часов утра до пяти часов пополудни.

Мы жили на Западной улице, и у нас был кот по имени Мисуф.

Этот кот упустил свое назначение: ему следовало бы родиться собакой.

Каждое утро я выходил в половине десятого — мне требовалось полчаса на то, чтобы дойти от Западной улицы до моей канцелярии, расположенной в доме № 216 по улице Сент-Оноре, — каждое утро я уходил в половине десятого и каждый вечер возвращался в половине шестого.

Каждое утро Мисуф провожал меня до улицы Вожирар.

Каждый вечер Мисуф ждал меня на улице Вожирар.

Там была для него граница, круг Попилия. Не помню, чтобы он когда-нибудь переступил эту черту.

И что любопытно — в те дни, когда какое-либо обстоятельство мешало мне исполнить сыновний долг и я не должен был вернуться к обеду, можно было сколько угодно открывать Мисуфу дверь: свернувшись в позе змеи, кусающей свой хвост, Мисуф не трогался со своей подушки.

Напротив, в те дни, когда я должен был прийти, если Мисуфу забывали отворить дверь, он царапал ее когтями до тех пор, пока ему не открывали.

Моя мать, обожавшая Мисуфа, называла его своим барометром.

— Мисуф указывает мне дурные и хорошие дни, — говорила эта восхитительная женщина. — Дни, когда ты приходишь, для меня ясные, а когда не приходишь — дождливые.

Бедная матушка! Подумать только — лишь в тот день, когда мы утратим эти сокровища любви, мы замечаем, как мало ценили их, пока обладали ими; только тогда, когда мы уже не можем видеть тех, кого любили, мы вспоминаем, что могли бы видеть их чаще, и раскаиваемся в том, что не насмотрелись на них!..

Итак, я заставал Мисуфа посреди Западной улицы, там, где она выходит на улицу Вожирар: он сидел на заду, устремив взгляд в даль улицы Ассáса.

Завидев меня издали, он начинал бить хвостом по мостовой, затем, по мере того как я приближался, вставал и начинал прогуливаться поперек улицы Вожирар, задрав хвост и выгнув спину.

Как только я вступал на Западную улицу, Мисуф, как собака, ставил лапы мне на колени; затем, подскакивая и оглядываясь через каждые десять шагов, он направлялся к дому.

В двадцати шагах от дома он оборачивался в последний раз и убегал. Через две секунды в дверях показывалась моя мать.

Благословенное видение, скрывшееся навеки; я все же надеюсь, что оно ждет меня у других врат…

Вот о чем я думал, милые читатели; вот какие воспоминания вызвало имя Мисуфа.

Вы видите, что для меня было простительно не ответить мамаше Ламарк.

XIX
ЧТО ДОРВАЛЬ ПРЯТАЛА ПОД ЦВЕТАМИ

Получив имя, Мисуф II стал пользоваться в доме всеми привилегиями Мисуфа I.

В следующее воскресенье мы — Жиро, Маке, Александр и два-три постоянных посетителя — были в саду, когда мне объявили о приходе второго овернца со второй обезьяной.

— Впустите его, — сказал я Мишелю.

Через пять минут появился овернец.

На его плече сидело фантастическое существо, с ног до головы убранное лентами, в атласной зеленой шляпе набекрень и с посохом в руке.

— Не ждесь ли покупают обежьян? — спросил он.

— Что? — переспросили мы.

— Он спрашивает, не здесь ли покупают обезьян, — перевел Мишель.

— Малыш, — сказал я, — ты ошибся дверью; ты должен снова вернуться на железную дорогу, доехать до бульвара и идти все время прямо до колонны Бастилии. Там ты пойдешь вправо или влево, как захочешь, перейдешь Аустерлицкий мост, увидишь перед собой решетку и спросишь обезьянник господина Тьера. Вот тебе сорок су на дорогу.

— Дело в том, что я уже видел двух обежьян в клетке, — настаивал овернец, — и сын Шан Пьера шкажал мне, что он продал свою обежьяну гошподину Думашу. Тогда я шкажал: «Если гошподин Думаш хочет и мою обежьяну, я ее продам ему, и не дороже, чем сын Шан Пьера продал швою».

— Дорогой друг, благодарю тебя за то, что ты оказал мне предпочтение; вот тебе за это франк, но мне хватит и двух четвероруких. Если бы у меня было их больше, мне пришлось бы держать слугу только для них.

— Сударь, — произнес Мишель. — Сулук ничего не хочет делать; не могли бы вы поставить его во главе обезьян?

Это предложение открывало для меня новые перспективы в отношении Сулука.

Алексис, прозванный Сулуком, был негритенок тринадцати или четырнадцати лет, совершенно черный — должно быть, из Сенегала или Конго.

Он жил в моем доме уже пять или шесть лет.

Однажды Дорваль пришла ко мне обедать и принесла его с собой в большой корзине.

— Смотри, — сказала она, открывая корзину, — я хочу кое-что тебе подарить.

Приподняв груду цветов, я увидел, что на дне корзины копошится что-то черное с двумя большими белыми глазами.

— Ой, что это? — спросил я у нее.

— Не бойся, оно не кусается.

— Но что это, в конце концов?

— Это негр.

— Смотри-ка, негр!

И, запустив обе руки в корзину, я схватил негра за плечи и поставил его на ноги.

Он смотрел на меня с доброй улыбкой, сверкая не только глазами, но и тридцатью двумя белыми как снег зубами.

— Откуда, черт возьми, это взялось? — спросил я у Дорваль.

— С Антильских островов, дорогой; один из моих друзей, приехавший оттуда, привез мне его. Он у меня уже год.

— Я никогда его не видел.

— Конечно, ты ведь никогда не приходишь. Почему же тебя совсем не видно? Приходи завтракать или обедать.

— Нет; тебя окружает толпа прихлебателей, которые тебя заживо съедают.

— Ты совершенно прав; но только теперь это недолго протянется. Сейчас, бедный мой друг, они обгладывают косточки.

— Бедное ты, несчастное Божье создание!

— Вот я и сказала себе, взглянув на Алексиса: «Давай-ка, мальчик мой, я отведу тебя в такое место, где тебе, возможно, платить будут не более аккуратно, чем здесь, но где ты, по крайней мере, будешь есть каждый день».

— Но что, по-твоему, я должен сделать с этим парнишкой?

— Он очень умен, уверяю тебя, доказательство тому — в те дни, когда обед кончается рано, когда недостает жаркого, я поступаю подобно госпоже Скаррон — рассказываю истории. Так вот, иногда я поворачиваюсь в его сторону и вижу, как он плачет или смеется, смотря по тому, грустной или веселой была история. Тогда я продлеваю историю; все думают, я делаю это для них — вовсе нет, это ради Алексиса. Я говорю себе: «Бедное дитя, они отнимают у тебя обед, но твою историю они не съедят». Не так ли, Алексис?

Алексис утвердительно кивнул.

— Послушай, у тебя самое доброе сердце из всех, что я знаю!

— После тебя, мой большой пес! Ну, берешь ты Алексиса?

— Я беру Атексиса.

Я повернулся к моему новому сотрапезнику.

— Значит, ты приехал из Гаваны? — спросил я у него.

— Да, сударь.

— А на каком языке говорят в Гаване, мальчик мой?

— На креольском.

— Да? И как же сказать по-креольски: «Добрый день, сударь»?

— Надо сказать: «Добрый день, сударь».

— А как будет: «Здравствуйте, сударыня»?

— Говорят: «Здравствуйте, сударыня».

— Тогда все в порядке, мальчик мой, мы будем говорить по-креольски. Мишель! Мишель!

Вошел Мишель.

— Смотрите, Мишель, этот гражданин теперь живет в нашем доме; поручаю его вам.

Мишель взглянул на него и спросил:

— Кто тебя стирал, мальчик мой?

— Простите? — не понял Алексис.

— Я спрашиваю, как зовут твою прачку, чтобы потребовать у нее вернуть деньги за стирку. Она тебя обокрала. Ну, идем, Сулук.

И Мишель увел Алексиса, который был Алексисом для всех остальных, но для Мишеля так и остался навсегда Сулуком.

XX
ОБ ОПАСНОСТИ, КАКУЮ МОЖЕТ ТАИТЬ СЛИШКОМ ХОРОШИЙ АТТЕСТАТ

С тех пор Алексис поселился у меня в доме.

Мне очень хочется, вопреки моему обыкновению, немедленно дорассказать вам историю Алексиса.

Алексис продолжал служить у меня до Февральской революции.

На следующий день после провозглашения Республики он вошел в мой кабинет и встал напротив моего стола.

Закончив страницу, я поднял голову.

Лицо Алексиса было радостным.

— Ну, Алексис, — спросил я, — в чем дело?

Между собой мы продолжали говорить по-креольски.

— Вы знаете, что теперь больше нет слуг, — сказал Алексис.

— Нет, я этого не знал.

— Так вот, сударь, я говорю вам об этом.

— Ах, Господи, мальчик мой! Но мне кажется, что это очень дурное известие для тебя!

— Нет, сударь, напротив.

— Тем лучше! И что ты будешь делать?

— Сударь, я хотел бы стать моряком.

— Вот совпадение! Можешь похвастаться тем, что родился под счастливой звездой. У меня как раз один друг занимает кое-какой пост в морском министерстве.

— Господин Араго?

— Черт возьми! Куда ты хватил, проказник! Всего лишь министр! Правда, он тоже принадлежит к числу моих друзей, но речь идет не о нем: я говорю об Алльe.

— И что же?

— Так вот, я дам тебе записку к Алльe; он завербует тебя или поможет тебе завербоваться во флот.

Взяв лист бумаги, я написал:

> *«Дорогой Алльe, посылаю к тебе моего слугу, который желает непременно стать адмиралом; не сомневаюсь, что под твоим покровительством он добьется этого высокого звания, но, поскольку начинать надо с начала, сделай его пока юнгой.*

Твой А. Д.»

— Держи, — сказал я Алексису, — вот твой аттестат.

И протянул ему письмо.

— Вы написали адрес? — спросил Алексис (он говорил по-креольски, но ни читать, ни писать даже по-креольски не умел).

— Я написал имя, Алексис; что касается адреса, это ты должен его найти.

— Как же вы считаете, я смогу его найти?

— В Евангелии есть одна фраза, которая послужит тебе светочем: «Ищите, и найдете».

— Я поищу, сударь.

И Алексис ушел.

Он вернулся два часа спустя, своим сиянием напоминая солнце, на которое смотришь сквозь закопченное стекло.

— Ну, как Аллье?

— Что ж, сударь, я его нашел.

— Он хорошо тебя принял?

— Чудесно… Он велел передать господину наилучшие пожелания.

— Ты объяснил ему, что не хочешь быть слугой и что жертвуешь родине те тридцать франков в месяц, которые я тебе плачу?

— Да, сударь.

— И что он тебе сказал?

— Он сказал мне: «Принеси мне аттестат от Дюма, подтверждающий, что ты хорошо служил».

— А-а!

— И если вы хотите дать мне этот аттестат, ну, тогда…

— Тогда?

— Думаю, у меня будет отличное положение при господине Аллье.

— Подумай, Алексис.

— О чем, сударь?

— Ты отказываешься от хорошего места.

— Но, сударь, ведь слуг больше нет.

— Ты будешь исключением… Всегда хорошо оказаться исключением!

— Сударь, я хочу быть моряком.

— Если в этом твое призвание, Алексис, я не стану препятствовать. Держи, мой мальчик, вот твои тридцать франков за этот месяц и твой аттестат. Само собой разумеется, Алексис, что я приврал, и аттестат у тебя превосходный.

— Спасибо, сударь.

И Алексис исчез, словно шарик фокусника.

Через две недели преемник Алексиса объявил мне о приходе моряка.

— Моряк! Кто это? Я никого во флоте не знаю.

— Сударь, это черный моряк.

— А, это Алексис!.. Впустите его, Жозеф.

Вошел Алексис в костюме юнги, с клеенчатой шляпой в руке.

— Это ты, мой мальчик! Тебе очень идет форма юнги.

— Да, сударь.

— Ну, что, твои просьбы услышаны, желания исполнены, мечты сбылись?

— Да, сударь.

— Ты имеешь честь служить Республике.

— Да, сударь.

— Почему же ты говоришь мне это с таким печальным видом? Прежде всего от моряка требуется быть веселым.

— Дело в том, что я моряк только в свободное время, сударь.

— Как же так?

— Я служу Республике только после того, как послужу господину Аллье.

— Ты служишь господину Аллье?

— Увы! Да.

— В каком же качестве, Алексис?

— В качестве лакея, сударь.

— Но я думал, что слуг больше нет?

— Похоже, что есть, сударь.

— Но я думал, ты больше не желаешь быть лакеем.

— Это правда, я больше не хотел им быть.

— Ну, так что же?

— Это вы виноваты, что я им остался.

— Как, это моя вина?

— Да; вы дали мне слишком хороший аттестат.

— Алексис, ты говоришь, как Сфинкс, друг мой.

— Господин Аллье прочел аттестат.

— Дальше?

— И он сказал: «Это правда — все то хорошее, что твой хозяин говорит о тебе?» — «Да, сударь», — ответил я. «Ну что ж, приняв во внимание твой аттестат, я беру тебя к себе на службу…»

— Ах, вот как!.. И ты теперь лакей Аллье?

— Да, сударь.

— И сколько он платит тебе в месяц?

— Совсем ничего, сударь.

— Но тебе все же перепадает время от времени какой-нибудь

пинок под зад или затрещина? Я знаю Аллье: он не такой человек, чтобы скупиться на подобные вещи.

— Ах, сударь, это правда; этого он не считает, и жалованье огромное.

— Что ж, Алексис, поздравляю тебя.

— Не с чем, сударь.

— И вот тебе сто су, чтобы выпить за здоровье Аллье.

— Если вам это безразлично, я предпочел бы выпить за ваше собственное здоровье.

— Пей за чье угодно здоровье, мой мальчик, и передай от меня привет Аллье.

— Не премину это сделать, сударь.

И Алексис ушел повеселевший на пять франков, но еще достаточно унылый.

Бедный малый был более чем когда-либо слугой, только он был им бесплатно, если не считать равноценными моим тридцати франкам пинки под зад и затрещины, которыми награждал его Аллье.

XXI
НЕГР НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

Вы, может быть, думаете, что на этом мы покончили с Атексисом?

Вовсе нет!

Через неделю после июньского мятежа я увидел Алексиса входящим в мой кабинет.

На боку у него была сабля, на голове — залихватски сдвинутая шапка.

— О, вот и ты, Алексис! — сказал я ему.

— Да, сударь.

— Ты, кажется, очень весел, друг мой?

— Да, сударь, — подтвердил Алексис, показывая в улыбке свои тридцать два зуба.

— Значит, в твоем положении произошли перемены?

— Да, сударь, и большие.

— И какие же, мальчик мой?

— Сударь, я больше не служу господину Аллье.

— Так! Но ты по-прежнему служишь Республике?

— Да, сударь; но…

— Что «но», Алексис?

— Сударь, я больше не хочу быть моряком.

— Как это ты больше не хочешь быть моряком? Но кем же ты хочешь быть, ветреник?

— Сударь, я хочу перейти в национальную гвардию.

— В национальную гвардию, Алексис?

— Да, сударь.

— У тебя есть для этого причина?

— Сударь, в национальной гвардии дают награды!

— После сражения.

— Сударь, я буду сражаться, если потребуется.

— Ах, черт! Да ведь это полная перемена фронта, мой мальчик.

— Не знаете ли вы полковника национальной гвардии?

— Конечно, я знаю его, это Клари.

— Если вы захотели бы дать мне письмо к нему…

— Я только этого и хочу.

— Только… — начал Алексис и в нерешительности умолк.

— Что?

— Пожалуйста, не надо аттестата, сударь.

— Не беспокойся.

Я дал ему письмо к Клари, на этот раз с правильно указанным адресом.

— А теперь, — произнес Алексис тем же тоном, каким центурион в Фарсале говорил Цезарю: «Теперь ты увидишь меня лишь мертвым или победителем!», — теперь господин больше не увидит меня или же увидит в форме национальной гвардии.

Через полтора месяца я снова увидел Алексиса — в форме национальной гвардии.

— Ну что, Алексис, — сказал я ему — ты еще не награжден?

— Ах, сударь, как мне не везет! С тех пор как я в национальной гвардии, больше никаких мятежей не происходит, как нарочно!

— Бедный мой Алексис, тебя просто преследуют несчастья.

— И к тому же национальную гвардию собираются распустить, а нас перевести в армию.

За этой новостью последовал вздох, и Алексис посмотрел на меня своими большими нежными глазами.

Эти большие, ласково смотрящие глаза и этот вздох означали: «О, если бы господин захотел снова взять меня слугой, я предпочел бы служить моему господину, чем служить господину Алльe и даже чем служить Республике».

Я притворился, будто не вижу этих глаз, не слышу вздоха.

— А теперь, — сказал я, — если ты хочешь вернуться во флот…

— Спасибо, сударь, — ответил Алексис. — Представьте себе, судно, на котором я должен был плыть, если бы не перешел в национальную гвардию, потерпело крушение; оно погибло вместе с командой и со всем добром.

— Чего же ты хочешь, мой мальчик! Крушения — чаевые моряков.

— Брр! А я не умею плавать; я все-таки предпочел бы перейти в сухопутную армию. Но все равно, если вы знаете какое-нибудь место, даже если там будет не так хорошо, как у вас, что ж, мне все равно.

— Эх, бедный мой мальчик, через неделю после Февральской революции ты говорил мне: «Слуг больше нет» — и ты ошибался. Но через восемь месяцев после провозглашения Республики я говорю тебе: «Больше нет хозяев», и думаю, что не ошибаюсь.

— Стало быть, сударь, вы советуете мне оставаться солдатом?

— Я не только тебе это советую, но даже не знаю, как бы ты мог поступить по-другому.

Алексис вздохнул еще тяжелее, чем в первый раз.

— Вижу, я должен смириться, — произнес он.

— Думаю, мальчик мой, это в самом деле лучшее из всего,

что ты можешь сделать.

И Алексис вышел не вполне смирившись.

Три месяца спустя я получил письмо со штемпелем Аяччо.

Я не знал в Аяччо ни одной живой души. Кто бы это мог писать мне с родины Наполеона?

Единственным средством ответить самому себе на этот вопрос было вскрыть конверт.

Я сделал это и заглянул в конец письма.

Оно было подписано: *«Алексис».*

Каким образом Алексис, не умевший писать, когда я расстался с ним в Париже, писал мне из Аяччо?

Вероятно, об этом я мог узнать из письма.

Я прочел:

«Господин и прежний хозяин,

я воспользовался рукой каптенармуса, чтобы написать эти строки и чтобы сообщить Вам, что я попал в прескверное место, где нечем заняться, если не считать девушек, которые хороши собой, но с которыми нельзя заговорить, потому что здесь все между собой родственники и, если вы потом не женитесь, вас убивают.

Это называется вендетта.

Если бы Вы, господин, могли вытащить меня из этой проклятой страны, где мы не осмеливаемся ходить мимо кустов и где нас заели насекомые. Вы оказали бы большую услугу Вашему несчастному Алексису, который молит Вас об этой милости именем доброй госпожи Дорваль, которую Вы так любили и которую, как я узнал из газет, мы имели несчастье потерять.

Мне кажется, если бы Вы немного захотели этим заняться, Вам не очень трудно было бы это сделать, поскольку я не такой уж хороший солдат и думаю, что мои начальники не слишком мною дорожат. В таком случае, господин и прежний хозяин, Вам надо будет обратиться к моему полковнику, чей адрес Вы найдете ниже.

Здесь не составит большого труда узнать меня по Вашему описанию. Я единственный негр в полку.

Что касается того, каким образом я вернусь в Париж, не беспокойтесь об этом. Как только меня уволят, мне дадут бесплатный проезд по морю до Тулона или Марселя. Когда я буду в Тулоне или Марселе, я пойду в Париж cum pedibus et jambibus[6].

Мой каптенармус объясняет мне, что это означает своими ногами.

А теперь, господин и прежний хозяин, если мне выпадет такое счастье вернуться к Вам, я торжественно обязуюсь служить Вам бесплатно, если надо, и обещаю служить Вам лучше, чем служил, когда Вы давали мне тридцать франков в месяц.

Однако, если Вы пожелали бы поскорее вновь увидеть меня и захотели бы прислать мне немного деньжат, чтобы я мог проститься с моими товарищами не как подлец, это было бы очень кстати для того, чтобы выпить за Ваше здоровье и облегчить себе путешествие.

Остаюсь и останусь навеки, мой добрый прежний хозяин, Вашим преданным слугой

Алексисом».

Дальше следовал адрес полковника.

XXII
ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛЕКСИСА

Вы уже догадались, как я поступил, не правда ли?

Я отправился в военное министерство повидать моего доброго и дорогого друга Шарраса и попросил его поддержать мою просьбу к полковнику, которому тут же написал на бумаге с министерским грифом, вложив в письмо чек на пятьдесят франков, предназначенных частью быть пропитыми за мое здоровье, частью — облегчить путешествие Алексиса.

Затем я стал ждать со спокойствием праведника.

Полтора месяца спустя ко мне явился Алексис.

— Что ж, вот и ты, — сказал я ему.

— Да, сударь.

— Решил вернуться ко мне на службу за стол, кров и одежду?

— Да, сударь.

— И никогда не попросишь у меня ни одного су?

— Нет, сударь.

— Я беру тебя на этих условиях.

— Ах! Я знал, что вы снова возьмете меня к себе! — радостно воскликнул Алексис.

— Погоди минутку, мальчик мой, не воображай, что я снова тебя беру из-за того, что мне тебя недостает; это было бы огромной ошибкой с твоей стороны, Алексис.

— Я знаю, что вы снова принимаете меня по своей доброте, вот и все.

— Браво! Чему ты там научился?

— Начищать патронташ, наводить глянец на кожаное снаряжение и содержать в порядке ружья. Если вы пожелаете доверить мне свои ружья, вы сами увидите.

— Я тебе доверю больше чем ружья, Алексис, я доверю тебе собственную особу.

— Как! Я вернусь к вам качестве камердинера?

— Да, Алексис, по той причине, что камердинеры, возможно, еще существуют, но у меня их больше нет. Поищи свою старую ливрею и приступай к службе.

— Где она может быть, сударь, моя старая ливрея?

— О, я понятия не имею об этом; ищи, мой мальчик, ищи. Как было с адресом Алльe, так и сейчас — только Евангелие может тебе подать надежду.

Алексис вышел, чтобы заняться поисками своей старой ливреи.

Он вернулся, держа ее в руке.

— Сударь, — сказал он, — во-первых, она вся в дырах, и потом я уже не могу в нее влезть.

— Черт возьми! Что же делать, Алексис?

— А разве у вас не тот же портной? — спросил Алексис.

— Нет, он умер, и я еще не подобрал ему преемника.

— Черт возьми, как вы говорите, сударь, что же делать?

— Иди спроси у моего сына адрес его портного и поищи в моем гардеробе что-нибудь подходящее для тебя.

— Спасибо, сударь.

— А пока служи мне в солдатской форме, мой мальчик. Только сними этот жестяной колчан, что ты носишь на плече, или хотя бы высунь наружу стрелы, чтобы тебя принимали за Амура.

— Это в нем вовсе не стрелы, сударь, в нем моя отставка.

— Хорошо, убери свою отставку.

Через три или четыре дня ко мне вошел щёголь в панталонах капустно-зеленого цвета в серую клетку, черном сюртуке, белом пикейном жилете; был на нем и батистовый галстук.

Все это было увенчано головой Алексиса.

Я не без труда узнал его.

— Что это такое? — спросил я.

— Это я, сударь.

— Ты что, на содержании у русской княгини?

— Нет, сударь.

— Где ты все это взял?

— Так вы сказали мне: «Поищи в моем гардеробе что-нибудь подходящее для тебя».

— И ты поискал?

— Да, сударь.

— И ты нашел?

— Да, сударь.

— Подойди-ка.

— Вот я, сударь.

— Но, Господи прости, это же мои новые штаны, Алексис!

— Да, сударь.

— Но, черт меня побери, это же мой новый сюртук, Алексис!

— Да, сударь.

— Ах так? Значит, ты совсем совесть потерял?

— Почему, сударь?

— Как, ты берешь у меня все лучшее? Ну, хорошо, а… как же я?

— Ну, я подумал, что, поскольку вы работаете с утра до вечера…

— Да.

— … и поскольку вы никогда не выходите…

— Нет.

— … вам не обязательно быть хорошо одетым.

— Вот как!

— В то время как я бегаю по городу…

— Так!

— … исполняю все ваши поручения…

— Дальше?

— … хожу к женщинам…

— Негодяй!

— … вам хотелось бы, чтобы я был хорошо одет.

— Несовершенный вид сослагательного наклонения! Никак от тебя этого не ожидал.

— Наденьте на него поскорее ваши ордена, сударь, — предложил вошедший Мишель, — тогда его примут за сына его величества Фаустина Первого, и объяснения будут излишни.

— А пока что у меня нет ни брюк, ни сюртука.

— Это не так, сударь, — возразил Алексис, — у вас есть старые.

Алексис меня убедил.

Столько есть на свете людей, которые отбирали у меня новую одежду и даже старой не оставляли!

XXIII
ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ АЛЕКСИСА

Впрочем, не имея более ни нового сюртука, ни новых брюк, я приобрел вдвое больше оснований оставаться дома, и это сказалось на моей работе.

Затем я сказал себе: «Бедняга Алексис думает, что служит мне бесплатно; более чем справедливо удовлетворить его гордость, раз его интересы ущемлены».

Я подчеркнул слово «думает», поскольку надеюсь, дорогие читатели, что вы ни на минуту не предположили, будто Алексис служил мне бесплатно.

Я хотел посмотреть, в чем будет заключаться различие между Алексисом, получающим тридцать франков в месяц, и Алексисом, работающим на меня бесплатно.

Должен воздать ему по справедливости и сказать, что разницы не было никакой.

Но я рассчитывал в определенный момент прибегнуть к напоминанию, говоря бюрократическим языком.

Итак, как вам известно или же неизвестно, 7 декабря 1852 года я отправился в Брюссель.

Алексис поехал со мной.

Я остановился в гостинице «Европа».

Там я мог располагать всеми гостиничными слугами.

Это и погубило Алексиса.

Я знал Брюссель, и город не возбуждал во мне никакого любопытства, так что, едва прибыв на место, я сел за работу.

На Алексис города не знал и пожелал с ним познакомиться.

В результате получилось, что Алексис, которому нечего было делать, занялся сравнительным изучением французского, бельгийского и креольского языков.

В самый разгар его учебных занятий мне пришла в голову мысль снять и обставить небольшой домик, вместо того чтобы оставаться в гостинице.

Я снял и обставил небольшой домик.

Однако случилось так, что, когда я въехал в маленький только что снятый мною домик, Алексиса охватила такая потребность продолжать свои занятия, что он уходил в восемь часов утра, возвращался в одиннадцать позавтракать, снова уходил в полдень, возвращался в шесть часов, снова уходил в

семь и возвращался в полночь.

Так что однажды, дождавшись его в один из этих приходов, я сказал ему:

— Алексис, я хочу сообщить тебе одну новость, которая доставит тебе удовольствие: мальчик мой, я только что нанял слугу для нас с тобой. Только не бери его с собой, когда уходишь из дома.

Алексис совершенно беззлобно взглянул на меня своими большими глазами.

— Я вижу, что вы меня прогоняете, — сказал он.

— Заметь, Алексис, я ничего подобного не говорил.

— В самом деле, я признаюсь кое в чем…

— В чем же, Алексис?

— Признаю: я не то, что вам нужно, сударь.

— Раз ты сам признаешь это, Алексис, я слишком добрый хозяин, чтобы уличать тебя во лжи.

— И к тому же я принял решение.

— Это уже много — принять решение.

— Мое призвание, сударь, только в том, чтобы быть солдатом!

— Я отвечу тебе, как Луи Филипп сказал господину Дюпену: «Я думал об этом так же, как вы, сударь мой; только я не осмеливался вам об этом сказать».

— Когда вы пожелаете, чтобы я уехал?

— Назначь сам день твоего отъезда, Алексис.

— Как только вы дадите мне денег на дорогу.

— Вот тебе пятьдесят франков.

— Сколько стоит доехать до Парижа, сударь?

— Двадцать пять франков, Алексис, поскольку я предполагаю, что ты не поедешь первым классом.

— О, конечно же, нет!.. Значит, у меня останется двадцать пять франков!

— У тебя останется намного больше, Алексис.

— Сколько же у меня останется?

— У тебя останется четыреста пятьдесят франков, плюс двадцать пять франков, всего четыреста семьдесят пять франков.

— Я не понимаю, сударь.

— Ты служишь у меня пятнадцать месяцев; пятнадцать месяцев по тридцать франков как раз составят четыреста пятьдесят франков.

— Но, — возразил Алексис, покраснев под своим слоем сажи, — я думал, что служу у вас бесплатно.

— Ну, так ты ошибался, Алексис. Это был способ устроить для тебя сберегательную кассу; если ты захочешь быть умеренным

и купишь ренту на свои четыреста семьдесят пять франков, ты получишь двадцать три франка семьдесят пять сантимов дохода.

— И вы дадите мне четыреста семьдесят пять франков?

— Конечно.

— Это невозможно.

— Как невозможно, Алексис?

— Нет, сударь; потому что, в конце концов, если вы не должны были бы мне, даже если бы я хорошо служил вам, вы не можете дать четыреста семьдесят пять франков за плохую работу.

— И все же это так, Алексис. Только предупреждаю тебя, что в Бельгии очень суровые законы и, если ты откажешься, я могу тебя заставить.

— Я не хотел бы судиться с вами, разумеется; я знаю, что вы не любите процессов.

— Тогда иди на уступки, Алексис: возьми свои четыреста семьдесят пять франков.

— Я хотел бы предложить вам, сударь, одно соглашение.

— Какое именно? Ну-ну, Алексис, я только и хочу прийти к согласию между нами.

— Если вы сразу дадите мне четыреста семьдесят пять франков, я сразу их потрачу.

— Это возможно.

— В то время как если вы, напротив, будете так добры и разрешите мне получать пятьдесят франков в месяц у вашего издателя, господина Кадо…

— Хорошо, Алексис.

— … я смогу прожить восемь месяцев не хуже принца, а на девятый месяц у меня останется семьдесят пять франков, и с ними я поступлю на военную службу.

— Черт возьми! Алексис, я и не знал, что ты так силен в политической экономии.

Я дал Алексису двадцать пять франков наличными на дорогу и перевод платежа на Кадо.

После этого он попросил моего благословения и отбыл в Париж.

В течение восьми месяцев на бульварах только и видно было, что Алексиса; он был известен под именем Черного принца.

Затем, на девятый месяц, он, как и решил, поступил на военную службу.

Поспешим сказать, что на этот раз Алексис обнаружил свое подлинное призвание, на что указывает следующее письмо, полученное мною через два года после его отъезда:

«Господин и дорогой хозяин!

Настоящим письмом прежде всего хочу осведомиться о Вашем здоровье и затем сказать Вам, что я как нельзя более доволен. Я сделал большие успехи в фехтовании и только что стал помощником учителя фехтования. Хозяин не знает, что, когда достигаешь этого звания, обычно угощают своих товарищей.

Я знаю хозяина и ничего ему не говорю, кроме этого: обычно угощают своих товарищей.

Примите, сударь, уверения в моих вечных чувствах любви и признательности.

Алексис».

Алексис угостил своих товарищей; я не хочу этим сказать вам, что он устроил для них пир Трималхиона или обед Монте-Кристо, но, в конце концов, он их угостил.

Алексис пользуется сегодня дружбой своих товарищей и уважением начальников, которым я рекомендую его как честнейшего малого и лучшее сердце, какое я только знаю.

К несчастью, существует одно обстоятельство, которое всегда будет препятствовать продвижению Алексиса: он не умеет ни читать, ни писать; некогда император создал для храбрецов, находящихся в таком же положении, совершенно особое звание, для которого не было надобности в словесности.

Он причислял их к охране знамени: это был их маршальский жезл.

Вот, милые читатели, история Алексиса.

Теперь вернемся ко второму овернцу и его второй «обежьяне».

XXIV
МАКЕ ПОКУПАЕТ ВТОРОГО МУЖА ДЛЯ МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕГАРСЕН

Вы помните, что овернец упорно хотел продать мне свою вторую обезьяну и что на его неотступные просьбы я отвечал: если я сделаю это приобретение, мне понадобится слуга для обезьян.

По этому случаю Мишель, человек находчивый, предложил мне сделать Сулука главным надзирателем за четверорукими; упоминание имени Сулука вынудило меня дать те разъяснения насчет Алексиса, какие вы только что прочли.

Дав эти разъяснения, я вновь подхватываю нить моего повествования.

— И за сколько ты продашь свою обезьяну? — спросил я у овернца.

— Вы хорошо жнаете, школько вы жаплатили за ту.

— За ту я заплатил сорок франков, морскую свинку и двух белых мышей.

— Что ж, и эта будет штоить шорок франков, моршкую швинку и двух белых мышей.

— Купите же это прелестное животное, — сказал Жиро.

— Купи же эту несчастную обезьяну, — повторил Александр.

— Послушайте! Послушайте же! Вы очень милы! Сорок франков, это немало! И еще морская свинка и две белых мыши, это на дороге не валяется!

— Господа, — произнес Александр. — В один прекрасный день я докажу, что мой отец — самое скупое создание в мире.

Раздались протесты.

— Я докажу это, — утверждал Александр.

— Как жаль, — сказал Жиро, — такая ласковая зверюшка!

Он держал на руках обезьяну, и та целовала его, обхватив лапками за обе щеки.

— И к тому же, — заметил Мишель, — она как две капли воды похожа на вашего соседа, господина…

— Совершенно верно! — воскликнули все одновременно.

— Так! — продолжал Жиро. — А мне надо написать его портрет для Версаля… Право же, ты должен купить эту обезьяну, она будет позировать мне для головы, и это чертовски продвинет мою работу.

— Ну, купите ее! — просили все присутствующие.

— Что же, доказана ли скупость моего отца? — воскликнул Александр.

— Дорогой Дюма, — сказал Маке, — не угодно ли вам позволить мне, не присоединяясь к мнению вашего сына, подарить вам последнего из Ледмануаров?

— Браво, Маке! Браво, Маке! — восклицали собравшиеся. — Дайте урок этому скряге!

Я поклонился и ответил Маке:

— Дорогой мой Маке, вам известно: все, что исходит от вас, — желанно в этом доме.

— Он соглашается! — закричал Александр. — Видите, господа!

— Несомненно, я соглашаюсь. Ну, юный овернец, поцелуйте свою «обежьяну» в последний раз и, если вы собираетесь проливать слезы, пролейте их немедленно.

— А мои шорок франков, моршкая швинка и две белых мыши?

— Все собравшиеся за них отвечают.

— Тогда верните мне мою обежьяну, — потребовал овернец, протянув обе руки к Жиро.

— Видишь, как доверчива юность, — сказал Александр.

Маке достал из кармана две золотых монеты.

— Держи, — сказал он. — Вот для начала основная сумма.

— А моршкая швинка, а белые мыши? — твердил овернец.

— Ну, что до этого, — ответил Маке, — я могу только выплатить тебе их стоимость. Во что ты оцениваешь морскую свинку и двух белых мышей?

— Я думаю, что это штоит десять франков.

— Помолчи, мальчуган! — крикнул Мишель. — Один франк за морскую свинку и франк двадцать пять сантимов за каждую из белых мышей, всего три франка пятьдесят сантимов; дайте ему пять франков, господин Маке, и, если он останется недоволен, я сам им займусь.

— О господин шадовник! Вы неблагоражумны.

— Держи, — сказал Маке, — вот пять франков.

— Теперь, — произнес Мишель, — потритесь друг о друга мордочками, и покончим с этим.

Овернец, раскрыв объятия, приблизился к Жиро, но, вместо того чтобы броситься на шею своему бывшему владельцу, последний из Ледмануаров вцепился в бороду Жиро и, крича от страха, скорчил рожу овернцу.

— Так! — сказал Александр. — Обезьянам только этого и недоставало — стать неблагодарными. Платите скорее, Маке, платите скорее, не то он продаст вам его за человека.

Маке отдал последние пять франков, и овернец направился к двери.

По мере того как он удалялся, последний из Ледмануаров все более явно выражал удовольствие.

Когда тот совсем скрылся с глаз, обезьяна пустилась в пляс — этот танец, очевидно, был обезьяньим канканом.

— Смотрите, — сказал Жиро. — Смотрите же!

— Мы смотрим, черт возьми!

— Не туда: в клетку, взгляните же на мадемуазель Дегарсен.

В самом деле, самка, которой не внушал почтения пастушеский костюм новоприбывшего, изо всех сил отвечала ему телодвижениями из клетки.

— Не будем оттягивать счастье этих интересных животных, — предложил Маке.

Сняли цепь, открыли дверцу, и последнего из Ледмануаров впустили в клетку.

И по тому, как бросились навстречу друг другу два тела — мадемуазель Дегарсен и последнего из Ледмануаров — мы получили новое доказательство того, что система странствующих душ Платона не так порочна, как хотели бы заставить считать ни во что не верящие люди.

XXV
КАК МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕГАРСЕН ВЫТАСКИВАЕТ ПРОБКУ

Уверяю вас, не могло быть ничего комичнее свадьбы мадемуазель Дегарсен в ее простом костюме мартышки с последним из Ледмануаров в пастушеском наряде, и все это возглавлял Потиш, одетый трубадуром.

Поспешим заметить, что Потиш, казалось, был очень недоволен этим союзом и, будь у него та шпага, какой он фехтовал с хозяином в день нашего знакомства, вероятно, он, воспользовавшись преимуществом статьи 324 уголовного кодекса, смыл бы оскорбление, нанесенное супругу в его доме, кровью последнего из Ледмануаров.

Но, к счастью, никакого оружия у Потиша не было и все дело кончилось ужасной взбучкой, полученной им от последнего из Ледмануаров в ответ на проявление враждебности.

Потиш вовсе не принадлежал к тем удобным мужьям, которые закрывают глаза на все происходящее вокруг них: напротив, пережитые им огорчения полтора года спустя стали причиной его смерти.

Между тем появился Алексис с подносом, на котором стояли три или четыре стакана, бутылка шабли и бутылка сельтерской воды.

— Послушайте, — сказал Александр, — я кое-что придумал.

— Что же?

— Пусть мадемуазель Дегарсен откроет бутылку сельтерской воды.

И, не ожидая даже одобрения своей выдумки, Александр взял бутылку сельтерской и положил ее на пол клетки, как пушку на лафете.

Говорят «любопытный, как обезьяна».

Александр едва успел убрать из клетки голову и руку, как три моих плута, включая плутовку, окружили бутылку, с любопытством ее рассматривая.

Самка первой поняла, что механизм, каким бы он ни был, заключается в четырех веревочках, крест-накрест придерживавших пробку.

Поэтому она взялась за веревочку пальцами; но ее пальцы, такие сильные и ловкие, с ней не справились.

Тогда она прибегла к помощи зубов.

На этот раз дело пошло по-другому.

После нескольких секунд труда веревочка лопнула.

Оставалось еще три.

Мадемуазель Дегарсен немедленно вновь принялась за работу, набросившись на вторую веревочку.

Оба ее товарища, сидевшие справа и слева от нее, с возрастающим любопытством следили за ее действиями.

Вторая веревочка поддалась.

Две оставшиеся были на нижней стороне бутылки.

Потиш и последний из Ледмануаров, временно примирившиеся — по крайней мере, так это выглядело, — с удивительной ловкостью взялись за бутылку и повернули на пол-оборота вокруг ее оси.

Последние две веревочки оказались наверху.

Мартышка, не теряя времени, приступила к третьей веревочке.

Разорвав третью, она перешла к четвертой.

Чем ближе была развязка, тем с большим вниманием мы следили за операцией.

Само собой разумеется, зрители были увлечены не меньше актеров.

Животные и люди затаили дыхание.

Внезапно раздался страшный взрыв. Мадемуазель Дегарсен, повалившаяся на пол от удара пробкой, была залита сельтерской водой, а Потиш и последний из Ледмануаров, подскочив к потолку клетки, пронзительно визжали.

Во всех этих обезьяньих ужимках, напоминавших человеческие переживания, была такая vis comica[7], какую и представить себя нельзя.

— О, я готов пожертвовать своей долей сельтерской, — воскликнул Александр, — чтобы увидеть, как мадемуазель Дегарсен откроет вторую бутылку.

Мадемуазель Дегарсен поднялась с пола, встряхнулась и присоединилась к двум своим сородичам, висевшим на хвостах под потолком клетки головой вниз, подобно двум люстрам, и испускавшим при этом нечеловеческие вопли.

— А малыш Дюма верит, что она еще раз попадется на эту удочку! — сказал Жиро.

— Право же, я не удивился бы этому, — заметил Маке, — думаю, любопытство сильнее страха.

— Да они, — вмешался Мишель, — откроют столько бутылок сельтерской, сколько вы им дадите: эти твари упрямы как ослы.

— Вы так думаете, Мишель?

— Знаете ли вы, сударь, как их ловят на родине?

— Нет, Мишель.

— Как, вам это неизвестно? — произнес Мишель тоном человека, исполненного сострадания к моему невежеству.

— Расскажите нам об этом, Мишель.

— Вам известно, что обезьяны очень любят маис?

— Да.

— Так вот, сударь: маис насыпают в бутыль с горлышком такой ширины, чтобы как раз пролезла обезьянья лапка.

— Так, Мишель.

— Сквозь стенки бутыли они видят маис.

— Продолжайте, Мишель, продолжайте.

— Они просовывают лапку в горлышко и захватывают горсть маиса. В это время появляется охотник. Они до того упрямы — я имею в виду обезьян…

— Я понимаю.

— Они до того упрямы, что не желают выпускать захваченного, но, поскольку лапка, которая прошла раскрытой, не может пройти сжатой, их берут, сударь, с поличным.

— Что ж, Мишель, если наши обезьяны когда-нибудь убегут, вы знаете, как их поймать.

— О, вы можете не беспокоиться, я так и сделаю.

И Мишель крикнул:

— Алексис, еще бутылку сельтерской!

Мы должны сказать, правды ради и к чести Мишеля, что опыт был повторен во второй и даже третий раз, и совершенно так же.

Александр хотел продолжать, но я заметил, что у бедной мадемуазель Дегарсен нос распух, десны окровавлены и глаза выкатились из орбит.

— Дело не в этом, — возразил Александр, — ты жалеешь сельтерскую воду. Я говорил вам, господа, что мой отец, притворяясь мотом, в действительности самый скупой человек на свете.

XXVI
ГНУСНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОТИША, ПОСЛЕДНЕГО ИЗ ЛЕДМАНУАРОВ, МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕГАРСЕН И МИСУФА II

Простите мне отклонение от темы, но мы, наконец, добрались до Мисуфа II.

Однажды утром, когда я, проработав до трех часов ночи, в восемь еще был в постели, дверь тихонько отворилась.

Я говорил уже, что, как бы тихо ни открывалась моя дверь и каким бы глубоким ни был мой сон, я неминуемо просыпаюсь в ту самую секунду, как открывается дверь.

Так вот, я открыл глаза даже раньше, чем открылась дверь, и, поскольку было совсем светло, в дверной щели разглядел лицо Мишеля.

Он явно выглядел потрясенным.

— Ну и беда же приключилась, сударь! — сказал он.

— Что же случилось, Мишель?

— То, что эти негодные обезьяны, уж не знаю, как им это удалось, раскрутили в клетке одну ячейку, потом две, потом три, наконец проделали достаточно большую дыру, чтобы выбраться, и убежали.

— Что же, Мишель, мы предусмотрели такой случай: надо только взять три бутылки и купить маис.

— Да, сударь, вам смешно, — возразил Мишель, — но сейчас вы перестанете смеяться.

— Господи, но что же случилось, Мишель?

— Случилось, сударь, то, что они открыли вольеру…

— И птицы вылетели? Тем хуже для нас, Мишель, тем лучше для них.

— Дело в том, сударь, что ваши шесть голубиных пар, ваши четырнадцать перепелок и все ваши маленькие пташки — ткачики, амадины, рисовки, астрильды, кардиналы и вдовушки — все съедены.

— Мишель, обезьяны не могли съесть птиц.

— Нет; но они послали за неким господином, он-то их и съел, господин Мисуф.

— Ах, черт! Надо взглянуть, что там.

— Да, есть на что посмотреть, настоящее поле битвы!

Я соскочил с постели, натянул штаны и собрался идти.

— Подождите, — сказал Мишель, — посмотрим, где эти разбойники.

Я подошел к окну, выходившему в сад, и выглянул в него.

Потиш грациозно раскачивался, уцепившись хвостом за ветку клена.

Мадемуазель Дегарсен еще находилась в вольере и весело скакала с востока на запад и с юга на север.

Что касается последнего из Ледмануаров, он занимался гимнастикой на оранжерейной двери.

— Ну что ж, Мишель, надо всех их поймать. Я займусь последним из Ледмануаров, возьмите на себя мадемуазель Дегарсен. Крошка Потиш, когда останется один, придет сам.

— О сударь, не доверяйте ему: он лицемер. Он помирился с другим.

— Как, с любовником мадемуазель Дегарсен?

— Да, да, да!

— Я очень опечален за обезьянью породу; мне казалось, что подобные вещи происходят только среди людей.

— Не стоит смотреть на этих малых как на обезьян, — сказал Мишель. — Они вращались в обществе.

— Овернцев, Мишель.

— Но, стало быть, сударь, вы не читали отчета о процессе по делу об адюльтере, недавно происходившем между овернцем и овернкой?

— Нет.

— Так вот, сударь, совершенно то же самое. Муж спрятался — он сделал вид, что уехал в Овернь, но в ту же ночь вернулся и, честное слово, поймал овернку!

— Что поделаешь, Мишель! Подумать только, что причиной всему этому наши пьесы и наши романы, Гюго и мои. В конце концов, что бы там ни вышло с обезьянами, прежде всего надо их поймать.

— Вы правы, сударь.

— Так пойдем, Мишель.

И мы отправились.

К правонарушителям следует приближаться, лишь приняв некоторые меры предосторожности.

Мы — Мишель и я — приняли эти меры как полагается настоящим охотникам, и, когда простодушный Потиш, которого два его сообщника, казалось, поставили сторожить, подал сигнал, было слишком поздно. Я овладел входом в оранжерею, а Мишель — входом в вольеру.

Я вошел в оранжерею и закрыл за собой дверь.

Увидев, что дверь закрыта, последний из Ледмануаров не пытался бежать, но приготовился защищаться.

Он прижался в углу, чтобы обезопасить свои фланги и тыл, и начал с угрожающим видом двигать челюстями.

Я считал себя достаточно сведущим в трех великих искусствах — фехтовании, английском и французском боксе, — чтобы не слишком испугаться дуэли с обезьяной-капуцином.

Поэтому я направился прямо к последнему из Ледмануаров, который по мере моего приближения выказывал все большую враждебность.

Потиш, прибежавший из глубины сада, переступал с ноги на ногу, стараясь увидеть сквозь стекла оранжереи, что происходит между мною и последним из Ледмануаров, подбадривал его совершенно особенными горловыми модуляциями, а мне, своему хозяину, строил отвратительные рожи и плевал в лицо, насколько это возможно через стекло.

В это время послышались яростные вопли самки. Причиной явился Мишель, только что схвативший ее.

Ее вопли вывели из себя последнего из Ледмануаров.

Он подобрался и распрямился, словно выстрелил собой из арбалета.

Инстинктивным движением я отразил нападение по четвертой позиции.

Моя рука, встретившая тело обезьяны, отбросила его и припечатала в стенке.

Удар был таким сильным, что последний из Ледмануаров на мгновение лишился чувств.

Я воспользовался этим мгновением, чтобы схватить его за загривок.

Физиономия, пять минут тому назад красная и пылающая, как у посетителя «Нового погребка», сделалась бледной, словно маска Дебюро.

— Вы держите мадемуазель Дегарсен? — спросил я у Мишеля.

— Вы держите последнего из Ледмануаров? — в свою очередь поинтересовался Мишель.

— Да.

— Да.

— Браво!

И мы вышли, держа в руках каждый своего пленника, а Потиш тем временем спасался на верхушке единственного дерева в саду, испуская крики, которые могли сравниться лишь с жалобами Электры.

XXVII
ОБЕД НА ПЯТЬСОТ ФРАНКОВ

Тем временем позвали слесаря, и он починил решетку обезьяньей клетки. Мадемуазель Дегарсен и последний из Ледмануаров были жестоко отшлепаны и водворены на прежнее место.

При виде этого наказания Потиш стал жаловаться еще громче. Наконец — совершенно невероятная вещь, доказывающая, что обезьяна, как и человек, которому она во многом карикатурно подражает, испытывает потребность в рабстве, — после водворения в клетку двух преступников Потиш слез со своего дерева, робко, бочком приблизился к Мишелю и, сжав лапки, жалобными повизгиваниями попросил заключить его вместе с друзьями.

— Видите вы этого лицемера! — воскликнул Мишель.

Было ли это притворством? Или же преданностью?

Я склонялся к преданности; Мишель настаивал на притворстве.

В общем, Регул, вернувшийся в Карфаген, чтобы сдержать слово, и король Иоанн, предавший себя в руки англичан, чтобы снова встретить графиню де Солсбери, сделали не более того.

Приняв во внимание раскаяние Потиша, его простили.

А Мишель, взяв обезьяну за загривок, бросил беднягу в клетку, где его появление не было удостоено внимания ни последнего из Ледмануаров, ни мадемуазель Дегарсен.

Когда обезьянья самка не любит, она кажется почти такой же жестокой, как женщина.

Оставался Мисуф.

Мисуф, забытый в вольере, продолжал с равнодушием закоренелого преступника пожирать ткачиков, амадин и вдовушек.

Он, подобно виконту де В., пообедал на пятьсот франков.

Вы спросите меня, дорогие читатели, как понять это сравнение.

Так вот, виконт де В., брат графа Ораса де В. и один из самых тонких гурманов Франции — да и не только Франции, но и всей Европы, и не только Европы, но и всего мира, — однажды высказал в собрании (наполовину светских людей, наполовину артистов) следующее предположение:

— Один человек может съесть обед на пятьсот франков.

Раздались протесты.

— Невозможно, — послышались два или три голоса.

— Разумеется, — продолжал виконт, — что в понятие «есть» входит и понятие «пить».

— Еще бы!

— Итак, я говорю, что один человек, и, говоря о человеке, не имею в виду ломового извозчика, не так ли; я подразумеваю гурмана, воспитанника Монрона или Куршана, — так вот, я говорю, что один человек, воспитанник Монрона или Куршана, способен съесть обед на пятьсот франков.

— Например, вы?

— Например, я.

— Вы готовы биться об заклад?

— Вполне.

— Я ставлю пятьсот франков, — предложил один из присутствующих.

— А я их проем, — ответил виконт де В.

— Это надо в точности установить.

— Установить этот факт очень просто… Я обедаю в «Парижском кафе», я заказываю то, что мне хочется, и за обедом съедаю на пятьсот франков.

— Ничего не оставляя ни на блюдах, ни на тарелках?

— Простите, кости я оставлю.

— Это более чем справедливо.

— И когда это произойдет?

— Завтра, если вам угодно.

— Значит, вы не станете завтракать? — спросил кто-то.

— Я позавтракаю как обычно.

— Идет; завтра в семь часов в «Парижском кафе».

В тот же день виконт де В., как всегда, отправился обедать в модный ресторан. Виконт принялся за составление меню на завтра только после обеда, чтобы не подвергаться неприятным ощущениям под ложечкой.

Пригласили метрдотеля. Это было среди зимы — виконт назвал множество фруктов и ранних овощей; охотничий сезон закончился — виконт потребовал дичи.

Метрдотель попросил неделю.

Обед был на неделю отсрочен.

Справа и слева от стола виконта должны были обедать арбитры.

У виконта было на обед два часа: от семи до девяти.

Он мог по желанию разговаривать или молчать.

В назначенный час виконт вошел, поздоровался с арбитрами и сел за стол.

Меню оставалось тайной для противной стороны: ей было

уготовано удовольствие неожиданности.

Виконт сел. Ему принесли двенадцать дюжин остендских устриц и полбутылки йоханнисберга.

У него разыгрался аппетит: он заказал еще двенадцать дюжин остендских устриц и еще пол бутылку вина той же марки.

Затем появился суп из ласточкиных гнезд; виконт налил его в чашку и выпил как бульон.

— Право же, господа, я сегодня в ударе, — сказал он. — Мне очень хочется позволить себе одну прихоть.

— Позволяйте, черт возьми! Вы здесь распоряжаетесь.

— Я обожаю бифштекс с картофелем. Официант, бифштекс с картофелем.

Официант, удивленный, смотрел на виконта.

— Ну что, — спросил тот, — вы не понимаете?

— Понимаю; но мне казалось, что господин виконт уже сделал заказ.

— Верно; но это добавочное блюдо, я отдельно заплачу за него.

Арбитры переглянулись. Принесли бифштекс с картофелем, и виконт съел все до последней крошки.

— Готово!.. Теперь рыба.

Принесли рыбу.

— Господа, — произнес виконт, — вот эта рыба водится только в Женевском озере, но ее все же можно раздобыть. Мне показали ее сегодня утром, когда я завтракал: она была еще живая. Ее доставили из Женевы в Париж в озерной воде. Рекомендую вам это изысканное блюдо.

Через пять минут на тарелке лежали одни рыбьи хребты.

— Официант, фазана! — приказал виконт.

Принесли начиненного трюфелями фазана.

— Еще бутылку бордо той же марки.

Принесли вторую бутылку.

С фазаном было покончено за десять минут.

— Сударь, — сказал официант, — мне кажется, вы ошиблись, потребовав фазана с трюфелями перед сальми из ортоланов.

— Ах, черт возьми, и правда! К счастью, мы не договаривались о том, когда я буду есть ортоланов, не то я проиграл бы пари. Официант, сальми из ортоланов!

Принесли сальми из ортоланов.

Птичек было десять; виконт быстро проглотил их.

— Господа, — сказал он, — дальше совсем просто: спаржа, горошек, ананас и клубника. Вина: полбутылка константцского, полбутылка хереса. Потом, разумеется, кофе и ликеры.

Всему настал свой черед: фрукты и овощи были

добросовестно съедены, вина и ликеры выпиты до последней капли.

Виконт потратил на обед один час четырнадцать минут.

— Господа, — сказал он, — согласны ли вы, что все было честно?

Арбитры подтвердили.

— Официант, карту!

В то время еще не говорили «счет».

Виконт бросил взгляд на сумму и передал карту арбитрам.

Вот она:

«Остендские устрицы, 24 дюжины — 30 фр.
Суп из ласточкиных гнезд — 150
Бифштекс с картофелем — 2
Фазан с трюфелями — 40
Сальми из ортоланов — 50
Спаржа — 15
Горошек — 12
Ананас — 24
Клубника — 20

ВИНА

Йоханнисберг, одна бутылка — 24
Бордо, лучший сорт, две бутылки — 50
Константское, полбутылка — 40
Херес, вернувшийся из Индии, полбутылка — 50
Кофе, ликеры — 1 фр. 50 с.

_____
508 фр. 50 с.»

Счет проверили: он был правильным.

Карту отнесли противнику виконта, обедавшему в задней комнате.

Он вышел через пять минут, поклонился виконту и, вытащив из кармана шесть билетов по тысяче франков, протянул ему.

Это была сумма пари.

— О, к чему было так спешить, сударь, — сказал виконт. — Впрочем, вы, может быть, хотите отыграться?

— Вы готовы предоставить мне эту возможность?

— Вполне.

— Когда же?

— Да прямо сейчас, сударь, если это доставит вам удовольствие, — с великолепной простотой ответил виконт.

Проигравший размышлял в течение нескольких секунд.

— Ну, нет! — ответил он. — Право же, после всего увиденного я верю, что вы способны на все.

XXVIII
СУД И ПРИГОВОР МИСУФУ

Мы расстались с Мисуфом, когда он пожирал в вольере ткачиков, кардиналов и вдовушек.

Поймать его было нетрудно.

Закрыв вольеру, мы отдали виновного в руки правосудия.

Надо было решать его участь.

Мишель высказывался за один ружейный выстрел.

Я воспротивился этому наказанию, казавшемуся мне слишком жестоким.

Я предложил подождать следующего воскресенья, с тем чтобы Мисуфа судили друзья, обычно приходившие в этот день.

Помимо сбора еженедельных гостей, можно было объявить внеочередной созыв.

Предложение было принято, и суд отложили до воскресенья.

Пока что Мисуфа заперли на месте преступления. Мишель убрал все до единого трупы, которыми тот лакомился без зазрения совести. Мисуфа посадили на хлеб и воду, и Мишель стал его стеречь.

В воскресенье собрались еженедельные друзья, были созваны чрезвычайные друзья, и нас оказалось достаточно для того, чтобы начать суд.

Мишель был назначен прокурором, Ножан-Сен-Лоран — защитником.

Должен сказать, что присяжные были настроены явно недоброжелательно, и после речи прокурора почти не оставалось сомнений в смертном приговоре.

Но ловкий адвокат, принявший обвинение всерьез, призвал на помощь все свое красноречие и обрисовал в надлежащем свете простодушие Мисуфа, хитрость обезьян, некую вялость четвероногого, бешеную активность четвероруких. Он доказал, что последние, близкие к людям, должны испытывать человеческие дурные побуждения. Он показал неспособность Мисуфа замыслить подобное злодеяние. Он изобразил его спящим сном праведника; поведал, как безмятежный сон внезапно был прерван мерзкими тварями, которые, находясь против вольеры, давно уже задумали это преступление. Виделось, как Мисуф, наполовину проснувшись, потягивается, мурлычет, разевая розовую пасть, где выгибается язык, похожий на языки геральдических львов; как он выслушивает, шевеля ушами (доказательство его несогласия), гнусное предложение, с каким

посмели к нему обратиться; вначале он ответил отказом (адвокат уверял, что его подзащитный вначале отказывался), затем он — юный, обладающий податливым характером и развращенный кухаркой (в нарушение полученных ею строгих указаний она кормила его вместо молочной кашки или бульона кусочками легких, остатками бычьего сердца и обрезками отбивных, пробуждая в нем аппетит хищника), — понемногу поддался на уговоры, скорее по слабости и из подражания, чем из жестокости и чревоугодия; еще не совсем проснувшись, жмурясь, на нетвердых ногах он последовал за презренными обезьянами, настоящими подстрекателями к преступлению. Адвокат взял обвиняемого на руки, показал его лапы, обратил внимание на их строение, воззвал к анатомам, заклиная их сказать, можно ли такими конечностями открыть запертую на задвижку вольеру. Наконец, он позаимствовал у Мишеля его замечательный «Словарь естественной истории», открыл статью «Кот», разделы «Кот домашний», «Кот полосатый», и доказал, что Мисуф, не наделенный тигровой раскраской, не становится от этого менее привлекательным, поскольку природа наградила его белой шкуркой, символом его характера; в заключение он с горячностью ударил по книге.

— Кот! — вскричал он. — Кот!.. Вы увидите, что́ прославленный Бюффон, человек в кружевных манжетах, писал, припав к стопам Природы, о котах:

> *«Кот,* — говорит господин де Бюффон, — *неверный слуга; его держат в доме лишь по необходимости, выставляя его против других домашних врагов, которые еще более неприятны и которых невозможно прогнать… Хотя кот,* — продолжает господин де Бюффон, — *особенно в детстве, бывает милым, он в то же время от рождения наделен хитростью, лживым характером, порочной натурой, что с возрастом усиливается и может быть лишь замаскировано воспитанием».*

Что же, — воскликнул оратор, прочитав о физиологии своего клиента, — что остается мне сказать теперь?.. Мисуф, бедняга Мисуф, разве он явился к нам с фальшивым аттестатом, подписанным Ласепедом или Жоффруа Сент-Илером, чтобы сгладить впечатление от статьи господина де Бюффона? Нет. Кухарка сама отправилась за ним к господину Акуайе, она полезла за бедным животным в кучу хвороста, где он прятался; она обманула хозяина, чтобы смягчить его сердце, сказав, что нашла котенка плачущим в подвале. Дали ли ему понятие о преступлении, которое он совершил, задушив этих несчастных

птичек, погубив эти бедные крошечные создания, конечно, достойные жалости за то, что были задушены, но, которые, в конечном счете, — особенно перепелки, предназначенные в пищу человеку, — рано или поздно должны были быть умерщвлены, а теперь они избавлены от ужаса, какой должны были испытывать всякий раз, как видели приближающуюся к их пристанищу кухарку?.. Наконец, господа, я взываю к правосудию: с тех пор как изобрели слово «мономания» для оправдания человеческих преступлений, то есть преступлений двуногого и лишенного перьев животного, наделенного свободной волей; после того как при помощи этого слова спасли головы величайших преступников, — не согласитесь ли вы, что несчастный и достойный сочувствия Мисуф поддался не только естественным инстинктам, но еще и постороннему влиянию?.. Я все сказал, господа. Я требую для моего подзащитного преимущества смягчающих обстоятельств.

Эта защитительная речь, полностью импровизированная, была встречена криками восторга; присяжные проголосовали под впечатлением красноречия великого адвоката, и Мисуф, признанный виновным как соучастник убийства голубок, перепелок, вдовушек, амадин и ткачиков, но при смягчающих обстоятельствах, был приговорен всего к пяти годам обезьянника.

Именно этому наказанию он и подвергался в одной клетке с четверорукими в тот день, когда Маке, Атала Бошен, Матарель и мой сын смотрели на них и слушали пояснения Рускони с теми разнообразными и порой противоречивыми душевными движениями, какие вызывает посещение каторжников.

XXIX
ДОН РУСКОНИ

Я заметил, что неосторожно и, по своему обыкновению, внезапно, ввел в повествование новое лицо.

Этот впервые упомянутый мною персонаж — дон Рускони, как называют его в моем доме и моем окружении.

Дон Рускони родился в Мантуе, как Вергилий и Сорделло.

Не ждите, что я изложу вам биографию Рускони: она заняла бы несколько томов, а объем нашей книги не позволяет нам вставлять в нее подобные описания.

В жизни Рускони было три кульминационных момента.

Он выпил чашку кофе в обществе Наполеона на острове Эльба; он участвовал в 1822 году в заговоре Карреля в Кольмаре; наконец, в Нанте он получил из рук г-на де Менара знаменитую шляпу, которую, как уверяют, хранит по сей день семья конюшего его высочества как бесценную память о госпоже герцогине Беррийской.

Как Рускони, пивший кофе с Наполеоном на Эльбе, участвовавший в заговоре Карреля в Кольмаре и в аресте герцогини Беррийской в Нанте, дошел до того, чтобы показывать моих обезьян на вилле Медичи?

Это была одновременно и одиссея и илиада.

Рускони, участвовавший в кампании 1812 года с итальянской дивизией генерала Фонтанелли, во время поражений 1814 года уехал в Милан.

Там он узнал, что его император, раздавший столько тронов, только что и сам получил один.

Правда, Священный союз не слишком расщедрился: это был всего лишь престол острова Эльба.

Тогда Рускони решил посвятить себя служению своему императору.

При посредстве Вантини, императорского прокурора острова Эльба, он получил место комиссара особой полиции в Портоферрайо.

Как-то раз произошла стычка между гвардейцами и горожанами; комиссар города составил донесение на итальянском.

Донесение попало к Камбронну.

Камбронн не знал ни слова по-итальянски и не собирался пробыть на Эльбе так долго, чтобы у него возникла необходимость выучить этот язык.

Он послал за Рускони, чтобы тот перевел ему донесение коллеги.

Рускони дошел только до второй строчки, когда генерал Друо потребовал донесение.

Поскольку генерал Друо знал итальянский не лучше Камбронна, ему вместе с донесением требовался и переводчик.

Генерал Камбронн отправил Рускони с донесением в руках к генералу Друо.

Генерал Друо как раз садился за стол.

Он пригласил Рускони пообедать, с тем чтобы за десертом Рускони перевел ему донесение.

Но высшие силы решили, что донесение не будет переведено.

Хозяин и гость пили кофе, когда вошел император.

Император пришел за донесением.

— Но, — сказал ему Друо, — оно же написано по-итальянски, сир.

— Ну и что? — ответил император. — Разве я не корсиканец?

Взяв донесение, он стал читать его.

Но, продолжая читать, он заметил:

— Ваш кофе хорошо пахнет!

— Если бы я осмелился, то угостил бы ваше величество, — предложил генерал.

— Угостите, Друо; но, предупреждаю вас, я люблю его пить горячим.

Рускони бросился ставить серебряный кофейник на раскаленные угли, и Наполеон, покончив с донесением, с удовольствием выпил чашку кипящего кофе.

Затем он предложил кофе Друо и Рускони.

Они выпили его остывшим, но они пили кофе с Наполеоном.

Вот как свершилось это великое событие, так глубоко запечатлевшееся в памяти Рускони.

Рускони вернулся во Францию вместе с императором, но после Ватерлоо ему пришлось начать новую жизнь.

Он уехал в Кольмар и, благодаря своим кадастровым познаниям, стал зарабатывать себе на хлеб, измеряя Францию в том виде, в каком оставили ее нам союзники.

Но Франция, оставленная нам союзниками, не была той Францией, которую любил Рускони. Поэтому он, познакомившись с заговорщиком Каррелем, присоединился к заговору.

Во главе этого заговора стоял генерал Дермонкур, бывший адъютант моего отца.

Переворот должен был произойти 1 января 1822 года.

Заговор был раскрыт 28 декабря 1821 года.

Рускони играл в домино в кафе, когда к нему пришли

предупредить, что отдан приказ арестовать его, генерала Дермонкура и Карреля.

Он поверил известию, потому что эту новость сообщил секретарь суда, только что подписавший ордера на арест.

Рускони побежал домой. Он был казначеем общества; насыпав в карманы пятьсот луидоров, на тот момент составлявшие казну, он побежал к Каррелю.

Карреля не было дома.

Раз уж Рускони начал бегать, он побежал к генералу Дермонкуру.

Генерала Дермонкура не было дома.

Двадцатитрехлетний Каррель и пятидесятилетний Дермонкур не ночевали дома по одной и той же причине.

О, как прав г-н Жакаль, который при любых обстоятельствах говорит: «Ищите женщину!»

Рускони было чем заняться кроме поисков женщины: ему надо было спрятать в надежное место свою драгоценную особу.

Он оставил записку каждому из своих товарищей и спрятался в лесу, тянувшемся вдоль дороги на Кольмар.

По этой дороге заговорщики должны были бежать.

Первым появился Каррель; было около шести часов утра. Рускони окликнул его и назвал себя.

Каррель был предупрежден и бежал.

— Нужны вам деньги? — спросил его Рускони.

— А что, они у вас есть? — спросил удивленный Каррель.

— У меня есть пятьсот луидоров, — ответил Рускони.

— Дайте мне пятьдесят, — сказал Каррель.

Рускони дат ему пятьдесят луидоров, и Каррель ускакал галопом.

Едва затих стук копыт лошади Карреля, как послышался галоп другого коня.

Это, в свою очередь, спасался Дермонкур.

Рускони показался со своими четырьмя с половиной сотнями луидоров.

Всегда приятно встретить четыреста пятьдесят луидоров, особенно когда ты замешан в заговоре, покидаешь Францию и не знаешь, когда вернешься туда.

Дермонкур посадил позади себя казначея с казной.

Затем, вместо того чтобы направляться к мосту у старого Брейзаха, где их, вероятно, уже ждали, они повернули к дому одного из родственников генерала Дермонкура.

На следующий день после приезда генерала и Рускони к этому родственнику в тех местах только и говорили, что о большой охоте на водоплавающих птиц, которую устраивали на

островах. Пятьдесят охотников, из тех, кто обладал наиболее передовыми взглядами, были на нее приглашены. Они могли бы противостоять всему корпусу жандармов департамента, если бы тем взбрело в голову спросить у охотников разрешение на ношение оружия.

Впрочем, для большей верности, вместо того чтобы зарядить ружья дробью седьмого или восьмого номера, как это делают, когда охотятся на куликов, охотники зарядили их, сообразно своей фантазии, кто пулями, кто мелко нарубленным свинцом.

Все отправились на охоту.

Снарядили двадцать лодок, настоящую флотилию.

Одна из лодок отклонилась от курса — ее, несомненно, отнесло течением — и высадила двух охотников на другом берегу Рейна, то есть на чужой земле.

Этими двумя охотниками были генерал Дермонкур и его верный Рускони.

Генерал Дермонкур вернулся во Францию, как только вышло постановление о прекращении дела.

Рускони пришлось труднее, он был итальянец, иностранец, но и он наконец вернулся и снова принялся измерять Францию.

Разразилась революция 1830 года; Дермонкур вновь оказался удел и взял Рускони секретарем.

Назначенный командующим в департамент Нижней Луары, он увез Рускони с собой в Нант.

Десятого ноября 1832 года, в девять часов утра, Рускони сидел в мансарде дома, принадлежавшего девицам де Гиньи, и спокойно болтал с двумя жандармами, гревшими у огня ноги, бросая в камин газеты, когда вдруг неизвестно откуда послышался крик:

— Поднимите доску камина, мы задыхаемся!

Жандармы подскочили в креслах; Рускони на три шага отступил назад.

В чугунную доску камина все это время стучали.

— Эй! Скорее, скорее, мы задыхаемся! — повторил тот же голос.

Тогда они поняли, откуда шел голос и кто задыхался.

Жандармы бросились поднимать доску и сделали это с великим трудом: она раскалилась докрасна.

Потом они расчистили камин, чтобы открыть проход пленникам.

После этого пленники спустились в следующем порядке.

Сначала ее королевское высочество герцогиня Беррийская. По заслугам и почет, скажете вы.

Ничего подобного — здесь ни при чем почет и заслуги:

Мадам была ближе всех к доске, она вышла первой, вот и все.

Услужливый Рускони галантно предложил ей руку.

Затем вышла мадемуазель де Керсабьек — ей это стоило большего труда: она была так толста, что никак не могла пролезть. Пришлось тянуть ее, и в конце концов она оказалась рядом с герцогиней.

За ней появился г-н де Менар, выскользнувший самостоятельно: он был таким длинным и тонким, что, если бы не его нос, он протиснулся бы и в кошачий лаз. Только ему мешала шляпа, которую он держал в руке и к содержимому которой относился, казалось, с величайшим почтением.

История умалчивает о том, что именно лежало в шляпе г-на де Менара; она нам этого не открыла, и мы проявим такую же скромность, как история.

Мы рассказали о том, как Рускони пил кофе с императором Наполеоном, участвовал в заговоре с Каррелем и принял из рук г-на де Менара драгоценное вместилище, содержавшее загадочную святыню.

Но как Рускони, исполнив свое высокое предназначение, опустился до меня?

Нам остается сообщить только об этом, и рассказ не будет долгим.

Генерал Дермонкур был отправлен в отставку за то, что говорил с госпожой герцогиней Беррийской, держа шляпу в руке, в то время как господин префект, Морис Дюваль, говорил с ней, не снимая шляпы.

Отставленный Дермонкур более не нуждался в секретаре.

Не имея надобности в секретаре, он расстался с Рускони.

Но, расставаясь с Рускони, он вручил ему письмо ко мне.

В этом письме он просил меня устроить при мне синекуру, на которой Рускони мог бы спокойно прожить годы старости.

Подобно Арбогасту г-на Вьенне,

> За службу он просил себе одну награду —
> Дать поздним дням его спокойную отраду.[8]

Я предоставил ему искомую синекуру. Рускони поступил ко мне, кажется, в 1834 году. Он и сегодня у меня.

Стало быть, вот уже двадцать три года, как я, если не считать моих заграничных поездок, имею счастье ежедневно видеть Рускони.

Что он у меня делает?

Это очень трудно сказать: все и ничего. Я придумал для этого глагол, очень выразительный: он русконит.

Все те услуги, какие человек может оказать себе подобному, входят в беспредельное понятие глагола «русконить».

XXX
ГЛАВА, В КОТОРОЙ МУТОН ПОКАЗЫВАЕТ СВОЙ УЖАСНЫЙ ХАРАКТЕР

Итак, Рускони находился у меня для того, чтобы оказывать мне услуги.

В эту самую минуту он оказывал мне услугу, разъясняя гостям нравы моих обезьян.

Само собой разумеется, что Рускони, чрезвычайно целомудренный по своей природе, как мог, смягчал и приукрашивал их.

В это время я, в канифасовых брюках и батистовой рубашке, сидел в своем домике с цветными окошками, работая, как уже сказал вам, над «Бастардом де Молеоном»; как я тоже сказал вам, работая, я поглядывал на Мутона, который выкапывал из земли один из георгинов Мишеля, но вовсе не один из моих георгинов, поскольку я никогда не считал георгин принадлежащим мне цветком (я даже не вполне уверен, что это цветок, так как не признаю цветов, совершенно лишенных аромата).

Так вот, продолжая писать, я поглядывал на Мутона, который выкапывал из земли один из георгинов Мишеля, и говорил про себя:

«Будь уверен! Вот только я закончу свою битву, и ты будешь иметь дело со мной».

Битва, которую я в ту минуту описывал, происходила между собакой и мавром; для собаки, как вы видели, позировал Мутон.

Собственно, вот дословно то, что я писал:

> *«Но едва они отошли футов на пятьдесят, как в темноте вдруг возникла белая неподвижная фигура. Великий магистр, не зная, кто бы это мог быть, пошел прямо на сие привидение. Это был второй часовой, закутанный в плащ с капюшоном; он преградил им путь копьем, сказав по-испански с гортанным арабским выговором:*
>
> *— Прохода нет.*
>
> *— А этот откуда? — спросил дон Фадрике у Фернана.*
>
> *— Не знаю, — ответил паж.*
>
> *— Разве не ты поставил его здесь?*
>
> *— Нет, он же мавр.*

— Пропусти нас, — приказал по-арабски дон Фадрике.

Мавр покачал головой, держа у самой груди великого магистра копье с острым наконечником.

— Что все это значит? Меня что, взяли под стражу? Меня, великого магистра, меня, принца? Эй, стража! Ко мне!

Фернан достал из кармана золотой свисток и засвистел».

Пока я писал этот диалог, Мутон со все возрастающим ожесточением продолжал выкапывать свой георгин, вот тогда я и сказал: «Будь уверен, вот только я закончу свою битву, ты будешь иметь дело со мной».

И сделав жест, ничего хорошего Мутону не обещавший, я продолжал:

> *«Но раньше стражи и даже раньше часового-испанца, стоявшего в пятидесяти шагах позади них, вихрем, огромными прыжками примчался Алан: он узнал голос хозяина и понял, что тот зовет на помощь; ощетинившийся пес стремительно, подобно тигру, кинулся на мавра и с такой силой вцепился ему в горло, прикрытое складками плаща, что солдат упал, успев издать крик тревоги».*[9]

— Так! — положив перо, сказал я. — Вот я и закончил бой и абзац; теперь держись, Мутон!

Я в самом деле вышел и молча, тихонько приблизился к Мутону и приготовился дать ему самый жестокий пинок, на какой я, обутый в туфли, был способен, в ту часть тела, которую он мне подставил.

Это оказалась задняя часть.

Я прицелился получше и, как и обещал, дал ему пинка.

Нанесенный довольно низко, удар, кажется, не стал от этого менее болезненным.

Мутон глухо заворчал, обернулся, попятился на два или три шага, глядя на меня налитыми кровью глазами, и устремился к моему горлу.

К счастью, догадавшись, что должно было произойти, я успел занять оборонительную позицию, то есть, пока он летел на меня, я выставил навстречу ему обе руки.

Моя правая рука оказалась у него в пасти, левая схватила его за горло.

Тогда я ощутил боль, будто мне вырвали зуб (больше мне не с чем ее сравнить), только зуб рвут одну секунду, а мои мучения продолжались пять минут.

Это Мутон терзал мою руку.

Я в это время его душил.

Мне было совершенно ясно одно: пока я держу его, моя единственная надежда на спасение заключается в том, чтобы сжимать горло все сильнее, пока он не начнет задыхаться.

Именно это я и делал.

К счастью, рука у меня хоть и небольшая, но сильная: все, что она держит, за исключением денег, она держит крепко.

Она так крепко держала и сжимала горло Мутона, что пес захрипел. Это приободрило меня, и я сжал горло еще сильнее; Мутон захрипел громче. Наконец, собрав все силы, я надавил в последний раз и с удовлетворением почувствовал, что зубы Мутона начинают разжиматься. Секунду спустя его пасть открылась, глаза закатились, он упал без чувств, а я так и не выпустил его горло. Но правая рука моя была покалечена.

Придавив коленом голову собаки, я позвал Александра.

Александр прибежал на зов.

Я был весь залит кровью.

Зверь не только разодрал мою руку до кости, но и расцарапал когтями мне грудь, и из ран струилась кровь.

Александру с первого взгляда показалось, что борьба еще не кончена; он побежал в гостиную и вернулся с арабским кинжалом.

Но я остановил его.

— Не надо! — сказал я. — Мне очень хочется увидеть, как он станет есть и пить, и убедиться, что он не взбесился. Пусть ему наденут намордник и отведут в конюшню.

Позвали Мишеля; Мутону надели намордник, и только тогда я выпустил из рук его горло.

Мутон был по-прежнему без чувств.

Подняв пса за четыре лапы, его отнесли в конюшню.

Я же побежал прямо в гостиную, понимая, что, как только сяду, мне станет дурно.

XXXI
ЯРЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ АВТОГРАФОВ

Когда я пришел в себя, меня окружали мои гости.

Прежде всего я взглянул на свою руку.

Ладонь у меня была рассечена до кости, пясть прокушена в двух местах, последняя фаланга мизинца едва держалась.

Может быть, вы подумаете, дорогие читатели, что, придя в сознание, я занялся собой.

Вовсе нет.

— Мутон уже пришел в себя? — спросил я.

Кто-то побежал в конюшню.

Мутон пришел в себя, только, как и я, не мог встать.

— Хорошо, — сказал я. — Приведите мне полкового хирурга.

— Почему полкового хирурга? — спросил Александр.

— У меня есть на то свои причины.

Минута была неподходящей для того, чтобы со мной спорить: послали за полковым хирургом.

Через десять минут он был около меня.

— Сначала надо сделать прижигание, — сказал он.

— Нет, — ответил я.

— Как это нет?

— Потому что я боюсь не бешенства, я боюсь лишь столбняка.

— Вы уверены, что собака не бешеная?

— Уверен; я сам спровоцировал нападение, я сам виноват.

После того, как я признал свою вину, оставалось только избрать метод лечения.

— Здесь я тоже все решил, — сказал я врачу. — Вы будете лечить меня ледяной водой по методу Бодена и Амбруаза Паре.

— Зачем же, в таком случае, вы посылали за мной, если не хуже меня знаете, как надо поступить? — спросил врач.

— Милый доктор, я послал за вами, чтобы вы соединили ткани и вправили вывихнутые кости.

Доктор, взяв мою руку, выпрямил скрюченные указательный, средний и безымянный пальцы, прикрепил повязкой последнюю фалангу мизинца, затампонировал раны корпией, подвязал большой палец и спросил меня, где я собираюсь установить свой гидравлический аппарат.

У меня был прелестный сосуд для воды из руанского фаянса, с кранами из позолоченного серебра; я прикрепил к крану соломинку, наполнил сосуд льдом и повесил его на стену.

Затем я велел поставить под ним складную кровать, устроить

подставку для руки, улегся на кровать и приказал открыть кран.

Так я провел три дня и три ночи, поднимаясь лишь для того, чтобы взглянуть, пьет ли и ест ли Мутон.

Но Мутон не ел и не пил.

В первый день я не придал этому значения.

Во второй день я слегка забеспокоился.

На третий день я был более чем встревожен.

Этому негодяю сварили суп из всех остатков мяса, какие нашли, ему налили целую лоханку чистой воды.

Наконец, в середине третьего дня, когда, ненадолго отойдя от своего крана ради одного из посещений Мутона — а я навещал его все чаще и чаще по мере того, как шло время, — я с радостью увидел, что Мутон опустил морду в суп.

Потом, как хорошо воспитанный пес, знающий, что после еды полезно пить, Мутон, покончив с супом, направился к своей лоханке.

Он не успел обмакнуть в нее язык, как я закричал:

— Мишель!

Явился Мишель.

— Вы звали меня? — осведомился он.

— Да, друг мой; вы можете отвести Мутона к Шалламелю: я увидел то, что хотел увидеть.

Мишель просунул голову в окошко конюшни, освободившееся, как только я от него отошел.

— Что вы же хотели увидеть?

— Я хотел увидеть, станет ли Мутон есть, станет ли пить; Мутон пил и ел, и я доволен.

— Так! — сказал, Мишель. — Не боялись ли вы взбеситься?

— Ну, Мишель…

— О, если господин этого боялся, так я знаю отличное средство против бешенства. Для начала вы берете куриный помет, кладете его в молоко и оставляете киснуть; потом прибавляете полстакана конской мочи…

— Простите, Мишель, ваше лекарство для внутреннего употребления или для наружного?

— Не понимаю.

— Я спрашиваю вас о том, растираются им или глотают.

— Его глотают, сударь; но я не назвал вам и половины его составных частей.

— Я услышал достаточно, Мишель; раз я больше не боюсь заболеть бешенством, я не нанесу ущерба вашему средству.

— И все же сударь, для большей безопасности…

— Мишель, уведите Мутона.

— Ну, иди сюда, разбойник! — позвал пса Мишель.

И он увел Мутона, удалившегося своей ленивой походкой, которой изменил всего лишь раз — для того, чтобы схватить меня за горло.

Мишель вернулся через четверть часа.

— Вы не спешили, — заметил я.

— Еще бы, — ответил Мишель. — Господин Шалламель не хотел его брать назад.

— И почему же он не хотел его брать?

— Кажется, хозяин отделался от этого пса, потому что он кусался.

— Ну, что ж, Мишель, когда увидите Шалламеля, вы его поблагодарите особенно усердно, не так ли?

Не знаю, как Мишель благодарил Шалламеля и сколько раз, однако мне известно, что Шалламель до сих пор на меня сердит за то, что я вернул ему Мутона.

Первые три дня я не скучал: страх заболеть бешенством полностью прогонял скуку; но, когда я избавился от этих опасений, в моею голове вновь завертелся «Бастард де Молеон».

К несчастью, довольно неудобно писать, когда рука совершенно неподвижна и лежит на дощечке; но я не отчаивался. Я собрал все свои познания в механике, вставил стержень пера в своеобразный зажим, устроенный мною между указательным, средним и безымянным пальцами, и, двигая предплечьем вместо пальцев и кисти, продолжил свой рассказ с того самого места, на котором его оставил, чтобы дать Мутону тот самый злополучный пинок, приведший к бедствию; только, как вы сами понимаете, этот новый способ исполнения произвел большую перемену в почерке.

Между тем Гюден (он был моим соседом) зашел меня навестить; я заметил, что он приближается ко мне с некоторыми предосторожностями: уже пустили слух, что после того как меня укусила бешеная собака, у меня был первый припадок бешенства.

Я успокоил Гюдена и показал ему свое изобретение.

Гюден горячо хвалил его.

Затем, просто так, без всякого умысла, он сказал:

— Знаете ли вы, что у меня, самого большого коллекционера автографов во всем Париже, нет ни одного вашего автографа?

— Неужели!

— Ни одного.

— И вы считаете, что сейчас самое подходящее время им обзавестись, не так ли?

— О, ну что вы!..

— Что ж, милый мой Гюден, я дам вам его, и даже весьма любопытный, и такой, каким никто другой не сможет

похвастаться.

— Каким образом?

— Я подарю вам первый том «Бастарда де Молеона», написанный двумя почерками: здоровой рукой и поврежденной; вы сможете рассказывать о причине этой перемены, и это будет и автограф и история вместе.

— О, но мне в самом деле очень стыдно! — сказал Гюден.

— Не стыдитесь, дорогой друг; вы подарите мне рисунок, и мы будем квиты.

— Договорились.

— Хорошо; присылайте узнавать каждый день, как идут дела, и, когда том будет закончен, я вручу его вашему слуге.

— Ах, только этого недоставало! Я сам приду.

И Гюден действительно приходил каждый день.

На третий день он унес свой том.

Теперь я жду, чтобы собака укусила Гюдена за руку, тогда я ему скажу: «Друг мой, известно ли вам, что у меня нет ни одного вашего рисунка?»

XXXII
МОЙ ПЕРВЫЙ ЗАЯЦ

Открылся сезон охоты.

Мы — Ватрен, Мишель и я сам — ждали этого с нетерпением.

Первого сентября нам предстояло вынести окончательное суждение о Причарде.

С детства я каждый год отправлялся открывать охоту в одно и то же место: к славному фермеру по имени Моке, в Брассуар. Именно там я, охотясь вместе с моим зятем и с г-ном Девиоленом, убил своего первого зайца.

Это великое дело — убить своего первого зайца; думаю, я меньше переживал свой первый литературный успех.

Каждый раз, открывая охоту в Брассуаре, я отправлялся взглянуть на памятное место и, если со мной кто-то был, торжественно объявлял ему:

— Вот здесь я убил своего первого зайца.

Хотите ли вы, чтобы я рассказал вам о том, как убивают первого зайца? Я почувствую себя на сорок лет моложе. К тому же сейчас я, по совету моего друга доктора Демарке, сижу, положив ногу на стул, у меня излияние синовиальной жидкости в колене, и это означает, что, возможно, я в прошлом году убил своего последнего зайца.

Мне было тринадцать лет; у меня было красивое одноствольное ружье с бархатной подушечкой на прикладе, показывающей, что оно было дамским ружьем, прежде чем попасть в руки к ребенку.

Мой зять и г-н Девиолен добились от моей бедной матушки разрешения для меня отправиться вместе с ними устраивать облаву в Брассуаре.

Я был настоящим новобранцем: в моем послужном списке значились семь жаворонков и одна куропатка.

Во все время обеда — известно, сколько тянется обед на ферме — я был предметом шуток всех собравшихся; но, когда мы вставали из-за стола, Моке тихо сказал мне:

— Не обращайте внимания, я поставлю вас на хорошее место, и не моя вина будет, если завтра вечером вы не сможете посмеяться над ними.

Что за ночь я провел! Я слышал, как бил каждый час, и считал удары. В шесть я встал, оделся, вышел и стал ждать во дворе; была глубокая ночь, и все крепко спали.

В семь часов начали отворяться окна; в восемь собрались

охотники и десятка три крестьян выстроились в ряд у ворот фермы.

Это были загонщики.

Охота началась сразу за воротами.

Господин Моке поставил меня в сотне шагов от фермы, в песчаном овраге. Дети, играя, выкопали там в песке большую яму. Господин Моке показал ее мне и предложил туда забраться, уверяя, что, если я не буду двигаться, зайцы придут погреть мне ноги.

Это было бы не лишним: был сильный, пронизывающий холод.

Облава началась.

После первых криков загонщиков два или три зайца поднялись и, посоветовавшись о том, какой путь им избрать, направились, подобно трем Кур нациям, рассказ о битве которых я переводил накануне из «De viris illustribus»[10], к моему оврагу.

На мгновение я усомнился, точно ли это были зайцы: они показались мне размером с ослов.

Но, когда сомнений не оставалось, когда я увидел, как они бегут прямо ко мне, словно назначили друг другу свидание в моей яме, облако заволокло мне глаза и мне показалось, что я лишаюсь чувств.

Думаю даже, что я закрыл глаза.

Открыв их, я увидел, что зайцы продолжают бежать в том же направлении. Чем ближе они были, тем сильнее билось мое сердце; термометр показывал пять или шесть градусов ниже нуля, но по моему лбу струился пот. Наконец тот, кто возглавлял колонну, будто решившись на меня напасть, устремился прямо ко мне. Как только он побежал, я прицелился в него; я мог бы подпустить его на двадцать шагов, на десять и на пять шагов, поразить его своим выстрелом как электрическим разрядом, но у меня не хватило сил ждать: с тридцати шагов я спустил курок, целясь в голову.

Заяц тут же перекувырнулся и начал скакать самым причудливым образом.

Было очевидно, что он задет.

Я вылетел, словно ягуар, из своей ямы с криком:

— Есть? Попал? Собаки, ко мне! Загонщики! Загонщики!.. Ах ты плут, ах ты разбойник, подожди, подожди!

Но, вместо того чтобы дождаться меня или, вернее, наказания, уготованного ему мною за то упрямство, с которым он пытался спастись, заяц, слыша мой голос, совершал скачки еще более невероятные.

Что касается двух его товарищей, то первый из них, услышав

шум и видя его скачки, повернул назад и помчался прямо к загонщикам. Второй, сделавший из этого свои выводы, пробежал так близко от меня, что я смог только бросить ему вслед свое разряженное ружье.

Но это было лишь побочное нападение, нисколько не отвлекшее меня от основного преследования.

Я бросился на своего зайца, продолжавшего исполнять самую разнузданную карманьолу: он и четырех шагов не делал по прямой, кидался туда-сюда, прыгал вперед, прыгал назад, сбивал все мои расчеты, ускользал в тот миг, когда я считал, что он уже у меня в руках, обгонял меня на десять шагов, как будто у него не было ни одной царапины, потом внезапно поворачивал назад и пробегал у меня между ногами. Просто немыслимо! Я был вне себя: не кричал, а ревел, хватал с земли камни и швырял в него; когда, как мне казалось, можно было достать его, я бросался ничком на землю, надеясь поймать его как в ловушку, зажав между своим телом и землей. Сквозь слепивший меня пот я видел, словно сквозь облако, группу охотников вдали: одни смеялись, другие были взбешены; одних забавляли отчаянные телодвижения, которые я совершал, других бесил шум, производившийся мною во время облавы и спугивавший прочих зайцев.

Наконец, после неслыханных усилий, какие неспособны передать ни кисть, ни перо, я поймал своего зайца за одну лапку, потом за две, потом поперек туловища; роли переменились: теперь я молчал, а он испускал отчаянные крики; я прижал его к груди, как Геракл — Антея, и вернулся в свою яму, подобрав по дороге брошенное мною ружье.

Вернувшись в свою выемку, я смог внимательно осмотреть своего зайца.

Этот осмотр все мне объяснил.

Я выбил ему оба глаза, не нанеся больше никаких повреждений.

Тогда я обрушил ему на затылок известный удар, который для него был заячьим, хотя Арналь впоследствии назвал его кроличьим ударом; затем я перезарядил ружье; сердце у меня колотилось, рука дрожала…

Возможно, здесь мне следовало остановить рассказ, поскольку мой первый заяц уже убит, но мне кажется, что тогда повествование осталось бы незавершенным.

Итак, как я уже сказал, ружье было перезаряжено, сердце у меня колотилось, рука дрожала. Мне показалось, что заряд слишком велик, но я был уверен в стволе своего ружья, и этот излишек в четыре-пять линий давал мне возможность бить

дальше.

Едва заняв место, я увидел, как прямо на меня бежит еще один заяц.

Я излечился от причуды стрелять в голову; впрочем, этот заяц должен был пробежать в двадцати пяти шагах от меня, подставив себя целиком.

Он так и сделал; я прицелился с бóльшим спокойствием, чем можно было ожидать от новичка и чем я сам от себя ждал, и выстрелил, уверенный, что убил пару зайцев.

Порох вспыхнул, но выстрела не последовало.

Я прочистил ружье, насыпал пороху на полку и стал ждать.

Господин Моке знал это место и не напрасно его хвалил.

Третий заяц прибежал по следам своих предшественников.

Как и предыдущий, он пробежал передо мной в двадцати шагах; как и в прошлый раз, я прицелился в него; как и в прошлый раз, порох только вспыхнул.

Я был взбешен и чуть не плакал от ярости; к тому же показался четвертый заяц.

С ним произошло то же, что с двумя другими.

Он подставил себя под выстрел как нельзя любезнее, а мое ружье проявило все упрямство, на какое было способно.

Он пробежал в пятнадцати шагах от меня, и в третий раз мое ружье не выстрелило.

Было ясно: зайцам все известно и первый их них, пробежавший целым и невредимым, подал другим знак, что проход в этом месте свободен.

На этот раз я в самом деле заплакал.

Хороший стрелок, стоя на моем месте, убил бы четырех зайцев.

Облава закончилась, и ко мне подошел г-н Моке.

— У меня три раза загорелся порох, — пожаловался я, — три раза, и я упустил трех зайцев!

И я показал ему ружье.

— Дало осечку или вспыхнул порох? — спросил Моке.

— Порох загорелся! Что за чертовщина у него с затвором?

Господин Моке покачал головой, достал из своей охотничьей сумки пыжовник, насадил его на прут, извлек для начала из моего ружья пыж, затем пулю, потом второй пыж, за ним — порох и, вслед за порохом, пробку из земли в полдюйма: она попала в ствол, когда я бросил в зайца ружье, и я забил ее вглубь, когда вставлял первый пыж.

Я мог бы выстрелить по сотне зайцев, и сто раз не попал бы в них из своего ружья.

От каких мелочей все зависит! Если бы не эти полдюйма

земли, у меня в охотничьей сумке лежали бы два или три зайца и я был бы королем облавы!

Вот на эту землю юношеских воспоминаний я и возвращался мужчиной, по-прежнему страстно любящим охоту и всегда плохо спящим в ночь, которая предшествует открытию охоты.

XXXIII
АЛЬФРЕД И МЕДОР

На этот раз я оказался во главе колонны — моего сына, Маке и моего племянника.

Моего сына вы знаете.

Маке вы знаете.

Но вы незнакомы с моим племянником.

Мой племянник в то время был высоким или, вернее, длинным парнем пяти футов восьми дюймов ростом, и он легче, чем верблюд из Священного писания, пролез бы в игольное ушко.

Каждому человеку соответствует какое-либо животное.

Среди животных мой племянник относился бы к отряду голенастых.

Его зовут Альфредом.

Во время охоты его сопровождал пес по кличке Медор.

О, Медор! Медор достоин поклонения.

И как Медор подходил Альфреду и как Альфред подходил Медору!

С тех пор как Альфред потерял Медора, он и сам уже не тот.

Альфред был то, что называется славный стрелок: он убивал трех животных из четырех.

А Медор!.. Никогда ни одной оплошности, ни одной ошибки, ни разу не сделал стойку на жаворонка.

Когда открывался сезон, мы начинали охоту как можно раньше, в пять часов утра, и Альфред становился в ряд с другими охотниками.

Но это была всего лишь уступка общественному мнению.

Альфред исчезал в первой же роще, в первом же песчаном перелеске, за первым же пригорком.

Мы видели, как он уходит вместе с Медором, который охотился в двадцати шагах впереди него.

В полдень, во время привала для обеда, мы снова видели Альфреда: он вышагивал, все так же равномерно выбрасывая длинные ноги.

Это был настоящий циркуль землемера, отсчитывающего метры.

Успокоившийся Медор шел рядом с хозяином.

Альфреда зна́ком приглашали пообедать с остальными, но он издали показывал кусок хлеба и бутылочку водки, качая головой и поясняя тем самым, что он рассматривает наш обед как сибаритство, недостойное настоящего охотника; затем он снова

скрывался.

В пять часов все возвращались.

Пересчитав охотников, выясняли, что недостает одного Альфреда.

В семь часов, встав из-за стола, все выходили за ворота фермы подышать свежим воздухом и послушать куропаток.

И тогда тот, кто был наделен самым острым зрением, издавал восклицание.

На горизонте, на фоне красного заката, виднелся Альфред, по-прежнему отмерявший метр каждым шагом; только Медор, утром бежавший в двадцати шагах впереди него, в полдень шедший рядом с ним, вечером плелся в двадцати шагах позади него.

Поздней ночью охотник и пес возвращались на ферму.

Альфред неизменно приносил тридцать пять куропаток, десять перепелок, трех-четырех кроликов, двух-трех зайцев, а часто сверх того еще и пару коростелей.

Все это он нес в своей охотничьей сумке, не хвастаясь и не скромничая.

Этого хватило бы на три ягдташа, а его сумка казалась наполовину пустой.

Должно быть, Альфред восхитительно укладывал чемоданы.

Он извлекал животных одно за другим, приглаживал перышки и укладывал добычу на стол, начиная с мелкой и кончая крупной.

Операция продолжаюсь около четверти часа.

Мы считали дичь.

Оказывалось штук пятьдесят или шестьдесят.

После этого Альфред неизменно говорил:

— Ну, я думаю, настало время немного привести себя в порядок.

И прежде чем поесть, Альфред поднимался в свою комнату, чтобы надеть полосатые носки, лаковые туфли, тиковые брюки и куртку, повязать на свою длинную шею галстук нежной расцветки, шириной в палец и провести — несомненно, это была гигиеническая мера — по редким волосам щеткой, в которой волосков щетины было больше, чем волос на голове Альфреда.

Тем временем мы рассматривали добычу: примерно на четвертой ее части не было ран.

Эта часть была добычей Медора.

Ни одна собака не брала или не позволяла хозяину взять кролика в норе или перепелку из-под стойки так, как Медор.

На следующий день все повторялось, пыл собак и охотников понемногу угасал, но только не у Альфреда с Медором.

В тот день Медор на склоне лет и Причард на заре жизни должны были сразиться между собой.

Если бы они состязались в беге, Причард, безусловно, победил бы.

Едва выйдя за ворота фермы, Причард поднялся по откосу канавы, оглядел окрестности своими горчичными глазами, хлеща воздух своим султаном, и внезапно устремился к зарослям клевера.

Напрасно было кричать и свистеть ему: глухой, словно Смерть у Малерба, Причард заткнул уши и предоставил нам надрываться.

Углубившись в заросли на треть, он резко остановился.

— Надо же! — произнес Альфред, с глубоким презрением смотревший на него. — Похоже, он делает стойку!

— А почему бы ему не делать стойку? — спросил я.

— Черт возьми!

Александр скручивал папиросу; он уже собирался ее отложить, чтобы прийти вовремя.

— О, можешь не торопиться, — сказал я ему, — зажги ее.

И Александр, закончив скручивать, заклеил и затем зажег свою папиросу.

Причард стоял словно каменный.

— Посмотрим, что там, — предложил Альфред.

Мы направились к зарослям клевера.

Нас отделяло от Причарда расстояние примерно в четыреста шагов.

Мы подошли к собаке вплотную.

Причард не шевелился.

— Пройди перед ним, — сказал я Александру.

Александр прошел перед ним: никакого движения.

— Твоя собака косит! — сказал Александр.

— Как это косит?

— Да: она смотрит на Мориенваль, не горит ли Пьерфон.

— Ну, а ты взгляни себе под ноги, и внимательно; посмотришь, кто выскочит.

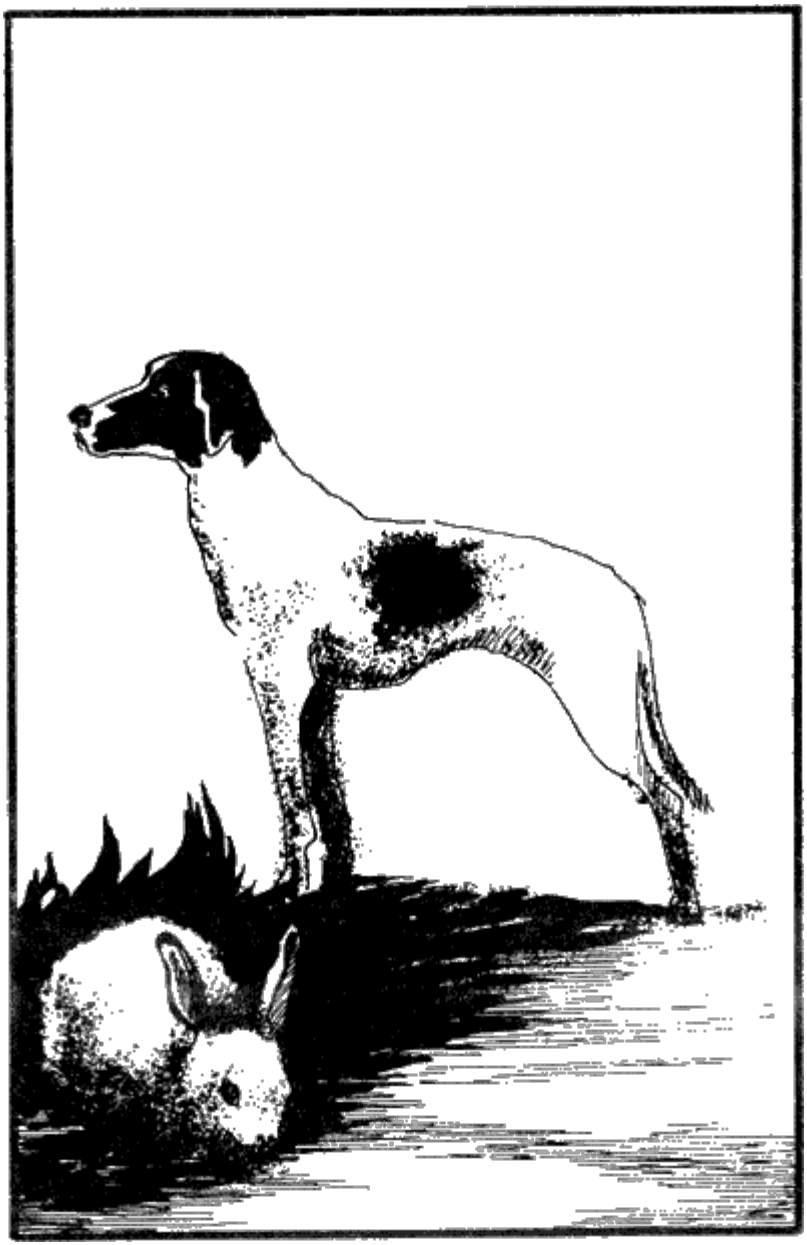
Я не успел договорить, как выбежал молодой заяц.

Александр выстрелил по нему — заяц упал.

Причард не шелохнулся.

Только он перестал косить: глаз, смотревший на Мориенваль, не горит ли Пьерфон, присоединился к тому, который смотрел на Пьерфон.

— Болван, — сказал ему Альфред, отвесив пинок чуть пониже султана, — ты что, не видишь, что он убит?



Причард обернулся с видом, означавшим: «Сам ты болван!» — и продолжал держать стойку.

— Каково! — сказал Альфред.

— Разве ты не видишь, — спросил я, — что он стоял над двумя зайцами сразу, что один побежал к Александру, а второй сейчас бросится под ноги Маке?

Я не успел закончить, как второй заяц выбежал в свою очередь, как будто только и ждал моих распоряжений.

Маке первым выстрелом промахнулся, а вторым его убил.

— Пойдем, Медор, пойдем! — позвал Альфред.

И он направился к Мориенвалю.

— Прекрасно! — сказал я Александру. — Альфред отправился совершать свой набег, до вечера мы его не увидим.

— Утратив его, утешимся надеждой, что он не вернется, — ответил Александр.

И он положил зайца в свою охотничью сумку.

Маке поступил со своим точно так же.

— Все равно, вчетвером с двумя собаками все шло как нельзя лучше, а втроем, всего с одной…

— Я считаю, что Причард один стоит двоих, — сказал Маке.

— А где он? — спросил Атександр.

Мы огляделись.

Причарда не было.

В это время наше внимание привлек выстрел Альфреда, только что скрывшегося за лиственницей.

За этим выстрелом последовал крик: «Ищи, Медор, принеси! Ищи!»

— Вот Альфред и начал охотиться, — сказал Александр.

Пока Александр и Маке перезаряжали ружья, крики Альфреда, вместо того чтобы смолкнуть, только усилились.

— Посмотри-ка, — сказал я Александру, — да посмотри же!

Александр взглянул туда, куда я показывал.

— А-а! — сказал он. — Причард поймал куропатку.

— Он не поймал ее, он ее украл.

— У кого?

— Да у Альфреда же! Это та куропатка, которую он велел искать Медору.

В это время, опять со стороны Альфреда, послышался второй выстрел.

— Смотри, что делает Причард! — крикнул я Александру.

— Ах, вот оно что! — ответил он. — Ты должен был сказать мне, что мы отправляемся на спектакль, а не на охоту: я взял бы бинокль вместо ружья.

В самом деле, Причард, бросив куропатку, которую он нес, помчался на выстрел.

Через десять секунд он появился со второй куропаткой.

Альфред продолжал кричать во все горло:

— Неси, Медор! Неси!

— Не объясните ли вы, что здесь происходит? — спросил Маке.

— О, все очень просто, — ответил я. — Там, внизу, есть лесок; на опушке этого леска взлетела куропатка, и Альфред ее

подстрелил; куропатка упала в лесу. Альфред, нимало не беспокоясь, крикнул: «Медор, ищи!» — и стал перезаряжать ружье. Альфред знает Медора, и у него не возникло никаких опасений. Но Альфред не знает Причарда: это вор, пират, разбойник! Он был в лесу и подобрал куропатку Альфреда до того, как Медор перебрался через овраг, и понес ее ко мне, не заботясь о том, я ли убил ее. Альфред, обеспокоенный тем, что не видел ни Медора, ни своей куропатки, отправился в лес, чтобы помочь собаке. Вторая куропатка поднялась в лесу: он убил ее, как и первую. Причард со своего места увидел, в каком направлении она падала. Бросив первую, он побежал за второй… И вот, смотрите, он несет вторую, как нес первую, вернее, он несет обеих!

— Ну, знаете ли!

— Конечно; он вернулся туда, где оставил первую куропатку; добравшись до нее, он, чувствуя, что пасть у него достаточно широкая для того, чтобы нести обеих, проделал тот ловкий фокус, который вы видите или, точнее, которого вы не видите… Смотри, Александр! Взгляните, Маке!

— Что он делает?

— Стойку над перепелкой, а в пасти — две куропатки!

— Как же он ее почуял?

— Он ее не почуял, он ее увидел; возьми у меня ружье.

— А из чего ты будешь стрелять?

— Я не стану в нее стрелять, я поймаю ее своей шляпой.

Я подошел к Причарду и, проследив за направлением его взгляда, увидел перепелку.

Через секунду она была накрыта моей шляпой.

— Ну-ну, — сказал Александр. — Возможно, это более забавно, чем охота, но это не охота.

В это время мы увидели Медора, который шел по следу Причарда, и Альфреда, который шел по следу Медора.

— Что с тобой? — спросил я у Альфреда.

— Что, что… Ты очень мил! Я стреляю по двум куропаткам, я убиваю обеих, но не могу найти ни одной! Веселое начало!

— Что ж, — ответил я ему, — мне повезло больше, чем тебе: я еще не сделал ни одного выстрела, а у меня уже две куропатки и перепелка.

И я показал ему одной рукой двух мертвых куропаток, другой — живую перепелку.

Всё свалили на Причарда, и Альфред осыпал его проклятиями.

Но Причарда уже не было рядом, чтобы выслушать их.

Где же он был?

Причард охотился сам по себе; поскольку охотиться с ним становилось слишком утомительно, мы решили использовать его лишь по случаю. Мы встали в ряд и дальше обходились без собаки.

Александр, у которого превосходное зрение, сразу же заметил Причарда в четверти льё от нас, по ту сторону долины.

Это была уже не наша территория, что мало волновало Причарда, но для нас было существенным.

Увидев куропатку, я по ней выстрелил: это был мой первый выстрел.

Раненная в бедро, она полетела вперед, и мне показалось, что она падает в той стороне, где парнишка собирал колосья.

У меня не было рядом Причарда, чтобы крикнуть ему: «Принеси!» Я решил проследить полет куропатки и принести ее сам.

По дороге я поднял молодого зайца и подстрелил его.

Это несколько отвлекло мое внимание от куропатки.

Поэтому, подобрав зайца и положив его в сумку, я обнаружил, что сбился с пути.

К счастью, сборщик колосьев послужил мне ориентиром.

Он уселся на землю и начал есть.

Я подошел к нему.

— Эй, парень, — спросил я, — не видал ли ты куропатки?

— Куропатки?

— Да.

— О, я немало повидал их, сударь.

— Конечно; но одну куропатку?

— Я и поодиночке их встречал.

— Раненую.

— Раненую?

— Да.

— Ну, это я не знаю.

— Не притворяйся дурачком; я спрашиваю тебя, не видел ли ты, как упала куропатка, когда я выстрелил?

— Значит, это вы стреляли?

— Да, это я стрелял.

— Я не видел, чтобы что-то упало.

Я недружелюбно взглянул на мальчика и принялся искать свою куропатку.

Александр помогал мне искать.

Внезапно он сказал:

— Смотри, Причард вернулся.

— Где же он?

— Рядом с твоим сборщиком колосков, и, кажется,

собирается стянуть у него завтрак.

— Сухой хлеб? Ты не знаешь Причарда.

— Да посмотри же.

Я посмотрел. У меня вспыхнула догадка.

— Вот это лучше всего! — сказал я.

— Он делает стойку над мальчиком? — спросил Александр.

— Нет, над моей куропаткой: она не убита, она в кармане у мальчика.

— Осанна! — сказал Александр. — Если это так, я выдам Причарду награду за добродетель.

— Возьми десять су, подойди к этому юному предпринимателю, который, кажется, оказался в очень неудобном положении, и скажи ему следующие слова: «Куропатка моего отца и десять су или куропатка моего отца и пинок в…»

Сборщик колосьев вскочил и пытался удрать.

Но Причард, видевший, как убегает дичь, упрямо преследовал паренька, держа нос на уровне его кармана.

— Позовите же вашу собаку, господин охотник! — кричал шалопай. — Она меня сейчас укусит.

И он пустился бежать.

— Взять, Причард! Взять! — закричал я.

Причард подскочил к мальчику и зубами схватил карман его куртки.

— Ну, теперь для тебя все просто, — обратился я к Александру.

Приблизившись, Александр сунул руку в карман к мальчишке и извлек оттуда куропатку.

Поскольку это было единственное, что привлекало Причарда в новом знакомом, то едва куропатка покинула карман, как пес отпустил куртку.

Незачем продолжать рассказ о дальнейших подвигах Причарда. После целого дня, когда он предавался самым безумным и неожиданным чудачествам, я вернулся на ферму с пятью десятками штук дичи.

Альфред со своим классиком Медором добыл не больше.

Но из своих наблюдений за Причардом я сделал вывод: тот, кому выпало счастье обладать этим псом, должен охотиться в полном одиночестве.

Это собака трапписта.

XXXIV
КАК АЛЬФРЕД БЫЛ ВЫНУЖДЕН ВЕРНУТЬСЯ В КОМПЬЕНЬ В НАРЯДЕ ШОТЛАНДСКОГО СТРЕЛКА

На следующий день благодаря Причарду, который сделал стойку над стаей куропаток в зарослях клевера, принадлежащих одному из соседей г-на Моке из Брассуара, г-ну Дюмону из Мориенваля, у нас вышел спор с упомянутым г-ном Дюмоном.

Нам показалось, что г-н Моке к нам несправедлив и из соображений соседства, я думаю, даже родства, держит сторону г-на Дюмона.

Посоветовавшись между собой, мы решили к нему не возвращаться, бросить охоту и отправиться в Компьень.

Еще в супрефектуре Уаза мы наняли небольшую открытую повозку и нам посоветовали быть поосмотрительнее с ней и с лошадью.

Мы были неизменно осмотрительны, пока нас везло микроскопическое животное, узурпировавшее звание лошади, но едва достигавшее размеров осла.

Но, похоже, маленькие лошадки, как и люди небольшого роста, отличаются сварливым характером.

Наша лошадь всю дорогу не переставала с нами спорить.

Я вызвался быть ее переводчиком и, поскольку моя речь направлялась вожжами и была пересыпана хлесткими аргументами, лошадь в конце концов не то чтобы признала свою неправоту, но стала вести себя так, будто признавала, что я прав.

Благодаря этой хитрой диалектике я без всяких происшествий добрался до фермы и привез туда трех своих спутников.

Приняв решение ехать в Компьень, не заворачивая к Моке, мы послали в Брассуар нашего носильщика, приказав запрячь в повозку Ненасытного и вернуться за нами на дорогу, ведущую в Компьень.

Наш буцефал получил имя Ненасытного из-за своей способности нестись вперед, буквально пожирая пространство.

Лишь у Альфреда нашлись кое-какие возражения.

Ему придется вернуться в Компьень, не приведя себя в порядок; несомненно, это уронит его в глазах прекрасных дам, проживающих в супрефектуре Уаза.

Но мы пренебрегли светскими жалобами Альфреда: этого

требовало наше оскорбленное достоинство.

К полудню мы увидели Ненасытного, повозку и носильщика.

Ненасытный, получивший на ферме порцию овса обычной лошади, ржал, вскидывал голову и двигал ушами — наподобие телеграфа; все это обещало нам на обратном пути беседу не менее оживленную, чем по пути сюда.

В ту минуту как появился Ненасытный, охота была удачной, и мы решили, что повозка последует за нами, а позже мы в нее сядем.

Впрочем, мы считали, что это хороший способ успокоить возбужденного Ненасытного — заставить его проделать в качестве вступления к поездке в Компьень два-три льё по вспаханному полю и по жнивью.

Здесь было еще одно преимущество: каждую убитую штуку дичи мы отнесем в повозку (на следующий день после открытия охотничьего сезона не только ноги становятся несколько ленивыми, но и плечи).

К несчастью, наши предположения насчет Ненасытного не осуществились: вспаханная земля и жнивье его успокаивали, но ружейные выстрелы выводили из себя.

При каждом выстреле нашему носильщику приходилось выдержать бой с конем.

В два часа мы всех созвали.

На этот раз Альфред явился.

Альфред знал, что, если его в последнюю минуту не окажется на месте, ему придется проделать пешком четыре льё, а он, готовый проделать четыре и даже восемь льё полем напрямик, совершенно не горел желанием идти по дороге.

Повозка ждала нас у леса.

Мы расположились в ней следующим образом: Маке с Альфредом на задней скамейке, мы с Александром — на передней.

Медор, уже немолодой пес, имеющий право на уважение своих сородичей и даже хозяев, скромно и бесшумно проскользнул нам под ноги.

Было ясно, что ему хочется только одного: остаться незамеченным.

Его заметили, но лишь для того, чтобы похвалить за скромность.

Причард же, которого Альфред осыпал насмешками и обозвал ученой собачкой, выслушав угрозу, что следующую охоту ему, Причарду, придется открыть одетым в пальто, вроде того, в каком является в «Бродячих акробатах» Бильбоке — Одри, — Причард же, напротив, и не думал разделить с нами удобства повозки и

пустился бежать по дороге в Компьень, подняв хвост и, казалось, совершенно забыв о тех, по меньшей мере, двух сотнях льё, что он проделал со вчерашнего дня.

Я хотел взять вожжи, но Александр заметил мне, что он ближе к Ипполиту по возрасту и потому править следует ему.

Меня это не слишком убедило, и все же с обычной своей беспечностью я уступил ему.

Впрочем, Александр, самый молодой из нас, больше всех был заинтересован в том, чтобы не быть убитым.

Довод плохой, но кажущийся правдоподобным.

Я так часто довольствуюсь дурными доводами, что удовольствовался и этим, который был не хуже прочих.

Мы выехали.

Все наши расчеты, связанные с Ненасытным, вспаханным полем и жнивьем, оказались совершенно ошибочными.

Препятствия, вместо того чтобы обуздать Ненасытного, лишь рассердили его: оказавшись на гладкой дороге, он понесся быстрее ветра.

— Хорошо! — сказал ему Александр и бросил поводья.

Дорога шла в гору.

Пробежав сотню шагов, Ненасытный понял, что поступает глупо, и успокоился.

Мы подумали, что он устал.

Но это оказалось притворством.

Ненасытный искал случая получше отомстить нам.

Вскоре такой случай ему представился.

Мы продолжали свой путь, болтая об охоте, и внезапно перед нами оказался довольно крутой склон.

На этом месте слева от нас уступами поднимался лес, справа был овраг примерно пятидесяти футов глубиной.

Дорожные службы проявили удивительную заботу о путниках и поставили тумбы через каждые десять шагов, вроде парапета вдоль оврага; но ничто не помешало бы повозкам, коням и пешеходам свалиться вниз в промежутках между тумбами.

С другой стороны дороги через каждые десять шагов были сложены кучи камней в виде вытянутых конусов.

Ненасытный бросил взгляд влево, взгляд вправо, взгляд перед собой.

Перед ним был спуск, слева — кучи камней, справа — овраг.

Место показалось ему удобным, а обстоятельства — благоприятными.

Он внезапно сменил рысь на галоп.

Александр вцепился в поводья, но Ненасытный помчался еще быстрее.

В его намерениях нельзя было усомниться, особенно мне, сидевшему на передней скамейке.

Тогда между мною и Александром произошел следующий разговор вполголоса:

— Скажи-ка…

— Что?

— Мне кажется, Ненасытный понес.

— Так и есть.

— Сдержи его.

— Не могу.

— Как не можешь?

— Так: он закусил удила.

— Что поделаешь!

Мы двигались со скоростью двадцать пять льё в час.

— В чем дело? — спросили одновременно Альфред и Маке.

— Ничего особенного, — ответил я, — Ненасытный расшалился.

И с этими словами я быстрым и резким движением, намотав левую вожжу на руку, потянул влево.

Мундштук выскочил из зубов Ненасытного, который, ощутив его давление, уступил, повернул влево и наступил на одну из тех куч камней, о которых я упоминал.

Видя, что его сбили с пути, чувствуя под ногами зыбкую почву, осыпающуюся из-под копыт, Ненасытный разъярился.

Утратив надежду сломать нам шею на склоне, он пожелал

хотя бы какое-то возмещение этому.

Он стал лягаться, чтобы переломать нам ноги.

Он так сильно и так высоко взбрыкивал, что одна его задняя нога закинулась на оглоблю.

В этом необычайном положении Ненасытный, по-моему, окончательно потерял голову.

Самоубийство влекло его при условии, что вместе с собой он убьет и нас.

Поэтому он резко, а главное, так неожиданно, что нельзя было этому воспротивиться, сделал пол-оборота вправо и, двигаясь поперек дороги, по которой вначале бежал вдоль, устремился в овраг.

На этот раз наш диалог с Александром оказался коротким:

— Мы пропали!

— Да, папа.

Не знаю, как поступили другие, что касается меня, то я закрыл глаза и ждал.

Внезапно я ощутил толчок чудовищной силы и почувствовал, что меня выбросило из повозки на дорогу.

Сотрясение было ужасным.

Александр во весь рост упал на меня таким образом, что оказался защищенным от кончиков волос до кончиков пальцев на ногах.

Он мгновенно вскочил.

Еще через мгновение я тоже встал на ноги.

— Ты что-нибудь повредил? — спросил я у него.

— Ничего. А ты?

— Ничего, — ответил я.

— Значит, династия Дюма жива и здорова, посмотрим, как остальные.

И мы в самом деле огляделись.

Альфред исчез.

Маке лежал почти бесчувственный.

Александр поспешил его поднять.

— Что с вами, дорогой мой?

— Я согласен на сломанную руку, если мой позвоночник будет спасен, — ответил Маке.

— Черт! — воскликнул Александр. — Знаете ли, то, что вы сейчас сказали, вовсе не смешно.

Маке побледнел и окончательно потерял сознание.

Александр оттащил его на левый склон.

Тем временем я осматривал свое бедро.

Я немного поспешил объявить, что ничего не повредил: я упал на ствол своего ружья, сплющив его своим весом и своим

ударом, удвоенными весом и ударом Александра.

Это вызвало не перелом, нет, — к счастью, известь и цемент, из которых вылеплена моя бедренная кость, одержали победу над железом, — но ужасающий синяк.

Моя ляжка приобрела фиолетовый оттенок, напоминавший вывески колбасных лавок.

В эту минуту я заметил, что к нам присоединился Альфред: легкий как тростинка, и тонкий как стрела, не встретив на пути никакого препятствия, он отлетел на тридцать шагов.

В десяти шагах за ним следовал Медор.

— Смотри, — сказал я Александру, — мы искали Альфреда, вот и он: возвращается из Компьеня.

Я окликнул Альфреда и спросил его, какие у него новости.

— Я разорвал штаны сверху донизу.

— А то, что под ними?

— Подумаешь! — ответил Альфред.

— Кость защитила мясо, — произнес Александр. — А, вот и Маке приходит в себя.

Действительно, Маке открыл глаза. Во фляжке оставалось еще немного водки, мы дали ему выпить несколько капель.

Он встал на ноги слегка пошатываясь, но понемногу ему удалось на них утвердиться.

Теперь мы могли заняться Ненасытным, повозкой и разобраться в том, что произошло.

Каким-то чудом небесным в ту минуту, когда мы должны были упасть, колесо повозки налетело на тумбу, въехало на нее, и мы вылетели из повозки на дорогу.

Лошадь висела над пропастью, ее удерживал лишь вес повозки.

Лошадь барахталась в воздухе.

Мы приблизились к краю.

Головокружительный обрыв! Представьте себе овраг пятидесяти или шестидесяти футов глубиной, дно которого уютно устлано камнями, колючими кустами и крапивой.

Если бы колесо не налетело на тумбу — от лошади, от повозки и от нас остались бы только куски!

Мы сделали несколько попыток оттащить Ненасытного назад.

Эти попытки ни к чему не привели.

— Право же, — сказал Александр, — он сам выбрал это место, пусть там и остается, а мы займемся собой. Чего бы вам хотелось, Маке?

— Немного отдохнуть.

— Вот склон, раскрывающий вам свои объятия. А тебе, папа?

— Остаток водки.

— Как остаток водки? Мой отец будет пить водку?

— Успокойся, это для моей ляжки.

— В добрый час! Вот твоя водка. А тебе, Альфред?

— Я думаю, что самое время немного привести себя в порядок, — решил воспользоваться случаем Альфред.

И, достав из кармана гребешок, он принялся приглаживать волосы, как сделал бы в спальне на ферме г-на Моке.

— Так! — сказал он, покончив с этим. — Думаю, что теперь, не проявив излишней расточительности, могу преподнести свои брюки лесным божествам.

И, стащив свои изодранные штаны, он минуту подержал их перед нашими глазами, ожидая, не последует ли возражений, но все промолчали, и он швырнул свои брюки в овраг.

Мы промолчали, во-первых, потому что штаны Альфреда недостойны были сделаться предметом спора, а во-вторых, мы были заняты ногами Альфреда, которые доселе каждый из нас видел только укрытыми более или менее широкими чехлами.

— Альфред, — произнес Александр, — известно ли тебе, что говорил господин де Талейран ферретскому бальи, у которого ноги были вроде твоих?

— Нет; а что он ему говорил?

— Он говорил: «Господин бальи, вы самый храбрый человек во всей Франции». — «Почему это, монсеньер?» — «Потому что только у вас хватает смелости ходить на таких ногах!» Так вот, я считаю тебя бóльшим храбрецом, чем ферретский бальи.

— Славная шутка!

— Я за нее не отвечаю, — возразил Александр, — она не моя.

— Ах, черт! — вдруг, отчаянно махнув рукой, воскликнул Альфред.

— Что случилось?

— Какой же я дурак!

— Не говори таких вещей, Альфред: тебе могут поверить.

— Представьте себе, ключ от моей дорожной сумки лежит в брюках.

— В тех брюках, которые остались в твоей сумке?

— Да нет же! В тех, которые я преподнес лесным нимфам.

— Не жалуйся, черт возьми! Ты счастливчик: ты теперь покажешься им в самом выгодном для себя виде, они примут тебя за Нарцисса, плутишка!

— Да, но там колючки и шипы.

— Ну, знаешь! Кто не рискует, тот не выигрывает.

Все это время мимо нас проходили крестьяне и крестьянки (в Крепи был базарный день), с любопытством смотревшие на нас, но, естественно, воздерживавшиеся от того, чтобы помочь нам.

Правда, в их умах могло зародиться сомнение.

Они прекрасно понимали, что делает бледный Маке, сидевший на склоне у леса; они прекрасно понимали, чем занят Александр: он развязал Маке галстук и тер ему виски платком, смоченным в прохладной воде ближайшего ручья; они прекрасно понимали мои действия — я делал примочки из водки на свое ушибленное бедро. Но они не могли понять, чем занимается это подобие шотландца с голыми коленями и ляжками, прохаживаясь у края оврага и устремив на него яростный взор, рыча и угрожающе размахивая руками.

Внезапно он издал радостный вопль:

— Я спасен!

И, указав своей собаке на овраг, прибавил:

— Ищи, Медор! Ищи!

Медор спустился на дно оврага.

Через пять минут он вернулся со штанами хозяина.

Только за время пути произошло несчастье: ключ выпал из кармашка. Карманы брюк оказались совершенно пустыми!

Сами понимаете, можно ли было надеяться его найти в этих зарослях.

Так что пришлось Альфреду вернуться в супрефектуру Уаза в наряде шотландца.

К счастью, когда мы добрались до первых домов, была глубокая ночь.

Мы послали того, у кого наняли повозку, за ней и за Ненасытным.

Они оказались там, где мы их оставили.

XXXV
КАК Я ПРИВЕЗ ИЗ КОНСТАНТИНЫ ГРИФА, КОТОРЫЙ ОБОШЕЛСЯ В СОРОК ТЫСЯЧ ФРАНКОВ МНЕ И В ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ — ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Пока мы кувыркались на дороге, ведущей из Крепи в Компьень, о чем я имел честь рассказать вам в предыдущей главе, два человека в сопровождении двух спаги и нескольких туземных и европейских слуг возвращались после долгой поездки по дороге, ведущей из Блиды в Алжир.

— Как странно, что великолепная страна, по которой мы только что проехали, так малоизвестна, — обратился один из них к другому. — Знаете ли вы способ сделать ее популярной?

Тот, к кому был обращен вопрос, немного подумал, потом неожиданно ответил:

— Знаете ли вы, господин министр, как я поступил бы, если бы имел честь оказаться на вашем месте? Я устроил бы так, чтобы Дюма совершил то же самое путешествие, что и мы, и написал два-три тома об Алжире. Дюма сейчас в моде; его книгу прочтут, хотя это будут путевые заметки, и из трех миллионов его читателей, возможно, пятьдесят или шестьдесят тысяч увлекутся Алжиром.

— Хорошая мысль, — отозвался министр, — я об этом подумаю.

Два человека, оказавшие мне честь заниматься мною на дороге из Блиды в Алжир, были: один — г-н де Сальванди, министр народного просвещения, а второй — наш прославленный путешественник и любимый мой друг Ксавье Мармье.

И г-н де Сальванди так хорошо поразмыслил над сделанным ему предложением, что однажды прекрасным сентябрьским утром я получил от него приглашение на обед. Я отправился туда, очень удивленный оказанной мне честью. Я знал его только потому, что господин герцог Орлеанский поручил ему наградить нас с Гюго: его — крестом офицера Почетного легиона, меня — крестом кавалера этого ордена.

В то же время, для того чтобы наше награждение не вызвало слишком большого возмущения, он счел нужным присоединить к нам одного славного малого по имени Грий де Брюзелен. Поскольку не было никаких оснований давать ему крест, г-н де

Сальванди подумал, что он один будет достаточным противовесом для Гюго и для меня.

Господин де Сальванди тоже сочинил в молодые годы нечто вроде романа, озаглавленного «Алонсо, или Испания…» уже не помню, в каком веке; но это не делало его моим собратом в достаточной мере для того, чтобы внушить ему мысль поддерживать знакомство со мной.

Чего же мог хотеть от меня г-н де Сальванди? Он звал меня не для того, чтобы сделать офицером ордена Почетного легиона: такие идеи не приходят сами по себе в министерские головы, а в особенности применительно к людям, которые того заслуживают.

Итак, я отправился на обед к г-ну де Сальванди, если и не очень встревоженный, то, по крайней мере, сильно озабоченный.

Господин де Сальванди встретил меня как нельзя лучше. Он сладко улыбался и после кофе увлек за руку в министерский садик, чтобы сказать:

— Милый мой поэт, вы должны оказать нам услугу.

— Поэт окажет услугу министру! Согласен, хотя бы только ради такого редкого случая. О чем идет речь?

— Что вы намерены делать зимой?

— Я? А разве у меня бывают намерения? Я живу как птичка на ветке: нет ветра — там и остаюсь, подует ветер — расправляю крылышки и лечу туда, куда несет меня ветер.

— Нет ли у вас возражений против того, чтобы ветер занес вас в Алжир?

— Ни малейших; напротив, у меня всегда было сильное желание побывать в Африке. Я должен был отправиться туда двадцать шестого июля тысяча восемьсот тридцатого года в пять часов вечера, но в пять утра в «Монитёре» появились известные ордонансы. Следствием явилось то, что вечером, вместо того чтобы сесть в мальпост, я взял ружье и три дня спустя, вместо того чтобы прибыть в Марсель, явился в Лувр.

— Так вот, если желание ваше осталось неизменным, я помогу вам совершить это путешествие.

— Времена сильно изменились! — ответил я. — Шестнадцать лет назад я был молодым человеком, вроде саламанкского бакалавра, бродившего по дорогам пешком, с ранцем за спиной и окованной железом палкой в руке. Сегодня я таскаю за собой целую свиту; такое путешествие — дело нешуточное.

— Поэтому, — сказал мне министр, — я даю на эту поездку десять тысяч франков.

— Послушайте, вам очень хочется, чтобы я поехал в Алжир?

— Конечно, раз я вам это предлагаю.

— Это доставит вам большое удовольствие?

— Огромное удовольствие.

— Так вот, я добавлю из своего кармана сорок тысяч франков к тем десяти тысячам, что вы мне даете, и совершу это путешествие.

Господин де Сальванди ошеломленно уставился на меня.

— А как же иначе? — сказал я. — Не думаете же вы, что я стану путешествовать, как какой-нибудь торговец лекарственными травами. Я собираюсь пригласить трех или четырех друзей поехать со мной; раз вы посылаете меня представлять Францию в Алжире, я хочу оказать честь Франции.

Господин де Сальванди подумал вначале, что я шучу, но в конце концов понял, что я говорю серьезно.

— И это еще не все, — продолжал я. — Если я поеду в Алжир, я желаю путешествовать со всеми удобствами, какие может предоставить мне правительство.

— До чего же вы привередливы! — заметил мне министр.

— Я привередлив как человек, который может отправиться туда и без вас и, отправляясь туда ради вас, ставит свои условия. Это вас смущает? Я совершу свое путешествие так, как считаю нужным.

— Но, значит, вы все же поедете?

— Конечно, да; вы подали мне идею, и теперь мне до смерти хочется поехать.

— Нет, я понимаю это по-другому: я хочу, чтобы вы ехали, но с поручением. Да, а о чем вы хотели попросить, когда я перебил вас? Хотите ли вы стать офицером Почетного легиона?

— Спасибо, мне это совершенно ни к чему. Я стал кавалером благодаря несчастному герцогу Орлеанскому, которого любил всем сердцем; если бы он был с нами и мог сделать меня офицером, возможно, я согласился бы на это; но, к большому моему сожалению, его с нами нет, и я предпочитаю остаться тем, кем он меня сделал, чем сделаться кем-то еще.

— Но, в конце концов, чего же вы хотите?

— Я хочу, чтобы в мое распоряжение и в распоряжение моих спутников был предоставлен государственный корабль, на котором мы будем двигаться вдоль берегов Алжира не по желанию ваших офицеров, но по моей прихоти.

— Ах, вот как! Но вы просите сделать для вас то, что делают для принцев.

— Всего-навсего. Если вы готовы сделать для меня только то, что и для всех остальных, незачем было меня беспокоить; мне достаточно было обратиться в дирекцию пассажирской конторы, и я получил бы возможность передвигаться на судах не только до Алжира, но по всему Средиземному морю.

— Хорошо, пусть будет по-вашему: вы получите судно. Но, если вы думаете, что сможете на этом что-то выгадать, вы сильно ошибаетесь!

— Выгадать? Вы думаете, я рассчитывал на какую-то экономию? Для министра народного просвещения, позвольте сказать, вы довольно-таки непросвещенный человек.

— Ну, а теперь скажите, когда вы собираетесь выехать?

— Когда пожелаете. Мне надо закончить два-три романа — это займет две недели; мне надо продать несколько купонов железной дороги — это отнимет не больше часа.

— Итак, через две недели вы будете готовы?

— Вполне.

— А ваш Исторический театр?

— Его закончат без меня.

Я поклонился господину министру народного просвещения, и мы расстались.

На следующий день я имел честь обедать в Венсене с господином герцогом де Монпансье. Я рассказал ему о том, какая удивительная мысль посетила господина министра народного просвещения: отправить меня в Африку, чтобы я сделал популярным Алжир.

— Что же, идея превосходная, — ответил он. — Особенно если вы проедете через Испанию.

— А зачем мне проезжать через Испанию, монсеньер?

— Затем, чтобы быть на моей свадьбе; вам известно, что я женюсь одиннадцатого или двенадцатого октября?

— Я очень благодарен вам, монсеньер, вы оказали мне великую честь; но что скажет король? Ваше высочество знает, что он не вполне разделяет дружбу, которой вы меня удостаиваете.

— Король обо всем узнает только потом; и к тому же, раз он находит вас годным для того, чтобы ехать в Алжир, он должен найти вас годным и для того, чтобы заехать в Мадрид. В общем, пусть это вас не беспокоит: это я женюсь и я вас приглашаю.

— Я с благодарностью принимаю приглашение, монсеньер.

Это было двадцатого или двадцать пятого сентября; господин герцог де Монпансье собирался жениться одиннадцатого или двенадцатого октября. Значит, нельзя было терять ни минуты, если я хотел попасть в Мадрид за два-три дня до свадьбы.

Для начала я стал собирать средства, необходимые для путешествия. У меня было на пятьдесят тысяч франков купонов Лионской железной дороги. В то время на них теряли не больше пятой части; положение благоприятствовало продаже. Я поспешил выручить за мои купоны сорок тысяч франков.

Что касается правительственных десяти тысяч, то, поскольку

они предназначались для Алжира, я не хотел притрагиваться к ним раньше; я велел перевести эти деньги господину маршалу Бюжо. После того как были приняты эти меры, главное было сделано; оставалось лишь найти спутников.

Я написал своему сыну и Луи Буланже:

«Завтра вечером я отправляюсь в Испанию и Алжир; хочешь ли ты поехать со мной?

Если да, то позаботься о чемодане. Только выбирай самый маленький.

Твой

Алекс. Дюма».

То же самое циркулярное письмо я написал Маке, только заменил «ты» на «Вы».

Все трое ответили мне согласием.

Оставалось найти образцового слугу, который один должен был и следить за багажом, и стараться, в меру своих способностей, чтобы четыре путешественника не умерли с голоду.

Я сказал «найти», потому что ни один из слуг, какие у меня были в то время, не годился для путешествия: Алексис был слишком молод; кучер ничего не умел; что касается Мишеля, я ни одной минуты не думал за те двенадцать лет, которые он жил у меня, будто он состоит на моей службе: Мишель просто-напросто был на службе у себя самого; только Мишель, любивший животных, заставил меня поверить, что это я их люблю, и для собственного удовольствия умножал число двуногих, четвероногих и четвероруких. Именно таким образом я оказался, по словам Мишеля, обладателем двенадцати или пятнадцати курочек неизвестной породы; пяти или шести ценных петухов; двух псов, один из которых, как вы видели, хотел меня съесть; трех обезьян и кота, которые совершили против моих колибри, ткачиков и перепелок поход, возможно еще не забытый вами.

Значит, Мишель должен был оставаться со своими животными или, если я возьму с собой Мишеля, мне придется везти вместе с ним его животных.

В это время случай пришел мне на помощь. Заметьте, я не обладаю таким самомнением, чтобы сказать «Провидение»: его я оставляю на долю коронованных особ.

Шеве, которому я был должен 113 франков, услышав, что я отправляюсь в кругосветное путешествие, доставил себе удовольствие явиться ко мне, чтобы я уплатил по счету, прежде чем покину Сен-Жермен.

Так что однажды утром он вошел ко мне со счетом в руках. Рассчитавшись с ним, я спросил у него, не знает ли он, случайно, хорошего слугу, который захочет поехать со мной в Испанию и Алжир.

— О, как удачно у вас получилось, сударь, — ответил он. — У меня есть для вас просто жемчужина: негр.

— Стало быть, черная жемчужина?

— Да, сударь, но настоящая.

— Черт возьми! Шеве, у меня уже есть десятилетний негр, который один ленив, как два двадцатилетних негра, если они доживают до двадцати лет.

— Это как раз его возраст, сударь.

— Значит, он окажется ленив, как два сорокалетних негра.

— Сударь, это не настоящий негр.

— Как, он крашеный?

— Нет сударь: это араб.

— Ах, черт! Араб просто бесценен для поездки в Алжир, если только он говорит по-арабски не так, как Алексис по-креольски.

— Сударь, я не знаю, как Алексис говорит по-креольски, но я знаю, что у меня был однажды офицер спаги, и он, хоть и коверкая арабский, поболтал с Полем.

— Его зовут Поль?

— Мы его зовем Поль, это его французское имя; но для своих соотечественников он имеет другое имя — арабское, которое означает «Росный Ладан».

— Вы за него ручаетесь, Шеве?

— Как за самого себя.

— Ну, пришлите мне вашего Росного Ладана.

— Ах, сударь, увидите, какое сокровище вы приобретете! Камердинер с кожей самого красивого оттенка, какой только возможно увидеть, между лимоном и гранатом, и говорит на четырех языках, не считая родного; легок на ногу и ездит верхом; у него только один недостаток: теряет все, что вы ему дадите, но, как вы сами понимаете, если ему ничего не давать…

— Хорошо, Шеве, спасибо, спасибо!

В четыре часа я увидел Поля и понял, что Шеве не обманул меня: Росный Ладан ничем не напоминал конголезских или мозамбикских негров с их вдавленными лбами, приплюснутыми носами и толстыми губами.

Это был абиссинский араб, обладавший всей изысканностью своей расы. Как и сказал Шеве, оттенок его кожи осчастливил бы Делакруа. Желая составить суждение о его филологических познаниях, которые мне так расхваливали, я обратился к нему с несколькими словами на итальянском, английском и испанском

языках: он отвечал довольно верно, и, поскольку по-французски он говорил прекрасно, я убедился, как и Шеве, что он знал четыре языка, не считая родного.

О том, как эта капля благовоний по имени Росный Ладан появилась на склоне гор Саман, между берегами озера Амбра и истоками Голубой реки, он сам не смог рассказать мне, следовательно, и я вам этого не скажу. Единственное, что можно разглядеть в потемках его младенчества: один англичанин — путешествующий джентльмен, который прибыл из Индии, перебравшись через Аденский залив, — решил подняться по реке в Насо, проехать через Эмфрас и Гондар; увидев в этом последнем городе юного Росного Ладана, которому тогда было пять или шесть лет, нашел его подходящим для себя и купил у отца за бутылку рома.

Мальчик поехал дальше с хозяином; два или три дня он плакал, расставшись с родными, потом отвлекся — на детей особенно сильно воздействует разнообразие окружающего — и через неделю, когда они достигли истоков реки Рахад, почти утешился. Англичанин спускался по реке Рахад до того места, где она впадает в Голубую реку, потом — по Голубой реке до того места, где она впадает в Белый Нил; на две недели он остановился в Хартуме, затем продолжил путь и спустя два месяца прибыл в Каир.

Росный Ладан оставался у хозяина шесть лет; за эти шесть лет он объехал Италию и кое-что выучил по-итальянски, Испанию — и немного заговорил по-испански, Англию — и кое-как выучил английский, наконец, он обосновался во Франции и здесь действительно хорошо выучил французский.

Дитя озера Амбра, он наслаждался бродячей жизнью, напоминавшей жизнь его предков, царей-пастухов, и выглядел так внушительно, что я всегда утверждал и продолжаю утверждать: он происходил от завоевателей Египта. Так что, если бы это зависело только от него, он, вопреки поговорке славного короля Дагобера, никогда не покинул бы своего англичанина, это англичанин его покинул. Это был великий путешественник, он повидал все. Он видел Европу, Азию, Африку, Америку и даже Океанию; он осмотрел все в этом мире и решил посетить другой. Каждое утро в семь часов он звонил, вызывая Росного Ладана. Однажды утром он не позвонил. В восемь часов Росный Ладан вошел к нему в спальню и нашел его висящим под потолком на шнурке от колокольчика.

Этим объяснилось, почему он не позвонил.

Англичанин был щедрым и даже позаботился, перед тем как повеситься, оставить сверток с гинеями для Росного Ладана; но

Росный Ладан не был бережливым. Настоящее дитя тропиков, он любил все блестящее, лишь бы оно сверкало, и ему было безразлично, медь это или золото, стекло или изумруд, блестка или рубин, страз или бриллиант; поэтому он потратил свои гинеи на то, чтобы покупать все блестящее, пропуская между покупками по несколько глотков рома, потому что Росный Ладан очень любил ром, о чем забыл сообщить мне Шеве, без сомнения подумавший, что я и сам это замечу.

Когда Росный Ладан — не скажу, что проел: бедняга был довольно слабым едоком — промотал свою последнюю гинею, он понял, что пора искать новое место.

Он был красивым, приветливым, с ясным взглядом и открытой улыбкой и вскоре нашел нового хозяина. Этот новый хозяин, оказавшийся французским полковником, увез его в Алжир. Там Поль почувствовал себя почти что дома. Алжирцы говорили на его родном языке или, вернее, он говорил на родном языке алжирцев, но более чистом и изысканном, поскольку он изучал арабский в первоисточнике его. Он провел в Алжире пять лет, и в эти пять лет милость Господня коснулась его, он был окрещен, получив имя Пьер, несомненно с тем, чтобы, как его святой покровитель, обрести возможность отречься от Бога трижды.

К несчастью, выбирая это имя, Росный Ладан забыл, что его носил и хозяин. Полковник, не желая иметь слугу, которого звали бы так же, как его самого, лишил Росного Ладана имени Пьер и назвал его Полем, подумав, что ему должно быть приятно перейти от покровителя, держащего ключи, к покровителю, держащему меч.

Когда истекли пять лет, о которых мы уже рассказали, полковник получил отставку; он вернулся во Францию, чтобы выразить несогласие с приказом, но приказ был подтвержден, и полковник, оказавшись на половинном содержании, объявил Полю, что, к великому своему сожалению, должен с ним расстаться.

Между полковником и англичанином было досадное различие, состоявшее в том, что полковник, оставаясь в живых и нуждаясь в своих деньгах до последнего дня, дал Полю только сумму, причитавшуюся при расчете, и эти деньги (33 франка 50 сантимов) быстро просыпались сквозь смуглые пальцы Поля.

Но во время службы у полковника, который был тонким гурманом, Поль приобрел полезное знакомство — с Шеве. Вы видели, как Шеве рекомендовал мне его, сказав, что это превосходный слуга, единственный недостаток которого — терять все, что ему дают.

Где-то, чуть выше, я говорил уже, что Шеве забыл предупредить меня о пристрастии Поля к рому, и прибавил, что Шеве подумал, будто я и сам смогу это заметить.

Так вот, Шеве переоценил мою проницательность. Конечно, время от времени я видел, как Поль встает на моем пути в положение на караул, вытаращив глаза с пожелтевшими белками; я замечал, как он отчаянно прижимает мизинец ко шву своих штанов — эту изящную и вместе с тем воинскую позу он приобрел, когда служил у полковника; я слышал, конечно, как он смешивает английский с французским, испанским и итальянским; но, поглощенный своей работой, я почти не обращал внимания на эти внешние изменения и был по-прежнему им доволен; следуя рекомендациям Шеве, я ничего не доверял ему, кроме ключа от погреба, который Поль, изменив своим привычкам, не потерял ни разу.

Итак, я оставался в неведении относительно роковой склонности Поля до тех пор, пока внезапное обстоятельство мне ее не открыло. Отправившись как-то на охоту, где собирался задержаться на неделю, я неожиданно вернулся на следующий день и, вернувшись, как обычно, позвал Поля.

Поль не откликнулся. Я позвал Мишеля — он был в саду. Я позвал жену Мишеля, Огюстину, — она отправилась за покупками. Я поднялся в комнату Поля, опасаясь, что он повесился, как его прежний хозяин.

Я успокоился, бросив на него взгляд: Поль пока что совершенно расстался с вертикальным положением и принял горизонтальное. Одетый в парадную ливрею, он лежал на постели, застывший в неподвижности, словно его забальзамировали по методу г-на Ганналя. Признаюсь, если я и не поверил, что он забальзамирован, то мог бы подумать, что он скончался. Я окликнул его — он не ответил; я потряс его — он не пошевелился; я поднял его за плечи, как пьеро поднимает арлекина, он не согнулся ни в одном суставе. Я поставил его на ноги и, увидев, что ему совершенно необходима поддержка, прислонил к стене.

Во время этой последней операции Поль, наконец, проявил признаки жизни: он попытался заговорить и открыл глаза, в которых видны были одни белки; наконец ему удалось издать нечленораздельный звук, а затем он довольно нелюбезно поинтересовался:

— Почему это меня поднимают?

В эту минуту у двери комнаты Поля послышался шум. Это Мишель, услышав из дальнего конца сада, что я его зову, поспешил ко мне.

— Что с Полем, — спросил я у него, — он помешался?

— Нет, сударь, но он пьян.

— Как это пьян?

— Да, сударь; стоит вам отвернуться, как у него уже в зубах горлышко бутылки.

— Как, Мишель, вы это знали и не сказали мне?

— Я служу у вас садовником, а не шпионом.

— Действительно, Мишель, вы правы. Хорошо, но что теперь делать с Полем? Я не могу весь день держать его у стены.

— Если вы хотите протрезвить Поля, это очень просто.

Вы помните, что у Мишеля всегда находилось средство в любых затруднительных обстоятельствах.

— Что же надо сделать, Мишель, чтобы Поль протрезвел? Черт возьми! Поль, постарайся стоять у стены!

— Вам надо только взять стакан воды, добавить в него восемь или десять капель щелочи и заставить Поля это выпить. Поль чихнет и протрезвеет.

— У вас есть щелочь, Мишель?

— Нет; но у меня есть нашатырный спирт.

— Это все равно. Налейте в стакан немного нашатырного спирта и принесите мне.

Через пять минут Мишель вернулся с микстурой. Мы разжали Полю зубы ножом для разрезания бумаги, вставили между ними край стакана и осторожно вылили его содержимое, которое распределилось по двум направлениям: часть попала в пищевод, часть — на галстук; хотя галстук оказался смоченным гораздо обильнее, чем глотка, Поль, как и предсказывал Мишель, тем не менее так неистово чихнул, что я отступил, бросив его одного. Он еще немного покачался, снова чихнул, вытаращил глаза и произнес только одно слово, выразив им все свои мысли:

— Фу!

— Так вот, Поль, — сказал я ему, — теперь, когда ты протрезвел, ложись спать, друг мой, а когда проснешься, приходи за расчетом: я не люблю пьяниц.

Но Поль то ли вообще обладал повышенной нервной чувствительностью, то ли эта чувствительность обострилась под воздействием нашатырного спирта, он, вместо того чтобы спать, как я ему посоветовал, или получить причитающееся, на что у него было право, закинул голову, ломая руки и гримасничая, словно бесноватый. У Поля случился нервный припадок, но, продолжая извиваться, вернее, в промежутках между этими конвульсиями, он выкрикивал:

— Нет, я не хочу уходить! Нет, мне здесь хорошо, и я останусь! Я расстался с моим первым хозяином только потому,

что он повесился; я расстался с моим вторым хозяином только потому, что он ушел в отставку. Господина Дюма не отправили в отставку, господин Дюма не повесился, я хочу остаться у господина Дюма.

Меня тронула эта привязанность к моей особе. Я взял с Поля обещание — нет, не бросить пить совсем, он честно отказался дать мне его, — пить как можно меньше. Я потребовал вернуть мне ключ от погреба (я тем более признателен Полю за это возвращение, что он отдавал ключ с видимым сожалением), и все вернулось на круги своя.

Я был тем более снисходителен к Полю, что за несколько дней до моего отъезда в Испанию мой друг де Сольси, зайдя пригласить меня на обед, поговорил с Полем по-арабски и заверил меня, что Поль говорит по-арабски не хуже Боабдила или Малек-Аделя.

В назначенный день мы выехали — Александр, Маке, Буланже и я — в сопровождении черной тени, которая была не кем иным, как нашим другом Полем.

Я не намерен здесь рассказывать об этом знаменитом путешествии в Испанию, куда я, как утверждают, отправился в качестве историографа свадьбы господина герцога де Монпансье, ни о еще более известном путешествии в Африку, которое благодаря г-ну де Кастеллану, г-ну Леону де Мальвилю и г-ну Лакроссу получило такие шумные отклики в Палате депутатов.

Нет, я намерен просто-напросто перейти к истории нового животного, которое после этого путешествия в Африку прибавилось к моей коллекции.

Я был в Константине и, с ружьем в руках, подстерегал круживших над бойней грифов. Я уже два или три раза безрезультатно по ним выстрелил, когда позади меня послышался голос:

— Если вы хотите такого, и к тому же живого, я продам его вам, и недорого.

Обернувшись, я узнал гамена чистейшей французской крови из самого бедного парижского квартала — Бени-Муфтара, как он сам себя называл; он два-три раза был моим проводником и каждый раз мог похвастаться моей щедростью.

— Красивого?

— Великолепного.

— Какого возраста?

— Еще молочные зубы не выпали.

— Как это?

— Ему самое большее полтора года. Вы знаете, что грифы живут до ста пятидесяти лет?

— Мне не обязательно нужно, чтобы он достиг этого возраста. И за сколько он продается, твой гриф?

— О, вы получите его за десять монет.

Незачем объяснять моим читателям, что в переводе с арго «десять монет» означает десять франков.

— Хорошо, Бени-Муфтар, — ответил я, — устрой мне это дело за двенадцать, и получишь сорок су.

— Только, — продолжал мальчик, словно охваченный угрызениями совести, — я должен предупредить вас об одной вещи.

— О какой?

— Он злой как черт, этот проклятый гриф, и только тот, кто взял его из гнезда и кормит, может к нему приблизиться.

— Что ж, раз он такой злой, — решил я, — мы ему наденем намордник.

— Да; но, когда станете его надевать, берегите пальцы. Позавчера он откусил большой палец у одного кабила, а вчера оттяпал хвост у собаки.

— Я буду внимателен.

На следующий день я стал обладателем великолепного грифа, лишенного каких-либо недостатков, кроме одного: как предупредил меня Бени-Муфтар, он готов был сожрать все, что оказывалось поблизости.

Грифа немедленно окрестили именем его соотечественника Югурты. Для большей безопасности Югурту мне отдали в большой клетке из досок, и у несчастного пернатого каторжника на лапе, заботливо обмотанной тряпкой, была цепь длиной в два или три фута.

Когда пришло время отъезда, мы вернулись тем же путем, каким приехали, то есть в дилижансе, ходившем между Филипвилем и Константиной.

Этот дилижанс был хорош тем, что двигался очень медленно и так кружил, что любители поохотиться могли всю дорогу доставлять себе это удовольствие.

Югурте очень хотелось присоединиться к таким любителям. С высоты империала он видел множество птиц, казавшихся ему его естественными подданными; небесный тиран явно жалел о том, что не может проглотить их вместе с перьями, и он выместил свою досаду на пальце одного из пассажиров империала, пожелавшего познакомиться с ним поближе.

До Филипвиля мы добрались без других происшествий. Там положение осложнилось: нам оставалось проделать около льё до места отплытия, то есть до Сторы, а карета до Сторы не шла.

Правда, из Филипвиля в Стору ведет прелестная дорога вдоль

залива — справа море, слева красивые холмы и рощи, — и эти господа решили пройтись пешком.

Но как будет передвигаться Югурта?

Взвалить ящик на спину человеку было невозможно: гриф сквозь щели между досками сожрал бы носильщика. Подвесить клетку к двум шестам и поместить наподобие носилок на спины двоим обошлось бы в пятьдесят франков, а когда покупаешь грифа за двенадцать франков, если считать с комиссионными, не хочется платить пятьдесят за его перевозку. Я придумал средство: удлинить его цепь до восьми или десяти футов с помощью веревки и подгонять грифа впереди себя жердью, заставляя его идти по земле, как поступают с индюками те, что пасут их.

Самым трудным делом оказалось выманить господина Югурту из клетки. И думать было нечего, чтобы отрывать доски руками: прежде чем рука оторвала бы доску, гриф сожрал бы руку.

Для начала я привязал к цепи веревку, затем поставил по бокам клетки двух человек с заступами: каждый из них, вставив заступ между досками, начал тянуть в свою сторону.

В математике две равные силы, приложенные к одному объекту, взаимно уничтожаются, но, когда у объекта есть разрывы в связи частей, он должен уступить и двинуться в сторону того, кто тянет сильнее.

Поэтому сначала лопнула одна доска, потом другая, третья, и наконец целая сторона клетки оказалась открытой. Поскольку Югурта не потерял ни единого пера, первым его побуждением было вырваться наружу, расправить крылья и улететь; но улетел он всего лишь на длину веревки: будь ты гриф или майский жук, если у тебя веревка на лапе, ты должен или разорвать ее, или оставаться пленником.

Югурте пришлось спуститься. Он был очень умной тварью и видел, что ему мешает, а мешал ему я, поэтому он бросился на меня в обманчивой надежде вынудить меня обратиться в бегство или сожрать меня, если я не убегу.

Однако Югурта имел дело с животным не менее умным, чем он сам. Я предвидел нападение и приказал Полю вырезать для меня кизиловую палку толщиной в палец и длиной в восемь или десять футов.

Я наотмашь ударил Югурту своей жердью; он, казалось, удивился, но продолжал путь; я стегнул его наотмашь второй раз, и он резко остановился; наконец я хлестнул его в третий раз, и это заставило его повернуть назад, то есть в Стору; как только он вступил на этот путь, мне оставалось только умело распределять удары палкой, и Югурта прошел эти четыре или пять километров вместе с нами, к полному восторгу моих спутников и людей, встречавшихся нам на дороге.

Прибыв в Стору, Югурта охотно пошел в лодку, из лодки — на борт «Быстрого», устроился на бушприте и, привязанный к основанию мачты, ждал, пока для него сделают новую клетку. Он сам вошел в нее, позволил забить гвозди, даже не пытаясь раздробить пальцы рабочим, с видимой признательностью принимал куски мяса, выдаваемые судовым коком с регулярностью, делавшей честь его филантропии; и через три дня после своего водворения на судно он уже подставлял мне голову, чтобы я почесал ее, как почесывают попугаев, но, когда мы оказались в Сен-Жермене, Мишель тщетно пытался заставить его произнести неизбежное: «Почесать цыпочку!»

Вот как я привез из Алжира грифа; он обошелся в сорок тысяч франков мне и всего в десять тысяч — правительству.

XXXVI
КАК ПРИЧАРД НАЧАЛ ПОХОДИТЬ НА МАРШАЛА САКСОНСКОГО, КОТОРОМУ МАРС ОСТАВИЛ НЕВРЕДИМЫМ ТОЛЬКО СЕРДЦЕ

Когда я вернулся во Францию, дом, который я строил на дороге в Марли, был почти готов; за несколько недель оклеили и закрыли деревянными панелями стены на целом этаже, и я смог исполнить желание владельца виллы Медичи: увидев, что я потратил на устройство его дома семь или восемь тысяч франков, он вполне естественно захотел в него вернуться и воспользоваться сделанными мною улучшениями.

Итак, я покинул Сен-Жермен, чтобы поселиться в Пор-Марли, в том знаменитом доме, который г-жа Меленг позже назвала «Монте-Кристо» и который с тех пор привлекал всеобщее внимание.

Мишель давно уже заботился о размещении животных; должен сказать, что он гораздо меньше занимался моим устройством и даже своим собственным.

Не знаю, как выглядит Монте-Кристо сегодня, но в мое время там не было ни стены, ни рва, ни изгороди, ни вообще какой-либо ограды; поэтому люди и животные могли входить в Монте-Кристо, свободно по нему разгуливать, собирать цветы и фрукты, не боясь обвинения в краже с перелезанием через ограду или краже со взломом. Что касается животных — я в особенности хочу поговорить о собаках, — то Причард, по характеру своему очень гостеприимный, радушно принимал их с чисто шотландским бескорыстием и непринужденностью.

Причард приглашал гостей самым простым и древним способом.

Он устраивался на середине дороги в Марли и приближался к каждой проходившей мимо собаке с тем полуугрожающим, полудружеским видом, с каким собаки подходят друг к другу, здоровался с новоприбывшим и обнюхивал его под хвостом, сам подвергаясь такому же обращению без малейших возражений.

Потом, когда благодаря этим прикосновениям дружба укреплялась, происходил примерно такой разговор:

— Хороший у тебя хозяин? — спрашивал чужой пес.

— Неплохой, — отвечал Причард.

— В его доме хорошо кормят?

— Два раза в день дают густую похлебку, кости на завтрак и обед, а все остальное время имеешь то, что сможешь украсть на кухне.

Чужой пес облизывался.

— Черт! — говорил он. — Неплохо тебе живется!

— Не жалуюсь, — отвечал Причард.

И, видя, что чужая собака задумалась, он прибавлял:

— Не хочешь ли сегодня пообедать со мной?

Собаки в этих случаях не следуют глупому человеческому обычаю заставлять себя уговаривать.

Пес с благодарностью принимал приглашение, и во время обеда я с удивлением смотрел, как незнакомое животное, вошедшее следом за Причардом, садится справа от меня, если Причард садился слева, и просительно кладет лапу мне на колено, доказывая тем самым, что слышал самые лестные отзывы о моем христианском милосердии.

Приглашенный Причардом провести с ним и вечер, пес, несомненно, оставался, а вечером замечал, что возвращаться домой слишком поздно, и ложился спать где-нибудь на травке.

Утром пес, собираясь уйти, делал три или четыре шага к двери, потом, переменив мнение, спрашивал Причарда:

— Не покажется ли бестактностью, если я здесь останусь?

Причард отвечал:

— Если вести себя осторожно, можно убедить, что ты соседская собака; через два или три дня на тебя перестанут обращать внимание и ты станешь здесь своим, точно так же как эти бездельники-обезьяны, которые весь день прохлаждаются, как этот обжора гриф, который только и знает есть требуху, и этот болтун ара, который целый день орет сам не зная что.

Пес постепенно стал обживаться в Монте-Кристо: в первый день он прятался, на второй начинал со мной здороваться, на третий бегал за мной; так в доме появлялся еще один постоялец.

Это продолжалось до тех пор, пока однажды Мишель не сказал мне:

— Знаете ли, вы, сударь, сколько здесь собак?

— Нет, Мишель, — ответил я.

— Сударь, их здесь тринадцать.

— Это нехорошее число, Мишель, и надо следить за тем, чтобы они не садились за стол все вместе: одна из них обязательно умрет первой.

— Но дело не в этом, сударь.

— А в чем же?

— Эти ребята могут в день съедать по целому быку вместе с

рогами.

— Думаете, Мишель, они и рога съедят? По-моему, нет.

— Если вы так к этому относитесь, мне нечего сказать.

— Вы ошибаетесь, Мишель; говорите, и я буду относиться к этому в точности так, как вам захочется.

— Так вот, если вы предоставите мне действовать, я просто возьму хлыст и завтра же утром выгоню всех из дома.

— Мишель, давайте будем соблюдать приличия; в конце концов, все эти собаки, оставаясь здесь, оказывают честь дому; устройте сегодня для них парадный обед, предупредите о том, что этот обед — прощальный, и после десерта гоните их за ворота.

— Как же вы хотите, чтобы я выгнал их за ворота, если нет ворот?

— Мишель, — продолжал я, — надо терпеть некоторые тяготы, обусловленные средой, общественным положением и характером, который мы имели несчастье получить свыше; раз собаки попали в дом. Господь с ними, пусть остаются! Не думаю, чтобы животные когда-нибудь разорили меня, Мишель, только следите, в их же интересах, за тем, чтобы собак перестало быть тринадцать, друг мой.

— Сударь, я прогоню одну, чтобы их стало двенадцать.

— Нет, Мишель, напротив, приведите еще одну, чтобы их стало четырнадцать.

Мишель вздохнул:

— Была бы это хотя бы свора.

Но это и была свора, удивительная свора — в нее входили: волкодав, пудель, барбе, грифон, кривоногий бассет, нечистых кровей терьер, такой же кинг-чарлз и даже турецкая собака, у которой на всем теле не было шерсти, только султан на голове и кисточка на хвосте.

Так вот, все они жили вместе в полнейшем согласии; фаланстер или моравские братья могли бы поучиться у них братским отношениям. Конечно, во время еды случалась небольшая грызня; были любовные ссоры, в которых, как всегда, слабейший оказывался побежденным; но должен сказать, что стоило мне появиться в саду, как воцарялась самая трогательная гармония. Не было среди собак ни одной — как бы лениво она ни грелась на солнце, как бы удобно ни лежала на травке, как бы нежно ни беседовала с соседкой, — которая не прервала бы свой отдых, свой послеобеденный сон, свою беседу, чтобы кинуться ко мне, умильно глядя на меня и виляя хвостом. Каждый на свой лад старался выразить мне свою благодарность: одни дружески проскальзывали у меня между ног, другие вставали на задние

лапки и, как говорится, служили, наконец, остальные прыгали через трость, которую я перед ними протягивал, — прыгали то в честь русского императора, то в честь испанской королевы, но с каким-то классическим упорством отказывались прыгать в честь бедного прусского короля, монарха самого скромного из всех и самого популярного если не среди своего народа, то среди собак всех наций мира.

Мы завербовали маленькую испанскую ищейку, назвав ее Лизеттой, и число собак достигло четырнадцати.

И в конце концов все эти четырнадцать собак обходились мне всего в пятьдесят или шестьдесят франков в месяц. Один-единственный обед, устроенный для моих пяти или шести собратьев, обошелся бы мне в три раза дороже, и к тому же вполне вероятно, что они похвалили бы мое вино, но несомненно, выйдя из моего дома, обругали бы мои книги.

Из всей этой своры Причард выбрал себе приятеля, а Мишель — любимца: это был кривоногий, приземистый бассет, передвигающийся почти ползком; двигаясь самым быстрым ходом, он проходил льё в полтора часа, но, по словам Мишеля, у него была лучшая глотка во всем департаменте Сена-и-Уаза.

В самом деле, у Портюго — так звали пса — был лучший бас из всех, какие только можно услышать, преследуя кролика, зайца или косулю; иногда, когда я работал ночью, этот великолепный голос раздавался где-то поблизости, и сам святой Губерт порадовался бы ему в своей могиле. Чем занимался Портюго в такой час и почему бодрствовал, когда вся свора спала? Однажды утром эта тайна мне была открыта.

— Сударь, — сказал Мишель, — не хотите ли съесть на завтрак славное фрикасе из кролика?

— А что, Ватрен прислал кроликов? — спросил я.

— Как бы не так, я уже больше года не видел Ватрена.

— Тогда что же?

— Вам, сударь, нет надобности знать, откуда возьмется кролик, если только фрикасе окажется вкусным.

— Берегитесь, Мишель! — сказал я ему. — Вас поймают, друг мой.

— Да что вы, сударь, я не прикасался к ружью после закрытия охоты.

Я понял, что в этот день Мишель решил больше ничего не говорить мне; но я знал Мишеля и был уверен, что рано или поздно язык у него развяжется.

— Да, Мишель, — ответил я, — я охотно съем сегодня утром фрикасе.

— Вы хотите сами его приготовить или пусть готовит

Огюстина?

— Пусть Огюстина сделает его, Мишель: у меня сегодня много работы.

Завтрак вместо Поля подавал сам Мишель, пожелавший насладиться зрелищем моего удовольствия.

Настал черед фрикасе из кролика: я обсосал все косточки.

— Значит, вам нравится? — спросил Мишель.

— Замечательно! — ответил я.

— Так вот, если вам угодно, вы можете есть такое каждое утро.

— Каждое утро, Мишель? Мне кажется, вы слишком много обещаете, друг мой.

— Я знаю, что говорю.

— Что ж, Мишель, посмотрим. Фрикасе — вкусная вещь; но существует одна сказка — она называется «Паштет из угрей», — мораль которой: не следует злоупотреблять ничем, даже и фрикасе из кроликов. Впрочем, прежде чем потреблять кроликов в таких количествах, я хотел бы знать, откуда они берутся.

— Сегодня ночью, если вы пожелаете пойти со мной, вы это узнаете.

— Я же говорил, что вы браконьер, Мишель!

— О сударь, я невинен, как новорожденный младенец, и, как я сказал, если вам угодно пойти со мной этой ночью…

— Далеко отсюда, Мишель?

— Всего сто шагов, сударь.

— Когда?

— Как только вы услышите лай Портюго.

— Хорошо, Мишель, договорились: если вы увидите свет в моей комнате, когда Портюго залает, я к вашим услугам.

Я почти забыл о своем обещании и работал как обычно, когда великолепной лунной ночью, около одиннадцати часов, ко мне вошел Мишель.

— Но, мне кажется, Портюго еще не лаял? — спросил я.

— Нет, — ответил Мишель. — Но я подумал, что, если вы станете дожидаться этого, то пропустите самое любопытное.

— Что же я пропустил бы, Мишель?

— Вы пропустили бы военный совет.

— Какой военный совет?

— Между Причардом и Портюго.

— Вы правы, это должно быть любопытно.

— Если вам угодно будет спуститься, вы увидите.

Я последовал за Мишелем, и в самом деле, посреди бивака, где расположились — каждая на свой лад — четырнадцать собак, Портюго и Причард, усевшись с серьезным видом, казалось,

обсуждали вопрос величайшей важности.

Обсудив этот вопрос, Причард и Портюго расстались. Портюго вышел за ворота, направился по верхней дороге в Марли, огибавшей усадьбу, и скрылся.

Что касается Причарда, то он повел себя как собака, у которой впереди еще много времени, и, не торопясь, пустился по тропинке, тянувшейся вдоль острова и поднимавшейся над карьером.

Мы пошли следом за Причардом, не обратившим на нас внимания, хотя он явно не мог нас не учуять.

Причард поднялся до верха карьера, откуда к дороге на Марли спускался виноградник; там он внимательно обследовал местность, двигаясь вдоль карьера, нашел след, определил, что след свежий, сделал несколько шагов по борозде между двумя рядами жердей, улегся и стал ждать.

Почти одновременно с этим в пятистах шагах послышался лай Портюго; после этого маневр разъяснился: вечером кролики выходили из карьера и шли пастись; Причард находил след одного из них; Портюго, сделав большой крюк, нападал на кролика; и, поскольку кролики и зайцы всегда возвращаются по своим следам, Причард, предательски затаившись, встречал его на обратном пути.

Действительно, по мере того как приближался лай Портюго, горчичные глаза Причарда постепенно разгорались и блестели словно топазы; потом, внезапно оттолкнувшись согнутыми лапами, как будто это были четыре пружины, он прыгнул, и вслед за тем мы услышали изумленный и отчаянный вопль.

— Дело сделано, — сказал Мишель.

Подойдя к Причарду, он взял у него из пасти отличного кролика и, прикончив его ударом по затылку, тут же отделил причитающуюся собакам часть добычи. Они по-братски разделили внутренности, вероятно, сожалея лишь об одном: о том, что вмешательство Мишеля (при моей поддержке) лишило их целого, чтобы оставить всего лишь часть.

Как и говорил Мишель, я мог бы, если бы пожелал, каждое утро есть на завтрак фрикасе из кролика.

Но в Париже тем временем происходили события, сделавшие невозможным мое дальнейшее пребывание за городом: открывался Исторический театр.

А теперь, дорогие мои читатели, поскольку это не книга, не роман, не урок литературы, а просто моя с вами болтовня, позвольте мне рассказать вам историю этого бедного Исторического театра, который, как вы помните, был одно время пугалом для Французского театра и примером для других

театров.

Если бы он знал провалы, его поддержали бы великие сторонники провалов, управляющие изящными искусствами; но он знал лишь успех, и управляющие изящными искусствами покинули его.

Вот как все произошло. В 1845 или 1846 году, уже не помню точно, я давал в театре Амбигю первых своих «Мушкетеров».

На премьере присутствовал господин герцог де Монпансье. Один из моих друзей, доктор Паскье, был его врачом. После пятой или шестой картины герцог де Монпансье послал ко мне Паскье с поздравлениями. После спектакля, закончившегося в два часа ночи, Паскье снова подошел ко мне и сказал, что господин герцог де Монпансье ждет меня в своей ложе. Я поднялся к нему.

Я очень мало знал герцога де Монпансье; он был почти ребенком, когда 13 июля 1842 года скончался его брат: ему было семнадцать или восемнадцать лет; но от своих братьев, герцога Омальского и принца де Жуанвиля, он знал, что его умерший брат испытывал ко мне дружеские чувства.

Я немного волновался, поднимаясь в ложу герцога де Монпансье; в каждом из четырех молодых принцев было что-то от их старшего брата, и тогда, как и сейчас, встречаясь с кем-нибудь из них, я ощущал и ощущаю жгучую скорбь.

Герцог пригласил меня для того, чтобы повторить комплименты, которые уже передал через Паскье. Я знал, что молодой принц был большим поклонником серии исторических романов, выходивших у меня в то время, и в особенности рыцарской эпопеи, озаглавленной «Три мушкетера».

— Только в одном я вас упрекну, — сказал он мне, — вы отдали свое творение во второстепенный театр.

— Монсеньер, — ответил я, — когда нет собственного театра, отдаешь свои пьесы куда сможешь.

— А почему у вас нет театра? — спросил он.

— По той простейшей причине, монсеньер, что правительство не даст мне привилегию.

— Вы так думаете?

— Я в этом уверен.

— Так! А если я этим займусь?

— Ах, монсеньер, это многое изменило бы; но ваше высочество не станет так утруждать себя.

— Почему?

— Потому что я ничем не заслужил милостей вашего высочества.

— Да кто вам это сказал? От кого зависит эта привилегия?

— От министра внутренних дел, монсеньер.

— Стало быть, от Дюшателя.

— Совершенно верно, и я должен признаться вашему высочеству: не думаю, что он ко мне расположен.

— На ближайшем придворном балу я буду танцевать с его женой и во время танца все улажу.

Не знаю, был ли бал при дворе, и мне неизвестно, танцевал ли герцог с г-жой Дюшатель, но в один прекрасный день Паскье пришел ко мне с сообщением, что господин герцог де Монпансье ждет меня в Тюильри.

Я сел в карету Паскье и отправился к господину герцогу де Монпансье.

— Ну вот, — едва увидев меня, сказал он, — вы получили привилегию; остается только узнать у вас, на чье имя выдать разрешение.

— Господина Остена, — ответил я.

Герцог де Монпансье записал имя г-на Остена, затем спросил меня, где будет устроен театр, какую пьесу сыграют в нем первой и какое направление я намерен ему дать. Я ответил, что место уже выбрано: это старинный особняк Фулон; пьесой, которой откроется театр, вероятно, будет «Королева Марго»; что же касается его направления, то я собираюсь превратить его в огромную книгу, в которой каждый вечер публика сможет прочесть одну из страниц нашей истории.

Разрешение было выдано на имя г-на Остена; особняк Фулон куплен; Исторический театр был создан и открылся, если память мне не изменяет, через месяц после моего возвращения из Испании и Африки, «Королевой Марго», как я и обещал господину герцогу де Монпансье.

Открытие Исторического театра, репетиции, представления, последствия этих представлений почти на два месяца задержали меня в Париже.

Я предупредил Мишеля о своем возвращении в Сен-Жермен накануне.

Мишель ждал меня в начале подъема к Марли.

— Сударь, — сказал он, как только я подошел достаточно близко, чтобы его услышать, — у нас произошли два больших события.

— Каких, Мишель?

— Прежде всего, задняя лапа Причарда попала в западню, и этот безумец, вместо того чтобы там оставаться, как сделал бы всякий другой пес, перегрыз себе лапу, сударь, и приковылял домой на трех.

— И несчастное животное умерло от этого?

— Как бы не так, сударь! Разве меня там не было?

— Что же вы с ним сделали, Мишель?

— Я аккуратно отрезал ему лапу в суставе садовым ножом; я зашил ему кожу, и следов никаких не осталось. Да вот и он, нигедяй, учуял вас и явился.

В самом деле, Причард прибежал на трех лапах, причем с такой скоростью, что, как и говорил Мишель, незаметно было отсутствие четвертой.

Встреча Причарда со мной, как вы сами понимаете, была волнующей для той и другой стороны. Я очень жалел несчастное животное.

— Зато, сударь, он не будет так убегать в сторону во время охоты, — сказал мне Мишель.

— А вторая новость, Мишель? Вы сказали, что у вас для меня их две.

— Вторая новость, сударь, — Югурта больше не Югурта.

— Но почему?

— Потому что его зовут Диоген.

— С какой стати?

— Взгляните, сударь.

Мы вошли в ясеневую аллею, тянувшуюся ко входу в дом; слева от дороги в огромной бочке, у которой Мишель вышиб дно, отдыхал гриф.

— А, понимаю, — сказал я, — поскольку у него есть бочка…

— Вот именно, — ответил Мишель, — раз у него есть бочка, он больше не может зваться Югуртой, он должен именоваться Диогеном.

Я восхитился хирургическим умением и исторической образованностью Мишеля, как за год до того пришел в восторг от его познаний в естественных науках.

XXXVII
ГЛАВА, ГДЕ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О МОЕМ ДЕБЮТЕ В ДЕПАРТАМЕНТЕ ЙОННА В КАЧЕСТВЕ ОРАТОРА И О ДЕБЮТЕ ПРИЧАРДА В КАЧЕСТВЕ БРАКОНЬЕРА В ТОМ ЖЕ ДЕПАРТАМЕНТЕ

Прошел год, в течение которого в Историческом театре последовательно сыграли уже упоминавшуюся «Королеву Марго», «Интригу и любовь», «Жирондистов» и «Монте-Кристо» (в два вечера). Вы, может быть, помните знаменитую песню жирондистов «За родину умрем»; в день, когда ее исполнили впервые, я сказал дирижеру:

— Подумать только, милый мой Варне, ведь следующая революция будет происходить под этот мотив.

Революция 1848 года была исполнена под мотив, который я назвал.

Видя, как побеждают принципы, на которых была основана вся моя жизнь, принимая лично в революции 1848 года почти такое же активное участие, как в революции 1830 года, я в то же время пережил большое горе.

С этим политическим переворотом пришли новые люди, которые были моими друзьями, но он унес других, тоже занимавших место в моей душе. Одно время я надеялся, что регентство перебросит мост между монархией и республикой. Но лавина революции неслась с бешеной скоростью; она увлекла за собой не только коронованного старца, не только четырех принцев, на которых он опирался, но еще и облаченную в траур мать с неразумным ребенком, не знавшим, что это за грозовой ветер, откуда он дует и куда уносит его.

В один миг во Франции все сорвалось со своих мест, и там, где семь веков возвышался трон Капетов, Валуа и Бурбонов, было так же пусто, как в сентябре пусто сжатое поле, где еще неделю назад поднимались колосья.

И тогда Франция издала вопль изумления, смешанного с отчаянием; она не понимала, что происходит, тщетно отыскивая взглядом то, что привыкла видеть; она позвала на помощь самых умных своих сыновей, сказав им: «Вот что сделал мой народ в

минуту гнева; возможно, он зашел слишком далеко, но, в конце концов, что сделано, то сделано; на этом пустом месте, путающем меня своей пустотой, постройте что-нибудь, на что смогут опереться общество, благосостояние, мораль и религия».

Я был одним из тех, кто первым услышал этот зов Франции, и мне показалось, что я имею право причислить себя к умным людям, которых она звала на помощь.

Теперь оставалось решить, от какого департамента я буду избран.

Проще всего было обратиться в свой департамент, то есть в департамент Эна.

Но я покинул его в 1823 году и с тех пор редко там показывался, к тому же в один из моих приездов я устроил ту знаменитую, известную вам, если только вы прочли мои «Мемуары», Суасонскую экспедицию, во время которой меня едва не расстреляли.

Хотя я сражался за одно и то же дело как в 1830 году, так и в 1848-м, я опасался, что меня сочтут слишком ярым республиканцем для той республики, какой ее хотело видеть большинство избирателей, и я отказался от департамента Эна.

У меня оставался департамент Сена-и-Уаза, где я прожил уже четыре или пять лет; я даже занимал там высокий пост командира батальона национальной гвардии Сен-Жермена; но, поскольку за три дня революции 1848 года я успел приказать бить сбор и предложить моим семистам тридцати подчиненным следовать за мной в Париж, чтобы оказать вооруженную поддержку народу, жены, дети, отцы и матери моих семисот тридцати национальных гвардейцев, что составляло три тысячи человек, возмутились тем, с какой легкостью я подвергал опасности жизнь своих людей, и одна мысль о том, что я мог бы избираться от их города, исторгла у сен-жерменцев крик негодования; более того, они объединились в комитет и решили потребовать моей отставки с поста командующего батальоном национальной гвардии за то, что я так страшно запятнал себя в те три революционных дня.

Вы сами видите, что взгляды на народное представительство и присягу на верность республике почти совпадали в департаменте Эна и департаменте Сена-и-Уаза.

Между тем один молодой человек, семье которого я оказал кое-какие услуги и у которого, как говорили, были связи в Нижней Бургундии, заверил меня, что в департаменте Йонна меня непременно должны избрать. Я очень простодушен, хотя многие называют мою наивность самолюбием. По наивности или из самолюбия, но я считал себя достаточно известным в

департаменте Йонна, чтобы одержать победу над соперниками, которых смогут мне противопоставить. Бедный дурачок! Я забыл о том, что каждый департамент хочет выбирать, как говорится, «местных», а моя «местность» — это департамент Эна. Так что едва я ступил на землю департамента Йонна, как все местные газеты набросились на меня. Зачем я явился в департамент Йонна? Разве я бургундец? Разве я виноторговец? Где мои виноградники? Изучал ли я вопросы виноделия? Состоял ли в обществе винолюбов? Значит, у меня нет департамента, значит, я политический бастард; или нет, я совсем другое: я агент орлеанистского регентства и представляюсь одновременно с г-ном Гайярде, моим сотрудником по «Нельской башне», как регентистский кандидат.

Само собой разумеется, те, кто рассказывал эту прелестную историю, ни единому слову из нее не верили.

Надо сказать, это правда, что я имел неосторожность дать повод к таким предположениям, когда принцы Орлеанского дома покинули Францию; вместо того чтобы поносить, оскорблять и высмеивать их, как те, кто за неделю до их отъезда заполняли их прихожие, я 4 марта 1848 года, то есть через неделю после Февральской революции, в разгар республиканских волнений, выплеснувшихся на улицы Парижа шумом и криками, написал в газету «Пресса», одну из наиболее читаемых в то время, следующее письмо:

«Монсеньеру герцогу де Монпансье.

Принц,

если бы я знал, где найти Ваше Высочество, то лично явился бы выразить Вам свою скорбь по поводу великого бедствия, коснувшегося Вас.

Я никогда не забуду, что в течение трех лет, независимо от разницы политических мнений и против желания короля, которому известны были мои взгляды, Вы охотно принимали меня и обращались почти как с другом.

Этим титулом друга, монсеньер, я гордился, пока Вы жили в Тюильри; теперь, когда Вы покинули Францию, я требую его.

Впрочем, я уверен, Вашему Высочеству не было надобности в этом письме, чтобы знать: мое сердце из тех, что принадлежат Вам.

Дай мне Бог сохранить во всей чистоте преклонение перед могилами и культ изгнания.

Честь имею с уважением оставаться, монсеньер,

смиреннейшим и покорнейшим слугой

Вашего Королевского Высочества

Алекс. Дюма».

Это еще не все и, должно быть, меня действительно обуял бес противоречия, не менее могущественный во мне, чем демон гордости. Небезызвестный полковник Демулен, комендант Лувра, нашел своевременным сбросить с пьедестала конную статую господина герцога Орлеанского, стоявшую во дворе Лувра; я пришел в ярость и написал г-ну де Жирардену письмо, настоящий адрес которого был ясен и которое должно было (по крайней мере, я в этом убежден) доставить мне на следующее утро удовольствие поединка с полковником:

«Дорогой Жирарден,

вчера я проходил через двор Лувра и удивился, не увидев на пьедестале статую герцога Орлеанского.

Я спросил, сбросил ли ее народ, и мне ответили, что убрать статую приказал комендант Лувра.

Почему? Что это за изгнание, для которого разрывают могилы?

При жизни господина герцога Орлеанского все, кто составлял передовую часть нации, возлагали на него свои надежды.

И это было справедливо, потому что, как всем известно, господин герцог Орлеанский вел постоянную борьбу с королем и впал в немилость после слов, произнесенных им в совете:

“Сир, я предпочитаю быть убитым на берегах Рейна, а не в сточной канаве на улице Сен-Дени!”

Народ, справедливый и умный народ, знал и понимал это, как мы. Идите в Тюильри, и Вы убедитесь, что единственные покои, которые народ пощадил, принадлежали господину герцогу Орлеанскому; почему же надо проявлять бóльшую, чем народ, суровость к несчастному принцу? Хорошо, что теперь он принадлежит лишь истории.

Будущее — это глыба мрамора, которую события могут обтесывать по своему усмотрению; прошлое — бронзовая статуя, отлитая в форму вечности.

Вы не можете сделать так, чтобы то, что было, перестаю существовать.

Вы не можете заставить исчезнуть то, что господин

герцог Орлеанский во главе французских войск захватил перевал Музайя.

Вы не можете изменить то, что в течение десяти лет он передавал бедным треть своего цивильного листа.

Вы не можете зачеркнуть то, что он просил о помиловании для приговоренных к смертной казни и в нескольких случаях ему удавалось мольбами добиться этого помилования.

Если сегодня можно пожать руку Барбесу, то кому мы обязаны этой радостью? Герцогу Орлеанскому!

Спросите художников, шедших за его гробом, пригласите наиболее известных: Энгра, Делакруа, Гюдена, Бари, Марочетти, Каламату, Буланже.

Позовите поэтов и историков: Гюго, Тьерри, Ламартина, де Виньи, Мишле, меня — кого хотите; в конце концов, спросите у них, спросите у нас, считаем ли мы, что статую надо вернуть на прежнее место.

И мы ответим Вам: “Да, потому что она была установлена в честь принца, воина, артиста, великой и просвещенной души, которая поднялась в небо, благородного и доброго сердца, которое было отдано земле ”.

Поверьте мне, республика 1848 года достаточно сильна для того, чтобы перед лицом павшей королевской власти узаконить это возвышенное отклонение — принца, оставшегося стоять на своем пьедестале.

Ваш

Алекс. Дюма.

7 марта».

Газеты, называвшие меня кандидатом регентистов, могли действительно так считать, поскольку я сделал все возможное для того, чтобы заставить изгнанное семейство поверить в то, что я сторонник регентства, в то время как раньше, когда оно было здесь, делал все возможное, убеждая его в том, что я республиканец.

Попытаемся объяснить это противоречие тем, кто согласится терять время, читая мои объяснения.

Я составлен из двух начал — аристократического и простонародного: аристократ по отцу и простолюдин по матери, и ни в одном сердце в такой высокой степени не сочетаются почтительное восхищение всем великим и глубокое и нежное

сочувствие ко всем несчастным; я никогда столько не говорил о семье Наполеона, как при младшей ветви; я никогда столько не говорил о принцах младшей ветви, как при Республике и Империи. Я поклоняюсь тем, кого знал и любил в несчастье, и забываю их лишь тогда, когда они становятся могущественными и счастливыми; так что ни одно павшее величие не пройдет мимо меня, не услышав приветствия, ни одно достоинство не протянет мне руку без того, чтобы я ее пожал. И когда весь мир, казалось, забыл о тех, кого уже нет, я выкрикиваю их имена, словно назойливое эхо прошлого. Почему? Я не знаю. Это голос моего сердца просыпается внезапно, помимо рассудка. Я написал тысячу томов, шестьдесят пьес; откройте их наугад — на первой странице, в середине, на последнем листке — вы увидите, что я всегда призывал к милосердию: и когда народы были рабами королей, и когда короли становились пленниками народов.

Так я собрал благородное и святое семейство, какого больше ни у кого нет. Едва человек упадет, я иду к нему и протягиваю ему руку, зовут ли его граф де Шамбор или принц де Жуанвиль, Луи Наполеон или Луи Блан. От кого я узнал о смерти герцога Орлеанского? От принца Жерома Наполеона. Вместо того чтобы кланяться в Тюильри тем, кто был у власти, я оказывал знаки внимания изгнаннику во Флоренции. Правда, я тотчас же покинул изгнанника ради усопшего и проделал пятьсот льё на почтовых для того, чтобы, хотя мои слезы были искренними, найти в Дрё неласковый прием у короля, такой же, какой ждал меня в Клермонте, когда я, из любви проводив гроб сына, счел своим долгом из приличия следовать за гробом отца.

Накануне 13 июня я был врагом г-на Ледрю-Роллена, на которого ежедневно нападал в своей газете «Месяц»; 14 июня г-н Ледрю-Роллен прислал сказать мне, чтобы я успокоился, поскольку он в безопасности.

Поэтому я чаще бываю в тюрьмах, чем во дворцах, поэтому я трижды был в Аме, один раз в Елисейском дворце и никогда — в Тюильри.

Я не объяснил всего этого йоннским избирателям, так что, войдя в зал клуба, где собрались в ожидании три тысячи человек, был встречен нелестным для меня шумом.

Из этого шума прорвалась грубость. К несчастью для того, кто позволил себе ее, он был в пределах досягаемости для меня. Жест, которым я на нее ответил, прозвучал достаточно громко, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в его природе. Шум разросся в громкие крики, и на трибуну я поднялся посреди настоящей бури.

Первый же резкий выпад против меня состоял в том, что у

меня потребовали объяснений моего «фанатизма» по отношению к герцогу Орлеанскому. Что называется, взяли быка за рога. Только на этот раз бык оказался сильнее. Я пристыдил одних — за их забывчивость, других — за неблагодарность. Я сослался на крик боли, который, вырвавшись 13 июля 1842 года из груди тридцати тысяч человек, донес до меня за пятьсот льё роковую весть. Я обрисовал этого несчастного принца, красивого, молодого, храброго, изящного, артистичного, француза до кончиков ногтей, принадлежащего отечеству до кончиков волос. Я напомнил об Антверпене, о перевале Музайя, о Железных Воротах, о помиловании гусара Брюйана — по моей просьбе, о помиловании Барбеса — по просьбе Виктора Гюго. Я пересказал несколько выражений принца, таких остроумных, словно их обронил Генрих IV, и несколько других, таких сердечных, какие мог сказать лишь он сам. Так что четверть часа спустя половина зала рыдала, и я сам вместе с ней; двадцать минут спустя весь зал аплодировал, и с этого вечера мне не только принадлежали три тысячи голосов, но я приобрел три тысячи друзей.

Что стало с этими тремя тысячами друзей, чьих имен я так никогда и не узнал? Бог весть! Они разошлись, унося каждый в своем сердце ту золотую искорку, что называется воспоминанием. Только двое или трое уцелели в том страшном крушении времени, которое в конце концов поглотит и их, и меня вместе с ними. И эти люди не только остались моими друзьями, но стали братьями: братьями по дружбе и собратьями по святому Губерту.

Вот видите, мы далеко ушли, но, описав круг, вернулись туда, откуда вышли, то есть к Причарду.

Меня пригласили открыть охоту в следующем году в виноградниках Нижней Бургундии.

Как известно, в каждом винодельческом краю бывает два открытия сезона — хлебное и виноградное; это можно перевести таким образом: в каждом винодельческом краю бывает два ложных открытия сезона, и ни одного настоящего.

Понятно, что в застольных разговорах, оживляющих обеды охотников, Причард не был забыт. Я, как мог, устно поведал о том, о чем вам, милые читатели, рассказал своим пером; так что Причард был приглашен вместе с хозяином и его ожидали с не меньшим нетерпением, чем меня.

Мы опасались только одного: как бы ампутация одной из задних лап, произведенная Мишелем, не воспрепятствовала стремительности его передвижений, которые я попытался описать и которые составляли основную и неподражаемую особенность Причарда.

Мне казалось, что я заранее могу сказать: этого не случится и

Причард будет в силах отдать лучшему бургундскому бегуну одну свою лапу, даже если эта лапа — задняя.

Четырнадцатого октября, накануне виноградного открытия сезона, я приехал к своему доброму другу Шарпийону, нотариусу в Сен-Бри, предупредив телеграммой кухарку, чтобы она ничего не оставляла без присмотра.

Через час после моего приезда на Причарда уже поступили три жалобы: будь он человеком, за эти преступления его отправили бы на каторгу.

Он совершил простую кражу, предумышленную кражу и кражу со взломом.

Освободив курятник, его туда загнали и заперли за ним дверь.

Через четверть часа я увидел пламенеющий султан Причарда.

— Кто выпустил Причарда? — крикнул я Мишелю.

— Причарда? Его не выпускали.

— Да? Загляните в курятник.

Причард совершил побег тем же способом, что Казанова: проделав дыру в крыше.

— Найдите Причарда, — сказал я Мишелю, — и посадите его на цепь.

Мишелю только того и хотелось. У него бывали припадки ярости, когда он восклицал, подобно некоторым родителям, обращающимся к своим детям:

— Ах, нигедяй! Ты умрешь не иначе как от моей руки!

Так что он устремился в погоню за Причардом.

Но, сколько он ни бегал по трем или четырем улицам Сен-Бри, нигде не смог обнаружить Причарда: тот исчез, помахав хвостом, как на прощание машут платком другу.

— Ну все, — сказал, вернувшись, Мишель.

— Что все, Мишель?

Я совершенно забыл о Причарде.

— Нигедяй отправился туда сам по себе.

— Куда?

— Да на охоту же!

— А, вы говорите о Причарде?

— Вот именно. Невозможно его поймать, и что самое любопытное — он совратил Рокадора.

— Как, он совратил Рокадора?

— О Господи! Да. Он взял его с собой.

— Это невозможно! — произнес Пьер.

Пьер — это Мишель Шарпийона.

— Невозможно? Почему?

— Рокадор был на цепи.

— Если Рокадор в самом деле был на цепи… — начал я.

— Дайте ему сказать, — прервал меня Мишель.

— Железная цепь толщиной с мизинец, — продолжал Пьер, воспользовавшись разрешением.

— А что было на конце этой цепи? — спросил Мишель и, подмигнув, обратился ко мне: — Подождите.

— Черт возьми! На конце цепи было кольцо, вделанное в стену.

— Я вас не об этом конце спрашиваю, — объяснил Мишель, — а о втором.

— На другом конце был ошейник Рокадора.

— Из чего?

— Кожаный, разумеется!

— Ну так вот, Причард оказал ему дружескую услугу: перегрыз ошейник. Посмотрите, он словно бритвой разрезан!

Мы взглянули на ошейник: Мишель не преувеличивал.

До десяти часов вечера о Причарде больше не упоминали; в десять часов мы услышали, что кто-то скребется у входной двери.

Мишель, все время прислушивавшийся, пошел открывать.

По крикам, которые я услышал, стало понятно, что произошло нечто неожиданное.

Возгласы Мишеля звучали все ближе, через минуту дверь гостиной открылась и Причард величественно вошел, держа в пасти роскошного зайца, совершенно целого, только задушенного.

Рокадор остановился у своей конуры и забился в нее.

Оба, словно два разбойника, были в крови.

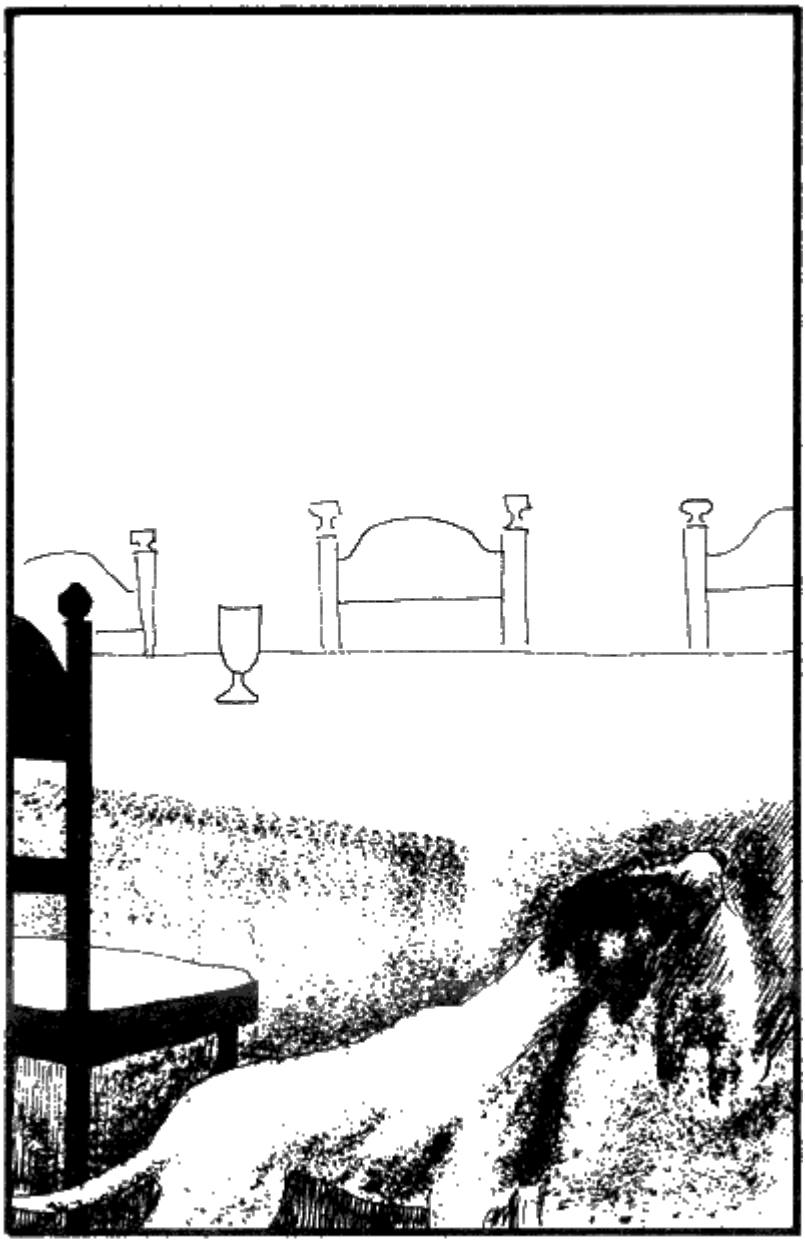
Не знавшие Причарда не могли примирить этого совершенно невредимого зайца с кровавыми пятнами, выдававшими сообщников.

И только мы с Мишелем переглянулись.

— Ну, Мишель, — сказал я, — вижу, вам до смерти хочется рассказать, как они это проделали. Говорите, Мишель, говорите.

Мишель воспользовался случаем.

— Видите ли, — начал он, — Причард — хитрец. Он пошел к Рокадору и сказал ему: «Хочешь поохотиться со мной?» Рокадор ему ответил: «Ты же видишь, я не могу, потому что сижу на цепи». — «Дурак, — ответил Причард, — погоди». И тут он избавил Рокадора от ошейника. Тогда они вместе вышли и напали на след зайца; Причард залег у следа и отправил Рокадора гнать добычу. Когда заяц вернулся по своему следу, Причард напал на него и задушил. Тогда они, как два добрых друга, вместе пообедали первым зайцем.



Причард с величайшим вниманием слушал рассказ Мишеля; его имя постоянно повторялось, значит, речь шла о нем.

— Не правда ли, Причард, — сказал ему Мишель, — именно так все и было?

Причард издал звук, который на его языке, должно быть, соответствовал словам «В точности так».

— Да, но второй заяц? — спросил один из присутствовавших. — Вот этот…

И он показал на лежавшего на полу зайца.

— Подождите же, мы как раз до него дошли! — ответил Мишель. — После того как первый заяц был съеден, Рокадор сказал: «Право, я больше не голоден, я хорошо пообедал. По-моему, лучшее, что мы можем сделать — вернуться домой». Но Причард, законченный пройдоха, возразил ему: «Домой?..» — «Да, домой», — ответил Рокадор. «А что нас ждет дома?» — спросил Причард. «Ах, черт!» — воскликнул Рокадор. «Нас отстегают хлыстом; я знаю Мишеля», — сказал Причард. «А я знаю Пьера», — сказал Рокадор. «Так вот, — продолжал этот интриган Причард, — надо их обезоружить». — «Каким образом?» — «Найдем другой след, поймаем другого зайца и отнесем его им». Рокадор поморщился: ему не хотелось охотиться с полным брюхом; но Причард сказал: «Нечего корчить рожи, приятель, ты пойдешь охотиться, и сейчас же, не то будешь иметь дело со мной». И он оскалился так, будто смеялся. Рокадор увидел, что надо покориться. Он снова начал охоту. Они поймали другого зайца. Причард убил его и принес нам; это великий хитрец. Не так ли, Причард?

Слушатели взглянули на меня.

— Господа, — сказал я им. — Если бы Причард мог говорить, он повторил бы вам слово в слово то, что рассказал Мишель: ни убавить, ни прибавить.

— Пьер, — приказал хозяин дома, — отнеси этого зайца в погреб; по крайней мере, жаркое на завтра у нас есть.

XXXVIII
БЕЗУПРЕЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВЛАСТИ

Итак, мы оставили нашего друга Причарда торжествующим победу благодаря совершенному им проступку; его выходка была прошена ему, ведь он принес жаркое на завтра. Впрочем, как вы видите, в его воспитании со времен пребывания у Ватрена произошли огромные перемены: прежде он уносил жаркое, теперь приносил.

Но нам пора, не удаляясь от Причарда, начать приближаться к курам, которые являются одним из главных предметов этого увлекательного рассказа.

Шарпийон, помимо любви к своему делу, помимо своей страсти к охоте, помешан на курах.

Ни одна курица на десять льё в округе не может сравниться с самой захудалой из курочек Шарпийона; это доказала последняя выставка в Осере, где его куры получили золотую медаль.

Он выращивает главным образом брам и кохинхинок.

Само собой разумеется, что наш дорогой друг не принадлежит к тем бессердечным птицеводам, которые бесчеловечно поглощают своих питомцев. Попав к Шарпийону, курица, которую сочли достойной его пернатого гарема, могла больше не опасаться ни вертела, ни кастрюли и быта уверена в том, что проведет свой куриный век среди наслаждений.

Шарпийон был до того заботлив, что приказал выкрасить курятник изнутри в зеленый цвет, чтобы заключенным в нем птицам казалось, будто они на лугу. В первые дни после нанесения зеленой краски на стены апартаментов, где обитали эти представители рода куриных, иллюзия была такой полной, что куры не желали вечером возвращаться в курятник, боясь простудиться; но к ним применили силу; их заперли в курятнике, и, хотя куры неспособны к обучению, даже самая безмозглая из них поняла, что имеет счастье принадлежать хозяину, который, будучи знатоком и ценителем максимы Горация, сумел решить проблему, заключающуюся в том, чтобы соединить приятное с полезным.

Уверившись благодаря зеленому цвету стен, что они несутся на травке, куры Шарпийона неслись более доверчиво и, как следствие этого, более обильно; то, что для других кур представляет собой муки, исторгающие у них крик, который мы, в

невежестве своем, принимаем за пение, для этих стало забавой, коей они аккуратно предавались утром и вечером.

Так что их слава, сейчас достигшая апогея, в то время начинала распространяться по департаменту.

Когда они выходили прогуляться по той или другой из трех улиц Сен-Бри, кто-нибудь, не ведающий о сокровище бургундского городка, восклицал: «О, какие прекрасные куры!»

И тотчас же кто-нибудь более сведущий, откликался: «Еще бы: это куры господина Шарпийона».

Затем, если говоривший обладал завистливым характером, он непременно прибавлял недовольным тоном: «Еще бы! Куры, которым ни в чем не отказывают».

Итак, не считая лавров, которые они снискали на последней выставке, питомицы Шарпийона достигли той высшей степени известности, какой только могут достигнуть куры, пусть даже кохинхинки.

Но эта слава, не позволявшая им сохранить инкогнито, подчас имела свои неудобства.

Как-то раз к Шарпийону пришел очень смущенный сельский полицейский.

— Господин Шарпийон, — сказал он, — я застал ваших кур в винограднике.

— Моих кур! Вы в этом уверены, Кокле?

— Черт возьми! Разве можно не узнать ваших кур, самых красивых кур департамента Йонна?

— Ну, и как же вы поступили?

— Никак; вот пришел вам сказать.

— Вы не правы.

— Почему?

— Вы должны были составить протокол.

— Но, господин Шарпийон, я подумал, что, раз вы помощник мэра…

— Тем более, как должностное лицо, я обязан служить примером для других.

— О, из-за одного несчастного раза, когда бедные птички подобрали остатки винограда…

— Они виноваты вдвойне. Они здесь ни в чем не терпят нужды; следовательно, если они пошли в виноградник, значит, у них есть шишка воровства, и не надо давать их дурным склонностям развиться. Протокол, Кокле! Протокол по всем правилам!

— И все же, господи Шарпийон…

— Кокле, как помощник мэра, я вам приказываю.

— Но, сударь, кому же мне отнести свой протокол?

— Мэру, черт возьми!

— Но вы же знаете, что господин Генье в Париже.

— Ну, так принесите его мне.

— Вам?

— Конечно.

— И вы примете протокол, составленный против ваших собственных кур?

— Почему бы и нет?

— А, в таком случае, это другое дело… Но знаете ли, господин Шарпийон?

— Что, Кокле?

— Я не очень силен в написании бумаг.

— Не так уж трудно составить протокол.

— Протокол протоколу рознь, господин Шарпийон.

— Ну, давайте! «Я, нижеподписавшийся, давший присягу полицейский, заявляю, что узнал и задержал кур господина Шарпийона, нотариуса и помощника мэра коммуны Сен-Бри, клевавших виноград господина такого-то или госпожи такой-то». Вот и все.

— Это был виноградник господина Рауля.

— Ну, значит: «Виноград господина Рауля» — и подпишитесь: «Кокле».

— Подпись — еще куда ни шло, господин Шарпийон, потому что это я освоил, но писать…

— Да, понимаю: зигзаги.

— О, если бы только это!.. Я один раз видел напечатанную музыку — одни сплошные зигзаги.

— Кто же пишет ваши протоколы?

— Школьный учитель.

— Так сходите за учителем.

— Его нет дома: сегодня праздник.

— Ну, так сходите к нему завтра.

— Завтра его тоже не будет, завтра второй день праздника.

— Кокле, — нахмурившись, сказал Шарпийон, — вы ищете предлог, чтобы не составлять протокол против меня!

— Право же, господин Шарпийон, сегодня вас устраивает, чтобы я составил против вас протокол, — все прекрасно! А вдруг потом вам это разонравится? Мне не хотелось бы ссориться с помощником мэра.

— Хорошо, Кокле, я возьму на себя ответственность, — сказал Шарпийон.

Он достал из ящика своего письменного стола лист бумаги по семь су, составил протокол по всей форме, и папаше Кокле осталось лишь подписать его.

Видя, что его в некотором роде «прикрыл» почерк помощника мэра, папаша Кокле без дальнейших колебаний подписал.

Через две недели вследствие этого Шарпийон предстал перед судом в Осере.

Шарпийон защищал себя сам, вернее, он сам себя обвинял.

Он признал правонарушение свершившимся, заявил, что действовал заодно со своими курами, и отверг смягчающие обстоятельства, которые подчеркивал государственный прокурор.

И Шарпийон был приговорен к максимальному наказанию, то есть к уплате штрафа в пятнадцать франков и судебных издержек.

Но коммуне Сен-Бри и соседним коммунам был показан великий пример.

А разве великий пример не стоит пятнадцати франков?

И все же у кур Шарпийона было оправдание, его стоило учесть.

От сгущающей кровь пищи, которую куры получали из хозяйских рук, они понемногу жирели и хуже неслись.

То, что в протоколе было названо обжорством, было для несчастных созданий подсказанной им природой гигиенической мерой, вроде того, как собаки едят какую-то слабительную траву.

Один из наших друзей, врач — и превосходный врач, — доктор Друэн, соизволил дать новому Аристиду это разъяснение в пользу племени брам и кохинхинок.

В самом деле, кладка яиц явно замедлялась.

Шарпийон, набрав ягод в винограднике, восстановил поколебавшееся было равновесие.

Регулярная кладка не только возобновилась во время сбора винограда, но еще и продолжалась, благодаря листьям латука и цикория, заменившим отсутствующий виноград в те месяцы, когда кладка обычно замирает или совсем прекращается.

Приглашая меня на охоту, Шарпийон, знавший мое пристрастие к свежим яйцам, не побоялся написать:

> *«Приезжайте, дорогой друг! И Вы отведаете яиц, каких не ели никогда».*

Поэтому я отправился в Сен-Бри не только в надежде повидать друга, которого люблю как брата, не только в надежде убить множество зайцев и множество куропаток на землях Генье и г-на Рауля, но еще и надеясь поесть яиц, каких не ел никогда прежде.

Должен сказать, что в день моего приезда угощение превзошло ожидания самого Шарпийона: на завтрак мне подали яйца цвета чесучи — их выдающиеся достоинства я оценил со всей утонченностью подлинного гурмана.

Но дни идут за днями, и один не похож на другой!

XXXIX
В ЭТОЙ ГЛАВЕ ВЫ НАЙДЕТЕ УЧЕНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ ПО СЛЕДУЮЩЕМУ ВОПРОСУ: ЖАБЫ НАУЧИЛИ ВРАЧЕЙ ПОМОГАТЬ ПРИ РОДАХ ИЛИ ВРАЧИ НАУЧИЛИ ЖАБ ПРИНИМАТЬ РОДЫ?

В самом деле, на следующий день вместо восьми яиц найти всего три, и те в самых высоких корзинках.

Вечером того же дня и в верхних корзинках не нашли ничего.

Ничего подобного не случалось даже в те времена, когда брамы и кохинхинки испытывали самую острую нужду в винограде или листьях салата.

Не знали, на кого и подумать; но отдадим должное Шарпийону: он подозревал всех подряд, прежде чем заподозрить своих кур.

Тень сомнения даже начала омрачать доверие, испытываемое им к мальчику-рассыльному; и тут я увидел, что вокруг нас бродит Мишель.

Я знал его повадки.

— Вы хотите поговорить со мной? — спросил я Мишеля.

— Да, дело в том, что я хотел бы сказать вам несколько слов.

— Наедине?

— Так было бы лучше для чести Причарда.

— А-а!.. Не взялся ли этот разбойник опять за свое?

— Вам, сударь, известно, что говорил вам однажды при мне ваш адвокат.

— Что он говорил мне, Мишель? Мой адвокат — очень умный и здравомыслящий человек; он говорит мне столько остроумного и толкового во время наших бесед, что, как я ни стараюсь запомнить все, в конце концов кое-что всегда забываю.

— Так вот, он говорил вам: «Ищи, кому выгодно преступление, и ты найдешь преступника».

— Я прекрасно помню эту аксиому, Мишель. Но что же дальше?

— Так вот, сударь, кому выгодна кража яиц, если не этому нигедяю Причарду?

Мишель, награждая Причарда эпитетом «негодяй», произносил это слово с бельгийским выговором, как Ватрен.

— Причарду! Вы думаете, это Причард ворует яйца? Помилуйте! Причард приносит яйцо, не разбив его!

— Вы хотите сказать «приносил».

— Почему, Мишель?

— У Причарда дурные наклонности, сударь, и я удивлюсь, если это животное не кончит плохо!

— Значит, Причард любит яйца, Мишель?

— В этом виноваты вы, сударь.

— Как, я виноват в том, что Причард любит яйца? Я в этом виноват, именно я?

— Да, именно вы.

— Ну, знаете ли, Мишель, это уж слишком! Мало того, что о моих книгах говорят, будто они развращают моих современников, теперь вы присоединились к клеветникам и говорите, что мой пример развращает Причарда!

— Помните ли, как однажды, когда вы ели на вилле Медичи яйцо всмятку, господин Рускони сказал при вас такую чушь, что вы выронили яйцо?

— Что же, у меня не было подставки для яиц, Мишель?

— Не было, сударь: Алексис все перебил.

— Значит, я выронил яйцо?

— Да, сударь, — на пол.

— Теперь я это ясно вспоминаю, Мишель.

— Помните ли вы также и то, что позвали Причарда, который разорял в саду клумбу фуксий, и велели ему слизать с пола яйцо?

— Не помню, Мишель, разорял ли он клумбу фуксий, но я действительно помню, как велел ему слизать с пола яйцо.

— Так вот, сударь, это его и погубило.

— Кого?

— Да Причарда же! О, его не надо два раза подталкивать к дурным поступкам.

— Мишель, вы так многословны…

— Я не виноват, сударь, вы все время меня перебиваете.

— Действительно, Мишель, это правда. Ну, и на что же дурное я навел Причарда?

— Вы заставили его съесть яйцо. Видите ли, это животное было невинно, как новорожденный младенец; пес не знал, что такое яйцо, и принимал его за плохо выточенный бильярдный шар. Но вот вы приказываете ему съесть яйцо. Прекрасно! Теперь он знает, что это такое… Через три дня к вам приходит господин Александр и жалуется на свою собаку, которая слишком сильно кусает. «А как мягко берет Причард! — сказал я ему. — Посмотрите, как он приносит яйцо!» И я иду за яйцом на кухню. Кладу его на лужайке и говорю Причарду: «Принеси мне это,

Причард!» Причард не заставляет повторять ему дважды. Но знаете ли, что делает этот хитрец?.. За несколько дней до того, этот господин как бишь его, у которого челюсть дергается, знаете?

— Да.

— Вы помните, что он заходил к вам?

— Превосходно!

— Причард как будто бы не обращал на него внимания, но от этих горчичных глаз ничто не ускользнет! Вдруг он притворился, что у него такой же тик, как у того господина. Раз! И яйцо раздавлено. Он, словно устыдившись своей неловкости, поспешил проглотить все — белок, желток и скорлупу. Я решил, что это случайность, принес другое яйцо; едва он прошел с ним в пасти три шага, как у него снова появился тот же тик. Хлоп! И второе яйцо проглочено. Я начал кое-что подозревать! Пошел за третьим… Если бы я не остановился, сударь, все двадцать пять яиц были бы там! Так что господин Александр, такой насмешник, сказал мне: «Мишель, возможно, вы сделаете из Причарда хорошего музыканта или астронома, но наседка из него плохая!»

— Почему вы никогда не рассказывали мне об этом, Мишель?

— Потому что мне было стыдно, сударь.

— О Мишель, не надо до такой степени отождествлять себя с Причардом!

— Но это еще не все!

— Как, это еще не все?

— Этот нигедяй до безумия любит яйца.

— Ну и что же!

— Он съедал все яйца у господина Акуайе! Господин Акуайе сообщил мне об этом. Где, вы думаете, Причарду отрезали лапу?

— Вы же сами мне сказали, в каком-то парке, где он забыл прочитать табличку.

— Не шутите так, сударь: я думаю, нигедяй умеет читать.

— Мишель… Причарда обвиняют во многих преступлениях, но такого обвинения еще не выдвигали!.. Но вернемся к отрезанной лапе Причарда. Где же, по-вашему, с ним случилось это несчастье, Мишель?

— Конечно, в каком-нибудь курятнике, сударь.

— Это произошло ночью, Мишель, а ночью курятники заперты.

— Какое значение это для него имеет?

— Ну, вы не заставите меня поверить, что он пролезет в отверстие, в какое проходит курица!

— Но, сударь, ему незачем входить в курятник для того, чтобы есть яйца.

— Что же он делает?

— Он зачаровывает кур. Видите ли, Причард — что называется обольститель.

— Мишель, вы все больше удивляете меня!

— Да, сударь! Да, сударь! Он околдовывал кур на вилле Медичи… Я думал, что куры господина Шарпийона, о которых я столько слышал как о курах необыкновенных, будут не так глупы, как куры с виллы Медичи; но я вижу, что куры везде одинаковы.

— И вы думаете, что Причард…

— Он околдовал кур господина Шарпийона: вот почему они не несутся или, вернее, вот почему теперь они несутся только для Причарда.

— Черт возьми! Мишель, мне очень хотелось бы взглянуть, каким образом он околдовывает кур Шарпийона!

— Может быть, вы незнакомы с нравами земноводных?

Я уже говорил, что восхищался познаниями Мишеля в естественной истории.

— Так, — сказал я, — теперь мы занялись жабами! Какое отношение, черт возьми, Причард имеет к жабам?

— Вам известно, что именно жабы дали врачам уроки родовспоможения, как лягушки научили людей плавать.

— Ни одна, ни другая истина для меня не доказана, Мишель.

— И все же существует жаба-акушерка. Вы считаете, что это врачи научили ее принимать роды?

— Нет, в этом я уверен.

— И все же, — продолжал Мишель, — либо жабы должны были научить врачей принимать роды, либо врачи должны были научить этому жаб; но, поскольку жабы существовали прежде врачей, вполне вероятно, что врачи брали уроки у жаб.

— В конце концов, это возможно, Мишель.

— О, это так и есть, сударь, я уверен.

— Ну, и что же дальше? Что общего у Причарда с жабой-акушеркой?

— Общее то, сударь, что таким же образом, как жаба-акушерка помогает своей подруге, Причард помогает своим курам.

— Ну, Мишель, это уже что-то невероятное, друг мой.

— Нет, сударь! Нет, нет, нет! Встаньте завтра пораньше; ваше окно выходит на курятник: взгляните сквозь жалюзи. Вы такое увидите, чего никогда еще не встречали!

— Мишель, ради этого я, повидавший столько всего, в том числе шестнадцать смен правительства, не только встану когда вам угодно, но готов не спать всю ночь.

— Нет необходимости ждать всю ночь; если хотите, я разбужу

вас.

— Разбудите меня, Мишель, тем более что мы отправляемся на охоту в шесть часов утра и, следовательно, вы не причините мне большого беспокойства.

— Так это решено?

— Решено, Мишель; но каждый вечер, — упорствовал я, стыдясь, что так легко поверил в галлюцинацию Мишеля, — каждый вечер калитку, отделяющую маленький двор от большого, запирают, как же Причард входит? Он прыгает через забор?

— Увидите, увидите.

— Что я увижу?

— Истинность пословицы: «Скажи мне, кого ты впускаешь, и я скажу тебе, кто ты».

Мишель, как вы помните, производил некоторые перемены в правописании и в построении пословиц. Только что он снова проявил свою фантазию.

На следующий день, ранним утром, Мишель меня разбудил.

— Если вы желаете занять свой наблюдательный пост, — сказал он, — мне кажется, пора.

— Я здесь, Мишель! Я готов! — живо соскочил я с постели.

— Подождите, подождите!.. Дайте мне потихоньку открыть окно; если нигедяй только заподозрит, что за ним подсматривают, он не выйдет из конуры. Вы себе представить не можете, до чего он порочен.

Мишель со всеми возможными предосторожностями открыл окно. Между пластинками жалюзи все было ясно видно — и дворик с курятником, и конуру Причарда.

Нигедяй, как называл его Мишель, лежал в своей конуре, с невинным видом положив голову на лапы.

Как ни старался Мишель действовать осторожно, Причард приоткрыл свой горчичный глаз и посмотрел в ту сторону, откуда послышался шум.

Но, поскольку шум был слабым и мимолетным, Причард решил не обращать на него внимания.

Через десять минут закудахтали куры.

С первым же звуком Причард открыл уже не один, а оба глаза, потянулся, как делают собаки просыпаясь, встал на три лапы, снова потянулся, огляделся и, убедившись, что двор совершенно пуст, вошел в дровяной сарай и в следующее мгновение высунул голову в слуховое окно.

Двор был по-прежнему безлюден.

Тогда Причард выбрался из слухового окна на крышу.

Наклон крыши был небольшим, и Причард без труда перебрался на ту ее сторону, которая нависала над птичьим

двором.

Для того, чтобы оказаться на птичьем дворе, ему надо было только совершить прыжок в шесть футов сверху вниз. Подобный прыжок Причарда не смущал: он прыгнул бы снизу вверх на такую высоту, будь у него все четыре лапы.

Оказавшись на птичьем дворе, он растянулся на земле, раскинув лапы, носом в сторону курятника, и дружески тявкнул.

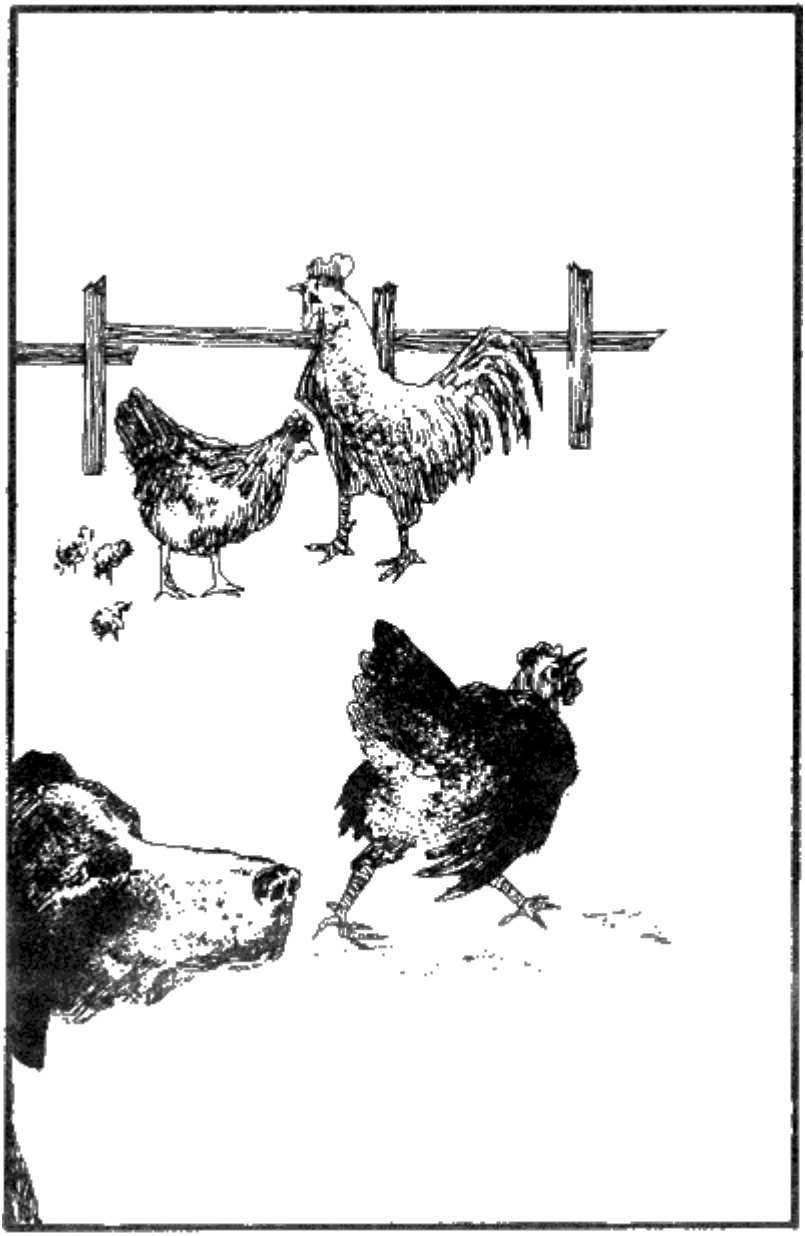
Услышав зов, одна курица высунула голову и, нисколько не испуганная появлением Причарда, поспешила к нему.

Дальше произошло нечто, вызвавшее у меня величайшее удивление.

Я прекрасно знал, хотя и не был силен в естествознании, как Мишель, манеру собак здороваться при встречах.

Но я никогда не видел, чтобы собака засвидетельствовала таким образом свое почтение курице.

То, чего я никогда не видел, произошло.



Курица очень охотно — и это доказывало, что она не лишена чувственности — позволяла Причарду себя ласкать, разъяичиваясь (прошу прощения за слово, которое только что изобрел для этого случая) в его лапах, а Причард тем временем, подобно жабе-акушерке, облегчал роды.

Курица при этом пела, как Жанна д'Альбре, когда та разрешалась Генрихом IV.

Но мы не успели увидеть яйцо: оно даже не коснулось земли,

как уже было проглочено.

Освободившись от бремени, курица встала, встряхнулась, весело поскребла свой помет и уступила место подруге, которая незамедлительно его заняла.

Причард проглотил таким образом четыре еще теплых яйца, совершенно так же, как Сатурн в сходных обстоятельствах пожирал потомство Реи.

Правда, у Причарда было моральное преимущество перед Сатурном. Он губил не своих детей, а существа не своей, а другой породы; возможно, он считал, что имеет на них столько же прав, сколько люди.

— Ну вот, теперь вы не станете удивляться, что у Причарда такой звонкий голос? — спросил Мишель. — Ведь вам известно, что певцы, чтобы сохранить свой голос, каждое утро выпивают по два яйца только что из-под курицы?

— Да, но вот чего я не знаю, Мишель, это каким образом Причард выберется с птичьего двора.

— Вы думаете, это представляет для него трудность? Взгляните.

— Но, Мишель…

— Видите, видите, что он делает, нигедяй?

Действительно, Причард, поняв, что утренний сбор закончился, а возможно, услышав какой-то шум в доме, встал на заднюю лапу, одну из передних просунул сквозь решетку, приподнял щеколду и вышел.

— Подумать только, — сказал Мишель, — если спросить его, почему калитка птичьего двора открыта, он бы ответил, что Пьер забыл ее запереть с вечера!

— Вы думаете, он мог бы совершить такую подлость, ответить так?

— Может быть, не сегодня и не завтра, потому что он еще не вполне сформировался — вы знаете, собаки растут до четырех лет — но когда-нибудь, в один прекрасный день, не удивляйтесь, если он заговорит!.. Ах, нигедяй! Его следует называть не Причардом, а Ласенером!

XL
ГЛАВА, В КОТОРОЙ ПРИЧАРД, НА СВОЮ БЕДУ, ВСТРЕЧАЕТСЯ С КАНОНИКОМ ФУЛЬБЕРОМ, НЕ ВСТРЕТИВ ЭЛОИЗЫ

Этот поступок, о котором мы рассказали нашему хозяину перед тем, как отправиться на охоту, вызвал у него скорее восхищение собакой, чем симпатию к ней.

Мы условились, что, как только вернемся, Причард будет заперт в конюшне, закрытой на засов и висячий замок.

Не подозревая, какие меры принимались против него, Причард бежал в двух сотнях шагов впереди нас по дороге, помахивая хвостом.

Мы начали охотиться.

— Вы знаете, — сказал мне Шарпийон, — ни собаки, ни охотники не должны заходить в виноградник. Генье, в качестве мэра, и я, в качестве его помощника, должны показывать пример. Так что следите за Причардом.

— Хорошо, — ответил я. — Прослежу.

Но Мишель, приблизившись ко мне, сказал:

— Хорошо бы вам позволить мне, пока мы всего на километр отошли от дома, отвести назад Причарда; мне кажется, он причинит нам неприятности с этими виноградниками.

— Не беспокойтесь, Мишель, я нашел средство.

Мишель снял передо мной свою соломенную шляпу.

— Я знал, что вы умны, очень умны! — сказал он. — Но не знал, что до такой степени!

— Увидите.

— В этом случае вам следует поторопиться, потому что Причард уже согрешил.

Причард в самом деле только что залез в виноградник, над которым через минуту взлетела стая куропаток.

— Придержите вашего пса! — крикнул мне Генье.

— Хорошо, господин мэр, — ответил я.

И позвал Причарда.

Но Причард знал, что бывает, когда он проделывает штуки вроде той, какую учинил сейчас.

Он притворился глухим.

— Поймайте его, — обратился я к Мишелю.

Мишель пустился в погоню за Причардом.

Через десять минут он вернулся, ведя Причарда на поводке.

Тем временем я выдернул из ограды жердь, превосходившую прочие жерди настолько же, насколько кегельная «девятка» превосходит другие кегли. Она была около пяти футов длиной: для человека это небольшой размер, для жерди — огромный.

Я привесил собаке на шею это украшение и, повернув его поперек, выпустил ее.

Но Причард даже не доставил мне удовольствия полюбоваться его смятением: он понял, что с подобным приложением не сможет забраться в виноградник. Он бежал вдоль него ровно на таком расстоянии, чтобы его жердь не задевала ограду, но вследствие этого бежал только быстрее, поскольку вынужден был передвигаться по открытой площадке.

С этого времени я слышал непрекращавшиеся крики:

— Позовите же вашего Причарда, тысяча чертей! Он только что поднял стаю куропаток в ста шагах передо мной.

— Проклятье! Смотрите за своим псом: только что он поднял зайца на расстоянии больше выстрела.

— Скажите, вам будет очень неприятно, если вашу тварь подстрелят? С этим негодяем нет никакой возможности охотиться!

— Мишель, — сказал я, — поймайте Причарда.

— Я же говорил вам! К счастью, мы еще достаточно близко от дома, и я могу отвести его туда.

— Не надо! У меня еще одна идея.

— Как помешать ему бегать?

— Я же придумал, как помешать ему заходить в виноградники!

— Должен признать, это вам удалось; но, что касается второй, то, если только вы не спутаете его, как коня на лугу…

— Горячо, Мишель, горячо!.. Ловите Причарда.

— Довольно забавная у нас охота получается, — заметил Мишель.

И он побежал с криком:

— Причард! Причард!

Вскоре я увидел, как он возвращается и тянет Причарда за жердь.

В пасти Причарда торчала куропатка.

— Видите вы этого вора! Он опять за свое, — сказал мне Мишель.

— Должно быть, это та куропатка, которую подстрелил Кабассон: я вижу, он ее ищет.

— Да, а Причард ее подобрал. Я хотел привести вам этого

нигедяя с поличным.

— Положите куропатку Кабассона в свою сумку: мы ему сделаем сюрприз.

— Хорошо, но вот что меня раздражает, — ответил Мишель, — так это мнение плута о вас.

— Как, Мишель, вы думаете, Причард обо мне дурного мнения?

— О сударь, он очень плохо о вас думает.

— Почему вы так решили?

— По его поступкам.

— Объясните, Мишель.

— Послушайте, сударь, ведь Причард, принося вам куропатку, убитую другим, совершает кражу; не кажется ли вам, что он это понимает?

— В самом деле, Мишель, я думаю, он догадывается об этом.

— Так вот, сударь, раз он признавал себя вором, вас он считает укрывателем краденого! А если вы, сударь, заглянете в Кодекс, то прочтете, что скупщики краденого приравниваются к ворам и должны нести равное с ними наказание.

— Мишель, вы открываете передо мной бездну ужасов; но мы попытаемся не дать Причарду бегать; если он не сможет бегать, он не сможет и красть.

— Никогда, сударь, никогда вы не избавите этого нигедяя от его пороков.

— Но тогда, Мишель, его следует убить?

— Я этого не говорю, сударь, потому что в глубине души люблю его, наглеца! Но надо бы справиться у господина Изидора Жоффруа Сент-Илера, живущего в обществе самых вредных тварей, не знает ли он какого-нибудь средства.

— Подождите, Мишель, я, кажется, нашел одно.

Я просунул правую переднюю лапу Причарда в ошейник; таким образом, поскольку правая передняя лапа была прижата к шее, а левая задняя отрезана, у Причарда осталось всего две: левая передняя и правая задняя.

— И правда, — согласился Мишель, — если он теперь побежит, значит, в нем сам черт сидит.

— Отпустите его, Мишель.

Мишель отпустил Причарда; тот постоял немного, удивленный и как будто отыскивающий равновесие.

Почувствовав себя устойчиво, он пошел, затем побежал рысью, потом, окончательно обретя равновесие, перешел на галоп и, несомненно, бежал на двух ногах быстрее, чем другой мчался бы на четырех.

— Ну как, удалось вам это, сударь? — спросил Мишель.

— Эта чертова жердь служит ему балансиром, — несколько разочарованный, ответил я.

— С этим разбойником можно целое состояние сколотить, — сказал Мишель. — Надо научить его танцевать на проволоке и возить потом с ярмарки на ярмарку.

— Если вы в этом уверены, Мишель, натяните на лужайке веревку и сделайте из него акробата. Я знаком со славной госпожой Саки и попрошу, чтобы она разрешила нам объявить Причарда ее учеником. Она не откажет мне в этой мелкой услуге.

— Вы все шутите, сударь. Постойте: вы слышали?

Я в самом деле слышал ужаснейшие проклятия, адресованные Причарду.

За ними последовал ружейный выстрел, потом раздался визг.

— Узнаю голос Причарда, — сказал Мишель. — Правильно сделали, он получил по заслугам.

Вскоре появился Причард с зайцем в пасти.

— Вы говорили, что узнали голос Причарда, Мишель?

— Готов поклясться, сударь.

— Но как же он мог визжать с зайцем в пасти?

Мишель почесал ухо.

— И все же это он визжал. Вот и доказательство этому: смотрите, он едва может нести зайца!

— Сходите и посмотрите, Мишель.

Мишель побежал.

— О сударь, я не ошибался, — сказал он, вернувшись. — Тот, у кого он украл зайца, в него выстрелил. У Причарда весь зад в крови!

— Тем хуже для него! Возможно, это его исцелит. Но все равно, я очень хотел бы знать, как он мог визжать, не выпуская зайца?

— Надо спросить у господина Шарпийона. Вот он как раз бежит за своим зайцем.

— Вы знаете, что я ему только что посолил задницу, вашему Причарду? — увидев меня издали, крикнул Шарпийон.

— И правильно сделали.

— Он украл моего зайца!

— Вот видите! — сказал Мишель. — Его ничем не исправить. Он хуже Картуша!

— Но, раз он уносил вашего зайца, он держал его в зубах.

— А где, черт возьми, вы хотели, чтобы он держал его?

— Как же он мог визжать с зайцем в зубах?

— Он положил его на землю, чтобы взвизгнуть, потом подобрал и побежал дальше.

— Ну, разве он не испорченный, а? — спросил Мишель.

Причард подбежал ко мне со своим зайцем, но, добежав, лег на землю.

— Черт! — сказал Шарпийон. — Не ранил ли я его сильнее, чем хотел? Я стрелял со ста шагов, если не больше.

И, не обращая больше никакого внимания на своего зайца, Шарпийон стал искать, какие повреждения он мог нанести Причарду.

Они оказались серьезными.

В задней части тела Причарда было пять или шесть дробинок.

— Ах, бедное животное! — воскликнул Шарпийон. — Я и за всех зайцев, какие здесь есть, не стал бы стрелять в него, если бы знал…

— Да что там, — ответил Мишель, — с Абеляром было еще хуже, и он не умер от этого.

Три недели спустя Причард, вылеченный сен-жерменским ветеринаром, вернулся домой совершенно здоровый и веселый.

— И что же? — сказал я Мишелю.

— Так вот, сударь, если он встретит другого пса, с тремя каштанами в мешке, советую ему поспорить, что на двоих у них всего четыре. Он выиграет, этот хитрец!

Я поспешил сообщить эту приятную новость Шарпийону.

XLI
ПАРЛАМЕНТСКИЙ ИНЦИДЕНТ

Примерно в то же время как с Причардом произошло ужасное происшествие, о котором я рассказал, в Палате депутатов разразилась буря.

— «Что ее вызвало?» — спросите вы.

Просто-напросто я сам.

Национальное представительство, созданное, разумеется, не с этой целью, проявило чрезмерную любезность, занявшись мною.

— «По какому поводу?» — спросите вы еще.

По поводу этого знаменитого путешествия в Испанию и Африку, для оплаты которого мы сложились, правительство и я, и в которое правительство вложило десять тысяч франков, а я — сорок тысяч.

Ежедневно отправлялись миссии, ежедневно кому-то предоставлялись пароходы, но — неизвестным. Следовательно, говорить было не о чем.

Но я, черт возьми! Это другое дело.

В то время господа из Палаты были на нас разгневаны, и не без причины, сейчас вы в этом убедитесь.

Эжен Сю опубликовал «Парижские тайны», Сулье — «Мемуары дьявола», Бальзак — «Кузена Понса», я — «Монте-Кристо»; поэтому передовыми статьями в парижских газетах интересовались мало, прениями в Палатах почти совсем не интересовались, и всех занимали романы-фельетоны.

Поэтому господа депутаты очень завидовали авторам этих романов и роптали на безнравственность еще громче, чем призывали к порядку.

Боже мой, как они кричали!

Послушать их, безнравственность была такой ужасающей, что в конце концов они обложили фельетоны налогом, которым отказались обложить собак (к счастью для меня, поскольку в то время у меня каждый день печаталось всего по три или четыре фельетона, но иногда, благодаря щедрости бедняги Причарда, обедали тринадцать или четырнадцать собак).

После того как фельетоны были обложены штемпельным сбором, депутаты умолкли: штемпельный сбор сделал фельетоны нравственными.

Но эти господа затаили злобу. Фельетоны шли своим ходом, у каждого на уголке страницы стояла красная или черная клякса, каждый обходился газете на двести или триста франков дороже,

то есть приносил государству доход вдвое больший, чем автору, что весьма нравственно; но ни читатели, ни газеты не могли обойтись без фельетонов.

И даже на некоторые газеты подписывались только ради них.

Так что некоторые газеты злобствовали еще больше, чем некоторые депутаты.

Вот почему, когда играли мою драму или комедию, меня еще больше поносили (говоря театральным языком) в тех газетах, где печатали мои фельетоны, чем в тех, где их не печатали.

Назову «Век», которому я дал последовательно «Корриколо», «Шевалье д'Арманталя», «Трех мушкетеров», «Двадцать лет спустя» и «Виконта де Бражелона».

И при этом «Век» получил, публикуя названные мною книги, хорошую компенсацию за налог на фельетоны: в течение двух или трех лет, пока я там печатался, «Век» сохранял маленький формат.

Я тоже получил весьма приятное вознаграждение после «Бражелона». Главный редактор «Века» обратился к моему собрату Скрибу: он решил, что со мной покончено, больше ничего хорошего я не напишу и пора искать другого.

Я дерзко попросил за свои фельетоны и за передачу авторских прав на пять лет по пять тысяч франков за год: это показалось слишком много.

Мой собрат Скриб скромно попросил семь тысяч франков, и было решено, что этого недостаточно, поскольку ему подарили в виде премии чернильницу из позолоченного серебра и золотое перо.

Из-под этого золотого пера, из этой позолоченной чернильницы вышел «Пикилло Аллиага».

Я утешился, отдав «Королеву Марго» в «Прессу», «Графиню де Монсоро» в «Конституционалист», а «Шевалье де Мезон-Ружа» — в «Мирную демократию».

Странная судьба у «Шевалье де Мезон-Ружа»: напечатанный в республиканской газете он, должно быть, так много содействовал установлению республики, что при ней директор изящных искусств запретил его из страха, что, оказав содействие ее установлению, он будет способствовать ее укреплению.

Итак, вернемся к гневу господ из Палаты, разразившемуся однажды утром: молния ударила не в громоотвод, не в дуб, но в меня, слабую тростинку.

В один прекрасный день к г-ну де Сальванди придрались из-за десяти тысяч франков, которые он прибавил к моим сорока тысячам, а к королю — из-за того, что он ради меня сжег угля на двенадцать тысяч франков, и обвинили его в пристрастии к

литераторам.

Бедный Луи Филипп! Его обвиняли часто и несправедливо, но никогда до такой степени несправедливо, как в этот раз.

И это еще не все. Один очень серьезный депутат, до того серьезный, что мог смотреть на себя без смеха, заявил, что французский флаг унизился, укрыв нас своей тенью.

Два других депутата его поддержали; вся оппозиция аплодировала.

В тот же вечер каждый из трех ораторов получил вызов на дуэль:

г-н * — подписанный мной;

г-н ** — подписанный Маке;

г-н *** — подписанный Дебаролем.

Затем, не надеясь на почту и непременно желая, чтобы эти письма были вручены, мы послали каждое с двумя друзьями, которые должны были передать каждое из этих писем каждому из этих господ.

Мои два друга были Фредерик Сулье и Гийе-Дефонтен. Я выбрал г-на Гийе-Дефонтена не только потому, что он был моим деревенским соседом в Марли: в Бурбонском дворце, то есть в Палате, он был соседом г-на *.

Я мог быть уверен, что г-н * получит мое письмо.

Письмо было очень простым, не понять его было невозможно.

Вот оно:

«Сударь,

у депутатов есть свои привилегии, у трибуны — свои права; но существуют границы всякой привилегии и всякого права.

По отношению ко мне Вы эти границы перешли.

Честь имею требовать удовлетворения.

Алекс. Дюма».

Если я где-то допустил небольшую ошибку, господин *, поскольку он еще жив, может ее исправить.

Два других письма были составлены примерно в тех же выражениях.

Коротко и ясно.

Три полученных нами ответа были не менее ясными, хотя еще более лаконичными:

«Мы защищены неприкосновенностью трибуны».

Нам больше нечего было сказать.

У каждого из нас было среди журналистов восемь или десять друзей, и все они были вооружены пером, острие которого мы порой ощущали, как чувствуешь жало осы.

Ни один пальцем не шевельнул.

Но у меня была подруга.

Милые читатели, если вы беретесь за перо с целью написать что-либо кроме счетов вашей кухарки, вы должны иметь подруг, а не друзей.

Итак, у меня была подруга.

Ее звали г-жа Эмиль де Жирарден.

Это прелестное создание не настолько давно упокоилось в могиле, чтобы вы уже забыли ее.

О нет! Вы помните этот ум, очаровательный, но вместе с тем почти мужской, пробегавший потрем октавам — изящества, остроумия и силы.

Так вот, эта женщина сделала то, на что не осмелился ни один мужчина, вернее, чего ни один мужчина не пожелал сделать.

Во время парламентской дискуссии, предметом, если не героем которой был я, мое имя ни разу не было названо.

Меня называли даже не г-ном *, г-ном ** или г-ном ***, как я назвал трех депутатов, особенно занимавшихся мной во время этого памятного заседания, но просто «господином», или иногда, для разнообразия, «этим господином».

Провозгласив неприкосновенность трибуны, они могли называть меня как им хотелось.

Госпожа де Жирарден, схватив за шиворот наиболее «господинистого» из этих трех «господ» своей хорошенькой пухлой белой ручкой с розовыми ноготками, встряхнула его, она его встряхнула… Собственно говоря, почему бы мне не доставить себе маленькое удовольствие, показав вам, как именно она его встряхнула?

Взгляните: это написано женщиной, но г-жа де Жирарден и г-жа Санд приучили нас к подобным чудесам.

> *«…Все же справедливости ради мы должны признать, что ошибки г-на Дюма можно извинить. Его оправдывает необузданность его воображения, его горячая африканская кровь, и к тому же у него есть оправдание, какое найдется не у всякого: головокружительная слава. Хотели бы мы взглянуть на вас, рассудительные люди, когда вы кружитесь в вихре; хотели бы мы взглянуть на выражение вашего лица, когда вам внезапно предложат по три франка за строчку ваших скучных каракулей. О,*

какими бы вы стали заносчивыми! Как высокомерно бы смотрели! Какое исступление охватило бы вас! Будьте же снисходительны к помутнению рассудка, к неумеренной гордости: они вам неведомы и понять их вы не можете.

*Но ест мы находим оправдание оплошностям Александра Дюма, мы не найдем оправдания выступлению против него г-на * в Палате депутатов. В самом деле, ни необузданное воображение, ни горячая африканская кровь, ни головокружительная слава не могут объяснить такого пренебрежения приличиями у человека столь высокого происхождения, так хорошо воспитанного и принадлежащего к высшему парижскому свету.*

“Литературный подрядчик!”

Это может сказать обыватель, считающий, что тот, кто пишет много, пишет плохо; обыватель, которому все трудно, ненавидит всякую способность у другого. Многочисленные произведения всегда кажутся ему никудышными, и, поскольку он не успевает прочесть все новые романы, публиковать которые хватает времени у Александра Дюма, обыватель считает, что восхитительны лишь те, которые он прочел, а все остальные отвратительны, и объясняет удивительную плодовитость автора выдуманной посредственностью. То, что обывателю недоступно понимание выдающихся умственных способностей, естественно и в порядке вещей; но то, что молодой депутат, слывущий умным человеком, не размышляя, присоединяется к обывателю и с трибуны без всякой необходимости нападает на человека бесспорного таланта, европейской известности, не отдавая себе отчета в достоинствах этого удивительного человека, не изучив природу его таланта, не зная, заслуживает ли он жестокого прозвища, каким депутату было угодно в насмешку его наградить, это неосмотрительность, какой мы не перестаем удивляться, хотя следовало бы сказать: возмущаться.

С каких пор талант упрекают в легкости, если эта легкость ничем не вредит произведению? Какой земледелец когда-либо попрекал прекрасный Египет плодородием? Кто и когда критиковал скороспелый урожай и отказывался от великолепного зерна под предлогом, что оно проросло, взошло, зазеленело, выросло и созрело в несколько часов? Так же как существуют счастливые земли, есть избранные натуры; нельзя

обвинить человека в том, что он несправедливо наделен талантом; вина заключается не в том, чтобы обладать драгоценным даром, но в том, чтобы злоупотреблять им; впрочем, для артистов, искренне толкующих об Александре Дюма и изучивших его чудесный дар с интересом, с каким всякий сведущий физиолог относится ко всякому феномену, эта головокружительная легкость перестает быть неразрешимой загадкой.

Эта быстрота сочинительства напоминает скорость передвижения по железным дорогам; причины обеих одни и те же: чрезвычайная легкость достигается преодолением огромных трудностей. Вы проделываете шестьдесят льё в три часа, для вас это пустяк: вас забавляет такое стремительное путешествие. Но чему вы обязаны этой быстротой и легкостью передвижения? Потребовались годы тяжелой работы, щедро потрачены миллионы, ими усыпана выглаженная дорога, тысячи рук трудились в течение тысяч дней, расчищая для вас путь. Вы проноситесь, вас не успевают разглядеть; но для того, чтобы вы в один прекрасный день смогли пролететь так быстро, сколько людей проводили ночи без сна, руководили работами, рыли и копали! Сколько было составленных и отвергнутых планов! Скольких трудов и забот потребовал этот легкий путь, по которому вы проноситесь за несколько минут, беззаботно и без труда!.. То же самое можно сказать о таланте Александра Дюма. В каждом томе, написанном им, воплощен огромный труд, бесконечное изучение, всеобъемлющее образование. Двадцать лет тому назад Александр Дюма не обладал этой легкостью; он не знал того, что знает сегодня. Но с тех пор он все узнал и ничего не забыл; у него чудовищная память и верный глаз; он догадывается, пользуясь инстинктом, опытом и воспоминаниями; он хорошо смотрит, он быстро сравнивает, он непроизвольно понимает; он знает наизусть все, что прочел, его глаза сохраняют все образы, отразившиеся в его зрачках; он запомнил самые серьезные исторические события и ничтожнейшие подробности старинных мемуаров; он свободно говорит о нравах любого века в любой стране; ему известны названия любого оружия и любой одежды, любого предмета обстановки, какие были созданы от сотворения мира, все блюда, какие когда-либо ели, от стоической спартанской похлебки до последнего изобретения Карема; надо

рассказать об охоте — он знает все термины “Охотничьего словаря” лучше главного ловчего; в поединках он более сведущ, чем Гризье; что касается дорожных происшествий — он знает все профессиональные определения, как Биндер или Батист.

Когда пишут другие авторы, их поминутно останавливает необходимость найти какие-нибудь сведения, получить разъяснения, у них возникают сомнения, провалы в памяти, всяческие препятствия; его же никогда ничто не остановит; более того, привычка писать для театра дает ему большую ловкость и проворство в сочинении. Он изображает сцену так же быстро, как Скриб стряпает пьесу. Прибавьте к этому блестящее остроумие, неиссякаемые веселость и воодушевление, и вы прекрасно поймете, как человек, обладающий такими средствами, может достичь в своей работе невероятной скорости, никогда не принося при этом в жертву мастерство композиции, ни разу не повредив качеству и основательности своего произведения.

*И такого человека называют “неким господином”! Но это означает неизвестного человека, никогда не написавшего хорошей книги, никогда не совершившего прекрасного поступка и не сказавшего прекрасной речи, человека, которого Франция не знает, о ком никогда не слышала Европа. Конечно, г-н Дюма в меньшей степени маркиз, чем господин ***, но господин *** куда больше “некий господин”, чем Александр Дюма!»*

Я же говорил вам, дорогие читатели, что в литературе лучше иметь подруг, чем друзей!

XLII
ГЛАВА, ГДЕ ГОВОРИТСЯ О ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И О ТОМ ВОЗДЕЙСТВИИ, КАКОЕ ЭТА РЕВОЛЮЦИЯ ИМЕЛА НА ЖИВОТНЫХ И НА ЛЮДЕЙ

После политического отклонения от темы, сделанного нами по поводу моего путешествия в Африку, вернемся, если вам угодно, к нашим животным, которые — слава тебе, Господи! — совсем не думали о Палатах, и даже никогда о них не слышали.

Честные твари!

К счастью, Палаты, со своей стороны, совершенно не думали о моих животных, иначе, несомненно, оказав мне честь заняться мной, они оказали бы мне честь поговорить и о них.

Боже меня сохрани дурно говорить о поверженном человеке или о форме правления, переставшей существовать, но это было удивительное устройство — механизм, приводившийся в действие тремя пружинами, одна из которых звалась Моле, вторая — Гизо, третья — Тьер; он мог работать лишь при помощи одной из этих пружин, но, едва ее заводили, две другие сразу же ее останавливали.

Вы помните тот знаменитый счет из таверны, который принц Уэльский нашел в кармане пьяного Фальстафа:

«Индюшка — три шиллинга.
Гусь — два шиллинга.
Ветчина — один шиллинг.
Пиво — шесть шиллингов.
Хлеб — один пенс».

Так вот, наша конституционная политика в течение восемнадцати лет немного напоминала карточку Фальстафа:

Дела Моле — шесть лет.

Дела Гизо — шесть лет.

Дела Тьера — пять лет, девять месяцев и три недели.

Дела Франции — одна неделя.

Из этой недели следует вычесть три февральских дня, когда Франция сама занималась своими делами.

Когда-нибудь я расскажу о Февральской революции, как

рассказал об Июльской; я принимал в ней менее активное участие, но, возможно, от этого только лучше ее увидел.

Но сейчас, как я сказал, речь идет о невинных созданиях, которые непричастны ни к одному падению правительства, ни к одному свержению трона; мы возвращаемся к Причарду, у которого осталось всего три лапы, который стал наполовину скопцом и только что — во время Февральской революции — потерял глаз.

Каким образом Причард, о ком не упоминается ни в двух томах Ламартина, ни в «Ретроспективном обзоре» г-на Ташро, потерял глаз во время Февральской революции?

Случилось ли это на бульваре Капуцинок? Или при наступлении на Разводной мост?

Причард потерял глаз, так как мне хотелось взглянуть, что происходит в Париже, а Мишелю — что происходит в Сен-Жермене. Собаке забыли сварить обычную похлебку и дать ежедневную порцию костей, поэтому Причард захотел, чтобы гриф поделился с ним своим пропитанием, а гриф, не лучше того, что терзал Прометея, не понимал шуток по поводу сердца, печенки или легкого и так ловко клюнул Причарда, что лишил его глаза.

Было трудно — если только не относиться философски к насмешкам охотников — использовать собаку в таком состоянии.

К счастью для Причарда, я не разделял мнения Катона Старшего, чья нравственность, признаюсь, не вызывает у меня восхищения; он говорил: «Продайте вашего коня, когда он состарится, и раба, если он немощен; чем дольше вы станете ждать, тем больше потеряете на том и на другом».

Я не нашел бы покупателя, если бы захотел продать Причарда, не нашел бы желающих принять его в подарок; мне оставалось сделать этого старого слугу, каким бы дурным слугой я его ни считал, просто нахлебником, ставшим инвалидом у меня на службе, наконец, другом.

Мне скажут, что река была всего в нескольких шагах, и я мог бы привязать ему камень на шею и бросить в воду.

Вероятно, Катон так и поступил бы. Но что поделаешь! Я не древний римлянин, и Плутарх, который расскажет о моей жизни, не преминет заметить современным слогом, что я мот, бездонная бочка, позабыв, конечно же, прибавить, что дно этой бочки я вышиб не один.

Вы скажете еще, что ничего не могло быть проще, чем заменить Причарда другой собакой, что мне достаточно было спуститься по склону холма, перейти по Пекскому мосту, войти в лес Везине, постучаться к Ватрену и купить у него хорошую

легавую собаку, брака, какие обычно и бывают у нас, французских охотников, вместо английского пойнтера.

Но я отвечу вам — у меня всегда найдется ответ, — что я был хоть и не так беден, чтобы утопить Причарда, но и не так богат, чтобы купить другого пса.

Не стоит говорить, что в трескотне газет, называвшихся «Папаша Дюшен», «Гильотина», «Красная Республика», чисто историческая или художественная литература пребывала в глубочайшем упадке.

Итак, вместо того чтобы заниматься сочинительством, я основал газету под названием «Месяц» и сотрудничал с другой газетой — «Свободой».

Все вместе приносило мне тридцать один франк в день. Оставался еще Исторический театр, но он стоил мне сто, двести, а иногда — пятьсот франков.

Правда, я мог надеяться — поскольку вел в обеих газетах ожесточенную войну против господ Барбеса, Бланки и Ледрю-Роллена, — я мог надеяться, что в один прекрасный день сторонники этих господ меня прикончат.

В доме требовались большие перемены.

Я продал трех своих лошадей и два экипажа за четверть цены, в которую они обошлись мне.

Я подарил Ботаническому саду последнего из Ледмануаров, Потиша и мадемуазель Дегарсен. Я потерял дом, но мои обезьяны получили дворец.

После революций иногда обезьянам случается жить как принцам, а принцам — как обезьянам.

Разве что принцам удается напугать Европу, и тогда им оказывают честь, помещая в львиной клетке.

Итак, с этой минуты, дорогие читатели, придется вам проститься с приступами гнева последнего из Ледмануаров, припадками уныния Потиша и капризами мадемуазель Дегарсен, которой я уже не мог предложить откупорить бутылку сельтерской, радуясь, что могу пить чистую воду, когда стольким людям, не потерявшим, а выигравшим от перемен, пришлось хлебнуть мутной воды.

Что касается Мисуфа, содержавшегося под стражей в качестве политического заключенного (хотя, как вы помните, причина его заключения была куда менее почтенной), он был выпущен на свободу.

Оставался Диоген (вы помните, что это имя дал грифу Мишель, когда тот обосновался в бочке). Он перебрался в ресторан «Генрих IV» к Коллине, моему соседу и другу, моему единомышленнику в кулинарном искусстве, распространителю,

если только не изобретателю, котлет по-беарнски.

Пообедайте у него, запивая эти котлеты шампанским, — какой у вас будет обед!

К тому же, входя и выходя, вы сможете видеть Диогена, уже не в бочке, а на жердочке.

У Коллине Диоген мог не бояться умереть с голоду; вид у Диогена был цветущий, и, чтобы выразить Коллине свою признательность, теперь он каждый год несет по одному яйцу, чего ему никогда и в голову не приходило делать, пока он жил у меня.

В этом году от охоты пришлось отказаться. Дома, земли, экипажи, лошади обратились в ничто, но право на ношение оружия по-прежнему оценивалось в двадцать пять франков.

Если бы я приобрел это разрешение в год от Рождества Христова 1848-й, в этот день у меня осталось бы всего шесть франков, что было явно недостаточно для всех живущих со мной людей и оставшихся у меня животных.

Поэтому Причарда попросили покончить с приглашениями на обед, которые в лучшие времена он раздавал на проселочной дороге, ведущей из Сен-Жермена в Марли.

Впрочем, эта просьба была излишней, возвращения сотрапезников Причарда опасаться не приходилось после того, как однажды их дурно угостили.

XLIII
МОЯ ЛУЧШАЯ ДРАМА И МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ

Именно в тот год я отправился в департамент Йонна и познакомился с моими превосходными сотоварищами по охоте Генье и Шарпийоном. Но тогда, как я сказал, об охоте и думать было нечего.

Я ошибся. Напротив, я предавался самой жестокой охоте из всех, в каких мне приходилось участвовать: охоте за избирателями.

Когда-то, не помню, где именно, я сказал уже, что во Франции отыскалось девятьсот человек умнее меня, и я вернулся не солоно хлебавши.

Милые читательницы, попросите первого попавшегося моего собрата во святом Губерте объяснить вам, что означают эти слова: «вернуться не солоно хлебавши».

А между тем я приносил себя в жертву родине, предлагая себя избирателям в качестве депутата.

Как депутат я получал бы всего двадцать пять франков в день, в то время как в качестве журналиста продолжал зарабатывать тридцать один.

Такое положение продолжалось год.

Я говорю о своем положении, а не о ситуации во Франции.

В этом году я увидел пятнадцатую смену правительства со времени моего рождения.

К 25 августа 1849 года я стал обладателем суммы в триста франков.

Поскольку в такое нищее время это может показаться странным, поспешим сказать, что я не занял их и не украл.

Нет. Но я написал драму, озаглавленную «Граф Герман».

Каждая из моих драм, появляясь на свет, обрастает множеством невероятных историй, и все им, кажется, верят, поэтому я не прочь рассказать подробнее о рождении этой пьесы.

Как-то раз Лефевр, один из моих собратьев, принес мне комедию, принятую Водевилем и называвшуюся «Старая юность».

Я не хотел ее слушать, но, несмотря на мои настоятельные просьбы, он прочел ее мне, уговаривая переделать пьесу и стать его соавтором.

Я всегда испытывал страх перед соавторством, но из-за своей покладистости все же постоянно на него соглашался.

На этот раз я сопротивлялся и, хотя в тумане проглядывали пять актов большой и прекрасной драмы, ничего общего не имевший с маленькой трехактной комедией, которую читал мне Лефевр, я ответил:

— Я не хочу работать над вашей пьесой. Пусть ее играют, раз приняли; вытяните из нее все возможные деньги и, когда театр ее бросит, я дам вам за ваш сюжет тысячу франков.

Лефевр смутно увидел способ извлечь больше денег из своей мертвой пьесы, чем рассчитывал получить от живой: ничего не поняв в моем предложении, он попросил меня повторить.

Я повторил; он понял и согласился.

Через полгода пьеса была сыграна, провалилась и при падении разбилась насмерть; автор принес мне ее труп.

Она даже не была напечатана.

Как всегда, я отложил сюжет до тех пор, пока мне не захочется им заняться. В одно прекрасное утро «Граф Герман» оказался готовым у меня в голове, через неделю я перенес его на бумагу. Месяц спустя граф Герман, воплощенный Меленгом, стоял на подмостках Исторического театра об руку с г-жой Персон и Лаферьером.

Это была одна из лучших моих драм и один из самых громких моих успехов.

Короче говоря, благодаря этому успеху я и оказался, как говорил, к 25 августа обладателем трехсот франков.

В это время я услышал, что некий г-н Бертран отдает внаем охотничьи угодья поблизости от Мелёна. Я поспешил к нему; он жил на пятом этаже дома по улице Маре-Сен-Жермен.

Охотничьи угодья принадлежали вовсе не ему, а г-ну де Монтескьё.

Он назвал цену: восемьсот франков.

Мы немного поторговались, и он уступил мне право охоты за шестьсот франков, с одним условием.

Я должен был на следующий день отправиться туда с запиской от него и, осмотрев угодья вместе с егерем, которому была адресована записка, и убедившись, что в них достаточно дичи, заплатить названную выше цену, если останусь доволен.

На следующий день я действительно взял с собой Причарда, ружье и дюжину патронов и отправился по железной дороге в Мелён.

В Мелёне, узнав, где находится мое охотничье угодье, я нанял за пять франков повозку, с тем чтобы меня отвезли и привезли назад.

В тот год жатва была очень ранняя, так что в департаменте Сена и в соседних департаментах охотничий сезон открылся

накануне, 25 августа.

Я отыскал егеря; прочитав записку г-на Бертрана, в которой содержалось и разрешение для меня сделать несколько выстрелов, егерь, поскольку ему очень хотелось сдать угодья (в прошлом году этого не случилось), довольно пренебрежительно взглянул на Причарда и тронулся в путь, указывая мне дорогу.

Охота начиналась сразу за порогом дома.

Поднявшись на пригорок, Причард заметил вдали зеленеющий участок свеклы.

Он уверенно побежал напрямик через полосу вспаханной земли к тому участку.

Я беззаботно позволил ему это сделать.

— Сударь, — произнес егерь, — хочу заметить вам, что в ваших угодьях всего пятьсот арпанов земли; на этих пятистах арпанах есть восемь или десять стай куропаток и три или четыре сотни зайцев; если вы не придержите вашего пса, он нападет на лучшую дичь и поднимет пять-шесть зайцев или две-три стаи куропаток, прежде чем мы до них доберемся.

— Не беспокойтесь, — ответил я ему, — у Причарда свой способ охотиться, я к нему привык. Оставим его среди свеклы и посмотрим, что есть в этом поле, отделяющем ее от нас.

— Там должны быть два или три зайца, сударь. Эй, смотрите, смотрите!.. Вот один бежит прямо на вас.

Он не успел договорить, как заяц был убит.

Причард не обратил внимания на выстрел и обогнул участок свеклы, чтобы взять след.

Тем временем показался второй заяц, и я выстрелил во второй раз.

Я так тяжело его ранил, что он, пробежав сто шагов, вынужден был остановиться, потом упал: как и первый заяц, он был убит.

Причард, сделав стойку, не обратил внимания ни на выстрел, ни на зайца, умиравшего в двадцати шагах от него.

Егерь подобрал обоих зайцев, заметив при этом, что, хотя записка г-на Бертрана позволяет мне сделать несколько выстрелов, он должен попросить меня больше не стрелять по зайцам и охотиться только на куропаток.

— В таком случае, — ответил я, — повернем и пойдем по следу, как Причард.

— Но, сударь, — возразил егерь, — собака не станет вас ждать!

— Не волнуйтесь, — ответил я, — вы увидите Причарда в деле. А пока, если вам нужно что-нибудь сделать, например, раскурить трубку, так зажгите ее.

— Благодарю вас, я только что убрал ее в карман.

— Ну, тогда — я вытащил из своего кармана фляжку — выпейте капельку: это превосходный финь-шампань.

— Выпить капельку, сударь? От этого я не откажусь, — сказал егерь. — Но как же ваш пес?..

— О, я же сказал вам, что у нас есть время: мы можем не торопиться.

— А вы знаете, что он уже пять минут так стоит?

— Сколько нам потребуется времени, чтобы дойти до него?

— Примерно еще пять минут.

— И пять минут на отдых. Мы будем около него через четверть часа.

— Славный все же пес! — сказал егерь. — Как жаль, что у него недостает одного глаза и одной лапы!

— Рассмотрите его получше, когда мы к нему подойдем, — со смехом ответил я, — и вы увидите, что у него еще кое-чего недостает.

Через пять минут мы подошли к Причарду.

— Еще через пять минут, — сказал я егерю, — мы попробуем убить у него под носом двух куропаток и, если нам это удастся, вы увидите: он не шелохнется до тех пор, пока я не перезаряжу ружье.

— Если это так, — откликнулся егерь, — за такого пса и пятьсот франков не жаль отдать.

— Да, — ответил я, — в первую неделю, пока держится дичь. А теперь, — прибавил я, — мы попробуем сделать одну вещь. В соответствии с лучом зрения Причарда, он, как мне кажется, примерно в десяти шагах от дичи. Так вот, я отойду на пятнадцать шагов и выстрелю туда, куда он смотрит, вероятно, в середину стаи куропаток. Если я не попаду и куропатки останутся на месте, Причард не шевельнется; если я убью одну или двух и остальные не улетят, Причард тоже с места не сдвинется, если же вся стая улетит и в ней будет одна раненая куропатка, Причард станет преследовать ее до тех пор, пока она не упадет.

Егерь пожал плечами и покачал головой, как бы желая сказать: «Ну, если он это сделает — у меня просто нет слов».

Я отступил на пятнадцать шагов, опустился на колено и выстрелил в направлении, указанном носом Причарда.

Две куропатки взлетели, показывая белые брюшки и хлопая крыльями, а в четырех шагах от них выскочил заяц и пустился наутек, как будто это стреляли в него.

Причард не двинулся с места.

— Ну, как? — спросил я егеря.

— Ах, продолжайте, сударь, — ответил он, — это так

любопытно.

Я перезарядил ружье и подошел к Причарду.

Причард взглянул меня, как будто спрашивал, готов ли я, и, получив разрешение, побежал.

Взлетела стая из пятнадцати или шестнадцати куропаток.

Первым выстрелом я убил одну; вторую я ранил в крестец, и она, как обычно ведут себя куропатки, раненные подобным

образом, взлетела почти вертикально.

Произошло то, что я предсказал: Причард ни на что, кроме как на нее, не обращал внимания; он следовал за ней не отводя взгляда, и, когда полет прекратился, она упала почти к нему в пасть.

Незачем было продолжать охотиться. Я узнал то, что хотел знать: эти места изобиловали дичью. Вернувшись в Париж, я поспешил к моему другу д'Орсе и поделился с ним своей удачей.

Он лепил бюст Ламартина.

Д'Орсе, граф д'Орсе, брат прекрасной г-жи де Граммон, — один из тех людей, чье имя мне приятно время от времени упомянуть. Я всегда могу сказать о нем что-то новое, и не только новое, но хорошее.

Так вот, д'Орсе был занят бюстом Ламартина, ведь он был не только вельможей, но и большим художником: он ваял и рисовал с совершенным изяществом. Может быть, в его рисунках и скульптурах найдется что поправить, но никто не обладал таким ощущением идеального, как он.

Единственный оставшийся нам портрет Байрона, тот, которым поэт требовал украшать все свои книги, сделан д'Орсе.

Безупречный вкус д'Орсе проявлялся во всем; не очень богатый и под конец жизни вынужденный считать деньги, после того как он был законодателем мод Франции и Англии, д'Орсе снял — уже не помню, на какой улице — за восемьсот франков какой-то чердак и превратил его в самую элегантную мастерскую во всем Париже.

В течение десяти лет он задавал тон Франции и Англии; его портной, разбогатевший благодаря ему, был известен своим умением одевать людей в соответствии с тем, к какому классу они принадлежали, делая невероятно тонкие различия.

Как-то раз один дворянин, проживавший в деревне, друг д'Орсе, приехал на месяц в Лондон; навестив графа, он сказал ему:

— Вот и я, мой милый, но это не все: мне предстоит провести в Лондоне некоторое время и не хочется выглядеть смешным; я не денди и не торговец из Сити, а деревенский дворянин; посмотрите на меня хорошенько и объясните вашему портному, как он должен меня одеть.

Д'Орсе на него посмотрел, затем направился к своей коллекции тростей — у него их было пятьдесят или шестьдесят, — выбрал среди них одну, с рукояткой из ножки косули, изогнутой и оправленной в серебро, и сказал своему другу:

— Возьмите ее, идите к Блиндему и велите ему одеть вас к

этой трости.

И Блиндем одел дворянина к трости по одному ее виду, и никогда этот дворянин, как он сам признавался, не был одет лучше.

Рисунки д'Орсе были чудесны.

Я припоминаю один вечер у моего юного русского друга Машнева, когда д'Орсе делал со всех нас карандашные наброски.

Никогда мне не доводилось видеть собрания более любопытного, чем это; среди рисунков был портрет одной девушки, бесспорно очаровательной, черты которой он изобразил не более красивыми, чем они были, но — это редкость — более ангельскими.

Что стало с этим портретом, на котором оставалось лишь пририсовать крылья, чтобы его можно было принять за рисунок Беато Анжелико?

Д'Орсе обладал не только изяществом, но и совершенной красотой; не только совершенной красотой, но и прелестным умом. Таким он оставался до конца своей жизни.

Я предложил ему снять на двоих охотничьи угодья.

Он согласился, но с условием, что к нам присоединится герцог де Гиш, его племянник (сегодня это герцог де Граммон, посланник в Вене).

Лучшего я и желать не мог: я любил Гиша так же, как любил д'Орсе, то есть всем сердцем.

Итак, мы собрались на охоту втроем.

Нельзя было терять время, и мы решили, что начнем охотиться послезавтра.

В тот же день мы отправились к метру Бертрану подписывать арендный договор; он сделал одно небольшое ограничение: за свои шестьсот франков мы могли убить не больше ста зайцев, то есть по тридцать три на каждого; куропатки в счет не шли.

Тот, кто убьет лишнего зайца, должен будет уплатить егерю пять франков.

К полудню первого же дня я убил одиннадцать зайцев.

Незачем говорить, что Причард подвергся насмешкам со стороны моих аристократических друзей, но, по обыкновению своему, с честью вышел из положения.

XLIV
КАСТОР И ПОЛЛУКС

В следующем году я вновь отправился к г-ну Бертрану, надеясь благодаря нашим хорошим отношениям и нескольким присланным мною ему штукам дичи добиться тех же условий, что в прошлом году.

Не тут-то было.

Стоимость аренды удвоилась. Мои средства не позволяли мне потратить такую сумму, и я решил охотиться у одного из моих друзей в Нормандии.

Его замок находился в нескольких льё от Берне.

Он выехал нам навстречу верхом, в сопровождении двух больших белых борзых, что я подарил ему.

— Ах, сударь, взгляните же на господина Эрнеста! — увидев его, воскликнул Мишель. — Он похож на английскую королеву.

В самом деле, в комнате Мишеля была гравюра с картины Дедрё, изображавшая английскую королеву верхом на вороном коне и в сопровождении двух белых борзых.

Я сообщил Эрнесту о том, что Мишель нашел сходство между ним и королевой Великобритании, и это очень польстило ему.

Две борзые, воспитать которых Эрнесту стоило многих забот, и к тому же очень холеные, накануне, как вы увидите из дальнейшего, сильно удивили одного из его друзей, приехавшего из Кана, чтобы вместе с нами открыть сезон.

Нежданный гость приехал прямо в замок, пока Эрнест объезжал земли вместе со сторожем; слуга узнал в нем друга хозяина и предложил в ожидании господина пройти в его рабочий кабинет, служивший и библиотекой.

Окна кабинета выходили в парк, куда можно было спуститься через среднее окно, образующее дверь.

С каждой стороны от этой двери было окно, возвышавшееся на шесть или восемь футов над уровнем сада.

Новоприбывший сначала разгуливал вдоль и поперек комнаты, изучая вид из правого окна, затем вид из левого окна; после этого он перешел к картинам, полюбовался «Гиппократом, отвергающим дары Артаксеркса», вздохнул при виде «Наполеона, прощающегося с войсками во дворе замка Фонтенбло»; после бросил рассеянный взгляд на двух собак, лежавших рядом, словно два сфинкса, под хозяйским письменным столом; потом он ощутил небольшую резь и, поскольку был совершенно один и не считал нужным стесняться Кастора и Поллукса, издал тот звук,

из-за которого мадемуазель де Роган так страдала, пока г-н де Шабо не взял вину на себя.

Но как же он удивился, когда при этом звуке, впрочем довольно умеренном, обеих собак словно охватил внезапный страх и, отскочив друг от друга подальше, они бросились в окна библиотеки, открытые в сад, и скрылись с глаз.

Посетитель замер на месте. Он прекрасно знал, что поступил неприлично, но ему впервые встретились такие чувствительные собаки.

Он позвал их, крикнув: «Кастор! Поллукс!» — но ни один не вернулся.

Тем временем появился Эрнест. Он слышал крики своего друга; застав его несколько смущенным и обменявшись с ним приветствиями, он не мог не спросить:

— Но что с тобой было, когда я вошел?

— Право же, — ответил тот, — я был сильно удивлен.

— Чем же?

— Представь себе, я был здесь с твоими собаками, все было спокойно, и вдруг, как будто их змея ужалила, они вскочили с воем и убежали в сад, словно их черт уволок!

— Может быть, ты… — начал Эрнест.

— Ну да, — ответил гость. — Признаюсь в этом; я был один, здесь были только два твоих пса, и я не думал, что при них надо соблюдать все правила приличия.

— Так и есть! — сказал Эрнест. — Не беспокойся, они вернутся.

— Я не беспокоюсь, но мне хотелось бы знать, откуда у них такая чувствительность.

— Здесь нет ничего сложного, сейчас объясню. Я очень люблю этих собак, которых получил от Дюма, и отказался отдать их моей жене, как ей этого ни хотелось; я оставил собак при себе, чтобы они ко мне привязались, и всегда держал их в своей спальне или в своем кабинете. Но то, что у тебя было случайностью, было привычкой этих чертовых собак, так что они, не выбирая времени, предавались этим непристойностям то лежа у меня под столом, то у моей постели. Чтобы излечить их от этого, я купил славную плетку, и, когда один из них делал то, что недавно сделал ты, немилосердно его стегал, определяя виновного по звуку. И до чего же додумались мои негодяи? Они стали делать тихо то, что делали громко. Тогда, поскольку я не мог угадать, кто из них виноват, отделывал как следует обоих; вот почему сейчас, услышав тебя, они не могли поверить, что это сделал ты, и, не доверяя друг другу, решили каждый, что виноват другой… И чтобы избежать заслуженных, как им думалось,

побоев, они, ты видел, убежали, охваченные тревогой, если не раскаянием.

Мишель, у которого на все случаи было средство, признался, что от неудобств этого рода не знает ни одного средства; пришлось Эрнесту и дальше придерживаться своего метода, приносившего такие хорошие результаты.

К сожалению, в окрестностях Берне очень мало укрытий, и Причарду совершенно негде было проявить свои способности.

Я довольно плохо поохотился, хотя и бросался в сторону, как говорят на бегах, опасаясь обычных выходок Причарда по отношению к моим спутникам.

Когда я возвращался с несколькими куропатками и одним зайцем, лежавшими в охотничьей сумке Мишеля, мне встретился крестьянин, державший на поводке красивую каштановую сучку, на вид трех или четырех лет.

— Черт возьми! — сказал я Мишелю. — Если этот добрый малый согласится расстаться со своей сукой за разумную цену, это животное мне бы подошло.

— Но — ответил Мишель, — вы помните, что поручили своему другу Девиму купить для вас собаку и открыли с этой целью кредит на сто пятьдесят франков.

— Ну и что! — ответил я Мишелю. — Девим, должно быть, обо мне забыл. Если бы он купил для меня собаку, так он купил бы ее к открытию охоты: накануне ее начала все собаки покупаются, через две недели все собаки продаются. Поговорите с этим славным малым, — настаивал я.

Мишель подошел к крестьянину.

— Черт возьми! — сказал тот Мишелю. — Вон тот господин должен был бы послать меня утопить своего пса, у которого всего три лапы и один глаз (он не видел, чего еще недоставало у Причарда), вместо моей суки и взять мою суку взамен своего пса.

— А вы собирались утепить свою собаку, милейший? — спросил Мишель.

— Ах, сударь, не сегодня, так завтра мне пришлось бы это сделать. Они не знают, что бы им еще придумать! Только что собак обложили налогом в десять франков, тогда как с нас берут всего по два франка! Разве это не унизительно — бессловесная тварь платит в пять раз больше, чем человек? Ну, нет! Я недостаточно богат, чтобы в наше время, когда надо кормить двух детей, кормить сверх того еще и собаку, да еще эта собака платит десять франков налога.

— Так что, — спросил Мишель, — вы подарите свою собаку этому господину?

— О, от всего сердца, — ответил крестьянин, — я уверен, он

будет хорошо с ней обращаться.

— Как с принцессой! — заверил Мишель.

Как видите, Мишель, человек осмотрительный, лишнего не обещал.

— Ну что ж, — со вздохом сказал крестьянин, — отдайте Флору этому господину.

Мишель вернулся ко мне.

— Удачной ли была сделка, Мишель? — спросил я. — Был ли благоразумен хозяин суки?

— Посудите сами, сударь, — ответил Мишель, — он отдает ее даром.

— Как даром?

— Да; представьте себе, он как раз собирался ее утепить.

Мишель никогда не признавал французским глагол «топить»; он опирался на довольно правдоподобную дилемму: невозможно, чтобы в таком богатом языке, как французский, одно и то же слово давало тепло и несло смерть.

Таким образом он обогатил французский язык словом «утепить», как г-н де Жуй обогатил латинский язык словом «agreabilis».

— А почему этот человек собирался утопить свою собаку? — спросил я у Мишеля. — Она не бешеная?

— Нет, сударь, напротив, кроткая как ягненок. Но что поделаешь! Он ее утепит, этот человек, потому что у него едва хватает хлеба для него, его жены и двух детей.

— Возьмите десять франков, Мишель, отнесите ему и приведите мне несчастное животное.

— Дело в том… — начал смущенный Мишель, — я должен сказать вам одну вещь.

— Что именно?

— Эту суку зовут Флора.

— Черт! Мишель, имя вычурное, но как быть! Собака не заслуживает быть брошенной в воду только за то, что она носит имя богини весны.

Мишель, будучи садовником, запротестовал:

— Я думал, сударь, это богиня садов.

— Мишель, не в обиду вашим познаниям в мифологии, божество, покровительствующее садам, не богиня, а бог по имени Вертумн.

— Смотри-ка, — сказал Мишель, — как господин Вертумн из Французского театра, у которого я беру билеты.

— Вы хотели сказать Вертёй, Мишель? Прелестный малый!

— Как когда… Что ж, я всегда называл его Вертумн.

— Возможно, в те дни, когда вы называли его Вертумном, он

бывал в дурном настроении; но я всегда звал его Вертёем и ничего такого не замечал.

— Все равно, он должен был жениться.

— Кто? Вертёй?

— Нет, ваш Вертумн: он должен был жениться на Флоре.

— Вы с этим предложением опоздали, Мишель: уже почти две тысячи восемьсот лет назад как он женился на нимфе из очень хорошей семьи, ее зовут Помона.

— Ах, вот как! — произнес явно раздосадованный Мишель.

Затем, вернувшись к первому предмету нашего разговора, он продолжал:

— Значит, вам безразлично, что эту суку зовут Флора?

— Имя, как я вам сказал, несколько вычурное; ну да ладно, я к нему привыкну!

Мишель сделал несколько шагов в сторону крестьянина и почти сразу же вернулся, почесывая кончик носа, — эта привычка появилась у него после того, как Турок, безмозглый пес, о котором мы мало сказали, потому что сказать почти нечего, чуть было не откусил у Мишеля кончик носа.

— Что такое, Мишель?

— Я подумал, сударь, что, раз я даю десять франков этому человеку, и это за суку, которую он собирался утепить, то вполне имею право спросить у него, приносит ли она дичь и делает ли стойку.

— Мишель, это очень много на десять франков! От собаки, которая стоит сто экю, не требуют большего. Мишель, дайте ему десять франков, берите Флору и… положимся на Бога!

Мишель отдал крестьянину десять франков и привел Флору. Господь оказал нам милость: она делала стойку и приносила добычу не хуже собаки за сто экю.

Но мифологическое имя принесло ей несчастье: Флора умерла подобно Эвридике.

XLV
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ НА ТЕМУ О ТОМ, КАК ЗДОРОВАЮТСЯ СОБАКИ

— Сударь, — сказал мне Мишель после того, как Флора и Причард познакомились обычным способом, то есть заглянув друг другу под хвост, — сударь, вы так много знаете, а могли бы вы сказать мне, отчего это собаки здороваются таким странным образом?

Мишель произнес эти слова как человек, который надеется на отрицательный ответ, чтобы самому блеснуть своей ученостью.

— Нет, Мишель, — ответил я.

— Так вот, сударь, однажды собаки захотели сделать то, что недавно, в тысяча восемьсот сорок восьмом году, сделали мы сами: они захотели устроить республику. Сначала спросили старых собак, и они сказали молодым: когда меняется форма правления, следует получить от кого следует разрешение на это, и, вероятно, именно потому, что люди не спрашивали разрешения у Бога, на земле так часто менялись правительства.

Собаки зрелого возраста и даже щенки нашли этот совет превосходным. Они решили составить прошение к Юпитеру и послать его с борзой, получившей первый приз на последних состязаниях в Лаконии.

Позвали борзую, которая могла лишь гордиться тем, что ее избрали для подобного посольства, и она ответила: хотя до вершины Олимпа далеко, она вернется через три месяца.

Кажется, сударь, Олимп — это гора в Греции.

— Да, Мишель, она находится между Фессалией и Македонией.

— Ну так вот, — продолжал Мишель, — нашли ученую собаку, чтобы сочинить прошение. Когда оно было готово, главные собаки подписали его и вручили борзой.

Потом они решили некоторое время сопровождать ее и расстаться с ней как можно позже, чтобы дать все советы, какие считали необходимыми для успешного выполнения поручения.

Они пробежали три или четыре льё, и перед ними оказалась река.

— Еврот, Мишель.

— Да, именно так, сударь, я забыл, Еврот. Кажется, обычно в этой реке воды не больше, чем в Арно, о котором я слышал от вас,

и в Мансанаресе, о котором я слышал от вашего сына.

— Еще меньше, Мишель. Я перешел его не разуваясь, прыгая с камня на камень.

— Так вот, сударь, как нарочно, накануне была гроза и Еврот разлился, как Сена.

— Что ж, Мишель, я думаю, собака может переплыть Сену.

— Конечно, сударь, но что станет с прошением?

— Вы правы, Мишель, о прошении я позабыл.

— Куда бы вы положили его, а?

— Право, Мишель, признаюсь, не имею ни малейшего представления.

— Так вот, собаки справились с этим затруднением лучше, чем вы. Они взяли бумагу, сложили ее вчетверо, потом в восемь раз, скатали в трубочку и засунули ей…

— До чего сообразительные были ваши собаки, Мишель!

— Борзая, не тревожась о прошении, бросилась в воду и переплыла реку; выйдя на другой берег, она махнула лапой друзьям и скрылась…

С тех пор ее никто не видел, сударь; вот почему, когда собака встречает другую собаку, она смотрит, не несет ли та ответ Юпитера.

— Я уже слышал эту историю, Мишель, но вы рассказываете ее лучше. Только будьте повнимательнее: мне кажется, Причард слишком усердно любопытствует, не несет ли Флора этот ответ.

В самом деле, Причард, не отдававший себе полного отчета в своем увечье или же заметивший, что самки животных, как и человеческие, отличаются нередко странными прихотями, гарцевал на своих трех лапах, поглядывая на Флору единственным глазом и победно размахивая султаном, который заменял ему хвост.

— Вы с этим не согласны? — спросил Мишель.

— С чем я не согласен, Мишель? Мне кажется, вы никакого предположения не высказали.

— Я говорю, что у такой разумной собаки, какой кажется Флора, которая, как ей и положено, охотится под ружейным дулом, и у нашего Причарда получатся, готов спорить, отличные щенки.

— Вы думаете, Шарпийон не навел здесь полный порядок?

— Как бы не так, сударь! Это его только раззадорило.

— Мишель, Мишель…

— Впрочем, стоит только оставить их вместе, и вы увидите сами.

— Поступайте как хотите, Мишель. Признаюсь вам, я не прочь получить потомство от Причарда.

Мишель был так доволен полученным разрешением, что большего и не просил и, поскольку до замка оставалась всего сотня шагов, не возвращался уже к тому, считая дело решенным.

В замке я нашел письмо от дочери: она сообщала мне, что Девим купил для меня за сто двадцать франков великолепного пса по кличке Катина́; она спрашивала, должна ли послать его мне или же до моего возвращения держать в конюшне, куда он пока помещен.

Я ответил ей, что Катина́ может оставаться там, где был, то есть в конюшне, поскольку я через два дня рассчитываю вернуться в Париж.

Когда я проснулся на следующее утро, Мишель объявил мне, что, по всей вероятности, наши желания, связанные с потомством от Причарда, должны исполниться. Он посоветовал мне, с тем чтобы ласки супруга не отвлекали Флору от охоты, увести ее одну, оставив Причарда в конуре; тогда мы сможем увидеть и то, что она умеет.

Совет был неплох. Мы отправились охотиться с Флорой, невзирая на отчаянные вопли Причарда.

Флора была благовоспитанной сукой без особых недостатков и выдающихся достоинств; несомненно, если бы случай не свел нас, она прожила бы свою жизнь в полной безвестности, из которой и самая смерть, какой бы она ни была, ее бы не вывела.

К счастью, одним из ее достоинств была способность охотиться под ружейным дулом.

Словом, я был очень доволен этим приобретением. Флора была из тех собак, которых продают за сто двадцать франков накануне открытия охоты и за сорок — на следующий день после закрытия. Когда мы вернулись с охоты, Причард встретил Флору очень радостно.

Этот породистый пес хотел при помощи хороших манер заставить забыть его увечья и раны.

Мы простились с нашими друзьями из Берне и вернулись в Париж 3 сентября 1850 года.

В этом году сезон был поздним и департамент Йонна открывал охоту только пятого числа.

Я получил письмо от своих друзей из Осера, где говорилось, что если я обещаю приехать на открытие охоты, то, поскольку я имею дело с мэрами и их помощниками, они отложат его до десятого.

Это письмо ускорило мой отъезд из Берне.

Вернувшись домой, я прежде всего захотел взглянуть на Катина́.

Тогда Причарда и Флору заперли в столовой, а Катина́

привели в мастерскую.

Я жил тогда в небольшом особняке, который занимал один со своими одиннадцатью курами, цаплей, Причардом и Мишелем и в котором, как я считал, должны были появиться два новых жильца — Флора и Катина́.

Катина́ оказался здоровым легавым псом трех или четырех лет, легкомысленным, вспыльчивым и драчливым.

Он скорее налетел на меня, чем подошел ко мне, бросился мне на шею так, будто хотел задушить, опрокинул мольберты моей дочери, прыгнул на стол, где лежало мое оружие и стояли китайские вазы, сразу же доказав, что было бы более чем неосторожностью приблизить его к себе.

Я позвал Мишеля и объявил, что для первого знакомства мне этого довольно и я откладываю удовольствие познакомиться с собакой покороче до открытия охоты в Осере.

Вследствие этого Мишелю было предложено увести Катина́ обратно в конюшню.

Должен сказать, что беднягу Мишеля при виде Катина́ посетило дурное предчувствие.

— Сударь, — сказал он, — этот пес принесет нам какое-то несчастье, не знаю, какое именно, но принесет, принесет!

— А пока, Мишель, — сказал я, — отведите его на место.

Однако Катина́, без сомнения, сам понял, что мастерская ему не подходит, и вышел по собственной воле, но по дороге увидел открытую дверь столовой и вошел в нее.

Причард и он не дали себе труда поинтересоваться друг у друга, не несет ли один из них ответ Юпитера; даже Гектора и Ахилла не охватывала с первого же взгляда такая сильная взаимная ненависть.

Движимое инстинктом и ненавистью, они набросились друг на друга с таким ожесточением, что Мишель вынужден был позвать меня, чтобы разнять их.

То ли вялая по природе, то ли обладавшая тем жестоким кокетством, из-за которого самка льва и самка человека не прочь посмотреть, как соперники дерутся ради нее, Флора оставалась безразличной во время боя, оказавшегося всего лишь короткой яростной стычкой благодаря стараниям моим и Мишеля.

Но нам показалось, что шея Катина́ кровоточит: это легко было увидеть на белой шерсти.

Что касается Причарда, на его пестрой шкуре не видно было ран, если он их и получил.

Для понимания дальнейших событий мне необходимо дать вам топографическое представление о том, что можно было назвать «службами» маленького особняка на Амстердамской

улице.

Одна входная дверь вела на улицу, вторая, с противоположной стороны, — в нечто вроде вытянутого сада; в глубине его находились каретные сараи, конюшня и задний двор. Поскольку после революции 1848 года у меня не остаюсь ни лошадей, ни экипажей, я превратил каретные сараи в большой кабинет, конюшню — в большой чулан, куда сваливали все подряд, а задний двор — в птичий, где сидели на насестах, кудахтали и неслись мои одиннадцать кур и где обитал петух Цезарь; здесь же в огромной конуре, настоящем дворце, до сих пор восседал Причард.

Он был по-прежнему в близких отношениях с курами. Впрочем, заглянув в курятник Шарпийона, вы увидели, какую выгоду он из этого извлекал; с этого дня мне стало ясно, отчего мои собственные куры бесплодны.

Итак, Причард занял свое место на птичьем дворе и, поскольку его конура была достаточно большой для двоих, Флора, в качестве супруги, разделила ее с ним.

Катина́ был снова водворен в конюшню, куда его поместили с самого начала и откуда извлекли по случаю моего приезда.

Мишель, как обычно, занимался четвероногими и двуногими.

Вечером, когда моя дочь и я гуляли в саду, Мишель подошел ко мне и стал крутить в руках свой картуз: это означало, что он хочет сказать мне нечто важное.

— В чем дело, Мишель? — спросил я.

— Сударь, — ответил он, — когда я вел Причарда и Флору на птичий двор, я вот о чем подумал: у нас нет яиц, потому что Причард их ест, как вы могли увидеть в Сен-Бри, а Причард ест их, потому что сговорился с курами.

— Это очевидно, Мишель: если бы Причард не мог войти в курятник, он не ел бы яиц.

— Так вот, мне кажется, — продолжал Мишель, — если поместить Катина́ — по-моему, это невоспитанная тварь, но он не такой плуг, как этот подлец Причард, — если поместить Причарда и Флору в конюшню, а Катина́ на птичий двор, все пойдет лучше.

— Знаете ли вы, что произойдет, Мишель? — спросил я. — Может быть, Катина́ не станет есть яиц, но он может съесть кур.

— Если с ним случится такое несчастье, у меня есть средство, которое на всю жизнь исцелит его от желания лакомиться курами.

— Да, Мишель, но куры к тому времени будут съедены.

Я не успел договорить, как от служб донесся такой шум, что можно было подумать, будто целая свора дерется из-за добычи, а

яростный лай и жалобный визг указывали, что бой шел не на жизнь, а на смерть.

— Боже мой! — сказал я. — Мишель, вы слышите?

— Да, я прекрасно слышу, — ответил он, — но это собаки господина Пижори.

— Мишель, это Катина́ и Причард, которые просто-напросто истребляют друг друга.

— Сударь, это невозможно, я их разделил.

— Ну, так они снова сошлись, Мишель.

— Это нетрудно, нигедяи вполне на такое способны, при том, что этот подлец Причард открывает дверь конюшни не хуже слесаря.

— Причард — храбрый пес; должно быть, он открыл дверь конюшни, чтобы вызвать на бой Катина́. И право же, я боюсь, как бы один из них не задушил другого.

Мишель бросился бежать к конюшне, и вскоре после того, как я потерял его из виду, послышались стенания, говорившие о том, что случилось большое несчастье.

Через минуту показался рыдающий Мишель с Причардом на руках.

— Взгляните, сударь, — сказал он, — Причарда больше нет! Вот до какого состояния довел его прекрасный пес господина Девима! Его надо звать не Катина́, а Катилина.

Я бросился к Мишелю. Хотя Причард иногда и доводил меня до бешенства, я очень любил его. Это единственная собака, в которой я находил оригинальность и непредсказуемость, свойственные умному человеку, не лишенному причуд.

— Ну, так что же с ним, Мишель?

— То, что он умер…

— Да нет, Мишель, еще нет.

— Во всяком случае, он к этому близок.

И он положил несчастное животное на землю.

Рубашка Мишеля была вся в крови.

— Причард! Бедный мой Причард! — закричал я.

Подобно умирающему аргосцу у Вергилия, Причард открыл свой горчичный глаз, печально и нежно посмотрел на меня, вытянул все четыре лапы, напрягся, вздохнул и умер.

Каталина прокусил ему сонную артерию, и смерть его, как вы видели, была почти мгновенной.

— Что поделаешь, Мишель! — сказал я. — Мы теряем не хорошего слугу, а доброго друга… Вымойте получше это несчастное создание, заверните его в тряпку, выройте для него в саду яму, и мы устроим ему могилу, над которой поместим такую эпитафию:

Ранцау доблестный тебе примером стал:
Увечьям вопреки ты шел к победной славе,
Полтела ты, как он, в сраженьях потерял,
Но сердце Марс тебе нетронутым оставил![11]

Как всегда, я старался рассеять свою печаль работой.

И все же к полуночи мне захотелось узнать, выполнены ли мои распоряжения насчет похорон Причарда. Я тихонько вышел и нашел Мишеля сидящим на ступеньках столовой; у его ног лежал труп Причарда.

Скорбь Мишеля не утихала, он стенал и рыдал, как в ту минуту, когда принес мне Причарда на руках.

Но две винных бутылки, которые я счел пустыми, поскольку они лежали на полу, указывали мне на то, что, как при античном погребении, Мишель не пренебрег речами в честь покойного, и я ушел, убежденный: Мишель плакал если и не чистым вином, то, по крайней мере слезами, подкрашенными вином.

Он сам был настолько поглощен своим горем, что не увидел и не услышал меня.

XLVI
СРЕДСТВО, ПРИ ПОМОЩИ КОТОРОГО МИШЕЛЬ ИЗБАВЛЯЛ СОБАК ОТ ПРИВЫЧКИ ПОЕДАТЬ КУР

На следующий день Мишель, так и не ложившийся, разбудил меня на рассвете.

Много говорят о том, как выходит на сцену Тальмá в трагедии «Гамлет» Дюсиса. Я сам видел это два или три раза и могу судить, какое он производил впечатление.

Я всего один раз видел, как Мишель таким входит в мою спальню, но это его появление стерло из моей памяти три выхода Тальмá.

Никогда Тальмá, испуганному видом призрака, не удавалось издать страшный возглас «Ужасный призрак!» таким же леденящим душу образом, каким Мишель, войдя в мою спальню, выкрикнул эти простые слова, трижды повторив их:

— Ах, сударь! Ах, сударь! Ах, сударь!

Я открыл глаза и в свете зарождающегося дня, то есть сквозь пепельный покров того часа, когда солнце еще борется с темнотой, увидел Мишеля — бледного, растрепанного, воздевающего руки к небесам.

— Что еще случилось, Мишель? — спросил я, отчасти встревоженный, отчасти рассерженный тем, что меня разбудили так рано.

— Ах, сударь, вы не знаете, что сделал этот разбойник Катилина?

— Знаю, Мишель, он убил Причарда, мне это известно…

— Ах, сударь! Если бы только это…

— Как, если бы только это? По-моему, этого вполне достаточно!

— Если вы спуститесь в курятник, то увидите.

— Что я увижу? Договаривайте…

— Всеобщее избиение — вот что! Варфоломеевская ночь!

— Наши куры, Мишель?

— Да, сударь, куры, которые стоили сто франков каждая, не считая петуха, которому цены не было.

— Сто франков, Мишель?

— Да, да, сударь, сто франков. И среди них даже была одна, у которой совсем не было перьев, у нее был только пушок, и такой шелковистый. Она стоила сто пятьдесят франков.

— И он всех задушил?..

— Да, сударь, от первой до последней!

— Что ж, Мишель, вчера вы говорили: если Катилина станет душить кур, вы знаете способ избавить его от этого порока…

— Разумеется, сударь.

— Ну что, вы закончили с Причардом?

— Да, сударь, он похоронен под кустом сирени.

И Мишель рукавом смахнул слезу.

— Бедный Причард, он никогда бы такого не сделал!

— Ну, Мишель, на что же вы решитесь в таких ужасных обстоятельствах?..

— Признаюсь, сударь, сегодня утром я готов был взять у вас ружье и покончить с этим мерзавцем Каталиной.

— Мишель, Мишель, подобные крайности хороши были для Цицерона — он был адвокатом, он был напуган и хотел обеспечить победу тоги над оружием; но мы, христиане, знаем: Господь хочет раскаяния, а не смерти грешника.

— Вы думаете, сударь, Катилина когда-нибудь раскается? Как же! Он готов начать все снова. Вчера — Причард, сегодня — куры, его ничто уже не остановит!.. Завтра настанет мой черед, послезавтра — ваш.

— Но, Мишель, в конце концов, у вас есть средство исцелять собак от привычки поедать кур, испробуем его сначала, мы всегда успеем прибегнуть к крайним мерам.

— Это ваше последнее слово, сударь?

— Да, Мишель.

— Хорошо; когда все будет готово, я вам скажу.

Мишель вышел.

Через полчаса я почувствовал, что меня грубо трясут за плечо.

Это Мишель будил меня; должен признаться, несмотря на вчерашнее убийство и утреннюю резню, я снова уснул.

— Готово, сударь, — сказал он.

— Ах, черт! — ответил я. — Значит, я должен встать?

— Да, сударь; если только вы не собираетесь смотреть из окна. Но тогда вы плохо рассмотрите.

— Где состоится казнь, Мишель? Я предполагаю, должна быть казнь?

— На дровяном складе.

— Хорошо, Мишель, идите; я пойду за вами.

Я влез в штаны и куртку, сунул ноги в домашние туфли и вышел.

Мне надо было только выйти за порог, чтобы оказаться на соседнем дровяном складе.

Мишель одной рукой тянул за цепь Каталину, а в другой держал орудие, первое время остававшееся для меня совершенно непонятным.

Это была перекладина из сырого дерева, расколотая посередине; к ней была привязана за шею черная курица — единственная из моих одиннадцати кур, обладавшая такой окраской.

— Если вы пожелаете взглянуть на жертв, — предложил Мишель, — они разложены на столе в столовой.

Я взглянул на стол и в самом деле увидел все мое несчастное пернатое семейство, окровавленное, растерзанное, покрытое грязью.

Я перевел взгляд от стола на Каталину, которого это душераздирающее зрелище оставляло, казалось, совершенно равнодушным.

Его жестокосердие помогло мне решиться.

— Ну, Мишель, — сказал я, — пошли.

Мы вышли.

Был час казни — четыре часа утра.

Мы вошли на пустой дровяной склад и закрыли дверь.

— Так… Теперь, — сказал Мишель, потянув за цепь, — если вы подержите его за ошейник, то увидите, что будет.

Я взял Катилину за ошейник; Мишель схватил его за хвост и, не обращая внимания на рычание, ножом расширил щель в дереве и просунул в нее десять сантиметров хвоста Каталины.

— Отпускайте, сударь — сказал он.

И когда я отпустил ошейник, он одновременно выпустил из рук деревяшку: сжавшись, она больно ущемила преступника за хвост.

Катилина с воплем бросился бежать.

Но он был в плену.

Дерево слишком крепко держало пса за хвост, чтобы какое-нибудь препятствие могло избавить его от этого нового «лекарства».

В то же время курица, крепко привязанная к палке, раскачиваясь от его прыжков, вспрыгивала ему на спину, падала, затем соскакивала ему на плечи, и Катилина, обманутый этой видимостью жизни, решил: это она клюет его, причиняя ему такую боль.

Боль возрастала со скоростью бега; Катилина приходил все в большее смятение. Он останавливался, оборачивался, яростно кусал курицу, затем, решив, что она мертва, снова пускался бежать. Но этот минутный отдых приносил ему лишь более острую боль. Он завизжал: меня это разжалобило, но Мишель

оставался непреклонным. Совершенно обезумевший Катилина бросался на штабеля дров, на стены, скрывался, показывался вновь, гонка делалась все более бешеной до тех пор, пока наконец он — задыхающийся, измученный, побежденный, не в силах больше шага ступить — со стоном не упал на землю.

Тогда Мишель, приблизившись к нему, снова расширил трещину в куске дерева ножом и извлек оттуда окровавленный хвост животного, но оно словно не почувствовало улучшения после окончания пытки.

Мне показалось, что Катилина мертв.

Я подошел к нему: лапы у него были вытянуты, как у загнанного борзыми зайца; один глаз был открыт, и только в нем еще сохранилась искорка жизни, говорившая скорее о присутствии воли, чем силы.

— Мишель, — сказал я, — возьмите кувшин с водой и вылейте ему на голову.

Мишель огляделся. В каком-то чане он заметил воду, набрал ее в пригоршню и вылил на голову Катилине.

Тот чихнул и встряхнул головой — только и всего.

— Ах, сударь, — сказал Мишель, — не слишком ли много чести для этого разбойника. Отнесем его домой, и, если ему суждено оправиться, он оправится.

С этими словами Мишель взял Катилину за загривок, отнес его к дому и бросил на садовой лужайке.

Случай нам помог: во время истязания Катилины небо заволоклось тучами, как во время пира Фиеста.

Правда, поскольку для такого заурядного события гроза — это слишком много и люди из гордости приберегают гром для себя, начался дождь, но без грома и молний.

Дождь постепенно пронял застывшее тело Катилины; он потянулся, затем встал на все четыре лапы, но не смог удержаться, сел и оставался неподвижным, с потухшим взглядом, в состоянии полного бесчувствия.

— Мишель, — сказал я, — думаю, урок оказался слишком жестоким.

Мишель подошел к Катилине, который при этом не выказал ни малейшего страха, приподнял ему губы, открыл и снова закрыл глаза, прокричал ему в уши его кличку.

Никакого впечатления.

— Сударь, — сказал он мне. — Катилина повредился в уме, надо послать его к Санфуршу.

Как известно, Санфурш — это собачий Эскироль. В тот же день Катилину отправили к Санфуршу.

XLVII
ГЛАВА, В КОТОРОЙ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ТО, ЧТО МЫ ГОВОРИЛИ О СХОДСТВЕ ГИБЕЛИ ФЛОРЫ СО СМЕРТЬЮ ЭВРИДИКИ

Вы помните, что мои осерские друзья предложили задержать начало охоты до десятого сентября.

Я написал им, что приеду седьмого вечером и, следовательно, открытие может состояться восьмого.

На этот раз я рассчитывал дольше пробыть в Сен-Бри и взял с собой работы на две-три недели.

Мы так много говорили об охоте, что я не стану утомлять читателей подробностями. Скажу только, что через три недели, увидев довольно заметную беременность Флоры, я попросил моего друга Шарпийона оставить ее в деревне до тех пор, пока она не ощенится.

Шарпийон, знавший, что дети Флоры — потомство Причарда и признавший свою вину перед их отцом, попросил у меня вместо платы за проживание и прокорм права выбрать из помета. Я в свою очередь поставил условие: ни одного щенка не должны утопить, как делают обычно под тем предлогом, что мать слишком слаба для того, чтобы их выкормить.

Проделав примерно четверть пути, я решил навестить своих друзей в Марселе и, для того чтобы оправдать это в своих собственных глазах, подписал с директором марсельского театра Жимназ договор на пьесу «Лесники». Эта пьеса должна была быть написана специально для марсельских артистов и никогда не ставиться в другом театре.

Мой друг Берто великолепно принял меня в своем деревенском доме, носившем название Бланкард.

Я прожил в Марселе около месяца, затем вернулся к Шарпийону, которому пообещал остановиться у него на обратном пути и приехал как раз вовремя, чтобы присутствовать при родах Флоры.

Она произвела на свет пять щенков; отцовство Причарда не признать было невозможно. Каждый выбрал себе одного из них. В двадцать четыре часа все щенята были пристроены. Я удовольствовался тем, кого никто не взял.

Тем временем егерь каждый день, в качестве гигиенической

меры, выгуливал Флору.

На восьмой день он рассказал, что нашел и убил гадюку. Гадюки не редкость в лесах Сен-Бри.

Мы похвалили его за то, что он уменьшил их число.

На следующий день он, как обычно, ушел с Флорой, но вернулся без нее.

Славный малый вы глядел очень огорченным. Он попросил у Шарпийона позволения поговорить с ним наедине.

Вот что произошло и вот о чем он не решился заговорить вслух.

Он гулял там же, где и накануне; проходя по тропинке, где была убита гадюка, Флора почуяла запах трупа, приблизилась к нему и взвизгнула.

Потом она почти сразу же забилась в конвульсиях и издохла.

Наш егерь знал, что следствия без причины не бывает; он стал искать причину несчастья. Шелест травы указал ему на присутствие пресмыкающегося; он вытащил шомпол из своего ружья, раздвинул траву и увидел гадюку, которая пыталась

уползти.

Одним ударом он остановил ее.

Оказалось, что это была не одна гадюка, а две; одна действительно была мертвой, вторая — живой. Убитая накануне оказалась самкой; самец нашел ее издыхающей и, несомненно надеясь вернуть ее к жизни своими объятиями, сплелся с ней, как обычно делают эти гады. Вместе с живой змеей, убившей Флору, егерь подцепил мертвое тело убитой накануне гадюки.

Наверное, именно под воздействием чрезмерной душевной боли, вызванной потерей подруги, яд у самца достиг такой силы, что смог убить Флору в несколько секунд.

Зубные полости гадюк содержат восемь миллиграммов яда; для того чтобы убить собаку, потребуется все восемь миллиграммов, а чтобы убить человека — шестнадцать миллиграммов. Но редко бывает, чтобы при укусе гадюка выпустила весь яд. Однако замечено, что в ярости или в течение самых жарких месяцев этот яд, опасный лишь когда попадает в кровь (глотать его можно безнаказанно) приобретает большую силу.

Одно из этих обстоятельств повлекло за собой мгновенную смерть Флоры.

Как и в любом непоправимом горе, следовало найти утешение. Не успев безмерно привязаться к Флоре, я отдал ей почести, каких она заслуживала, и уехал в Париж.

Прежде всего я навестил Санфурша и, следовательно, Катилину.

Катилина обрел рассудок, но заболел пляской святого Витта, и вид курицы вызывал у него нервный припадок.

Итак, я остался с собакой-инвалидом и с сосунком.

К счастью, первые дни охоты прошли, и у меня было время найти собаку до следующего сезона.

КОММЕНТАРИИ

Мемуарные очерки «История моих животных» («Histoire de mes bêtes») — произведение многоплановое. Оно включает в себя воспоминания автора об его книгах, друзьях, путешествиях, охотах, отрывки из бесед и, конечно, истории животных, в разное время обитавших у него в доме.

Первые двадцать восемь глав этой книги печатались в издававшейся Дюма газете «Мушкетер» («Mousquetaire») с 29.10.1855 по 29.11.1855 под названием «Беседы с моими читателями по поводу одной собаки, двух петухов и одиннадцати кур» («Causeries avec mes lecteurs à propos d'un chien, de deux coqs et de onze poules»); окончание ее печаталось с 18.11.1866 по 11.12.1866 в новой газете Дюма, носившей то же название «Мушкетер».

Первое отдельное издание всего текста книги: Michel Lévy Frères, Paris, 1867.

Перевод именно этого издания выполнен А. Васильковой специально для настоящего Собрания сочинений и сверен Г. Адлером по тому же тексту французского оригинала.

Это первая публикация книги на русском языке.

К главе I

… в Писании сказано, что Господь желает раскаяния, а не смерти грешника. — Вероятно, имеется в виду ветхозаветный текст: «Скажи им: живу я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иезекиль, 33: 11).

Однако, возможно, подразумевается высказывание из Нового завета. Когда Христа не приняли в одном селении, ученики предложили ему молить об истреблении его жителей небесным огнем. На это Иисус отвечал: «Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать» (Лука, 9: 52–56).

… прелестное высказывание Мишле… — Мишле, Жюль (1798–1874) — французский историк и публицист романтического направления, придерживавшийся демократических взглядов; автор многотомных трудов по истории Франции и всеобщей истории.

… Если бы я мог надеяться быть избранным в Академию… —

Имеется в виду Французская академия — объединение виднейших деятелей культуры, науки и политики страны; основана кардиналом Ришелье в 1635 г. Выборы в состав Академии производят сами ее члены из соискателей, которые по собственной инициативе выставляют свои кандидатуры. Членом Академии Дюма так и не стал.

… *мой преемник произнесет похвальное слово в мою честь*… — По правилам Французской академии число ее членов строго фиксировано (40 человек) и новый академик избирается только на место ушедшего из жизни; при этом вновь вступающий в нее должен произнести похвальное слово почившему предшественнику.

… *каким-нибудь вертким вельможей или великим поэтом будущего, каким-нибудь грядущим Ноаем или Вьенне*… — Ноай, Поль, герцог де (1802–1885) — французский политический деятель и писатель, историк; происходил из древнего рода, известного с XI в.; член Палаты пэров с 1827 г.; член Французской академии с 1849 г.; в 1848–1858 гг. выпустил биографию фаворитки Людовика XIV маркизы де Ментенон (1635–1719).

Вьенне, Жан Пьер Гийом (1777–1868) — французский литератор; в возрасте 19 лет пошел в армию, участвовал в республиканских и наполеоновских войнах; придерживался либеральных убеждений, что отразилось в его многочисленных — главным образом сатирических — стихотворных «Посланиях», многие из которых пользовались большим успехом — в их числе «Послание тряпичникам о преступлениях печати» (1827); был также автором ряда трагедий, драм, комедий, которые, однако, никогда не шли; двух исторических романов, поэмы «Франсиада» и сборника «Басни»; с 1827 г. долгие годы был депутатом, в 1839 г. стал пэром; с 1830 г. член Французской академии, где неизменно и ожесточенно выступал против всякого рода литературных новаций и новаторов, что часто делало его предметом нападок и насмешек в прессе и в литературе.

… *Помните ли вы Вальтера Скотта, по отношению к которому мы начинаем проявлять себя достаточно неблагодарными?* — Скотт, Вальтер (1771–1832) — английский писатель и поэт; создатель жанра исторического романа; собиратель и издатель памятников шотландского фольклора; автор исторических и историко-литературных трудов; в XIX в. его романы пользовались в Европе огромной популярностью.

Хотя, по мнению литературоведов. В. Скотт оказал большое

влияние на историческую и романтическую литературу своего времени (в том числе и на самого Дюма), в 30-х гг. XIX в. европейская критика обрушилась на него с достаточно суровыми нападками. Писателя упрекали в искажении истории, в поверхностном ее изображении, отсутствии нравственных идеалов и цельного исторического мировоззрения. Во Франции, в частности, творчество Скотта рассматривалось только с точки зрения литературного романтизма. Возможно, Дюма здесь имеет в виду именно эти обстоятельства.

… Существует одна идея, которая искалечила два или три поколения и которой, возможно, предстоит искалечить еще три или четыре. — Вероятно, речь идет об идее революции как способе установления социальной справедливости. Тема революции — едва ли не главная в творчестве зрелого Дюма. Приведенные слова писателя оказались пророческими.

… Свидетельство тому — пролог «Калигулы», убивший трагедию… — «Калигула» («Caligula») — пятиактная трагедия Дюма, в стихах и с прологом; поставлена во Французском театре 26 декабря 1837 г.; в 1838 г. вышла в парижском издательстве Маршан. В пьесе молодой галл Аквила соглашается убить развратного императора, так как тот соблазнил его невесту, которая, к тому же, была собственная сестра совратителя.

Калигула — Гай Юлий Цезарь Германик (12–41), римский император с 37 г., прозванный Калигулой («Сапожком»), ибо он в детстве носил обувь военного образца; известен развратом и жестокостью; был убит за безудержный произвол.

… свидетельство тому — первый акт «Мадемуазель де Бель-Иль», едва не погубивший комедию. — «Мадемуазель де Бель-Иль» («Mademoiselle de Belle-Isle») — пятиактная драма Дюма, с большим успехом поставленная 2 апреля 1839 г. в театре Французской комедии; в том же году выпущена в издательстве Маршан.

Это остросюжетная комедия положений, в которой недоразумения и неожиданности сменяют друг друга.

… В одном только прологе «Калигулы» нашлось бы довольно того, что могло обеспечить успех пяти таким трагедиям, как «Хлодвиг», как «Артаксеркс», как «Сид Андалусский», как «Пертинакс» и как «Юлиан в Галлии». — «Хлодвиг» — написанная в 1801 г., напечатанная в 1820 г. и поставленная во Французском театре 7 января 1831 г. пятиактная трагедия известного

французского драматурга и поэта, члена Французской академии с 1810 г. Луи Жана Непомюсена Лемерсье (1771–1840).

Хлодвиг I (465/466–511) — король франков с 481 г.; принадлежал к роду Меровингов; положил начало Франкскому государству, завоевав территорию современной Франции к северу от Луары; в 496 г. принял христианство, что обеспечило ему поддержку галлоримского населения и облегчило дальнейшие завоевания.

«Артаксеркс» — в истории французского театра известно несколько пьес с таким названием. В данном случае, скорее всего, имеется в виду пятиактная трагедия Этьенна Жозефа Бернара Дельрьё (1763–1836), написанная по мотивам трагедии французского поэта и драматурга Антуана Марина Лемьера (1723–1793), впервые поставленная в театре Французской комедии в 1808 г. и некоторое время шедшая с большим успехом. Пьеса относится к числу псевдоисторических и имеет самое отдаленное отношение к царю Артаксерксу, чье имя вынесено в ее название.

Артаксеркс — имя нескольких древнеперсидских царей из династии Ахеменидов (IV–II вв. до н. э.).

«Сид Андалусский» — пятиактная трагедия в стихах поэта и драматурга, члена Французской академии Пьера Антуана Лебрёна (1785–1873), представленная в Комеди Франсез 1 марта 1825 г.

«Пертинакс» — последняя трагедия французского драматурга Антуана Венсана Арно (1766–1834), члена Французской академии (1829); впервые сыграна 27 мая 1829 г. в Комеди Франсез; после второго представления сошла со сцены.

Пертинакс Публий Гельвий (126–193) — римский префект, избранный в 192 г. императором; пытался улучшить финансовое положение и упорядочить воинскую дисциплину, ограничить своеволие преторианцев (императорской гвардии) и был убит ими 28 марта 193 г., менее чем через три месяца после восшествия на престол. «Юлиан в Галлии» — по-видимому, речь идет о комедии Жуй (см. примеч. к гл. XLIV), написанной в 1825 г. и разрешенной цензурой в 1827 г.

Флавий Клавдий Юлиан, прозванный Отступником (332–363) — племянник римского императора Константина I, с 355 г. соправитель своего двоюродного брата императора Констанция II (317–361, правил с 337 г.) и наместник Галлии; в 360 г. провозглашен солдатами императором; провел ряд реформ и неудачно пытался восстановить язычество в качестве государственной религии; живя в Галлии, избрал своей резиденцией город Лютецию на Сене — будущий Париж; развалины его дворца на левом берегу реки сохранились до сих

пор..

… Подайте им луковый суп — некоторые, возможно, поморщатся… — Луковый суп — простонародное блюдо французской кухни, подававшееся обычно в дешевых кабачках.

… пообедали словно у Лукулла. — Лукулл, Луций Лициний (ок. 117 — ок. 56 до н. э.) — древнеримский полководец, славившийся своим богатством, роскошью в жизни и пирами.

… подаю своих куропаток и фазанов, своих палтусов, своих омаров, свои ананасы, не приберегая их на десерт… — Палтусы — общее название трех родов рыб отряда камбалообразных; водятся в северной части Атлантического и Тихого океанов; ценный объект промысла.

Омары — род морских беспозвоночных, внешне похожих на речных раков, но значительно больше их; достигают 32 см в длину и 7 кг веса; во французской кухне мясо омара считается деликатесом и приготавливается многими способами.

… вы видите рагу из кролика, сыр грюйер и кривитесь… — Грюйер — сорт швейцарского сыра; приготовляется из коровьего молока; название получил от местности Грюйер в Швейцарии.

К главе II

… Он застанет меня в Монте-Кристо. — Монте-Кристо — роскошно отделанный замок с пышным садом, построенный Дюма в сер. 40-х гг. XIX в. близ селения Марли-ле-Руа у западных окраин Парижа; над его украшением работали друзья и знакомые Дюма, художники и скульпторы. «Монте-Кристо — это одно из самых восхитительных безумств, когда либо совершенных», — писал в Россию графине Эвелине Ганской 2 августа 1848 г., посетив замок, Оноре де Бальзак. После революции 1848 года в связи с финансовыми трудностями Дюма замок был продан.

Замок сохранился до настоящего времени, и сейчас там стараниями местной коммуны создан музей Дюма. В рабочем кабинете писателя специальная полка выделена для томов настоящего Собрания сочинений, и она пополняется по мере их выхода.

… я ждал к обеду Меленга с женой и двумя детьми. — Меленг, Этьенн Марен (1808–1875) — французский актер и скульптор.

Начало его карьеры было трудным, он несколько раз оказывался в театрах, вскоре разорявшихся, и вынужден был начинать все снова; некоторое время работал на Антильских островах в Центральной Америке как актер и скульптор; вернулся во Францию в нач. 30-х гг. и случайно оказался занят в одном спектакле с гастролировавшей в Руане госпожой Дорваль (см. примеч. к гл. XIX); та дала ему рекомендательное письмо к Дюма. Поддержка Дюма и прославленной актрисы мадемуазель Марс (1779–1847), скульптурный портрет которой выполнил Меленг, а также счастливый случай знаменовали поворот в его карьере, и в течение многих лет он был любимцем публики, особенно в пьесах с эффектной любовной интригой, приключениями, ударами шпаги и т. п. Яркой страницей его биографии было исполнение им роли Бенвенуто Челлини в популярной одноименной драме известного французского романиста и драматурга Поля (точнее: Франсуа Поля) Мёриса (1818–1905), впервые поставленной в театре Порт-Сен-Мартен в 1852 г. В этой роли он использовал свой талант скульптора и на каждом спектакле, на глазах у зрителей, успевал слепить за 15 минут изящную статуэтку Гебы.

Госпожа Меленг — Теодорина Тьессе, французская актриса; играла в парижских театрах Порт-Сен-Мартен, Комеди Франсез, Амбигю-комик; жена Этьенна Меленга.

Челлини, Бенвенуто (1500–1571) — знаменитый итальянский ювелир и скульптор, автор прославленных мемуаров; родился и учился во Флоренции, работал в разных городах Италии; некоторое время жил во Франции; провел на родине последние 20 лет своей жизни.

… *В Пеке они наняли карету.* — Пек (Ле-Пек) — небольшой городок чуть южнее Сен-Жермена; существует с VII в.

… *На дороге в Марли.* — Марли (точнее: Марли-ле-Руа) — селение у западных окраин Парижа; там во второй пол. XVII в. Людовиком XIV был построен в качестве личной резиденции окруженный садами замок, который во время Революции был разрушен.

… *величайшим любителем ловли на манок в лесу Виллер-Котре.* — Виллер-Котре — небольшой город в департаменте Эна к северо-востоку от Парижа и в 20 км к юго-западу от Суасона; родина Дюма.

… *Сошлюсь на свои «Мемуары» и на историю жизни и приключений Анжа Питу.* — Книга «Мои мемуары» («Mes

mémoires») была опубликована в газете «Пресса» (16.12.1851–26.10.1853; 10.11.1853; 12.05.1855) и вышла отдельным изданием в 22 томах в издательстве Кадо в Париже в 1852–1854 гг. «Мемуары» охватывают период 1802–1833 гг. О том, как он в детстве учился ловле птиц, Дюма рассказывает в главах XL–XLI.

Роман Дюма «Анж Питу» печатался в газете «Пресса» с 17.12.1850 по 26.06.1851. Заглавный его герой — юноша-крестьянин, участник Великой французской революции.

Здесь имеется в виду эпизод из главы II романа.

… не *обладая простодушием Адама и не облачаясь в его костюм, владел уменьшенной копией земного рая.* — Согласно Библии, создав первого человека Адама и его жену Еву, Бог поселил их «в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его». «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Бытие, 2: 15, 25). Отсюда возникли выражения «костюм Адама», «человек в костюме Адама». Только после своего грехопадения супруги устыдились и сшили себе пояса из листьев.

… *У меня был гриф Диоген.* — Грифы — семейство крупных хищных птиц с голой шеей; питаются падалью.

Диоген Синопский (ок. 400 — ок. 325 до н. э.) — древнегреческий философ-моралист, отличавшийся крайним аскетизмом (к примеру, жил в бочке).

… *Как сказал один великий публицист — я назвал бы вам… но боюсь ошибиться, — «частная жизнь должна быть обнесена каменной стеной».* — Это выражение принадлежит французскому философу, члену Палаты депутатов, сторонникуконституционной монархии Пьеру Полю Ройе-Коллару (правильнее: Руайе; 1763–1845). Оно впервые прозвучало на заседании Палаты 27 апреля 1819 г. и было повторено им 7 марта 1827 г. (это высказывание Ройе-Коллара цитировал и Талейран).

… *большой красно-синий попугай, по имени Бюва.* — Каллиграф Бюва — герой романа Дюма «Шевалье д’Арманталь» (см. примеч. к гл. XLI), историческое лицо.

… *в саду дома на Амстердамской улице, где я живу в настоящее время…* — Амстердамская улица названа по имени столицы Нидерландов; возникла в северной части Парижа в 1826 г. вместе с целым рядом других улиц, проложенных по соседству в 20–40-х гг. XIX в. и получивших названия в честь главных городов стран Европы. Дюма жил на ней с сентября

1854 г. по 1859 г. в доме № 77.

… *петух по кличке Мальбрук.* — Мальбрук — герой популярной народной песни о Мальбруке, собравшемся на войну; эта песня известна во Франции (а в местных вариантах и в некоторых соседних с ней странах), по крайней мере, с сер. XVI в., если не раньше. Специалисты считают, что прообразом ее героя был, возможно, некий рыцарь, участвовавший в крестовых походах; однако с нач. XVIII в. этот герой стал ассоциироваться с английским полководцем Джоном Черчиллем, герцогом Мальборо (1650–1722), неоднократно и успешно воевавшим с французами. Непосредственным поводом для возникновения широко распространившейся «классической» редакции этой песни было ложное известие о гибели Мальборо в победоносной для него и неудачной для французов битве при Мальплаке (1709).

… *Цапля по кличке Карл Пятый.* — Карл V (1500–1558) — император Священной Римской империи в 1519–1556 гг.

… *Сука, именуемая Флорой.* — Флора — древнеиталийская богиня цветов, юности и удовольствий.

… *Пес, сначала прозывавшийся Катина́, а впоследствии — Катилина.* — Катина́, Никола де (1637–1712) — маршал Франции, один из крупных полководцев эпохи Людовика XIV. Сын советника Парижского парламента, он по семейной традиции вступил было на судейское поприще, но в возрасте 23 лет от него отказался (как утверждают, проиграв в суде дело, которое считал справедливым) и поступил на военную службу, где сделал блестящую карьеру исключительно благодаря своим талантам и храбрости. На глазах у Людовика XIV он так отличился при осаде Лилля (1667), что король произвел его в обход всех правил в офицеры своих гвардейцев.

Катилина, Луций Сергий (ок. 108–62 до н. э.) — древнеримский политический деятель; в 66 и 63–62 гг. до н. э. дважды составлял заговоры с целью насильственного захвата власти в Риме.

К главе III

… *Причард был шотландский пойнтер.* — Пойнтер — порода гладкошерстных охотничьих легавых собак средней величины; используется в охоте с ружьем на полевую и боровую дичь;

отличается превосходным верхним чутьем и абсолютно неподвижной стойкой; выведен в Англии в сер. XVIII в.

… охотиться под ружейным дулом, как брак, спаниель или барбе… — Брак — порода небольших гладкошерстных охотничьих собак, имеющая во Франции несколько местных разновидностей. Наиболее известен старофранцузский брак — эта древнейшая порода французских легавых сохранилась только на юге Франции, однако встречается также, хотя и с примесью кровей других пород легавых, в России.

Спаниели — группа нескольких пород небольших собак, используемых для спортивной охоты на водоплавающую, боровую и болотную дичь; выведены в XV–XVI вв. в Англии; такое название получили, согласно одной из версий, потому что их предками были собаки, вывезенные из Испании; значительно распространены в настоящее время.

Барбе — порода охотничьих собак с длинной и курчавой шерстью; разновидность спаниелей.

… остается неподвижным, словно собака Кефала. — Кефал — в древнегреческой мифологии страстный охотник, владелец чудесного быстроногого пса Лайлапа (Лелапа), обладавшего способностью не упускать любую преследуемую им добычу; во время охоты на неуловимую Тевмесскую лисицу, посланную в наказание городу Фивы богами и опустошавшую его окрестности (ее можно было умилостивить, только жертвуя ей каждый месяц младенца), и пес и лисица были превращены Зевсом в камень.

… гигантскую лисицу, посланную Фемидой, чтобы отомстить фивянам… — Неуловимая Тевмесская лисица послана в наказание городу Фивы богами и опустошавшая его окрестности (ее можно было умилостивить, только жертвуя ей каждый месяц младенца).

Фемида (Темида, Темис) — в древнегреческой мифологии богиня правосудия.

… двенадцать жертв в год, всего на две меньше, чем требовалось Минотавру… — Минотавр — в древнегреческой мифологии сказочное чудовище, получеловек-полубык; жил на острове Крит в специально построенном дворце-лабиринте, из которого не было выхода, и питался человеческим мясом; через определенное время ему на съедение доставлялась т. н. «критская дань» — семь юношей и семь девушек из города Афины. Так продолжалось до тех пор, пока герой Тесей не убил Минотавра.

… Я отправился в Ам навестить узника, к которому испытывал глубокое уважение. — Ам (Гам) — небольшой город в департаменте Сомма близ бельгийской границы; в его замок, много веков служивший тюрьмой, в 1840 г. после неудачной попытки государственного переворота был заключен племянник императора Наполеона I Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873); он бежал оттуда в 1846 г., переодевшись каменщиком.

В 1848 г. Луи Бонапарт был избран президентом Второй Французской республики, 2 декабря 1851 г. совершил государственный переворот и установил режим личной власти, а ровно через год провозгласил себя императором под именем Наполеон III; в 1870 г. в результате поражений во Франко-прусской войне был свергнут.

… Софокл говорит: «Чтите несчастье; оно от богов достается!» — Софокл (ок. 497–406 до н. э.) — великий древнегреческий драматург, наряду с Эсхилом и Еврипидом создал и развил жанр классической древнеаттической трагедии; написал более 120 пьес; до нас дошли семь его трагедий и более девяноста отрывков; наиболее известны его трагедии «Электра», «Царь Эдип», «Эдип в Колоне», «Антигона»; его творчество оказало огромное влияние на мировую литературу и драматическое искусство.

… не путать с г-ном Лера де Маньито… — Лера де Маньито — комиссар полиции второго округа Парижа, занимающего часть центра города от королевских дворцов до Бульваров.

… он повез меня на ярмарку в Шони, где я купил двух лошадей… — Шони — город в Северной Франции на реке Уаза, в департаменте Эна, в 18 км к юго-востоку от Ама; возвышается над небольшой долиной; известен своими заводами, полотняными и вязальными фабриками, производством шерстяных материй и кожевенных изделий.

… и в замок Куси, где я поднялся на башню. — Куси — феодальный замок-крепость на севере Франции, построенный в XIII в.; состоял из широкой круглой главной башни (донжона), окруженной более низкими стенами с башнями; считался самым красивым военным сооружением средних веков в Европе; в 1917 г. во время первой мировой войны разрушен немецкими оккупантами.

… а из «Дон Кихота Ламанчского» — что «не всяк монах, на ком клобук…» — «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605–1616) — роман Сервантеса.

… Поверив Сервантесу и Сенеке… — Мигель Сервантес де Сааведра (1547–1616) — великий испанский писатель эпохи Возрождения; первоначально был солдатом и отличился в войне с турками, получил тяжелое ранение; автор многочисленных новелл, пьес и романов, из которых мировую славу ему принес «Дон Кихот».

Сенека, Луций Анней, Младший (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.) — древнеримский философ, государственный деятель и писатель; автор нескольких драматических произведений на сюжеты древнегреческой мифологии (среди них трагедия «Эдип», написанная ок. 60 г.) и философских «Нравственных писем к Луцилию».

… Дети называют его Причардом, — сказал он мне со смехом. — Озорной пес Причард, являющийся, по сути, главным героем «Истории моих животных», назван, вполне вероятно, по имени исторического лица. В 1842–1844 гг. между Францией и Англией разыгрался дипломатический конфликт из-за острова Таити в Тихом океане, формально самостоятельного государства. В сентябре 1842 г. над островом был установлен французский протекторат, что вызвало резкий протест британской дипломатии. Английский миссионер и консул на Таити, а к тому же еще торговец и аптекарь, Джордж Причард (Притчард; род. в 1796 г.) в конце 1843 г. поднял на острове восстание туземцев, за что был арестован французами. Эти события получили большой резонанс во французском обществе, приветствовавшем действия своих моряков и военных.

… Вернувшись в Сен-Жермен — тогда я еще не жил в Монте-Кристо… — Сен-Жермен (Сен-Жермен-ан-Ле) — город в 21 км к западу от Парижа; известен старинным замком, до сер. XVII в. одной из королевских резиденций. Дюма жил в Сен-Жермене с мая 1844 г. по весну 1845 г. в «Домике Генриха IV», а затем до июня 1847 г. на вилле Медичи, после чего ему пришлось переехать в свой замок Монте-Кристо, хотя тот еще не был полностью закончен.

… одна из моих лошадей заболела кожным сапом… — Сап — хроническая болезнь лошадей, верблюдов, кошек и людей; ее симптомы: специфические узелки, а затем язвы в органах

дыхания и на коже; заболевших ею животных уничтожают.

К главе IV

… В лесу Везине жил мой старый друг. — Вези не — лес в западных окрестностях Парижа; расположен в излучине Сены у городков Шату, Круасси и Ле-Пек; его пересекает дорога на Сен-Жермен; остаток древнейшего леса.

… Его звали Ватрен… — Ватрен, Бернар — реальное лицо, один из друзей Дюма по Виллер-Котре, сын старшего лесника и сам лесник; персонаж романа «Катрин Блюм» (см. ниже).

… его отец служил лесником в той части леса Виллер-Котре, где у моего отца было разрешение на право охоты. — Ватрен-отец — реальное лицо, упоминаемое в ряде произведений Дюма и в его «Мемуарах».

Дюма Дави де ла Пайетри, Тома Александр (1762–1806) — отец писателя; мулат с острова Сан-Доминго (соврем. Гаити), сын французского дворянина-плантатора и рабыни-негритянки; с 1789 г. — солдат королевской армии; с 1792 г. — офицер армии Французской республики; с 1793 г. — генерал; горячий республиканец, прославившийся своим гуманным отношением к солдатам и мирному населению, легендарными подвигами и физической силой; тяжело больной, вышел в отставку в 1802 г.

В Виллер-Котре будущий генерал попал в августе 1789 г. в составе отряда драгун, который прибыл туда для наведения порядка; там и состоялась его встреча с уроженкой этого города Мари Луизой Лабуре, матерью Дюма (поженились они 28 ноября 1792 г.). В 1802 г. отставной сорокалетний генерал поселился с семьей в окрестности Виллер-Котре и жил там до самой своей смерти.

… был одним из самых деятельных старших лесников в Сен-Жерменском лесу. — Сен-Жерменский лес — старинный и красивый лес, простирающийся к северу от города Сен-Жермен на пространстве 4400 га по всей возвышенной части территории в излучине Сены; около городов переходит в парки; место охоты.

… переночуем у Коллине… — Коллине — реальное лицо, владелец кафе-ресторана «Домик Генриха IV», находившегося на углу большой террасы (она расположена на высоком берегу Сены, и с нее открывается прекрасный вид на Париж) в Сен-Жермен-ан-

Ле, в здании, бывшем ранее часовней замка французского короля Генриха IV (см. примеч. к гл. XXXVII). Дюма жил в этом здании с мая 1844 по весну 1845 гг.

… закажите ему… котлеты по-беарнски… — Беарн — историческая провинция на юго-западе Франции. Генрих IV родился там и имел прозвище «Беарнец».

… Лафонтен, которого упорно называют «старичок Лафонтен», как Плутарха называют «старичок Плутарх», сочинил басню о сойке. Он озаглавил эту басню «Сойка, нарядившаяся в павлиньи перья». — Героиня этой басни Лафонтена, сделав себе павлиний хвост, подверглась всеобщему осмеянию: ее не признавали своей ни сородичи, ни павлины. Содержание басни было заимствовано Лафонтеном у античных баснописцев. На русском языке она известна под названием «Ворона» в изложении И. А. Крылова (1769–1814).

Жана де Лафонтена (1621–1695) — французский писатель и поэт.

Сойка — птица семейства вороновых; истребляет вредных насекомых, разоряет гнёзда мелких птиц.

Плутарх (ок. 45 — ок. 125) — древнегреческий писатель и историк; автор «Сравнительных жизнеописаний» знаменитых греков и римлян.

… миф о Сатурне, пожиравшем своих детей… — Сатурн — один из богов Древнего Рима, позднее отождествленный с древнегреческим Кроном (Кроносом), символом неумолимого времени. Согласно греческой мифологии, Кронос, свергнувший своего отца Урана и опасавшийся, что так же поступят и с ним собственные дети, сразу же пожирал новорожденных.

… покрыв его дроком и папоротником… — Дрок — род кустарников из семейства бобовых; растет главным образом в Средиземноморье, а также в умеренном поясе Европы.

… Ватрену — у кого я дружески позаимствовал его имя, чтобы одарить им главного героя моего романа «Катрин Блюм»… — «Катрин Блюм» («Catherine Blum») — детективный роман Дюма, впервые публиковавшийся в газете «Страна» («Le Pays») с 21.12.1853 по 19.01.1854, а затем в двух томах в парижском издательстве Кадо в 1854 г.

К главе V

… его ноги в длинных кожаных гетрах… — Гетры — часть одежды (из материи или кожи), покрывающая ноги от ступни до колен и заменяющая голенища сапог.

… наполниться подобно амфоре принцессы Навсикаи у источника или кувшину Рахили у колодца. — Амфора — в Древней Греции и Риме овальный сосуд с узким горлышком и двумя ручками, сделанный обычно из глины (с росписью или без нее), а также из металла (бронзы, серебра, золота), дерева или стекла; предназначался для хранения вина и масла.

Навсикая (Навзикая) — в древнегреческой мифологии, в «Одиссее» Гомера и античных трагедиях прекрасная царевна племени феаков; придя к морю вместе с подругами и рабынями стирать белье, она нашла на берегу моря Одиссея, потерпевшего кораблекрушение во время своих странствий, одела его и отвела в дом отца, который помог ему вернуться на родину.

Рахиль — библейский персонаж; младшая дочь Лавана, любимая жена прародителя древних евреев Иакова; он встретил ее у колодца и получил в жены как вознаграждение за четырнадцать лет работы. После долгого ожидания она стала матерью Иосифа, а затем Вениамина и умерла во время родов (Бытие, 29–35).

… не увлекается новшествами и пренебрегает химией… — То есть спичками, которые стали входить в оборот во Франции в 40-е гг. XIX в.

… Вечный жид был не лучше его приспособлен к ходьбе. — Вечный жид (или Агасфер) — персонаж средневековых народных легенд: иудей, ударивший Христа во время его шествия на казнь, а по другой версии — не разрешивший Иисусу отдохнуть у своего порога. За этот грех Агасфер был обречен скитаться по земле в ожидании второго пришествия Христа. Легенда о Вечном жиде обработана Дюма в романе «Исаак Лакедем» (1852–1853).

… Перед принцем он снимает с головы шляпу… — Принцами в средневековой Франции назывались члены царствующего дома и высшие аристократы, потомки независимых и полунезависимых владетелей. В XIX в. это название сохранилось лишь за сыновьями и родственниками монарха.

… ни на одну линию не раздвигает зубов… — Линия — единица измерения малых длин, применявшаяся до введения метрической системы (1/12 или 1/10 часть дюйма); французская

линия равнялась 2,2558 мм.

… с *каким кабаном вы имеете дело: молодым, трехлетком, двухлетком, одинцом или четырехлетком…* — Кабан (дикая свинья, вепрь) — парнокопытное животное семейства свиней; охота на них нелегка и требует особой осторожности. Опасность, которую представляет кабан, зависит от его возраста. Трехгранные острые клыки направлены у молодых животных прямо вперед и образуют грозное оружие; наиболее опасны они у трехлеток, а на четвертом году жизни животного начинают загибаться и тупиться.

… *он отличает секача от самки…* — Секач — взрослый самец кабана.

… *на английскую легавую суку с двойным нюхом…* — Легавые (т. е. «ложащиеся» перед дичью) — группа пород охотничьих собак, гладко- и жесткошерстных; используются для охоты на пернатую дичь; обладая хорошим обонянием, разыскивают дичь и стойкой указывают охотнику место ее нахождения; разводятся во многих странах.

… *вернулся на виллу Медичи.* — Вилла Медичи — большой дом в Сен-Жермене, на краю парка; Дюма жил здесь с весны 1845 г. по июнь 1847 г., наблюдая за строительством замка Монте-Кристо; сюда приезжали друзья писателя и претендующие на это звание актрисы, а также дамы полусвета; уже здесь содержался целый зверинец: собаки, кошки, обезьяны, павлины, попугаи, фазаны и другая домашняя птица; в конце июня 1847 г. владелец виллы заявил, что собирается продавать ее, и Дюма переехал в свой недостроенный замок.

Вилла была названа в честь флорентийского рода Медичи, сыгравшего важную роль в истории средневековой истории Италии; представители этого семейства правили Флоренцией (с перерывами) с нач. XV в. до нач. XVIII в.

… *Мишелю — моему садовнику, привратнику и доверенному лицу…* — Фердинан Огюстен Мишель (род. в 1816 г.) — садовник на вилле Медичи, затем в замке Монте-Кристо, а после его продажи — кассир в журнале «Мушкетер».

… *дрался с большой пиренейской собакой…* — Пиренейская собака — крупная испанская овчарка.

… пиренейского пса звали Мутоном, но вовсе не из-за его нрава… — Мутон (фр. mouton) означает «баран».

… подобно отцу из «Узницы» г-на д'Арленкура… — Арленкур, Шарль Виктор, Прево д' (1788–1856) — французский литератор: поэт, драматург, публицист, но главным образом крайне плодовитый романист; выходец из знатной и богатой семьи, он не носил титула виконта, который ему нередко ошибочно приписывают; писал по преимуществу исторические романы; находился под влиянием английского готического романа ужасов с его запутанной интригой, таинственными героями и т. п. Несмотря на тяжелый и не вполне правильный язык, напыщенный стиль и неправдоподобность многих ситуаций, его романы, написанные с несомненным темпераментом, имели большой успех во времена Реставрации. При Июльской монархии, которую он не принял, продолжал писать исторические романы, однако с явной политической тенденцией, направляя их против «узурпатора трона» — короля Луи Филиппа (см. примеч. к гл. XXIII); после революции 1848 года написал несколько брошюр в защиту легитимизма и прав наследника Бурбонов графа Шамбора (за одну из них подвергся преследованиям). Однако в целом творчество д'Арленкура и сам автор к тому времени воспринимались уже, как правило, иронически.

… заговорил на бельгийский лад. — То есть на диалекте французского языка, на котором говорят валлоны — народность, населяющая Южную Бельгию.

К главе VI

… подобно мешанину во дворянстве, который, сам того не подозревая, говорил прозой… — Имеется в виду Журден — глупый и богатый буржуа, стремящийся вести аристократический образ жизни; главный герой комедии-балета «Мещанин во дворянстве» Мольера. В одной из сцен пьесы Журден с удивлением узнает, что он, оказывается, всю жизнь, более сорока лет, говорит прозой, даже не подозревая об этом (11,6).

… он — Картуш, Мандрен, Пулайе, Артифаль! — Картуш (настоящее имя — Луи Доменик Бургиньон; 1693–1721) — знаменитый французский разбойник, действовавший в Париже и его окрестностях; отличался дерзостью, ловкостью и определенным организаторским талантом; был выдан властям

своим другом и колесован; имя его стало нарицательным. История Картуша стала сюжетом для ряда литературных произведений. Молва окружила его имя легендами.

Мандрен, Луи (1724–1755) — знаменитый французский фальшивомонетчик и предводитель шайки контрабандистов.

Пулайе — французский разбойник, упоминается в повести «День в Фонтене-о-Роз».

Артифаль — персонаж повести «День в Фонтене-о-Роз», разбойник.

… *беседовали о подвигах — не воинских и любовных, подобно совершенным Амадисом, а об охотничьих.* — Амадис — доблестный и галантный рыцарь, герой многих рыцарских романов, примыкающих к циклу сказаний о короле древних бриттов Артуре; древнейший из них — «Амадис Галльский» португальца Васко де Лобейра (1370).

… *важно прохаживался по Пекскому мосту*… — По Пекскому мосту через Сену проходит дорога из Парижа в Сен-Жермен.

… *вы заговорили с овернским выговором.* — Овернцы — жители Оверни, в XVIII–XIX вв. отсталого в экономическом и культурном отношении района; многие овернцы уезжали оттуда на заработки в другие места и даже за границу. Особенно много их оседало в Париже, где они занимались неквалифицированным трудом и без конца давали поводы для насмешек парижан.

В XIX в. слово «овернец» стало на французском языке синонимом понятий «идиот», «тупица» и т. п.

… С *таким же успехом мы могли схватить Борея, похищающего Орифию.* — Орифия — дочь мифического афинского царя Эрехфея (или Эрехтея), похищенная Бореем и унесенная им во Фракию, где он женился на ней.

Борей — бог северных ветров, сын титана Астрея и богини утренней зари Эос.

К главе VII

Вино из Луаре. — Речь идет об ординарных винах, изготавливающихся в департаменте Луаре в основном фабричным способом. Резкий рост городского населения при Генрихе IV привел к увеличению спроса на ординарные вина и к почти полному исчезновению прекрасных вин Орлеана и его окрестностей; низкосортный виноград вытеснял ценные сорта.

… павильон, где разрешаюсь от бремени Анна Австрийская… — Анна Австрийская — французская королева (1615), жена Людовика XIII; в 1643–1651 гг. — регентша при своем малолетнем сыне Людовике XIV.

… окно, через которое сияющий Людовик XIII показал народу своего сына — Людовика XIV. — Людовик XIII (1601–1643) — король Франции с 1610 г.

Рождение в 1638 г. престолонаследника — будущего Людовика XIV — было огромной радостью для короля и для всей Франции: до того в течение 23 лет брак королевской четы был бесплоден.

… Возьмите на Сен-Жерменской железной дороге билет до Везине… — Железная дорога на Сен-Жермен начала действовать в 1837 г. Поезда туда уходили с вокзала Со в южной части Парижа, у заставы Анфер; в настоящее время этот вокзал не существует.

Везине (Ле-Везине) — небольшой город западнее Парижа, на пути в Сен-Жермен, к югу от леса Везине.

… он поднимется с вами по Сене до Сен-Клу… — Сен-Клу — небольшой город на Сене у юго-западной окраины Парижа; известен был дворцом, окруженным большим парком; его построил во второй пол. XVII в. герцог Орлеанский, брат Людовика XIV; ныне дворец не существует. Сен-Клу лежит выше Сен-Жермена по течению Сены, которая делает между этими двумя городами большую петлю.

… Госпожа Ватрен испуганно взглянула на нас. — Госпожа Ватрен, урожденная Луиза Брезет — жена Ватрена, знакомая Дюма по Виллер-Котре, племянница его учителя танцев; выведена в романе «Катрин Блюм».

… Бедный генерал! — Последние годы своей жизни генерал Дюма, убежденный республиканец, провел в опале у наполеоновского режима; кроме того, он жестоко страдал от последствий отравления в неаполитанском плену (1799–1801).

К главе VIII

… Подобно Аяксу, я собирался прибавить: «Невзирая на волю богов!» — Аякс (или Эант), сын Оилея, называемый Малым, один

из греческих героев, осаждавших Трою, возвращаясь после войны домой, в бурю потерпел кораблекрушение, но был спасен богом моря Посейдоном (рим. Нептуном). Однако обуянный гордыней, Аякс воскликнул, что спасся вопреки воле богов. Тогда разгневанный Посейдон обрушил скалу, на которую он выбросил Аякса, и тот погиб.

… мне сказал это господин Изидор Жоффруа Сент-Илер в последний раз, когда я ходил за яйцами в Ботанический сад… — Жоффруа Сент-Илер, Изидор (1805–1861) — французский зоолог, сын зоолога Этьенна Жоффруа Сент-Илера (см. примеч. к гл. XXVIII); с 1837 г. ассистент отца по кафедре зоологии при музее естествознания, с 1844 г. профессор; член Академии наук с 1833 г., автор ряда работ по зоологии; написал также биографию своего отца; в 1838–1850 гг. занимал в Ботаническом саду кафедру зоологии позвоночных.

Ботанический сад — научно-исследовательское и учебное заведение в Париже; включает в себя Музей естественной истории, коллекции животных и растений; создан в кон. XVIII в. на базе собственно ботанического сада, основанного в 1626 г.; помещается на восточной окраине старого Парижа на левом берегу Сены в предместье Сен-Виктор.

… в словаре Бешереля… на десять тысяч слов больше, чем в Академическом… — Бешерель, Луи Никола (1802–1884) — французский филолог, библиотекарь Лувра; ему принадлежат исследования по грамматике французского языка; издал известный «Национальный словарь, или Большой критический словарь французского языка» («Dictionnaire national, ou Grand dictionnaire critique de la langue française»), считавшийся в свое время лучшим словарем, и положил основание толковым словарям типа Ларусса, Газье и др. Первое издание этого словаря вышло тремя тиражами в 1844, 1845 и 1846 гг., а восьмое — в 1860 г., в год выпуска «Истории моих животных». Его же изданием был «Национальный словарь, или Всеобщий словарь французского языка» («Dictionnaire national, ou Dictionnaire universel de la langue française»), тоже переиздававшийся неоднократно.

Французская академия начала работу над словарем французского языка с 1638 г.; первое издание его вышло в свет в 1694 г.; второе — в 1718 г.; третье — в 1740 г.; четвертое — в 1762 г.; пятое — в 1798 г., а шестое — в 1835 г.

… фрикасе из цыпленка… — Фрикасе — мелко нарезанное

вареное или жареное мясо с приправой.

… Откройте Брийа-Саварена… — Брийа-Саварен, Ансельм (1755–1826) — французский писатель; автор книги «Физиология вкуса» («Physiologie du goût», 1825).

… учился ли я играть на скрипке?.. Три года — читайте мои «Мемуары». — См. главу XXIII «Мемуаров» (см. примеч. к гл. I). В возрасте от 9 до 12 лет Дюма учился музыке в Виллер-Котре у местного органиста Антуана Никола Иро (1766–1836).

… я не господин Энгр и не Рафаэль, чтобы обладать подобного рода упорством. — Энгр, Жан Огюст Доминик (1780–1867) — выдающийся французский художник; как и большинство художников того времени, создал большие живописные полотна на исторические, мифологические и религиозные темы, выполненные в классической манере, которая несколько напоминает его учителя, знаменитого французского художника-классициста Жака Луи Давида (1748–1825); одновременно оставил замечательные по мастерству и психологической глубине портреты; славился также как мастер изображения обнаженной натуры и превосходный рисовальщик.

Рафаэль Санти (1483–1520) — выдающийся итальянский художник и архитектор, представитель Высокого Возрождения.

… покинув коллеж, они заставляют говорить о себе не в связи с почетными наградами. — Коллеж — в XIX в. во Франции среднее учебное заведение, иногда закрытое.

К главе IX

… этот дамоклов меч продолжает угрожать… — Дамоклов меч — в переносном смысле близкая и грозная опасность, нависшая над видимым благополучием. По преданию, Дамокл, любимец сиракузского тирана Дионисия I Старшего (ок. 432–367 до н. э.; правил с 406 г. до н. э.), завидовал богатству, власти и счастью своего повелителя. Чтобы показать непрочность своего положения, Дионисий посадил Дамокла на пиру в качестве правителя, но при этом велел повесить над его головой на конском волосе меч. Увидев такое, Дамокл понял призрачность счастья и благополучия тирана.

… Сержант-инструктор национальной гвардии… —

Национальная гвардия — часть вооруженных сил Франции, гражданская добровольческая милиция, возникшая в первые месяцы Великой французской революции (летом 1789 г.) в противовес королевской армии и просуществовавшая до 1872 г. Национальные гвардейцы, обладая оружием, продолжали жить дома, заниматься своей основной профессией, и время от времени призывались для несения сторожевой службы (обычно в порядке очередности, а в чрезвычайных ситуациях — поголовно).

… *словно русский крепостной, приговоренный к наказанию кнутом.* — Крепостной — в России XIX в. крестьянин, живший на земле помещика, который распоряжался его личностью, трудом и имуществом. Положение русского крепостного XIX в. мало отличалось от положения античного раба. Крепостное право было отменено в России 19 февраля 1861 г.

Удары кнутом — известное с давних пор судебное наказание в России. Кнут часто употреблялся в литературе как символ царского самодержавия; слово knout вошло во французский язык, и именно его употребил здесь Дюма.

Дюма посвятил теме крепостного права в России свои «Письма из Петербурга» («Lettres de Saint-Petersbourg»; другое их название «Lettres sur l'emancipation des esclaves en Russie» — «Письма об освобождении рабов в России»), опубликованные в газете «Век» (21.12.1858–10.03.1859).

… *качая головой, как человек, слабо убежденный в истине евангельского утверждения: «Ищите, и найдете».* — «Ищите, и найдете» — слова Христа из молитвы о благих дарах Божьих (Матфей, 7: 7).

К главе X

… *горчичным глазом, блестевшим, словно топаз.* — Топаз — прозрачный драгоценный камень второго класса; бывает винно-желтого, голубого, розового и др. цветов.

… *число «три» угодно богам.* — Число «три» во многих древних религиях считалось священным, что выражалось в существовании божественных триад — групп из трех родственных богов, постепенно сливавшихся в одно триединое божество. Это понятие и священство числа «три» воплотилось в христианскую Троицу — триединство Бога Отца (Яхве, или Саваофа), Бога Сына (Христа) и Бога Духа Святого.

…за него вполне можно было бы отдать пятьсот франков как один лиар. — Лиар — старинная медная монета стоимостью в 1/4 су.

К главе XI

… Это был Маке… с ним я в то время писал «Шевалье де Мезон-Ружа». — Маке, Огюст Жюль (1813–1886) — литератор и драматург, многолетний соавтор Дюма, помогавший ему на протяжении 1842–1854 гг. при написании таких романов, как «Шевалье д'Арманталь», «Сильвандир», «Три мушкетера», «Дочь регента», «Граф Монте-Кристо», «Королева Марго», «Двадцать лет спустя», «Женская война», «Шевалье де Мезон-Руж», «Госпожа де Монсоро», «Бастард де Молеон», «Джузеппе Бальзамо», «Сорок пять», «Виконт де Бражелон», «Ожерелье королевы», «Черный тюльпан», «Анж Питу», «Олимпия Клевская», «Инженю», а также ряда пьес. «Шевалье де Мезон-Руж» («Le chevalier de Maison-Rouge») принадлежит к произведениям, в которых Дюма обращается к теме Великой французской революции; роман печатался в газете «Мирная демократия» с 21.05.1845 по 12.01.1846; отдельным изданием вышел в 1846 г. в четырех томах у Кадо.

… Это был де Фиенн… — Фиенн-Матарель, Шарль (р. в 1814 г.) — французский литератор, соавтор ряда водевилей, сотрудник и администратор газеты «Siècle» («Век»); с 1849 по 1856 г. вел там отдел театральной критики.

… Это была Атала Бошен, так прелестно исполнившая роль Энн Дэмби в «Кине»… — Бошен, Луиза, известная под именем Атала (1817–1874) — французская актриса; выступала на сценах Парижа (в Комеди Франсез, Водевиле, Варьете, Историческом театре) и Лондона (в Друри-Лейн); играла в пьесах Дюма, в частности в «Кине»: роль Энн Дэмби, богатой наследницы, которую опекун насильно хочет выдать замуж.

«Кин» («Kean») — пятиактная пьеса Дюма, поставленная в парижском театре Варьете 31 августа 1836 г.; вышла и переиздана в том же году в парижском издательстве Барба; возобноштена в театре Амбигю 20 июля 1840 г. под названием «Кин, или Беспутство и гениальность»; посвящена великому английскому актеру Эдмунду Кину (1787–1833), скончавшемуся в нищете после бурно проведенной жизни.

… она должна была с чувством сыграть Женевьеву в «Жирондистах». — Женевьева — персонаж пятиактной пьесы «Шевалье де Мезон-Руж, эпизод времен жирондистов» («Le chevalier de Maison-Rouge, épisode du temps des girondins»), инсценировки романа «Шевалье де Мезон-Руж», впервые представленной в Историческом театре 3 августа 1847 г.

Жирондисты — политическая группировка в высших представительных учреждениях Франции: Законодательном собрании (1791–1792) и Конвенте (1792–1795); представляла интересы выигравшей от Революции крупной торговой и промышленной буржуазии, главным образом провинциальной; название получила от департамента Жиронда на юге Франции, депутатами которого были многие ее лидеры. С марта 1792 по май 1793 гг. эта группировка стояла у власти, стремясь приостановить развитие Революции. В результате народного восстания 31 мая — 2 июня 1793 г. в Париже жирондистское правительство было свергнуто, жирондистские депутаты были изгнаны из Конвента, а многие лидеры Жиронды казнены. После переворота 9 термидора уцелевшие жирондисты вернулись в Конвент, однако самостоятельной роли уже не играли.

… Наконец, это был мой сын. — Александр Дюма-сын (1824–1895) — узаконенный писателем сын от его любовницы Лауры Лабе (1794–1868); французский писатель, автор романов и пьес; член Французской академии (1875); русскому читателю известен главным образом по знаменитому роману «Дама с камелиями» (1848) и по написанной на его основе одноименной драме (1852).

Игра в бочку — распространенная во Франции игра на развитие ловкости: в ней требуется попасть металлическими битами в отверстия на верхней стороне специального ящика, связанные с гнездами на его передней открытой стороне; попадание в то или иное гнездо приносит игроку определенное количество очков.

… глаза его сверкали красным пламенем, словно два карбункула. — Карбункул — старинное название густо-красных драгоценных камней (рубина, граната и др.).

… мне надо было сочинить три фельетона. — Фельетоном во времена Дюма называлась не сатирически-обличительная статья, как теперь, а какой-то раздел либо глава романа, печатавшегося частями в газете. Такие романы-фельетоны были весьма

популярны. Многие произведения Дюма впервые были опубликованы в газетах именно в виде серии фельетонов.

… Зимой на мне суконные брюки, летом — канифасовые. — Канифас — плотная, мягкая, главным образом хлопчатобумажная ткань (обычно с рельефными полосками).

… дал обет одевать его во все белое… — Здесь намек на принятый во Франции обычай посвящать детей Богоматери и в знак этого одевать их до определенного возраста во все белое. Белые одеяния во Франции носили также члены религиозного ордена, посвященного Святой Деве (их называли «Белые одежды»).

… В то время я писал «Бастарда де Молеона»… — Роман «Бастард де Молеон» («Le bâtard de Mauléon») впервые был опубликован в виде фельетонов в парижской газете «Торговля» («Le Commerce») с 20.02.1846 по 16.10.1846; в 1846–1847 гг. вышел в 9 томах в издательстве Кадо.

… подарив его дону Фадрике, брату дона Педро. — Дон Фадрике де Кастилья (1334–1358) — внебрачный сын короля Кастилии Альфонса XI, правившего с 1312 по 1350 г.; брат Энрике Трастамаре и сводный брат короля Педро I Жестокого, по приказу которого был убит за участие в заговоре; великий магистр (глава) духовно-рыцарского ордена Святого Иакова, основанного в Кастилии в 1175 г.

Педро I Жестокий (1334–1369) — король Кастилии и Леона с 1350 г. По словам испанского летописца Лопеса де Аяла, «многих убил он за свое царствование и ущерб причинил великий». Некоторые историки считают описание его жестокостей преувеличением, так как хроники, содержащие эти сведения, составлялись в царствование его сводного брата Энрике Трастамаре (1338–1379), который сверг брата и захватил престол Кастилии в 1369 г. (правил под именем Генриха II Трастамаре), и его наследников.

… Создателем вводного рассказа был Ариосто. — Ариосто, Лодовико (1474–1533) — крупнейший итальянский поэт эпохи Возрождения, сочинявший стихи и комедии; прославился как автор героической поэмы «Неистовый Роланд», в которой основные сюжетные линии переплетены со множеством других эпизодов. Был на службе у герцога Альфонса I Феррарского (1505–1534) и выполнял поручения, сопряженные с риском для

жизни; его встречи с бандитами вызывали массу легенд и положили начало в итальянской литературе рассказам о разбойниках.

К главе XII

… Сократ говорил своим ученикам: «Первое правило мудрости таково: познай самого себя». — Сократ (470/469–399 до н. э.) — древнегреческий философ; один из основоположников диалектики, почитавшийся в древности как идеал мудреца; жил в Афинах, был обвинен в «поклонении новым божествам» и «развращении молодежи»; приговоренный к смерти, он выпил яд цикуты.

«Познай самого себя» — надпись в храме Аполлона в Дельфах.

… казался желчным и нервным сангвиником… — Сангвиник — человек легковозбудимый, ярко выражающий свои эмоции и легко их сменяющий.

… желая немного развеять его сплин… — Сплин (англ. spleen) — устаревшее название подавленного настроения, уныния; в кон. XVIII — нач. XIX в. иронически назывался свойством английского характера.

… знание физиогномики сочеталось у них с осторожностью… — Физиогномика — учение об определении душевных качеств человека по чертам и выражению его лица.

… со скрежетом, напоминающим тот, что издают ожидающие пищи львы г-на Мартена. — Мартен (Мартин), Анри (1793–1882) — знаменитый дрессировщик; родился в Голландии, был матросом, потом начал дрессировать лошадей, а затем стал укротителем диких животных; 3 декабря 1829 г. открыл в Париже зверинец, где показывал весьма популярные номера с укрощенными зверями; позднее для него написали специальную драму, где он играл роль человека, брошенного на растерзание диким зверям, но в решительную минуту лев, которому его отдали, начинал лизать ему руки; собрав достаточно денег для безбедной жизни навсегда оставил свое опасное ремесло.

К главе XIII

… соблазнился зеленой мартышкой и голубым ара. — Зеленая мартышка — вид небольших обезьян (длина тела до 50 см) из рода мартышек, обитающих в Эфиопии и верховьях Нила; имеют шерсть серо-зеленого оттенка.

Ара — род длиннохвостых попугаев с ярким оперением.

… если положиться в этом вопросе на классификацию Кювье… — Кювье, Жорж (1769–1832) — французский естествоиспытатель, известен своими трудами по сравнительной анатомии, палеонтологии и систематике животных; с 1800 г. занимал кафедру сравнительной анатомии в Ботаническом саду.

… совершил небольшую поездку в Гавр… — Гавр — *крупный город и порт на севере Франции.*

… выбор между безделушками из слоновой кости, китайскими веерами и карибскими трофеями. — Карибы — группа индейских племен Южной Америки, объединяемая общим языком; жили на территории Венесуэлы, Гвианы, Бразилии и на Антильских островах; к XX в. почти все вымерли в результате европейской колонизации.

… подобно Гамлету, // Печальный, опустив руки и в роли и в жизни… — Вероятно, имеется в виду Гамлет из пятиактной пьесы Дюма и Поля Мёриса «Гамлет, принц Датский» («Hamlet, prince du Danemark»), написанной в 1842–1844 гг. и принятой в Комеди Франсез в 1844 г., но не сыгранной; была исполнена в Историческом театре 15 декабря 1847 г. в костюмах, скопированных с картин Лемана и Делакруа; впервые напечатана в 1847 г. в издательстве Дюпре. Структура этой переделки пьесы Шекспира и ее концовка сильно отличаются от оригинала. Но не исключено, что здесь имеется в виду и одноименная пьеса Дюсиса (см. примеч. к гл. XLVI).

… рискуя при этом повторением случая с ара полковника Бро (смотри в моих «Мемуарах»), — О полковнике Бро и его попугае, напавшем на Дюма и чуть было не убитым им, см. главу CX «Мемуаров».

… если не опасаться, что с меня потребуют выкуп Дюгеклена… — Дюгеклен, Бертран (1320–1380) — знаменитый французский воин и полководец, коннетабль (главнокомандующий) Франции; родом из Бретани; участник Столетней войны с Англией; прославился в многочисленных

сражениях и на рыцарских турнирах, в которых участвовал с юных лет; внес большой вклад в средневековое военное искусство. О Дюгеклене еще при его жизни стали складывать песни и баллады, а впоследствии его имя окружило множество легенд, в которых он неизменно выступает как образец не только доблести, но и всех рыцарских добродетелей (что не всегда согласуется с истиной).

За свою военную карьеру Дюгеклен попадал в плен и бывал выкуплен несколько раз; здесь речь идет о его пленении англичанами в 1364 г. Коннетабль был выкуплен за колоссальную по тем временам сумму в 100 000 ливров, которые внесли король Франции, папа и некоторые союзные им монархи.

… мое лицо, менее других распространяемое посредством живописи, гравюры или литографии… — Гравюра — вид графики, в котором изображение является печатным оттиском рельефного рисунка, нанесенного на доску гравером. Оттиски также называют гравюрами. В Европе гравюра возникла в XIV–XV вв. Различают гравюру выпуклую, когда краска покрывает поверхность выпуклого рисунка (как правило, это гравюра на дереве — ксилография, или на линолеуме — линогравюра), и углубленную, когда краска заполняет углубления (преимущественно на металле: акватинта, меццотинта, мягкий лак, офорт, пунктирная манера, резцовая гравюра, сухая игла и т. д.).

Литография — вид графического искусства, писание, черчение и рисование на камне иглою, особыми чернилами или карандашом и воспроизведение на бумаге сделанного изображения; так же называется способ печатания, при котором рисунок наносят на плоскую поверхность специального камня (известняка) жирным веществом, а пробельные участки увлажняют и делают таким образом невосприимчивыми к краске, — он применяется для производства художественных оттисков.

… отсутствие портрета или бюста возместили мои друзья Шам и Надар, широко прославившие меня… — Шам — псевдоним Амедея де Ное (1819–1879) — известного французского художника-карикатуриста, литератора, автора ряда либретто.

Надар — псевдоним Феликса Турнашона (род. в 1820 г.), известного французского художника-карикатуриста и фотографа.

… стоили сорок су. — Су — мелкая монета в различных европейских странах.

… напоминал поддельного Робинзона Крузо. — Робинзон Крузо — главный герой одноименного знаменитого романа английского писателя Даниеля Дефо (ок. 1660–1731), изданного в 1719 г.; как и его реальный прототип, потерпев кораблекрушение, он двадцать лет провел на необитаемом острове. Вместе с ним жил попугай, с которым он разговаривал; рядом с ним были также собаки и козы.

… заняв все переднее сиденье в дилижансе до Руана. — Дилижанс — в XVI–XIX вв. большой крытый экипаж для регулярной перевозки пассажиров, почты и багажа по определенному маршруту..

Руан — город и крупный морской порт на реке Сена, в 100 км от ее устьям главный город исторической провинции Нормандия.

… От Руана до Пуаси я добрался по железной дороге… — Пуаси — городок, расположенный в 27 км от Парижа в западном направлении у опушки Сен-Жерменского леса, в департаменте Сена-и-Уаза.

… от Пуаси до виллы Медичи — в двухместной берлине… — Берлина — большая дорожная двухместная коляска, изобретенная в Берлине (отсюда ее название).

… которую нанял в столице графства Людовика Святого. — Людовик IX Святой (1214–1270) — король Франции с 1226 г., причислен к лику святых (1297); принадлежал к династии Капетингов; родился в Пуаси и иногда подписывался: «Луи де Пуаси».

К главе XIV

… знаю свой «Словарь естественной истории». — В первой пол. XIX в. во Франции выходил целый ряд многотомных естественно-исторических изданий с таким названием. Здесь, скорее всего, имеется в виду либо двухтомный «Систематический краткий словарь естественной истории, составленный старейшими профессорами» («Dictionnaire raisonné et abregé d’histoire naturelle, par les anciens professeurs», Paris, 1822), либо шестнадцатитомный «Классический словарь естественной истории» («Dictionnaire classique d’histoire naturelle», Paris, 1822–1829). В его издании принимали участие многие видные

естествоиспытатели того времени.

Кан — старинный город в Нормандии, в департаменте Кальвадос на северо-западе Франции, в 225 км к западу от Парижа; крупный речной порт при слиянии рек Орн и Одон.

… принесите мне Буйе. — Буйе, Мари Никола (1798–1864) — французский философ и лексикограф, инспектор Парижского университета, автор ряда словарей; здесь, вероятно, имеется в виду изданный в 1842 г. «Всеобщий словарь истории и географии» («Dictonnaire universel d'histoire et de géographie»), который к сер. XIX в. выдержал более двадцати изданий.

Каде де Гассикур — имеется в виду либо Луи Клод Каде де Гассикур (1731–1799), фармацевт, член Академии наук, главный фармацевт армий Германии и Португалии; либо его сын Шарль Луи Каде де Гассикур (1769–1821), фармацевт, литератор, в 1809 г. личный врач Наполеона.

Кадуцей — жезл античного бога-покровителя атлетов, путешественников и купцов, вестника богов Меркурия; имеет вид ветви лавра или палки, обвитой двумя змеями, с навершием — орлом с расправленными крыльями; отождествлен с золотым жезлом Гермеса (греческого аналога Меркурия): с помощью жезла тот мог проходить из царства живых в царство мертвых и наоборот, а также насылать сны. Кадуцей первоначально символизировал мир во время торговых операций на определенной территории, позднее стал эмблемой торговцев.

Как (Какус) — в древнеримской мифологии огнедышащее чудовище, опустошавшее поля в местности, где позднее возник Рим; по другому варианту мифа — разбойник и грабитель; был убит Гераклом, у которого похитил несколько коров, упрятав их в своей пещере.

Кадомус (Кадомум) — латинское название города Кан.

… главный город департамента Кальвадос… — Кальвадос — департамент в Северо-Западной Франции на территории исторической провинции Нормандия; известен производимой там кустарным способом крепкой яблочной водкой (самогоном).

… на Орне и Одоне… — Река Орн впадает в пролив Ла-Манш; с ней сливается речка Одон; в XVII в. река Орн заилилась и

морские перевозки по ней резко сократились; они оживились лишь с открытием Орнского обводного канала, вступившего в строй в 1857 г.

… Захвачен англичанами в 1346 и 1417. Вновь отбит французами… — Здесь имеются в виду эпизоды Столетней войны (1337–1453) между Англией и Францией.

… Родина Малерба, Лефевра, Шорона… — Малерб, Франсуа де (ок. 1555–1628) — французский поэт, теоретик классицизма. Лефевр, Танеги (1615–1672) — французский филолог, эрудит и гуманист; издавал и переводил произведения латинских авторов классического периода римской литературы.

Шорон, Александр Этьенн (1772–1834) — французский профессор музыки, дирижер, автор известного «Исторического словаря музыкантов» («Dictionnaire historique des musiciens», 1810–1811).

… 9 кантонов — Бургебюс, Виллер-Бокаж… — Кантон — низовая административно-территориальная единица во Франции.

Бургебюс — селение в 10 км к юго-востоку от Кана.

Виллер-Бокаж — селение в 26 км к юго-западу от Кана.

… 205 коммун… — Коммуна — низшая единица территориального устройства во Франции и одновременно название органа ее самоуправления.

… Кан был столицей Нижней Нормандии. — Нормандия — историческая провинция на северо-западе Франции, некогда самостоятельное графство. Нижняя Нормандия охватывает западную часть провинции и включает департаменты Кальвадос, Манш и Орн.

Перитонит — воспаление брюшины.

Перу — государство в Южной Америке, ставшее независимым в 1824 г. в ходе войны испанских колоний в Америке за независимость (1810–1826).

… Попугаи моногамны… — Моногамия — единобрачие; форма брака, состоящая в устойчивом сожительстве особей мужского и женского пола; характерна для большинства птиц и многих млекопитающих.

… Господин Ламуру сообщает нам подробности. — Ламуру, Жан Винсент Феликс (1779–1825) — французский натуралист.

… услышав о внезапной кончине г-на Персиля… — Вероятно, имеется в виду Жан Шарль Персиль (1785–1870) — французский адвокат и политический деятель, пэр Франции (1839), министр юстиции (ноябрь 1834 — февраль 1836 и сентябрь 1836 — апрель 1837), сенатор (1864). Его фамилия происходит от фр. слова persil — «петрушка».

К главе XV

… ехал в кабриолете с одним из моих друзей. — Кабриолет — легкий одноконный двухколесный экипаж.

… сказал моему другу, что родился в департаменте Эна. — Департамент Эна расположен на севере Франции у границы с Бельгией; административный центр — город Лан (см. ниже).

Обсерватория — имеется в виду парижская астрономическая обсерватория, построенная на юго-востоке левобережной части города, недалеко от Люксембургского сада в предместье Сен-Жак в 1667–1672 гг. архитектором Клодом Перро (ок. 1613–1688).

… Департамент генерала Фуа, господина Мешена, господина Лербетта и господина Демустье, автора «Писем к Эмилии о мифологии». — Фуа, Максимилиан Себастьен (1775–1825) — французский генерал и политический деятель, убежденный республиканец; участник революционных и наполеоновских войн; с 1819 г. член Палаты депутатов, где был одним из лидеров оппозиции монархии Бурбонов. Дюма по его рекомендации поступил в 1823 г. на службу к герцогу Орлеанскому (об этом рассказано в главе LXXII «Мемуаров») и посвятил ему один из первых своих поэтических опытов: «Элегию на смерть генерала Фуа» («Elégie sur la mort du général Foy», 1825). Мешен, Александр Эдм (1762–1849) — французский политический деятель, администратор; префект ряда департаментов; депутат в 1834 г.

Лербетт (1791–1864) — французский политический деятель, депутат от Суасона в 1831–1848 гг.; принадлежал к оппозиции.

Демустье, Шарль Альбер (1760–1801) — французский литератор, поэт и переводчик; уроженец Виллер-Котре.

«Письма к Эмилии о мифологии» («Lettres à Emilie sur la mythologie») — сочинение Демустье в шести частях, вышедшее в

свет в Париже в 1786–1798 гг.

… *Вы знаете Лан?* — Лан — город в Северной Франции, в департаменте Эна, в 130 км северо-восточнее Парижа; славится собором, построенным около 1150 г.

… *Вы стоите за орфографию господина Марля?* — Марль (1795–1863) — французский лингвист, филолог; выступал за радикальную реформу орфографии (за написание слов по произношению); редактор и основатель «Грамматического и дидактического журнала французского языка» («Journal grammatical et didactique de la langue française»), выходившего в 1826–1840 гг.; в 1834 г. сотрудничал с Дюма в журнале мод, литературы, театра и изящных искусств «Психея» («Psyché»); автор ряда книг.

… *я знаю Лаон, древний Bibrax и средневековый Laudanum*… — Bibrax — Бибракт, город племени ремов в Бельгийской Галлии, близ современного Лана.

Laudanum (а также Lugdunum clavatum, Laudunum) — латинское название Лана.

… *там есть башня, построенная Людовиком Заморским*… — Людовик IV Заморский (921–954) — король Франции из династии Каролингов, сын Карла III, коронован в 936 г.; «Заморским» его называли из-за воспитания, полученного им в Англии.

… *там продают очень много артишоков.* — Артишок — многолетнее травянистое растение; его цветки, покрытые чешуйками, собираются в крупные корзинки; основания корзинок, нижние части чешуек и иногда корни употребляются в пищу.

… *А Суасон? Суасон вы знаете?* — Суасон — старинный город в Северной Франции, в департаменте Эна; находится в 30 км к юго-западу от Лана, на пути к Парижу.

… *Суасон — Noviodunum.* — Noviodunum (или Augusta Suessionum, Suessiones) — латинское название Суасона.

… *там стоит собор святого Медарда — великого писуна.* — Святой Медард (Медар; ок. 457 — ок. 545) — один из первых французских христианских иерархов, епископ городов Нуайона и Турне в Северной Франции; его день празднуется 8 июня; с его именем связаны многие народные приметы.

… Суасон, родину Луи д'Эрикура, Колло д'Эрбуа, Кинетта… — Эрикур дю Ватье, Луи д' (1687–1752) — французский юрист.

Колло д'Эрбуа, Жан Мари (1749–1796) — французский политический деятель, участник Великой французской революции, якобинец; по профессии актер; депутат Конвента и член Комитета общественного спасения; один из организаторов переворота 9 термидора.

Кинетт, Никола Мари, барон де Рошмон (1762–1821) — французский политический деятель; член Конвента, голосовавший за смерть короля; член Совета пятисот; в июне 1799 г. министр внутренних дел, после 18 брюмера советник Наполеона; во время Ста дней стал пэром.

… место, где Хлодвиг победил Сиагрия… — Сиагрий (ок. 430–487) — римский полководец и последний наместник Римской империи в Галлии (главным городом которой был Париж); в 486 г. потерпел поражение от Хлодвига (см. примеч. к гл. I) при Суасоне, бежал в Тулузу, но был выдан Хлодвигу, который приказал его убить.

… где Карл Мартем разбил Хильперика… — Карл Мартелл (от позднелат. martellus — «молот»; ок. 688–741) — майордом (правитель) Франкского государства Меровингов с 715 г.; сын Пипина Геристальского из рода Пипинидов (позднее они стали называться Каролингами); восстановив политическое единство Франкского королевства, фактически сосредоточил в своих руках верховную власть при последних королях династии Меровингов; прославился победой над арабами в битве при Пуатье (октябрь 732 г.), тем самым остановив арабскую экспансию в Европе; подчинил своей власти фризов и аллеманов; его успехи обеспечили переход королевской власти в 751 г. к Каролингам при его сыне Пипине Коротком (714–768).

Хильперик II (ок. 670–720) — король Нейстрии (в ту пору фактически самостоятельного государства на северо-западе соврем. Франции) с 715 г.; в 719 г. был побежден Карлом Мартеллом.

… где умер король Роберт… — Роберт I (ок. 865–923) — король Франции из династии Капетингов с 922 г.; погиб 16 июня 923 г. в битве при Суасоне.

Брен-сюр-Вель (Брен-на-Веле) — городок в 13 км к юго-востоку от Суасона.

Ульши-лё-Шато — небольшой город в 18 км к югу от Суасона.

Вайи-сюр-Эн (Вайи-на-Эне) — селение в 13 км к северо-востоку от Суасона.

Вик-сюр-Эн (Вик-на-Эне) — селение в 14 км к западу от Суасона.

Виллер-Котре — см. примеч. к гл. II.

Villerii ad Cotiam Retiæ — латинское название Виллер-Котре.

… *старый замок времен Франциска Первого*… — Франциск I (1494–1547) — французский король из династии Валуа; правил с 1515 г.; его политика была направлена на превращение Франции в абсолютную монархию; создал постоянную армию, воевал с Испанией и Империей за обладание Италией и за гегемонию в Европе..

… *автора «Монте-Кристо» и «Мушкетеров».* — «Граф де Монте-Кристо» (1844–1846) — один из самых известных романов Дюма; действие романа разворачивается в 1814–1838 гг.

«Три мушкетера» (1844) — самый знаменитый роман Дюма.

… *впрочем, он негр.* — Дюма был квартерон (негр на одну четверть), так как бабушка его со стороны отца была рабыня-негритянка.

… *негр и родился в Конго или Сенегале.* — Конго — громадная территория с жарким и влажным климатом в Западной Африке в бассейне реки Конго; служила объектом европейской колонизации; в кон. XIX в. большая часть ее стала колонией Бельгии (т. н. «Свободное государство Конго», ныне республика Заир), а другая часть — Франции (Французское или Среднее Конго, ныне самостоятельное государство Конго).

Сенегал — во второй половине XIX в. французская колония (ныне независимое государство).

… *я из Нантера.* — Нантер — старинный город в 13 км к северу от Парижа и неподалеку от Сен-Дени; славится церковью и часовней святой Женевьевы.

… *И я прочел: «Статистика департамента Эна».* — Речь идет

об одном из томов ежегодника, издававшегося в Лане; выходил то под названием «Статистика департамента Эна» («Statistique du département de l'Aisne»), то под названием «Административный, исторический и статистический ежегодник департамента Эна» («Annuaire administratif historique et statistique du département de l'Aisne»). Ежегодник содержал разнообразные сведения о департаменте, в котором он издавался. В руках кучера, по-видимому, был один из томов, вышедших в 20-е годы.

К главе XVI

… надо заказать у Лорана жердочку… и клетку у Труя… — Лоран и Труй — реальные лица, парижские торговцы.

… здесь есть один маленький овернец… — Овернец — житель Оаерни. Овернь — историческая провинция в Центральной Франции; главный ее город — Клермон-Ферран.

… этот юный аллоброг… — Аллоброги — большой кельтский народ из Нарбонской Галлии, живший на территории соврем. Восточной Франции и Западной Швейцарии. Однако на землях Оверни (Центральная Франция) жили в древности не аллоброги, а арверны — галльское племя, давшее название провинции.

… мы сделаем из него анаграмму. — Анаграмма — слово или словосочетание, которое образуется из расположения в ином порядке букв, составляющих исходное слово.

… Остережемся обвинения в диффамации… — Диффамация — опубликование в печати сведений (действительных или мнимых), позорящих кого-либо.

К главе XVII

Красное дерево — название красной и коричневой древесины ряда тропических деревьев, а также их самих; прочное, хорошо полируется, используется в производстве мебели.

Палисандровое дерево — красиво окрашенная древесина некоторых южно-африканских видов деревьев; из него изготовляются предметы роскоши, мебель, музыкальные

инструменты.

Розовое дерево — деревья из семейства Розановых (розоцветных) растений; встречаются во всех странах света; используется для производства мебели.

Буль, Андре Шарль (1642–1732) — французский художник-столяр, искусный резчик, гравер и рисовальщик, придворный мастер Людовика XIV; создал особый стиль дорогой дворцовой мебели.

Ореховая мебель — изготовленная из древесины деревьев семейства ореховых, которые растут преимущественно в горах Южной Европы, Азии и Америки.

… на козетке, стоявшей на месте камина… — Козетка (от фр. causer — «беседовать») — небольшой диванчик, на котором два человека могут сесть рядом для разговора.

… это Антони… Иначе говоря, найденыш… — Найденный котенок назван в честь заглавного героя пьесы Дюма «Антони» — подкидыша, хотя и вступившего впоследствии в высшее общество, но все время страдающего от воспоминаний детства.

Пьеса была написана в 1831 г. и явилась одной из первых романтических пьес на современную тему; премьера ее состоялась в театре Порт-Сен-Мартен в Париже 3 мая 1831 г.; имела у публики большой успех.

… следите… чтобы он не съел моих астрильд, моих амадин, моих рисовок, моих вдовушек и моих ткачиков. — Астрильды — род птиц из отряда ткачевых.

Амадины — род небольших красивых птиц из отряда ткачевых; живут в Африке; были объектом промысла в западной части континента в XIX в.: их в большом количестве отлавливали и вывозили в Европу; хорошо переносят неволю.

Рисовки — маленькие птицы из рода амадин; их родина — Юго-Восточная Азия, откуда они распространились и в Африку; кормятся преимущественно на рисовых полях, чем и объясняется их название.

Вдовушки — род птиц из отряда ткачевых; обитают главным образом в тропической Африке; обладают красивым и пышным оперением, которое мешает им летать, и поэтому в основном живут на земле; в Европе в XIX в. этих птиц охотно содержали в клетках.

Ткачик — древесные певчие птицы из семейства воробьиных, обитающие в Африке; отличаются значительными размерами, вздутым при основании клювом, очень сильными ногами и тупыми крыльями; селятся колониями, строят на деревьях шаровидные или висячие гнезда.

К главе XVIII

… полюбовавшись гомандским стипо… — Стипо (ит. stipo) — шкафчик-секретер, украшенный резьбой.

… ренессансным ларем… — Ренессанс («Возрождение») — период в культурном и идейном развитии стран Западной и Центральной Европы в XIV–XVI вв., переходный от средневековья к новому времени. Отличительные черты этого времени — его антифеодальный и антицерковный характер, гуманистическая направленность, обращение к культурному наследию древности, как бы его возрождение.

… рассмеявшись в лицо китайскому болванчику… — Китайский болванчик — восточная статуэтка с непропорционально большой головой.

… подняв на уровень глаз венецианский бокал… — Венеция в средние века (с XIII в.) славилась художественными изделиями из чрезвычайно тонкого и прозрачного стекла; производство, расцвет которого падает на XVI–XVIII вв., велось на острове Мурано близ города, и секреты выделки строго охранялись.

… вы летели, словно у вас был волшебный плащ Мефистофеля… — Мефистофель — в средневековых легендах и в литературе средних веков и нового времени имя одного из духов зла, дьявола, которому человек продает свою душу; герой трагедии Гёте «Фауст».

У Мефистофеля был изысканный атласный плащ, с помощью которого он мог летать («Фауст», I, 4, «Комната для занятий»).

… Моя мать была жива. — Мари Луиза Элизабет Лабуре (1769–1838) — дочь трактирщика из Виллер-Котре, вышедшая в ноябре 1792 г. замуж за отца писателя; овдовела в 1802 г. и осталась почти без средств к существованию; вслед за горячо любимым и любящим сыном переехала в 1824 г. в Париж; с 1829 г. была парализована.

…я служил у г-на герцога Орлеанского, и это давало полторы тысячи франков. — В канцелярии герцога Орлеанского (будущего короля Луи Филиппа — см. примеч. к гл. XXIII) Дюма работал с 10 апреля 1823 г. сверхштатным писцом с окладом 1200 франков в год, с февраля 1824 г. — 1600 франков в год, а с 10 апреля 1824 г. — делопроизводителем. Канцелярия находилась на четвертом этаже дворца Пале-Рояль.

В феврале 1827 г. Дюма был переведен в канцелярию вспомоществований, с января 1828 г. работал в архиве; с 20 июня 1829 г. (и до событий Июльской революции) служил помощником библиотекаря у герцога Орлеанского.

… Мы жили на Западной улице… — Западная улица — расположенная на левом берегу Сены, с 1868 г. составляет южный отрезок современной улицы Ассаса (между улицей Вожирар и авеню Обсерватории).

… мне требовалось полчаса на то, чтобы дойти от Западной улицы до моей канцелярии, расположенной в доме № 216 по улице Сент-Оноре… — Улица Сент-Оноре — одна из центральных в Париже; ведет от дворцов Лувр и Пале-Рояль к западным предместьям города.

… провожал меня до улицы Вожирар. — Улица Вожирар — одна из самых длинных в Париже; идет от Люксембургского сада в юго-западном направлении; в нач. XIX в. выходила на отдаленные окраины города; известна с XIV в.; проложена на месте древнеримской дороги; современное название получила от селения Вожирар (путь туда шел по этой улице).

… Там была для него граница, круг Попилия. — Имеется в виду оригинальный дипломатический прием, который применил Кай Попилий Ленат (II в. до н. э.), посланный Римом к сирийскому царю Антиоху IV с требованием прекратить завоевание Египта. Когда Антиох попросил дать ему время на размышление, Попилий очертил около него круг на земле и заявил: «Прежде чем выйти из этого круга, дай точный ответ, который я бы мог передать сенату». Пораженный неожиданностью такого демарша, царь уступил. Эта история содержится у Тита Ливия (XLV, 12).

… посреди Западной улицы, там, где она выходит на улицу Вожирар: он сидел на заду, устремив взгляд в даль улицы Ассаса. — Улицей Ассаса в ту пору назывался только северный

отрезок современной улицы этого названия (к северу от улицы Вожирар); в 1868 г. в нее вошла продолжавшая ее к югу Западная улица; расположена в левобережной части Парижа; названа в честь французского офицера, шевалье Никола Луи д'Ассаса (1733–1760), капитана Овернского полка. Во время ночной разведки он был захвачен противником, однако успел предупредить своих солдат, закричав: «Ко мне, овернцы, здесь враги!» — и был заколот штыками. Его героизм прославил Вольтер.

К главе XIX

*Жиро, Пьер Франсуа Эжен (*1806–1881) — французский художник и гравер.

… идти все время прямо до колонны Бастилии. — Имеется в виду Июльская колонна высотой 52 м, воздвигнутая в 1840 г. в память погибших во время Июльской революции 1830 г. (прах их был захоронен в цоколе сооружения); увенчана «Гением Свободы» — бронзовой статуей работы французского скульптора О. А. Дюмона (род. в 1801/1804 гг.); установлена на площади Бастилии, которая была распланирована на месте разрушенной в 1789 г. крепости-тюрьмы Бастилии.

… перейдешь Аустерлицкий мост, увидишь перед собой решетку… — Аустерлицкий мост переброшен через Сену в Париже; построен в 1802–1807 тт.; назван в честь победы Наполеона над армиями Австрии и России в декабре 1805 г. у селения Аустерлиц (ныне Славков в Чехии); расположен у восточных окраин Парижа нач. XIX в., южнее площадей Бастилии и Революции; у его южного конца, на левом берегу Сены, начинается Ботанический сад.

… и спросишь обезьянник господина Тьера. — Возможно, здесь насмешка над кабинетом министров, который называли обезьянником Тьера (см. примеч. к гл. XLII).

… Алексис, прозванный Сулуком, был негритенок тринадцати или четырнадцати лет… — Алексис — чернокожий, состоящий в услужении у Дюма; позже вступил во французскую армию; прозвищем его стало имя реального исторического персонажа.

Сулук, Фаустин Эли (ок. 1782–1867) — негр, участник войны за независимость Гаити, генерал (1843), президент (1847–1849),

император под именем Фаустина I (1849–1859); правил как деспот, отрекся от престола в результате восстания армии.

Во Франции Сулуком презрительно называли Наполеона III (см. примеч. к гл. III), который достиг престола, совершив государственный переворот 2 декабря 1851 г.

… *Однажды Дорваль причина ко мне обедать*… — Дорваль, Мари Томаз Амели (настоящая фамилия — Делоне; 1798–1849) — французская драматическая актриса, пользовавшаяся в 20–30-х гг. XIX в. большой известностью в ролях романтического репертуара. Дюма был знаком с Дорваль и даже некоторое время был близок с ней, высоко ценил ее талант и после ее смерти выпустил книгу «Последний год Мари Дорваль» (1855).

Антильские острова — архипелаг в западной части Атлантического океана; отделяют собственно океан от Карибского моря и Мексиканского залива; включают две части: Большие Антильские острова, расположенные у берегов Северной Америки (к ним относятся Куба, Гаити, Ямайка, Пуэрто-Рико), и Малые Антильские, лежащие к юго-востоку, частично у берегов Южной Америки.

… *когда недостает жаркого, я поступаю подобно госпоже Скаррон — рассказываю истории.* — Госпожа Скаррон (в девичестве Франсуаза д'Обинье; 1635–1719) — с 1652 г. жена поэта и писателя Пьера Скаррона (1610–1660). Несмотря на тяжелую болезнь, приковавшую его к инвалидному креслу, Скаррон славился остроумием и веселым нравом и их небогатый дом был центром притяжения для многих известных людей того времени. Гости Скаррона ценили красоту, ум, любезность его молодой жены и особенно свойственное ей искусство живой, занимательной беседы, заставлявшее забывать о порой скромном приеме. Через несколько лет после смерти Скаррона его вдова стала воспитательницей детей Людовика XIV и его фаворитки маркизы Монтеспан, а позднее — возлюбленной и тайной женой короля, давшего ей титул маркизы Ментенон.

… *ты приехал из Гаваны?* — Гавана — город и порт на острове Куба; основан испанцами в 1519 г.; в XVI–XIX вв. испанская морская крепость; ныне столица республики Куба.

…*на каком языке говорят в Гаване… На креольском.* — Креолы — потомки первых европейских колонизаторов Латинской Америки, преимущественно испанского происхождения; на

островах Центральной Америки, колонизованных французами, их также называли креолами.

К главе XX

… продолжал служить у меня до Февральской революции. — Имеется в виду революция 1848 г. (точнее: 1848–1849 гг.), начавшаяся восстанием в Париже в феврале 1848 г.; в результате ее была свергнута Июльская монархия и установлена Вторая республика, просуществовавшая до декабря 1851 г., а формально до декабря 1852 г.

… На следующий день после провозглашения Республики… — Июльская монархия окончательно была свергнута 24 февраля 1848 г., но среди ее противников шла борьба между республиканцами, поддерживаемыми рабочими Парижа, и сторонниками сохранения монархической формы правления, поэтому официально Республика была провозглашена только 25 февраля.

Араго — Араго, Доминик Франсуа (1786–1853) — французский астроном, физик, политический деятель; автор большого числа важных, в том числе новаторских, исследований и ряда открытий; его работы относятся к области астрономии, оптики, электромагнетизма, метеорологии, физической географии; с 1809 г. член Академии наук и профессор Политехнической школы (до 1831 г.); с 1830 г. непременный секретарь Академии наук и директор Парижской обсерватории; в 1830 г. был избран в Палату депутатов, где примкнул к республиканской оппозиции; после Февральской революции 1848 года вошел в состав Временного правительства, был морским министром; в том же году лично участвовал в подавлении июньского восстания парижских рабочих; после переворота 1851 г. отказался присягнуть новому правительству и с тех пор занимался только научной деятельностью.

… я говорю об Аллье. — Аллье — знакомый Дюма, лейтенант французского флота, чиновник морского министерства.

… ты говоришь, как Сфинкс… — Сфинкс — крылатое чудовище с телом льва и головой женщины, жившее у проезжей дороги близ города Фивы; предлагал прохожим загадку и не сумевших дать ответ убивал. Герой Эдип ответил на вопрос

правильно, и тогда побежденный Сфинкс бросился со скалы. В ранних вариантах этого древнегреческого мифа о загадке нет речи и Эдип убивает Сфинкса в единоборстве.

К главе XXI

… Через неделю после июньского мятежа… — Имеется в виду восстание парижских рабочих 23–26 июня 1848 г., с исключительной жестокостью подавленное французской армией и парижской национальной гвардией после тяжелых уличных боев.

… центурион в Фарсале говорил Цезарю: «Теперь ты увидишь меня лишь мертвым или победителем!» — Центурион — командир центурии (от лат. centum — «сто»), основного тактического подразделения в римской армии, первоначально насчитывавшего 100, а потом 80 человек.

Фарсал (ныне Фарсала) — город в Греции, в Фессалии, близ которого произошла знаменитая битва; в 48 г. на Фарсальской равнине выступивший против Цезаря Помпей, несмотря на численное превосходство своей армии, потерпел поражение; ему удалось бежать в Египет, где он был предательски убит.

Согласно Плутарху, выстроив свои войска перед сражением, Цезарь обратился к центуриону Гаю Кассинию с вопросом о настроении солдат и шансах на победу. На что Кассиний ответил: «Мы одержим, Цезарь, блестящую победу. Сегодня ты меня похвалишь живым или мертвым!» С этими словами он во главе своих воинов бросился на врага, многих сразил, но и сам был убит («Цезарь», 44).

Цезарь, Гай Юлий Цезарь (102/100–44 до н. э.) — древнеримский полководец, государственный деятель и писатель, диктатор; был убит заговорщиками-республиканцами.

… получил письмо со штемпелем Аяччо. — Аяччо — город на западном побережье острова Корсика.

… Кто бы это мог писать мне с родины Наполеона? — Наполеон Бонапарт (1769–1821) — полководец и реформатор военного искусства, генерал Французской республики; в 1799 г. совершил переворот и установил режим личной власти (Консульство); император в 1804–1814 и 1815 гг.; в войне с коалициями европейских держав был побежден и сослан на остров Святой Елены в южной части Атлантического океана, где и умер. Наполеон родился в Аяччо и жил там до 1779 г.

… *воспользовался рукой каптенармуса*… — Каптенармус — унтер-офицер, ведающий в войсковом подразделении учетом, хранением и раздачей оружия, боеприпасов и вещевого довольствия.

… *Это называется вендетта.* — Вендетта — обычай кровной мести, существующий среди некоторой части населения Корсики, Сардинии и других стран.

… *Мне дадут бесплатный проезд по морю до Тулона или Марселя.* — Тулон — военно-морская база Франции на Средиземном море; Аяччо лежит от него и от Марселя к юго-востоку.

Марсель — город и торговый порт на Средиземном море, восточнее устья Роны; основан ок. 600 г. до н. э. греческими колонистами из Фокеи.

К главе XXII

… *отправился в военное министерство повидать моего доброго и дорогого друга Шарраса*… — Шаррас, Жан Батист Адольф (1810–1865) — французский военный и политический деятель, умеренный республиканец, участник подавления восстания рабочих Парижа в июне 1848 г.; во время Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний; после переворота 2 декабря 1851 г. выслан из Франции; был также военным историком; в своих трудах подвергал критике Наполеона, способствуя разоблачению его культа во французском обществе.

… *высунь наружу стрелы, чтобы тебя принимали за Амура.* — Амур (гр. Эрот, Купидон) — одно из божеств любви в античной мифологии; часто изображался в виде шаловливого мальчика с луком и стрелами, которые, попадая в сердце человека, вызывают любовь: в некоторых мифах — сын богини любви и красоты Афродиты (рим. Венеры); в более позднюю эпоху у древних сложилось представление о существовании множества амуров.

… *его примут за сына его величества Фаустина Первого*… — См. примеч. к гл. XIX.

К главе XXIII

… 7 декабря 1852 года я отправился в Брюссель. — Это опечатка или описка: Дюма выехал в Брюссель вечером 10 декабря 1851 г. вместе с сыном и слугой Алексисом. Отъезд был вызван как происшедшим 2 декабря 1851 г. государственным переворотом во Франции, так и судебными преследованиями писателя со стороны кредиторов.

… Я остановился в гостинице «Европа». — «Европа» — гостиница в Брюсселе, на углу Королевской площади; там Дюма прожил месяц, до января 1852 г.

… Я снял и обставил небольшой домик. — Дюма нанял два дома в Брюсселе на бульваре Ватерлоо, № 73. Взяв кредит, он велел пробить разделявшую их стену, снести внутренние перегородки и создал необыкновенно красивый особняк с аркой и балконом; ступени лестницы покрывали пушистые ковры; ванная комната была облицована мрамором, на темно-синем потолке большой гостиной горели золотые звезды, а занавески были сшиты из кашемировых шалей. Дом стал местом встреч для маленькой колонии политических эмигрантов. В ноябре 1853 г., уезжая из Брюсселя, Дюма передал дом (поскольку он был снят до 1855 г.) своему секретарю и управителю Ноэлю Парфе (1813–1896) и своей дочери Марии.

… как Луи Филипп сказал господину Дюпену: «Я думал об этом так же, как вы. сударь мой; только я не осмеливался вам об этом сказать». — Луи Филипп (1773–1850) — король Франции в 1830–1848 гг. из династии Орлеанов, младшей ветви Бурбонов: был свергнут революцией 1848 г. и умер в эмиграции, в Англии.

Дюпен, Андре, называемый Старшим (1783–1865) — французский государственный деятель и юрист, член Французской академии; с 1815 г. депутат оппозиции; после июльской революции доказывал законность возведения Луи Филиппа на престол; в 1832–1840 гг. — президент Палаты депутатов, где занимал умеренные позиции, но в общем поддерживал правительство; во время революции 1848–1849 гг. — член Учредительного и Законодательного собраний; отказался выступить против переворота 2 декабря 1851 г.; как юрист пользовался большим авторитетом, написал ряд трудов, в качестве защитника принимал участие во многих политических процессах периода Реставрации; был генеральным прокурором кассационного суда (с начала 30-х гг. до 1852 г. и с 1857 г.).

… купишь ренту… — Рента — здесь: один из видов

государственных ценных бумаг, приносящих доход их держателю.

… разрешите мне получать пятьдесят франков в месяц у вашего издателя, господина Кадо… — Кадо, Александр Жозеф (1806–1870) — парижский издатель и книготорговец; издавал многие произведения Дюма в период 1845–1859 гг.

… устроил для ник пир Трималхиона или обед Монте-Христо… — «Пир Трималхиона» — фрагмент сатирического романа «Сатирикон» Петрония. Трималхион — персонаж «Сатирикона», разбогатевший чванливый вольноотпущенник.

Петроний Арбитр, Гай (ум. в 65 г.) — римский писатель, чиновник на высоких должностях; как придворный Нерона — «арбитр изящества»; по ложному навету за участие в заговоре был принужден Нероном к самоубийству.

Монте-Христо — герой романа Дюма «Граф де Монте-Христо», обладатель несметного богатства; в романе несколько раз описываются изысканные обеды, устраиваемые Монте-Христо.

… причислял их к охране знамени… — Охрана знамени — небольшая отборная команда, охранявшая во французской армии XIX в. знамя в бою.

… это был их маршальский жезл. — Здесь намек на приписываемые Наполеону I слова: «Каждый французский солдат носит в своем ранце маршальский жезл». В самом деле, очень многие из его маршалов начинали службу в низших чинах и выдвинулись благодаря своей храбрости и своим способностям. После битвы под Йеной в 1806 г. получило распространение письмо некоего солдата, в котором говорилось: «Не подлежит сомнению — солдата ободряет и поощряет мысль, что он может, как всякий другой, стать маршалом, князем или герцогом». В 1819 г. Людовик XVIII, как сообщает газета «Монитёр» от 10 августа, в своей речи, обращенной к воспитанникам военной школы в Сен-Сире, заявил: «Помните твердо, что среди вас нет ни одного, кто бы не имел в своем ранце маршальского жезла… извлечете ли вы его оттуда — зависит от вас».

К главе XXIV

… мне надо написать его портрет для Версаля. — Версаль — дворцово-парковый ансамбль в окрестности Парижа в юго-западном направлении; архитектурный шедевр мирового значения; построен Людовиком XIV во второй пол. XVII в.; до Революции — резиденция французских королей; при Июльской монархии Версаль был заново отделан и стал музеем истории Франции.

… этот танец, очевидно, был обезьяним канканом. — Канкан — французский первоначально бальный, а к сер. XIX в. кафешантанный фривольный танец с характерным вскидыванием ног.

… система странствующих душ Платона не так порочна, как хотели бы заставить считать ни во что не верящие люди. — Платон (428/427–348/347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, ученик Сократа; ок. 387 г. до н. э. основал в Афинах философскую школу; его учение — классическая форма объективного идеализма: для него душа — один из универсальных принципов бытия. Душа, по Платону, состоит из трех частей: разумной, волевой и чувственной; существует вне тела, предсушествует ему и бессмертна; после смерти человека она пускается в странствие по загробному миру, получая воздаяние за дела человека — награды и наказания.

К главе XXV

… воспользовавшись преимуществом статьи 324 уголовного кодекса… — По статье 324 французского уголовного кодекса убийство в случае нарушения супружеской верности при обнаружении такового в доме убийцы считалось обстоятельством, смягчающим наказание, вплоть до освобождения.

… бутылка шабли и бутылка сельтерской воды. — Шабли — высококлассный сорт белых столовых бургундских вин.

Сельтерская (зельтерская) — минеральная вода источников Зельтерса (Оберзельтерс и Нидерзельтерс в Германии), а также аналогичная искусственная столовая минеральная вода, приготовленная путем насыщения питьевой воды углекислым

газом с добавлением щелочных солей. В прошлом так называли любую столовую минеральную воду.

Vis comica («комическая сила») — выражение, возникшее на основе неточно понятого стихотворного отзыва Юлия Цезаря о комедиографе Теренции (ок. 185–159 до н. э.). В эпиграмме Цезаря определение «comica» относится не к слову «vis» — «сила», а к «virtus» — «достоинство».

… обезьяны очень любят маис… — Маис — иное название кукурузы.

К главе XXVI

Кардинал — птица из отряда воробьиных; водится в тропическом и субтропическом поясе Америки; название получила от красного цвета (цвета кардинальского одеяния), преобладающего в оперении самца; ценится за красоту и пение.

… причиной всему этому наши пьесы и наши романы, Гюго и мои. — Здесь имеется в виду кампания травли, развязанная клерикальными и реакционными депутатами Законодательного собрания Второй республики (1848–1851) по поводу публикации в прессе романов-фельетонов. Авторов их обвиняли в возбуждении общественного мнения и в повреждении нравов. Итогом этой кампании было введение в 1850 г. специального налога на газеты, печатавшие романы-фельетоны. Обо все этом Дюма рассказывает в предисловии к своему роману «Графиня де Шарни» (1852–1856).

Гюго, Виктор Мари (1802–1885) — знаменитый французский поэт, драматург и романист демократического направления; имел титул виконта и в этом качестве при Июльской монархии в 1845–1848 гг. был членом Палаты пэров, где выступал как либерал; при Второй республике в 1849 г. был избран членом Законодательного собрания; после переворота 1851 г. жил до 1870 г. в эмиграции.

… считал себя достаточно сведущим в трех великих искусствах — фехтовании, английском и французском боксе, — чтобы не слишком испугаться дуэли с обезьяной-капуцином. — Французский бокс (савате) — вид рукопашного боя, в котором разрешены удары ногами. Капуцины — род цепкохвостых обезьян, обитающих в тропических лесах Южной Америки; имеют на

голове удлиненные волосы наподобие капюшона, носимого монахами ордена капуцинов, чем и объясняется его название.

… *словно выстрелил собой из арбалета.* — Арбалет — ручное метательное средневековое оружие, стреляющее короткими стрелами; состоит из лука, укрепленного на деревянном ложе с механизмом для натягивания тетивы.

… *отразил нападение по четвертой позиции.* — Речь идет о фехтовальной позиции ан-гард (фр. en-garde — «в защите») — основной стойке фехтовальщика при начале боя: боец стоит в пол-оборота, его шпага поднята на уровень плеча и направлена в глаза противника, ноги слегка согнуты в коленях и немного раздвинуты, ступни находятся под прямым углом, корпус держится прямо при опоре на левую ногу, левая рука согнута в локте и приподнята вверх (или заложена за спину).

… *Физиономия… красная и пылающая, как у посетителя «Нового погребка»*… — В 1806 г. в Париже было создано общество «Новый погребок» («Le Caveau moderne»), объединившее нескольких известных поэтов-песенников, авторов водевилей и других представителей литературного, театрального и интеллектуально-художественного мира. В 1817 г. оно распалось, однако позднее дважды воссоздавалось — сначала под другим именем, а с 1834 г. снова под первоначальным названием «Погребок» (оно существовало довольно долго).

… *сделаюсь бледной, словно маска Дебюро.* — То есть в бело-мучной маске пьеро, которого играл Дебюро.

Дебюро, Жан Батист Гаспар (1796–1846) — французский актер-мим; с 1816 г. выступал в демократическом парижском театре Фюнанбюль; создал в различных пантомимах образ пьеро, который получил мировую известность.

… *испуская крики, которые могли сравниться лишь с жалобами Электры.* — Электра («Безбрачная») — героиня древнегреческой мифологии и античных трагедий; наиболее ярко ее образ воплощен в «Хоэфорах» Эсхила (525–456 до н. э.) и в названных ее именем трагедиях Софокла (см. примеч. к гл. III) и Еврипида (ок. 480 — ок. 406 до н. э.). Основным содержанием образа является поглощающая все ее существо жажда мести убийцам ее отца микенского царя Агамемнона и страстное ожидание брата Ореста, который может осуществить эту месть. Жалобы Электры и ее дуэт с хором после известия о гибели

Ореста (у Софокла стих 803 и далее) — одна из наиболее ярких сцен в мировой литературе.

К главе XXVII

… Регул, вернувшийся в Карфаген, чтобы сдержать слово… — Регул, Марк Атиллий (ум. ок. 248 г. до н. э.) — древнеримский полководец, участник Первой Пунической войны (264–241 до н. э.) между Римом и Карфагеном; после нескольких побед был разбит карфагенянами и взят в плен. По преданию, Регул, отправленный в Рим вместе с карфагенским посольством в качестве посредника, дал слово возвратиться в плен, если его посредничество не будет удачным. В Риме он уговорил сенат продолжать войну, вернулся, твердо держа слово, в Карфаген и был там замучен.

Карфаген — город-государство в Северной Африке в районе современного города Туниса; основан в кон. IX в. до н. э. финикийцами; крупный торговый центр, завоевавший много земель и распространивший свое влияние на всю западную часть Средиземноморья. После многолетней борьбы с Древним Римом в III–II вв. до н. э. был в 146 г. до н. э. полностью разрушен римлянами.

… король Иоанн, предавший себя в руки англичан, чтобы снова встретить графиню Солсбери… — Иоанн II Добрый (1319–1364) — король Франции с 1350 г.; в 1356 был взят в плен англичанами и освободился только в 1360 г.; однако, так как его сыновья, остававшиеся заложниками, бежали, он, исполняя свое обязательство, вернулся в Англию, где и умер.

Графиня Солсбери — здесь, вероятно, имеется в виду прославленная красавица Джоан Кентская (1328–1385), которая была обручена с графом Уильямом II Монтегю, графом Солсбери (1328–1397) и до смерти носила прозвание «Графиня де Солсбери», хотя их брак так и не был заключен.

… я подразумеваю гурмана, воспитанника Монрона или Куршана… — Монрон, Казимир, граф (1768–1843) — французский дипломат, секретный агент и сотрудник Талейрана; в обществе был известен своей элегантностью и галантностью.

Куршан — вероятно, имеется в виду журналист Кузен, выдававший себя за графа де Куршана, потомка старинного бретонского рода, но разоблаченный в 1846 г.; получили известность его литературные мистификации, среди которых

«Воспоминания маркизы де Креки» («Les souvenirs de la marquise de Créquy»; 1834–1835, 7 v.).

… Я обедаю в «Парижском кафе»… — «Парижское кафе» («Кафе де Пари») — роскошный кафе-ресторан, размещавшийся в Париже на Итальянском бульваре. В этом же здании размещалась редакция основанной Дюма газеты «Мушкетер».

… Ему принесли двенадцать дюжин остендских устриц и полбутылку йоханнисберга. — Устрицы — съедобные морские моллюски; широко распространены и считаются деликатесом: употребляются в качестве закуски.

Остенде — курортный город и порт в Бельгии на Северном море; остендские устрицы считаются одними из лучших.

Полбутылка — французская мера жидкости, равная 0,37 л, и бутылка того же объема.

Йоханнисберг — по-видимому, речь идет о легком столовом вине из сорта винограда йоханнисберг («сильванер»), выращиваемого в Валлисе (Западная Швейцария), или винах из винограда замка Йоханнисберг в Рейнгау (Германия). Среди последних наиболее известны вина «шпетлезе» из покрытого «благородной» гнилью винограда позднего сбора, используемого для получения высококонцентрированных вин (первое упоминание о них относится к вину урожая 1775 г.). Виноградники замка Йоханнисберг давали небольшое количество чрезвычайно дорогого вина высочайшего качества; в XIX–XX вв. оно не поступало в продажу, а употреблялось для облагораживания вин более низких сортов, которые продавались под названием «йоханнисбергер».

… Затем появился суп из ласточкиных гнезд… — Ласточкины гнезда — деликатес китайской кухни; съедобны гнезда морских ласточек, потому что они их лепят из мелкой рыбешки, выброшенной на берег; вяленая на воздухе и слепленная птичьей слюной рыба приобретает особые вкусовые качества.

… эта рыба водится только в Женевском озере… Ее доставили из Женевы в Париж в озерной воде. — Женевское озеро (фр. название — Леман) расположено в Швейцарии на границе с Францией, между северными предгорьями Альп и Юрой; через озеро протекает река Рона; на берегу озера, в самой западной его точке расположена Женева — один из главных городов Швейцарии, административный центр одноименного кантона.

… *Принесли начиненного трюфелями фазана.* — Трюфели — грибы с клубневидным съедобным плодовым телом, развивающимся под землей; весьма дорогостоящий деликатес.

… *Еще бутылку бордо той же марки.* — Бордо — общее название группы вин, производимых на юге Франции в окрестностях города Бордо, большей частью столовых красных, и отличающихся высокими качествами. Существует несколько сортов бордоского вина группы «мутон» (наименования их образованы прибавлением к слову «мутон» названия местности производства вина).

… *сальми из ортоланов*… — Сальми — рагу из жареной дичи. Ортолан (садовая овсянка) — птица из отряда воробьиных; водится по всей Европе; считается деликатесом.

… *полбутылка констанцского*… — Констанцское — вино, производившееся в Констанце (Констанции) под Кейптауном в Южной Африке. Обладая особо благоприятными для виноградарства землями, эта местность славилась своими винами разных сортов.

… *полбутылка хереса.* — Херес — крепкое испанское вино с небольшим содержанием сахара, отличающееся специфическим вкусом; название получило от города Херес-де-ла-Фронтера в Южной Испании, в окрестностях которого оно производится.

… *Херес, вернувшийся из Индии*… — Для лучшей выдержки херес отправляли в специальное длительное плавание.

Сантим — мелкая французская монета, сотая часть франка.

К главе XXVIII

… *Ножан-Сен-Лоран — защитником.* — Ножан-Сен-Лоран, Эдме Жан Жозеф Жюль Анри (1814–1882) — французский адвокат и политический деятель; депутат Законодательного собрания (1848); ярый сторонник Луи Бонапарта; наиболее активный период его политической деятельности пришелся на годы Второй империи; неоднократно избирался в Национальное собрание (с 1853 по 1869 гг.); после революции 4 сентября 1870 г. был вынужден временно отойти от активной политики, в 1876 г. снова участвовал в выборах, но потерпел поражение как бывший

бонапартист и ушел в частную жизнь.

… язык, похожий на языки геральдических львов… — Геральдика — наука о составлении и описании гербов (гербоведение).

В геральдике, где изображение дается условно, стилизованная фигура льва встречается наиболее часто: это эмблема гордости, мужества и храбрости. В определенных случаях лев изображается с раскрытой пастью, в которой виден язык.

… «Кот, — говорит господин де Бюффон, — неверный слуга…» — Цитируется начало статьи «Кот» во «Всеобщей и частной естественной истории» Бюффона.

Бюффон, Жорж Луи Леклерк, граф (1707–1788) — французский математик, физик, геолог и естествоиспытатель, автор трудов по описательному естествознанию, которые подвергались жестокому преследованию со стороны духовенства; выдвинул представления о развитии земного шара и его поверхности, о единстве органического мира, отстаивал идею об изменяемости видов под влиянием условий среды.

Основной его труд (в соавторстве с другими учеными) — «Всеобщая и частная естественная история» («Histoire naturelle, générale et particulière»), из которой при жизни ученого вышло 36 томов (1749–1788).

… разве он явился к нам с фальшивым аттестатом, подписанным Ласепедом или Жоффруа Сент-Илером… — Ласепед, Бернар Жермен Этьенн (1756–1825) — французский зоолог, изучавший в основном позвоночных животных; с 1795 г. член Института.

Жоффруа Сент-Илер, Этьенн (1772–1844) — французский натуралист; начинал как специалист в области минералогии и кристаллографии; впоследствии особенно прославился как зоолог и сравнительный анатом; один из предшественников эволюционной теории и дарвинизма; оставил множество научных трудов, в которых, наряду с отвергнутыми позднее наукой, излагал положения, лёгшие в основу дальнейшего развития естественных наук; был участником Египетского похода Наполеона и вывез из Египта замечательную естественно-научную коллекцию; много лет читал лекции в Национальном музее естественной истории и в Парижском университете (в 1840 г., ослепнув, вынужден был оставить преподавательскую деятельность); с 1807 г. член Академии наук.

Матарель — Шарль де Фиенн-Матарель (см. примеч. к гл. XI).

К главе XXIX

… Рускони родился в Мантуе, как Вергилий и Сорделло. — О Рускони рассказывается также в «Мемуарах» Дюма (глава LXIII).

Мантуя — старинный город в Северной Италии в области Ломбардия; основана в глубокой древности племенами этрусков; со II в. до н. э. находился под властью римлян; район ее отличается нездоровым климатом из-за находящихся здесь озер и болот; была сильной крепостью и в XVII–XVIII вв. считалась ключом ко всей Северной Италии.

Вергилий (Публий Вергилий Марон; 70–19 до н. э.) — великий римский поэт, автор героического эпоса «Энеида», вершины римской классической поэзии. Вергилий называл Мантую своей родиной, потому что он происходил из близлежащего селения Анды (соврем. Пиетола).

Сорделло из Мантуи (Сордель; ок. 1200 — ок. 1270) — итальянский поэт-трубадур, родом из Прованса; автор многочисленных лирических стихотворений, в том числе мистического характера; его творчество хорошо знал и ценил Данте.

… выпил чашку кофе в обществе Наполеона на острове Эльба… — В 1814 г., потерпев поражение в войне с коалицией европейских держав, Наполеон (см. примеч. к гл. XXI) был сослан на остров Эльба в Средиземном море, откуда бежал весной 1815 г.

… он участвовал в 1822 году в заговоре Карреля в Кольмаре… — Каррель, Никола Арман (1800–1836) — французский журналист и историк, республиканец, один из основателей французской ежедневной газеты «Le National» («Национальная газета»), выходившей в Париже с 1830 по 1851 гг.; бывший военный; в 1823 г. вышел в отставку и уехал в Испанию, чтобы принять участие в Испанской революции, попал там в плен к своим соотечественникам (Франция тогда выступала на стороне испанской реакции), прошел через несколько военных судов, был приговорен к смертной казни, но в конечном счете был оправдан; в 1830 г. был инициатором протеста журналистов против июльских ордонансов; смертельно ранен на дуэли журналистом Эмилем Жирарденом (см. примеч. к гл. XXXVII).

Кольмар — старинный город на востоке Франции, административный центр департамента Верхний Рейн.

В 1822 г. в Кольмаре была предпринята неудачная попытка взбунтовать местный гарнизон, чтобы освободить содержавшихся там в заключении революционеров, участников заговора в Бельфоре (см. выше). Во главе кольмарского заговора стоял офицер-бонапартист Жозеф Огюстен Карон (1774–1822), участник нескольких заговоров против Бурбонов. Каррель был лишь замешан в этот заговор.

… в Нанте он получил из рук г-на де Менара знаменитую шляпу, которую, как уверяют, хранит по сей день семья конюшего его высочества как бесценную память о госпоже герцогине Беррийской. — Его высочество — по-видимому, сын герцогини Беррийской герцог Бордоский, Анри Шарль Фердинанд Мари Дьёдонне (1820–1883) — внук Карла X, сын его второго сына Шарля Фердинанда, герцога Беррийского (1778–1820), убитого в 1820 г.; родился через семь с лишним месяцев после смерти отца, поэтому в 20-х и 30-х гг. XIX в. законность его рождения подвергалась орлеанистами сомнению: в истории более известен под именем графа Шамбора по имени его владения — исторического замка на Луаре. Во время Июльской революции Карл X и его наследник герцог Ангулемский отреклись от престола в его пользу и провозгласили мальчика законным королем Генрихом V. Однако новый государь не был признан и удалился в вынужденную эмиграцию, где оставался до 70-х гг. XIX в. Все это время он считался французскими легитимистами (сторонниками династии Бурбонов), ведшими активную агитацию в его пользу, претендентом на престол. Однако граф Шамбор своей консервативной позицией, верностью католицизму и принципам абсолютной монархии, отказом признать произошедшие после 1830 г. изменения в стране постоянно срывал их планы, даже вслед за состоявшимся в 1873 г. объединением домов Бурбонов и Орлеанов. В 1875 г. он фактически отрекся от своих притязаний.

Герцогиня Беррийская, Мария Каролина (1798–1870) — дочь неаполитанского короля Франческо I, с 1816 г. жена герцога Беррийского; широкую известность получила ее попытка в 1832 г. поднять во Франции восстание в пользу своего сына, наследника Бурбонов; после ареста в Нанте и огласки факта ее второго, тайного брака и рождения в нем ребенка отошла от политической деятельности. Герцогиня Беррийская — героиня романа Дюма «Волчицы Машкуля» (1858).

Менар — конюший (т. е. управляющий конюхами и

конюшнями) герцогини Беррийской, сопровождавший ее в Нант.

… Это была одновременно и одиссея и илиада. — «Одиссея» и «Илиада» — поэмы великого древнегреческого полулегендарного слепого певца и поэта Гомера (жил, по преданию, в период с XII–VII вв. до н. э.), родоначальника героического эпоса, который свел воедино и художественно обработал существовавшие до него героические предания.

В поэме «Одиссея» описываются многолетние странствия и приключения Одиссея, царя легендарного острова Итаки, во время его возвращения с Троянской войны (похода греков на город Трою в Малой Азии), которая происходила, вероятно, в XIII–XII вв. до н. э. В обиходной речи одиссеей называют долгое, полное приключений путешествие.

«Илиада» — эпическая поэма, повествующая о нескольких днях Троянской войны (другое название Трои — Илион, что и дало название поэме).

… участвовавший в кампании 1812 года… — То есть в походе Наполеона на Россию, продиктованном интересами захватнической политики крупной французской буржуазии. Целью его было заставить Россию экономически подчиниться интересам Франции, а также создать ей вечную угрозу в виде вассальной, всецело зависимой от французов Польши, к которой надлежало присоединить Литву и Белоруссию; существовал и дальний прицел — достичь Индии. Для России борьба против этого нападения была единственным средством сохранить свою экономическую и политическую самостоятельность, спастись не только от разорения, которое несла с собой континентальная блокада, уничтожившая русскую торговлю с англичанами, но и от будущего расчленения. Поэтому война стала для России Отечественной.

12 июня 1812 г. Наполеон с огромной армией вторгся в пределы России. С начала войны отступление русской армии стало делом не свободного выбора, а суровой необходимости. После кровопролитного сражения при Бородине главнокомандующий русскими войсками М. И. Кутузов (1745–1813) приказал оставить Москву. В опустевшем городе, который заняли французы, начались пожары. Положение французской армии становилось тяжелым, начал чувствоваться недостаток продовольствия и военных припасов, что заставило Наполеона выступить в обратный путь. Войска Кутузова и партизаны не дали ему пройти по нетронутым войной районам, постоянные нападения партизан и наступившие холода усилили трудности и

увеличили потери. 14 ноября остатки французской армии переправились через Березину.

… с итальянской дивизией генерала Фонтанелли… — Фонтанелли, Акилле, граф (1775–1838) — генерал, в 1811–1814 гг. военный и морской министр королевства Италии (вассального государства в Северной и Средней Италии, созданного Наполеоном, который был его королем, и ликвидированного после его первого отречения). Итальянские войска участвовали в походе 1812 г. на Россию в составе Великой армии.

… во время поражений 1814 года уехал в Милан. — Милан — старинный город на севере Италии, центр Ломбардии; в средние века — городская республика и самостоятельное герцогство; в 1525 г. попал под власть Австрии; в 1797 г. стал столицей зависимых от Франции Цизальпинской и Итальянской республик и Итальянского королевства (с перерывом в 1799–1800 гг., когда был занят русско-австрийскими войсками); с 1815 снова попал под австрийское иго; в 1859 г. вошел в состав Сардинского, а в 1861 г. — единого Итальянского королевства.

… император, раздавший столько тронов, только что и сам получил один. — Фактически подчинив себе всю Европу, Наполеон сделал королями и владетельными князьями своих братьев, маршалов и министров. Когда он был сослан на Эльбу, за ним был сохранен императорский титул.

… Священный союз не слишком расщедрился… — Священный союз — коалиция России, Австрии и Пруссии для борьбы против революционных и национально-освободительных движений; к ней присоединились почти все монархи Европы; договор о создании Союза был подписан в сентябре 1815 г. Цели новой организации были сформулированы в «Акте Священного союза». Первая из них — сохранение в неприкосновенности границ, установленных Венским конгрессом 1814–1815 гг., на котором правители держав, победивших Наполеона, решали проблемы послевоенного устройства Европы.

… При посредстве Вантини, императорского прокурора острова Эльба… — Императорским (а также королевским, или республиканским) во Франции XIX в. называли прокурора при суде первой инстанции.

… получил место комиссара особой полиции в Портоферрайо. — Портоферрайо — главный город острова Эльба, резиденция Наполеона во время его ссылки.

… Донесение попало к Камбронну. — Камбронн, Пьер Жак Этьенн, граф (1770–1842) — французский генерал, участник революционных и наполеоновских войн; последовал за Наполеоном на Эльбу и был там начальником его немногочисленной гвардии; при Ватерлоо (1815) командовал бригадой старой гвардии и был ранен; во время боя на предложение англичан сдаться ответил площадной бранью; ему приписывают ставшие крылатыми слова «Гвардия умирает, но не сдается».

… генерал Друо потребовал донесение. — Друо, Антуан, граф (1774–1847) — французский генерал, артиллерист, участник революционных и наполеоновских войн; сопровождал Наполеона на Эльбу и принимал участие в битве при Ватерлоо; с 1831 г. пэр Франции.

… после Ватерлоо ему пришлось начать новую жизнь. — Ватерлоо — селение в Бельгии неподалеку от Брюсселя, где 18 июня 1815 г. войска Наполеона были разгромлены соединенными силами Англии, Пруссии и Нидерландов; французская армия практически перестала существовать; после этого поражения Наполеон окончательно отрекся от престола и вскоре был сослан на остров Святой Елены.

… благодаря своим кадастровым познаниям… стал зарабатывать себе на хлеб… — Кадастр — систематизированный свод сведений, составляемых периодически или путем непрерывных наблюдений над соответствующим объектом (например, земельный, водный и т. п.); описание и оценка частных поземельных владений для правильного обложения налогом.

… измеряя Францию в том виде, в каком оставили ее нам союзники. — По Парижскому мирному договору от 30 мая 1814 г., заключенному после первого отречения Наполеона, Франция сохранялась в границах 1792 г. (до начала республиканских и наполеоновских войн) и даже получила незначительные территориальные приращения.

По Парижскому миру от 20 ноября 1815 г. (после окончательного отречения императора) между Францией и

участниками последней (седьмой) антифранцузской коалиции — Австрией, Англией, Пруссией и Россией — французская территория была сведена к границам 1790 г. Страна лишилась ряда важных в стратегическом отношении районов на северной и восточной границах.

… *Во главе этого заговора стоял генерал Дермонкур, бывший адъютант моего отца.* — Дермонкур, Поль Фердинан Станислас (1771–1847) — французский военный, человек с яркой и типичной для своего времени биографией: сын мельника, участник взятия Бастилии, добровольно ушедший в армию в 1791 г.; с блеском служил в ходе революционных и наполеоновских войн, получил при Наполеоне чин генерала, титул барона и командорский крест Почетного легиона; после возвращения Бурбонов, как и многие наполеоновские офицеры, был переведен на половинное жалованье; с 1821 г. — в полной отставке. Он был замешан в т. н. бельфорском заговоре 1821 г. Группа карбонариев, пользовавшихся большим влиянием в бельфорском гарнизоне (Бельфор — город и крепость на востоке Франции) и гарнизонах некоторых соседних городов, собиралась во главе большого воинского отряда выступить на Париж, где у них были сообщники и единомышленники: к заговору были причастны также некоторые политические деятели того времени; в результате случайного стечения обстоятельств заговор был обнаружен еще до того, как начали осуществляться его планы; однако осужден генерал по этому делу не был; при Луи Филиппе он вернулся на действительную военную службу (ему сдалась в 1832 г. во время своей неудачной экспедиции герцогиня Беррийская); с 1833 г. — в отставке.

Луидор (луи, «золотой Людовика») — французская золотая монета крупного достоинства, чеканившаяся с XVII в.; в описываемую эпоху стоила 20 франков.

… *как прав г-н Жакаль, который при любых обстоятельствах говорит: «Ищите женщину!»* — Жакаль — персонаж романов Дюма «Парижские могикане» и «Сальватор», начальник парижской тайной полиции.

Крылатое выражение «Ищите женщину!» («Cherchez la femme!»), перешедшее и в другие европейские языки, приобрело популярность благодаря роману «Парижские могикане», хотя аналогичное по смыслу выражение встречается и у античных авторов. Дюма прямо заимствовал эту формулу (по-видимому, узнав о ней из каких-то мемуаров) у начальника (генерал-

лейтенанта) французской полиции де Сартина (1729–1801).

… к мосту у старого Брейзаха… — Речь идет о немецком городе Альтбрейзах (чаще называемом просто Брейзах) на правом берегу Рейна в 20 км к востоку от Кольмара.

… высадила двух охотников на другом берегу Рейна, то есть на чужой земле. — Граница Франции и Германии частично проходит по Рейну.

… Разразилась революция 1830 года… — Имеется в виду французская революция, начавшаяся 27 июля 1830 г. в Париже. В результате Июльской революции был свергнут режим Реставрации, покончено с попытками восстановления абсолютной монархии, и к власти пришла династия Орлеанов, представлявшая главным образом интересы финансовых кругов.

… Назначенный командующим в департамент Нижней Луары… — Нижняя Луара — департамент в Западной Франции на побережье Бискайского залива; ныне входит в департамент Луара.

… сидел в мансарде дома, принадлежавшего девицам де Гиньи… — Гиньи — реальные лица, жительницы Нанта; в ноябре 1832 г. в их доме скрывалась герцогиня Беррийская.

… Мадам была ближе всех к доске… — Мадам — титул жены брата короля или королевской дочери в дореволюционной Франции.

… Затем вышла мадемуазель де Керсабьек… — Керсабьек, Стилл — реальное лицо; сопровождала герцогиню Беррийскую во время ее попытки поднять восстание во Франции.

… История умалчивает о том, что именно лежало в шляпе… — Здесь намек на то, что в шляпе находился ребенок, рожденный от второго брака герцогини Беррийской в то время, когда она скрывалась в тайнике. На самом деле беременность герцогини стала известна властям некоторое время спустя, уже во время плена будущей матери. Герцогиня была подвергнута унизительному тюремному режиму и медицинскому надзору, чтобы не дать ей родить тайно и скрыть ребенка; после родов и их огласки она была освобождена.

… господин префект, Морис Дюваль, говорил с ней, не снимая

шляпы. — Дюваль, Морис Жан (1778–1861) — французский государственный деятель, пэр Франции, префект Нанта; стал крайне непопулярным в городе после ареста герцогини Беррийской.

… *Подобно Арбогасту господина Вьенне*… — «Арбогаст» — пятиактная трагедия Вьенне (см. примеч. к гл. I); представленная в Комеди Франсез, показана не была, но стала известной, вызвав массу эпиграмм, насмешек и критики.

К главе XXX

… *Битва… происходила между собакой и мавром*… — Мавры — средневековое название мусульманского населения Северной Африки (кроме Египта), а затем и Испании.

К главе XXXI

… *Сначала надо сделать прижигание*… — В те годы рану, чтобы избежать воспаления, прижигали т. н. адским камнем, или ляписом, то есть нитратом серебра.

… *я боюсь не бешенства, я боюсь лишь столбняка.* — Бешенство («водобоязнь») — смертельная болезнь человека и животных, тяжелое поражение центральной нервной системы; вирус бешенства передается через слюну больных животных (главным образом при укусе). Столбняк — острое инфекционное заболевание (с мучительными судорогами, болями и т. д.); вызывается бациллой, которая живет в кишечнике животных, а оттуда попадает в землю; может проникнуть в организм человека через рану или слизистую оболочку.

… *Вы будете лечить меня ледяной водой по методу Бодена и Амбру аза Паре.* — Боден, Жан Батист Луи (1804–1857) — французский военный хирург; принимал участие в Крымской войне 1853–1856 гг.; автор ряда научных работ.

Паре, Амбруаз (ок. 1517–1590) — знаменитый французский врач; сыграл большую роль в превращении хирургии из ремесла в научную медицинскую дисциплину; автор ряда научных трудов.

… *затампонировал раны корпией*… — Тампон — кусок (или полоска) стерильной марли, ваты или корпии для введения в

полость или рану с целью остановки кровотечения, для отсасывания каких-либо выделений или с другими лечебными целями.

Корпия — ныне вышедший из употребления перевязочный материал; нитки, нащипанные из тряпок (употреблялся до появления ваты).

… *из руанского фаянса*… — Производство фаянса процветало в Руане (см. примеч. к гл. XIII) с XVI в.

… *Гюден (он был моим соседом) зашел меня навестить*… — Вероятно, имеется в виду Гюден, Жан Антуан Теодор (1802–1880) — французский художник-маринист; обратил на себя внимание знатоков в 1822 г.; был чрезвычайно плодовит; в кон. 30–40-х гг. XIX в. создал серию из 90 картин, посвященных истории французского флота.

К главе XXXII

… *к славному фермеру по имени Моке, в Брассуар.* — Моке — реальное лицо, богатый крестьянин; упоминается в ряде произведений Дюма.

Брассуар — ферма между лесами Виллер-Котре и Компьеня, на расстоянии 3,5 лье от Виллер-Котре.

… *там я, охотясь вместе с моим зятем и с г-ном Девиоленом, убил своего первого зайца.* — Имеется в виду Летелье, Виктор (1787–1861) — зять Дюма, муж его сестры Мари Александры Эме (1793–1881); главный контролер сбора пошлин в Суасоне (1813).

Девиолен, Жан Мишель (1765–1831) — муж тетки Дюма; его семья опекала рано осиротевшего мальчика; Дюма любил его больше всех после отца; инспектор охотничьих угодьев герцога Орлеанского (1823); прекрасный стрелок, неоднократно принимавший участие в охоте вместе с Дюма.

… *у меня излияние синовиальной жидкости в колене*… — Синовиальная жидкость — вязкая прозрачная жидкость, заполняющая суставные полости, синовиальные влагалища сухожилий и синовиальные (слизистые) сумки; напоминает яичный белок.

… *направились, подобно трем Куриациям, рассказ о битве которых я переводил накануне из «De viris illustribus», к моему*

оврагу. — Согласно легенде, во время борьбы Рима за присоединение соседнего города Альба Лонги было договорено, что решить исход борьбы должен поединок между отдельными воинами. Со стороны римлян вызвались бороться трое братьев-близнецов Горациев, а со стороны альбанцев — трое братьев-близнецов Куриациев.

Два римлянина ранили трех Куриациев, но сами были убиты. Третьему же из Горациев удалось одолеть всех соперников: он обратился в притворное бегство и поочередно убивал настигавших его врагов.

«De viris illustribus» (точнее: «De viris illustribus urbis Romae» — «О знаменитых мужах города Рима») — название сборника текстов для первоначального обучения латинскому языку, составленного французским писателем и филологом аббатом Шарлем Франсуа Ломоном (1727–1794).

… бросился на своего зайца, продолжавшего исполнять самую разнузданную карманьолу… — «Карманьола» — популярная революционная песня, сопровождавшаяся зажигательным танцем; впервые прозвучала на улицах Парижа в сентябре 1792 г., когда неизвестный певец использовал напев народной песни из города Карманьола в Северной Италии (отсюда ее название), занесенный в столицу национальными гвардейцами из Марселя, для создания произведения, направленного против королевской семьи; состояла из множества постоянно обновляемых куплетов на злобу дня с непременным припевом «Станцуем карманьолу…»

Запрещенная Наполеоном, эта песня в различных вариантах и много раз возрождалась во Франции и в других странах во время революционных событий XIX и даже XX в. Ее мотив неоднократно использовался в операх, балетах и симфонических произведениях.

… прижал его к груди, как Геракл — Антея… — Геракл (Геркулес) — величайший из героев древнегреческой мифологии; прославился своей атлетической мощью и богатырскими подвигами; двенадцать самых известных из них по приговору богов он должен был совершить на службе у своего родственника, за что ему было обещано бессмертие.

Антей — герой древнегреческой мифологии, великан-богатырь, сын богини Геи-Земли; был непобедим в единоборстве, так как, прикасаясь к матери-земле, немедленно обретал новые силы. Геракл победил Антея, подняв его в воздух и задушив.

… Арналь впоследствии назвал его кроличьим ударом… — По-видимому, речь идет об известном комическом актере и поэте

Этьенне Арнале (1794/1799–1872); в 1817 г. он играл в ряде парижских театров: Варьете, Водевиль, Жимназ и других; оставил сцену в 1863 г.

К главе XXXIII

… я оказался во главе колонны — моего сына, Маке и моего племянника. — Имеется в виду Жак Жюльен Альфред Летелье (1818 — после 1885) — племянник и одно время (1844) секретарь Дюма.

… легче, чем верблюд из Священного писания, пролез бы в игольное ушко. — Имеется в виду ставшее поговоркой поучение Иисуса: «И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Матфей, 19: 24).

… мой племянник относился бы к отряду голенастых. — Голенастые (аистообразные) — отряд птиц, имеющих длинные ноги.

… он рассматривает наш обед как сибаритство, недостойное настоящего охотника… — Сибарит — изнеженный, праздный, избалованный роскошью человек, любитель наслаждений.

… глухой, словно Смерть у Малерба… — Здесь речь идет о поэтическом образе из стихотворения Малерба (см. примеч. к гл. XIV) «Утешение Дюперье по поводу смерти его дочери».

… она смотрит на Мориенваль, не горит ли Пьерфон. — Мориенваль — селение в 12 км к западу от Виллер-Котре.

Пьерфон — французский феодальный замок-крепость в Северной Франции, построенный в XIV в.: принадлежал герцогам Орлеанским; в XVII в. перешел во владение короля, а его укрепления были разрушены; в нач. XIX в. развалины его были выкуплены Наполеоном I, а в 1862 г. замок был восстановлен в своем первоначальном виде; расположен к северо-западу от Виллер-Котре, градусах в 30 от Мориенваля, если смотреть из Виллер-Котре.

… Это собака трапписта. — Траппист — член монашеского ордена, основанного в 1636 г. в монастыре Ла Трапп во Франции. Устав ордена отличался особой строгостью и аскетизмом; монахи

ходили без рубашек, скудно питались, соблюдали обет молчания.

К главе XXXIV

… был вынужден вернуться в Компьень в наряде шотландского стрелка. — Компьень — город на севере Франции; в XVIII–XIX вв. — одна из королевских резиденций; находится в 25 км к северо-западу от Виллер-Котре.

Здесь речь идет о части средневекового шотландского национального костюма: короткой юбки из клетчатой ткани. Шотландские полки английской армии носили такой наряд даже в XX в.

… в супрефектуре Уаза мы наняли небольшую открытую повозку… — Супрефектуры — районные административные управления во Франции, созданные согласно закону от 17 февраля 1800 г. Одновременно вводилась должность супрефектов («подпрефектов») — по одному на каждый из административных округов, входивших в департамент; супрефекты являлись как бы посредниками между этими округами и префектурой департамента. Супрефекты могли также замещать префектов при чрезвычайных обстоятельствах или в случае, если префект по каким-то причинам передавал им на время свои полномочия.

Департамент Уаза расположен неподалеку от Парижа, в северном направлении.

… Наш буцефал получил имя Ненасытного… — Буцефал — знаменитый боевой конь Александра Македонского, отличавшийся силой и дикостью; юноша Александр сумел укротить Буцефала, который только ему и разрешал на себя садиться; царь постоянно ездил на нем и чтил после смерти; по некоторым сведениям, Буцефал принадлежал к особенной породе коней, разводившейся в Фессалии, одной из областей Древней Греции. Его имя стало нарицательным для обозначения породистого коня; иногда употребляется в ироническом смысле.

… ржал, вскидывал голову и двигал ушами — наподобие телеграфа… — Здесь имеется в виду оптический телеграф, называвшийся также семафором, изобретенный и введенный в широкое употребление во Франции в кон. XVIII в.; применялся до середины следующего столетия. Передача сообщений осуществлялась при помощи подвижных планок, которые могли принимать 196 различных положений, изображая столько же

отдельных знаков букв и слогов. Наблюдение за ними велось с другой станции с помощью подзорных труб. Передача сведений при помощи семафора происходила довольно быстро, но затруднялась погодными условиями и была невозможна ночью.

… в пальто, вроде того, в каком является в «Бродячих акробатах» Бильбоке — Одри… — «Бродячие акробаты» («Паяцы») — балаганная трехактная комедия французских драматургов Дюмерсана и Варена, поставленная впервые в Париже в 1831 г. (напечатана в 1838 г.). Дюмерсан, Теофиль Марион (1780–1849) — французский романист, а также автор многочисленных работ по нумизматике.

Варен — второстепенный французский драматург, работавший обычно в соавторстве с другими писателями.

Бильбоке — центральный персонаж этой комедии, роль которого исполнял Одри.

Одри, Жак Шарль (1781–1853) — французский комический актер; выступление в роли медведя было одной из его лучших буффонад.

… Александр заметил мне, что он ближе к Ипполиту по возрасту и потому править следует ему. — Ипполит — в древнегреческой мифологии, античных трагедиях и трагедии «Федра» французского драматурга Ж. Расина (1639–1699) сын Тесея, царя Афин. Оклеветанный, он был изгнан отцом; по дороге кони его понесли и царевич погиб.

… Дорожные службы проявили удивительную заботу о путниках… — Дорожная служба — государственная администрация, осуществлявшая технический и политический контроль за сухопутными путями сообщения во Франции.

… известно ли тебе, что говорил господин де Талейран ферретскому бальи… — Талейран-Перигор, Шарль Морис, князь Беневентский (1754–1838) — выдающийся французский дипломат, происходивший из старинной аристократической семьи; в 1788–1791 гг. — епископ Отёнский; член Учредительного собрания, где присоединился к депутатам от буржуазии; в 1792 г. ездил с дипломатическим поручением в Англию; министр иностранных дел в 1797–1799, 1799–1807, 1814–1815 гг.; посол в Лондоне в 1830–1834 гг.; был известен крайней политической беспринципностью и корыстолюбием.

Феррет — по-видимому, селение в Восточной Франции в департаменте Верхний Рейн.

Бальи — королевский чиновник, глава судебно-административного округа.

… которые я преподнес лесным нимфам. — Нимфы (гр. nymphai — «девы») — в древнегреческой мифологии долговечные, но смертные божества живительных и плодоносящих сил дикой природы; различались нимфы морские (нереиды), рек, источников и ручьев (наяды), озер и болот (лимнады), гор (орестиды), деревьев (дриады) и др.; представлялись в виде обнаженных или полуобнаженных девушек.

… они примут тебя за Нарцисса… — Нарцисс — в древнегреческой мифологии прекрасный юноша, гордившийся своей красотой; за то, что он отверг любовь нимфы Эхо, был наказан богиней любви Афродитой: увидев в воде собственное отражение, он влюбился в него и, терзаемый этой безнадежной любовью, умер.

… в Крепи был базарный день… — Имеется в виду Крепи-ан-Валуа — город в департаменте Уаза в 64 км северо-восточнее Парижа.

К главе XXXV

… Как я привез из Константины грифа… — Константина — город на северо-востоке Алжира, центр одноименного департамента; известен с глубокой древности; завоеван французами в конце 1837 г.

… два человека в сопровождении двух спаги… — Спаги — регулярная туземная кавалерия с офицерами-европейцами, сформированная во французской армии в первой пол. XIX в. во время колониальной войны в Алжире; так же назывались и солдаты этой кавалерии.

… после долгой поездки по дороге, ведущей из Блиды в Алжир. — Блида — город на севере Алжира, основанный в XVI в.; лежит к юго-западу от города Алжир.

В античное время на месте современного города Алжир был небольшой финикийский, а затем римский порт Икозиум; в раннее средневековье он был почти до основания разрушен арабами. В X в. алжирская бухта стала местом постройки нового города и порта. В нач. XVI в. Алжиром завладели испанцы, а

последующие три столетия он был центром военно-феодального государства Алжир, входившего в состав Османской империи. 5 июля 1830 г. французы овладели Алжиром, положив начало колониальному захвату и порабощению Францией всей страны. Более 130 лет Алжир являлся административным центром важнейшей французской колонии в Африке, а с 1962 г. стал столицей Алжирской республики.

По-русски страна и город Алжир пишутся и произносятся одинаково, но по-французски название страны Algerie (Альжери) — Алжирия. Этот термин, более точный, употреблялся в русской литературе XIX — нач. XX в.

… устроил бы так, чтобы Дюма совершил то же самое путешествие, что и мы, и написал два-три тома об Алжире. — Совершив подобное путешествие, Дюма написал книгу путевых впечатлений «“Быстрый”, или Танжер, Алжир и Тунис» («Le Véloce ou Tanger, Alger et Tunis»), выпущенную в 4 томах издательством Кадо в 1848–1851 гг.

… г-н де Сальванди, министр народного просвещения… — Сальванди, Нарсис Ашиль, граф де (1795–1856) — французский писатель и государственный деятель; сторонник династии Орлеанов; министр просвещения в 1837–1839 и 1845–1848 гг.

… прославленный путешественник и любимый мой друг Ксавье Мармье. — Мармье, Ксавье (1809–1892) — французский литератор, литературовед, автор романов и рассказов этнографического содержания, путешественник.

… господин герцог Орлеанский поручил ему наградить нас с Гюго: его — крестом офицера Почетного легиона, меня — крестом кавалера этого ордена. — Здесь имеется в виду герцог Фердинанд Орлеанский (1810–1842) — французский военачальник, старший сын и наследник короля Луи Филиппа; погиб в результате несчастного случая: разбился, выскочив на ходу из коляски, лошади которой понесли.

Имеется в виду орден Почетного легиона, высшая награда Франции, вручаемая за военные и гражданские заслуги; ныне имеет пять степеней; основан Бонапартом в 1802 г.; первые награждения им произведены в 1804 г.; знак ордена имеет форму пятиконечного креста.

Эти награждения крестами Почетного легиона были приурочены к свадьбе герцога Орлеанского. Гюго (см. примеч. к гл. XXVI) был награжден 2 июля 1837 г.

Дюма получил крест кавалера Почетного легиона (знак низшей степени этого ордена) 3 июля 1837 г., несмотря на противодействие Луи Филиппа.

… он счел нужным присоединить к нам одного славного малого по имени Грий де Брюзелен. — Вероятно, в оригинале опечатка (надо читать Beuzelin, а не Bruzelin) и имеется в виду Грий де Бюзелен, Луи Ипполит Теодор (1808–1845) — автор статей по археологии и истории памятников античности.

… Господин де Сальванди тоже сочинил в молодые годы нечто вроде романа, озаглавленного «Алонсо, или Испания»… — Исторический роман Сальванди «Дон Алонсо, или Испания, современная история» вышел двумя изданиями в Париже в 1824 г.

… Я должен был отправиться двадцать шестого июля тысяча восемьсот тридцатого года в пять часов вечера, но в пять утра в «Монитёре» появились известные ордонансы. — «Монитёр» («Moniteur Universel» — «Всеобщий вестник») — французская ежедневная газета; основана в 1789 г. в Париже как орган либералов; в 1799–1869 гг. — официальная правительственная газета; выходила до 1901 г.

26 июля 1830 г. французское правительство опубликовало четыре ордонанса (королевских указа), фактически восстанавливавших абсолютную монархию. Первым упразднялась свобода печати, второй объявлял Палату депутатов распущенной; третий представлял новый избирательный закон, которым число избирателей сокращалось на три четверти, число депутатов определялось в 258, а Палата лишалась права вносить поправки в законопроекты; четвертый назначал выборы на 28 сентября. Эти ордонансы явились поводом к Июльской революции и окончательному свержению Бурбонов.

… вместо того чтобы сесть в мальпост, я взял ружье… — Мальпост — курьерская почтовая карета, перевозившая 2–3 пассажиров и легкую почту.

… три дня спустя, вместо того чтобы прибыть в Марсель, явился в Лувр. — Из Марселя уходили корабли в Алжир; путь туда составляет около 760 км.

Марсель — город и торговый порт на Средиземном море, восточнее устья Роны; основан ок. 600 г. до н. э. греческими колонистами из Фокеи.

Лувр — дворцовый комплекс в Париже на берегу Сены, соединявшийся галереей с дворцом Тюильри; бывшая крепость, охранявшая подходы к Парижу с запада; строился в XII–XIX вв.; в XVI–XVII вв. — главная резиденция французских королей; с кон. XVIII в. — музей: в той части дворцового комплекса, что была построена в нач. XIX в., размещалось министерство финансов.

Дюма явился в Лувр 30 июля 1830 г., на следующий день после того, как дворец был взят восставшими парижанами.

… я был молодым человеком, вроде саламанкского бакалавра, бродившего по дорогам пешком… — Бакалавр — во многих европейских странах низшая университетская степень, возникшая еще в средние века; во Франции присваивается выпускникам средних учебных заведений и дает право поступления в университет или иное высшее учебное заведение.

Саламанка — старинный город в Испании; упоминается с V в. до н. э.; известен своим университетом, основанным в XIII в.

В средние века, в первые столетия существования европейских университетов, многие студенты странствовали из одного учебного заведения в другое.

… Я хочу, чтобы в мое распоряжение и в распоряжение моих спутников был предоставлен государственный корабль, на котором мы будем двигаться вдоль берегов Алжира… — Экспедиции Дюма был предоставлен правительством французский военный корабль «Быстрый».

… мне надо закончить два-три романа — это займет две недели… — Дюма заканчивает в это время «Шевалье де Мезон-Ружа» и «Графиню де Монсоро», начинает печатать «Бастарда де Молеона», берется за «Джузеппе Бальзамо» и «Две Дианы».

… мне надо продать несколько купонов железной дороги… — Купон — часть ценной бумаги (облигации или акции), которая отрезается от нее и передается вместо расписки при получении процентов или дивиденда.

… А ваш Исторический театр? — Исторический театр был основан Дюма в Париже в 1847 г. (с финансовой помощью герцога Монпансье) главным образом для постановки своих пьес; первое представление (пьеса «Королева Марго») состоялось 20 февраля 1847 г. Театр прекратил свое существование примерно в 1849 г. из-за денежных затруднений.

… имел честь обедать в Венсене с господином герцогом де Монпансье. — Здесь речь идет о королевском дворце, построенном в 1654 г. рядом с Венсенским замком.

Монпансье, Антуан Мари Филипп Луи Орлеанский, герцог де (1824–1890) — пятый сын короля Луи Филиппа; после Февральской революции 1848 года жил в Англии, затем в Испании; французский артиллерийский генерал; был дружен с Дюма; с 1846 г. женат на Марии Луизе Фернанде де Бурбон (род. в 1832 г.), младшей сестре королевы Испании Изабеллы II (см. примеч. к гл. XXXVI).

… А зачем мне проезжать через Испанию, монсеньер? — Затем, чтобы быть на моей свадьбе… — Свадьба герцога Монпансье состоялась 10 октября 1846 г., в один день со свадьбой королевы Изабеллы II (она вышла замуж за одного из испанских принцев, своего родственника). Эти т. н. «испанские браки» были завершением определенного этапа борьбы европейских держав (Франции, Англии, Австрии и Неаполитанского королевства) за влияние на испанскую королевскую семью, а через нее и на всю испанскую политику. Подобное завершение политической интриги считалось важной победой французской дипломатии (прежде всего над английской); Луи Филипп не только внедрял в Испанию своего сына, но и приобретал шансы на наследование престола своими внуками, так как появление детей у королевской четы считалось проблематичным.

… У меня были на пятьдесят тысяч франков купонов Лионской железной дороги. — Лион — один из крупнейших городов Франции; расположен при слиянии рек Роны и Соны.

Лионская железная дорога — одна из первых во Франции; строилась по инициативе местных промышленников для перевозки тяжеловесной горнопромышленной продукции. Разрешение от министерства мостов и дорог было выдано Луарской угольной компании. Она стала прокладывать по английскому образцу чугунные рельсы для вагонов на конной тяге, в которых уголь из Сент-Этьенна доставлялся в Лион. Эта исключительно горнопромышленная линия, проложенная в 1823 г. от Андрезье до Сент-Этьенна (22 км), в 1826 г. была продлена от Сент-Этьенна до Лиона, а в 1828 г. — от Андрезье до Роана. Очень скоро эта линия сообщения между Роной и Луарой стала осуществлять и пассажирские и товарные перевозки. В 1831 г. здесь была введена паровая тяга, и в 1836 г. было перевезено уже 170 000 пассажиров. В 1842–1844 гг. была выдана лицензия на продолжение строительства Лионской железной

дороги до Парижа.

… я велел перевести эти деньги господину маршалу Бюжо. — Бюжо де ла Пиконри, Тома Робер (1784–1849) — французский политический и военный деятель; маршал Франции, орлеанист, командовал войсками, подавившими республиканское восстание в Париже в 1834 г.; один из организаторов колониальных войн в Алжире и Марокко; в 1841–1847 гг. генерал-губернатор Алжира; автор многих сочинений по военному делу.

… Я написал своему сыну и Луи Буланже… — Буланже, Луи Кандид (1806–1867) — французский художник романтического направления; писал картины на литературные, религиозные и исторические темы; директор музея и школы изящных искусств в Дижоне; иллюстратор произведений Гюго; оставил также ряд портретов, в том числе портреты Дюма-отца, Дюма-сына и О. Маке.

… То же самое циркулярное письмо я написал Маке… — Маке — см. примеч. к гл. XI.

… Шеве, которому я был должен 113 франков… — Шеве — содержатель ресторана в Париже. Среди блюд его кухни пользовались известностью начиненные трюфелями индейки, паштеты и т. д.

… Его зовут Поль? — Поль (ок. 1821–1847) — абиссинский араб, слуга и переводчик Дюма в 1846–1847 гг.; умер от тифа; персонаж очерков «Путешествие из Парижа в Кадис», «“Быстрый”, или Танжер, Алжир и Тунис» и повести «Джентльмены Сьерры-Морены».

… он имеет другое имя — арабское, которое означает «Росный Ладан». — Росный ладан — ароматическая смола; добывается из некоторых видов деревьев, растущих в Восточной Азии; употребляется в медицине, парфюмерии и в качестве ароматического вещества для воскурения во время религиозных церемоний.

… ничем не напоминал конголезских или мозамбикских негров… — Конголезские негры — коренное население бассейна реки Конго в экваториальной Африке; по антропологическому типу принадлежат к негроидной расе.

Мозамбикские негры — негроидные племена, коренное

население государства Мозамбик, расположенного в Юго-Восточной Африке (до 1975 г. португальской колонии).

… Это был абиссинский араб… — Абиссиния — неофицальное название Эфиопии, государства в Восточной Африке. Арабское население Эфиопии невелико: арабы живут главным образом в городах восточной части страны.

… оттенок его кожи осчастливил бы Делакруа. — Делакруа, Эжен (1798–1863) — один из наиболее значительных французских художников XIX в., выдающийся живописец, крупнейший представитель романтизма во французском изобразительном искусстве; оставил чрезвычайно богатое и разнообразное художественное наследие; характерными темами для его романтически приподнятых картин были события античной и средневековой истории, литературные, мифологические и религиозные сюжеты, а также сцены из жизни Востока (в 1832 г. он совершил путешествие по Алжиру и Марокко); был далек от политики, однако придерживался передовых убеждений. Его посвященная Июльской революции знаменитая картина «28 июля 1830 года», которую часто называют «Свобода на баррикадах» (на ней изображена аллегорическая фигура Свободы — прекрасной полуобнаженной женщины, с трехцветным знаменем в одной руке и ружьем в другой вдохновляющей на бой повстанцев), приобрела для французского народа значение революционного символа. Делакруа оставил также интересное литературное наследие — дневник, письма, статьи.

… на склоне гор Саман, между берегами озера Амбра и истоками Голубой реки… — Саман (или Семин, Сымен) — цепь гор в Эфиопии, идущая с юго-запада к северо-востоку.

Амбра — по-видимому, речь идет о высокогорном озере Тана в Эфиопии.

Голубая река (Голубой Нил, араб. Бахр-эль-Азрак, эфиоп. Аббай) — судоходная река в Эфиопии и Судане; правый, самый многоводный приток Нила; берет начало на Эфиопском нагорье; протекает через озеро Тана; название связано с чистотой и прозрачностью ее вод; длина 1600 км.

… перебравшись через Аденский залив… — Аденский залив Аравийского моря находится между полуостровами Аравийским и Сомали; сообщается Баб-эль-Мандебским проливом с Красным морем.

… проехать через Эмфрас и Гондар… — Эмфрас — город в Восточной Африке, в 48 км к югу от Гондара.

Гондар (Гондэр) — город на севере Эфиопии; в XVII–XIX вв. ее столица.

… они достигли истоков реки Рахад… — Рахад — река на территории Судана и Эфиопии; впадает в Голубой Нил.

… спускался… по Голубой реке до того места, где она впадает в Белый Нил… — Белый Нил (араб. Бахр-эль-Абьяд, букв. «Белая река») — название Нила в Судане.

… на две недели он остановился в Хартуме… — Хартум — столица Судана; вырос из одноименной деревни, основанной в XVII в. арабским племенем махас в междуречье Белого и Голубого Нила, на мысе, по форме напоминающем хобот слона; отсюда, как считают, и пошло название Хартум (араб. «Хобот»).

… спустя два месяца прибыл в Каир. — Каир — город в Египте; расположен у границы долины и дельты реки Нил; основан в X в. арабами на месте, где раньше находилась римская крепость и речной порт. По легенде, в то время, когда вокруг города сооружались крепостные стены, звезда Марс, именуемая по-арабски Эль-Кахира («Победоносная»), достигла своего зенита, и в связи с этим город стали называть Эль-Кахира. В X–XII вв. Каир был столицей Арабского халифата; в XVI в. был завоеван Османской империей; в сер. XIX в. — главный город Египта (номинально провинции Турции, а реально — независимого государства).

… он наслаждался бродячей жизнью, напоминавшей жизнь его предков, царей-пастухов… — Имеются в виду азиатские кочевые племена гиксосов, которые в XVIII в. до н. э. вторглись в Древний Египет, завоевали страну и правили ею до нач. XVI в. до н. э. По мнению античных авторов, их название произошло от искажения слов «цари-пастухи», или «правители пастухов», как местное население называло завоевателей.

… он, вопреки поговорке славного короля Дагобера, никогда бы не покинул своего англичанина… — Дагобер I (ум. ок. 639 г.) — франкский король (с 629 г.) из династии Меровингов. Здесь имеется в виду французская поговорка: «Нет такой приятной компании, которую не пришлось бы покинуть» («Il n’est pas si

bonne compagnie qu'il ne faille quitter»).

… позаботился, перед тем как повеситься, оставить сверток с гинеями… — Гинея — английская монета крупного достоинства (стоила несколько дороже фунта стерлингов: 21 вместо 20 шиллингов), чеканилась в 1663–1817 гг.; первые гинеи были изготовлены из золота, привезенного из Гвинеи, отчего монета и получила свое название; счет на гинеи при определении цен сохранился в Англии до второй пол. XX в.; на французские деньги гинея в 1831 г. стоила 26 франков 47 сантимов.

Страз — сорт стекла для имитации драгоценных камней; фальшивый бриллиант.

… он был окрещен, получив имя Пьер, несомненно с тем, чтобы, как его святой покровитель, обрести возможность отречься от Бога трижды. — Имеется в виду апостол Петр (фр. произношение имени — Пьер; ум. в 64 г.), ученик Христа, первый епископ Рима (преемниками которого считаются папы).

На Тайной вечере Иисус сказал Петру: «Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня» (Матфей, 26: 34). После ареста Иисуса Петр действительно трижды отрекся от него (Матфей, 26: 69–75).

… лишил Росного Ладана имени Пьер и назвал его Полем, подумав, что ему должно быть приятно перейти от покровителя, держащего ключи, к покровителю, держащему меч. — Намек на то, что апостол Петр получил от Христа ключи (на некоторых иконах он с ними и изображается) Царства Небесного: «И что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Матфей; 16: 19).

Покровитель, держащий меч, — апостол Павел (фр. произношение имени — Поль). Ревностный иудей и гонитель христиан (носивший тогда имя Савл), он однажды ослеп, но был исцелен по слову Иисуса и стал ревностным проповедником христианства, «апостолом язычников».

… застывший в неподвижности, словно его забальзамировали по методу г-на Ганналя. — Бальзамирование — способ замедлить или прекратить разложение трупа пропитыванием его антисептическими (противогнилостными) веществами.

Ганналь, Жан Никола (1791–1852) — химик и промышленник, занимавшийся бальзамированием, автор сочинений об этом искусстве; его метод заключался во введении в

бальзамируемое тело сернокислого и солянокислого глинозема.

… поднял его за плечи, как пьеро поднимает арлекина… — Пьеро и арлекин — традиционные персонажи итальянской комедии масок, перешедшие в кон. XVII в. во Францию.

… мой друг де Сольси, зайдя пригласить меня на обед, поговорил с Полем по-арабски… — Сольси, Луи Фелисьен де (1807–1880) — французский археолог, антиквар и нумизмат; автор ряда работ.

… и заверил меня, что Поль говорит по-арабски не хуже Боабдила или Малек-Аделя. — Боабдил — Мухамед XI (Аль-Шахрир-Абу-Абдаллах; в истории известен под именем Боабдил), последний мусульманский правитель Гранады (1482 и 1487–1492 гг.); после взятия города испанцами бежал в Африку, где и погиб.

Малек-Адель — популярный в первой пол. XIX в. герой весьма посредственного романа «Матильда, или Крестовые походы» (1805) французской писательницы Мари Софи Ристо Коттен (1770–1807), мусульманский рыцарь.

… Я не намерен здесь рассказывать об этом знаменитом путешествии в Испанию… — О нем рассказано в книге путевых впечатлений Дюма «Из Парижа в Кадис» («De Paris à Cadix»), печатавшейся с 12.03.1847 по 27.03.1847 в газете «Пресса», а затем выпущенной в 1847–1848 гг. в 5 томах парижским издательством братьев Гарнье.

… ни о еще более известном путешествии в Африку, которое благодаря г-ну де Кастеллану, г-ну Леону де Мальвилю и г-ну Лакроссу получило такие шумные отклики в Палате депутатов. — Кастеллан, Анри Шарль Луи Бонифас (1814–1847) — французский политический деятель, член Палаты депутатов (1844–1847).

Мальвиль, Леон, граф де (1803–1879) — французский политический деятель, орлеанист, член Палаты депутатов (1834–1848), в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний, министр внутренних дел (вторая половина декабря 1848 г.).

Лакросс, Бертран Теобальд Жозеф (1795/96–1865) — французский политический деятель, орлеанист, член Палаты депутатов (1834–1848), с 29 декабря 1848 г. по 31 октября 1849 г. министр общественных работ; с 1850 г. бонапартист.

Палата депутатов — нижняя палата французского парламента во времена Реставрации и Июльской монархии, высшее законодательное учреждение страны; избиралась на основе цензовой системы (к выборам допускались лишь состоятельные граждане); в 40-х гг., о которых здесь идет речь, состояла по большей части из чиновников и лиц, зависимых от министерств. Требования реформы парламента и избирательной системы и сопротивление этому правительства были в числе причин революции 1848 г.

… узнал гамена чистейшей французской крови… — Гамен — парижский уличный мальчишка: озорной, смешливый и сообразительный.

… в переводе с арго… — Арго — жаргон; речь определенных социально-замкнутых групп, значительно отличающаяся от языка, на основе которого она была создана.

… он откусил большой палец у одного кабила… — Кабилы — мусульманский народ в горных районах Северного Алжира.

… Грифа немедленно окрестили именем его соотечественника Югурты. — Югурта (ок. 160–104 до н. э.) — царь государства Нумидия в Северной Африке с 118 г. до н. э.; первоначально был соправителем своих двоюродных братьев, а затем расправился с ними; во время Нумидийской войны 115–105 гг. до н. э. потерпел поражение от римлян, был взят в плен, привезен в Рим и казнен.

… в дилижансе, ходившем между Филипвилем и Константиной. — Филипвиль (соврем. Скикда) — город и порт на северо-востоке Алжира, на побережье Средиземного моря, примерно в 80 км к северо-востоку от Константины.

… С высоты империала он видел множество птиц… — Империал — второй этаж общественного экипажа: дилижанса, омнибуса; в XIX в. был открытым.

… оставалось проделать около льё до места отплытия, то есть до Сторы… — Стора — город в Алжире на побережье Средиземного моря, восточней Филипвиля; был взят французами 7 октября 1838 г.

… кизиловую палку толщиной в палец… — Кизил — род деревьев и кустарников со съедобными плодами и поделочной

древесиной.

К главе XXXVI

… начал походить на маршала Саксонского, которому Марс оставил невредимым только сердце. — Маршал Саксонский — граф Мориц Саксонский (1696–1750), побочный сын курфюрста Саксонии, короля Польши Августа Сильного; французский полководец и военный теоретик, маршал Франции.

Однако, возможно, здесь имеется в виду израненный в боях маршал Ранцау (см. примеч. к гл. XLV).

Марс — бог войны в античной мифологии.

Марли — см. примеч. к гл. II.

… покинул Сен-Жермен, чтобы поселиться в Пор-Марли, в том знаменитом доме… — Пор-Марли — городок в окрестности Парижа, на левом берегу Сены между Сен-Жерменом и Версалем.

… удивительная свора — в нее входили: волкодав, пудель, барбе, грифон, кривоногий бассет, нечистых кровей терьер, такой же кинг-чарлз и даже турецкая собака… — Волкодав (или ирландская борзая) — порода самых крупных собак, использовавшихся в охоте на оленей; в XVII–XVIII вв. ввозилась в Россию для волчьей охоты; ныне почти исчезла.

Барбе — см. примеч. к гл. III.

Грифон — порода охотничьих легавых собак среднего размера; имеют курчавую шерсть, напоминающую львиную гриву, и голубой с коричневым окрас; используются при ружейной охоте на пернатую дичь и как гончая собака при охоте на зайца, лису и косулю.

Бассеты — группа пород длиннотелых, приземистых, коротконогих и кривоногих гончих собак, иногда относимых к таксам; известны с XII в.; современные разновидности выведены в Англии.

Терьеры — группа пород (около 30) небольших охотничьих собак, предназначенных главным образом для охоты в норах и борьбы с грызунами; используются также как служебные и комнатно-декоративные.

Кинг-чарлз — порода небольших декоративных собак; названа по имени их большого любителя английского короля Карла (Чарлза) II (1630–1685; правил с 1660 г.).

Турецкая собака — порода маленьких охотничьих собак южно-американского происхождения, похожих на шпицев; долгое

время считалось, что эти собаки родом из Турции, чем и объясняется их название.

… фаланстер или моравские братья могли бы поучиться у них братским отношениям. — Фаланстер — в учении утопического социалиста Ш. Фурье (1768–1830) огромный дворец, в котором должны жить, а отчасти и работать члены социалистической общины — фаланги.

Моравские (богемские) братья — христианская секта последователей учения идеолога чешской реформации Яна Гуса (1371–1415), основанная в 1467 г.; в 1548 г. были лишены церквей, а в 1621 г. изгнаны из Чехии.

… прыгали то в честь русского императора, то в честь испанской королевы, но с каким-то классическим упорством отказывались прыгать в честь бедного прусского короля… — Русским императором в это время был Николай I Павлович (1796–1855), царствовавший с 1825 г.

Королевой Испании в 1833–1868 гг. была Изабелла II (1830–1904).

Прусским королем в это время был Фридрих Вильгельм IV (1795–1861), правивший с 1840 г. и под конец жизни сошедший с ума.

Здесь обыгрывается французская поговорка «pour le roi de Prusse» — «ради прусского короля», то есть ради прекрасных глаз, даром.

… Мы завербовали маленькую испанскую ищейку… — Испанская ищейка — то же, что и спаниель.

… у нее была лучшая глотка во всем департаменте Сена-и-Уаза. — Сена-и-Уаза — департамент в Северной Франции, прилегающий к Парижу и его окрестностям.

… сам святой Губерт порадовался бы ему в своей могиле. — Святой Губерт — епископ Льежский (ум. в 727 г.); считался покровителем охотников; его нож (по другим легендам — облачение) считался средством, помогающим при укусе бешеной собаки; день его памяти — 3 ноября.

… существует одна сказка — она называется «Паштет из угрей», — мораль которой: не следует злоупотреблять ничем… — Имеется в виду сказка Лафонтена из озорных «Сказок и рассказов в стихах», вышедших в пяти книгах в 1665–1685 гг.; в 1674 г.

издание ее во Франции было запрещено, и некоторое время она печаталась в Голландии. В стихотворных «Сказках», обрабатывая сюжеты, чаше всего почерпнутые из ренессансной новеллистики, Лафонтен в игривой, нередко фривольной форме осмеивал насильников, толстосумов, церковников-ханжей, приверженцев косной старины.

… историю этого бедного Исторического театра, который… был одно время пугалом для Французского театра и примером для других театров. — Исторический театр имел в своем первом сезоне весьма большой успех, и это представляло собой некоторую угрозу благополучию Французского театра с его традиционным репертуаром.

Французский театр (театр Французской комедии, или Комеди Франсез) — старейший драматический государственный театр Франции; основан в 1680 г.; известен исполнением классического репертуара, главным образом комедий Мольера. Здание театра в настоящее время примыкает к дворцу Пале-Рояль и находится на углу улиц Ришелье и Сент-Оноре.

… давал в театре Амбигю первых своих «Мушкетеров». — «Мушкетеры» — драма в 5 актах и 12 картинах с прологом, поставленная в театре Амбигю 27 октября 1845 г.; опубликована в Париже в издательстве Маршана в 1845 г.

Позднее, 17 февраля 1849 г., под названием «Юность мушкетеров» («La jeunesse des mousquetaires») драма была поставлена в Историческом театре.

Амбигю (точнее: Амбигю-Комик) — один из старейших французских драматических театров; возник в 1769 г. как театр марионеток; после разрушения здания в 1827 г. открылся на бульваре Сен-Мартен; известен постановками мелодрам.

… 13 июля 1842 года скончался его брат… — То есть герцог Орлеанский (см. примеч. к гл. XXXV).

…от своих братьев, герцога Омальского и принца де Жуанвиля, он знал, что его умерший брат испытывая ко мне дружеские чувства. — Анри Эжен Филипп Луи Орлеанский, герцог Омальский (1822–1897) — четвертый сын французского короля Луи Филиппа, французский генерал и военный писатель; в 40-х гг. участвовал в завоевании Алжира, генерал-губернатор Алжира (1847–1848); после революции 1848 года эмигрировал в Англию.

Жуанвиль, Франсуа Фердинанд Филипп Луи Мари Орлеанский, принц де (1818–1900) — третий сын Луи Филиппа;

французский адмирал, один из первых теоретиков парового флота, участник войны в Алжире; после Февральской революции 1848 года эмигрировал в Англию; в 60-х гг. участвовал в гражданской войне за освобождение негров в США (1861–1865) на стороне северян.

… в каждом из четырех молодых принцев было что-то от их старшего брата… — Имеются в виду Монпансье, Жуанвиль, Омаль и не упоминавшийся выше Луи Шарль Филипп Рафаэль герцог Немурский (1814–1896), французский генерал.

… От министра внутренних дел, монсеньер. — Стало быть, от Дюшателя. — Дюшатель, Шарль Мари Танеги, граф де (1807–1867) — французский государственный деятель, сторонник династии Орлеанов; в 1830–1848 гг. занимал ряд важных постов; в 1839–1848 гг. — министр внутренних дел; автор теоретических работ по вопросам экономики и социальной политики.

… господин герцог де Монпансье ждет меня в Тюильри. — Тюильри — примыкавший к Лувру королевский дворец с парком, на правом берегу Сены, в центре Парижа; резиденция французских монархов в кон. XVIII–XIX в.; был построен во второй пол. XVI в.; в 1871 г. уничтожен пожаром..

Остен, Ипполит (род. ок. 1812 г.) — французский литератор, директор Исторического театра в Париже.

… место уже выбрано: это старинный особняк Фулон… — Имеется в виду особняк в северо-восточной части старого Парижа (на углу бульвара Тампль и улицы Предместья Тампль); снесен в 1846 г.; на его месте построено здание Исторического театра.

… пьесой, которой откроется театр, вероятно, будет «Королева Марго»… — «Королева Марго» — пятиактная драма Дюма, Маке и Остена; представлена в Париже в Историческом театре 20 февраля 1847 г. и издана в том же году в издательстве братьев Леви; написана по мотивам одноименного романа (1845).

… Исторический театр был создан и открылся… через месяц после моего возвращения из Испании и Африки… — Из Алжира Дюма вернулся в Париж 7 января 1847 г.

… раз у него есть бочка, он больше не может зваться Югуртой, он должен именоваться Диогеном. — Диоген Синопский

(ок. 400 — ок. 325 до н. э.) — древнегреческий философ-моралист, отличавшийся крайним аскетизмом (к примеру, жил в бочке).

К главе XXXVII

… о моем дебюте в департаменте Йонна в качестве оратора… — Йонна — французский департамент в центральной части Франции, названный по имени реки Йонна; расположен на пути из Парижа в Лион; славится винами прекрасного качества.

… в Историческом театре последовательно сыграли уже упоминавшуюся «Королеву Марго», «Интригу и любовь», «Жирондистов» и «Монте-Кристо» (в два вечера). — «Интрига и любовь» («Intrigue et Amour») — переделка Дюма знаменитой драмы «Коварство и любовь» («Kabale und Liebe», 1784) немецкого поэта, историка и теоретика литературы Фридриха Шиллера (1759–1805); премьера ее состоялась в Историческом театре 11 июня 1847 г.; впервые была напечатана в собрании пьес Дюма в издательстве братьев Леви в 1864 г.

«Жирондисты» — см. примеч. к гл. XI.

«Монте-Кристо» — сценическая версия романа Дюма «Граф де Монте Кристо»; состоит из трех пьес: «Монте-Кристо» (в 2-х частях), «Граф де Морсер», «Вильфор»; представление «Монте-Кристо» состоялось в Историческом театре 3 и 4 февраля 1848 г.

… знаменитую песню жирондистов «За родину умрем»… — «За родину умрем» — припев из патриотической песни «Жирондисты» времен Великой французской революции. Этот припев, видоизменив его, Дюма включил в пьесу «Жирондисты».

Варне, Пьер Жозеф Альфонс (1811–1879) — французский скрипач и композитор, дирижер Исторического театра.

… Революция 1848 года была исполнена под мотив, который я назвал. — Мотив «За родину умрем» на слова анонимного автора звучал на баррикадах в феврале 1848 г. в Париже.

… лавина революции… увлекла за собой не только коронованного старца, не только четырех принцев… но еще и облаченную в траур мать с неразумным ребенком… — Днем 24 февраля 1848 г., потерпев поражение в баррикадных боях, король Луи Филипп отрекся от престола. Власть переходила к его внуку и законному наследнику, сыну погибшего герцога Фердинанда Орлеанского Луи Филиппу Альберу (1838–1894), более известному под именем графа Парижского. Регентшей при нем

король назначил его мать, герцогиню Елену Луизу Елизавету Орлеанскую, урожденную принцессу Мекленбург-Шверинскую (1814–1858). После этого Луи Филипп бежал из Парижа и через несколько дней перебрался в Англию. Эмигрировали также его четыре сына.

Почти в это же время (около часу дня) в Бурбонском дворце, который находился неподалеку от дворца Тюильри на другом берегу Сены, началось заседание Палаты депутатов, обсуждавшей вопрос о формировании нового правительства. Появление в зале заседания герцогини-регентши с графом Парижским и ее младшим сыном герцогом Шартрским было встречено восторженно. Большинство Палаты было орлеанистским, и оно ради сохранения монархии было готово утвердить нового короля, регентство и новых министров.

Но почти в последнюю минуту в зал ворвалась толпа вооруженных баррикадных бойцов, которые требовали уничтожения монархии и фактически разогнали Палату. Вот тут лавина в буквальном смысле смела мать с двумя неразумными детьми (графу Парижскому было всего 10 лет). Бегущие из зала депутаты увлекли за собой герцогиню и малолетних принцев. Один из них потерялся в толпе, едва не был затоптан и был спасен каким-то случайным прохожим, который передал его прибежавшему на поиски дворцовому служителю.

На продолжившемся в Палате заседании, где преобладали уже представители вооруженного народа, было в основном сформировано Временное правительство, состоявшее из сторонников республики. А неудачливому претенденту на престол пришлось эмигрировать вместе со всей своей семьей.

… там, где семь веков возвышался трон Капетов, Валуа и Бурбонов… — Капеты (Капетинги) — королевская династия, правившая во Франции в 987–1328 гг.; была основана королем Гуго Капетом (ок. 940–996).

Валуа — династия королей, правивших во Франции в 1328–1589 гг.; младшая ветвь Капетингов.

Бурбоны — королевская династия, правившая во Франции в 1589–1792, 1814–1815 и 1815–1830 гг.; младшая ветвь Валуа.

… она позвала на помощь самых умных своих сыновей… — Имеются в виду выборы в Учредительное собрание Второй республики, состоявшиеся 23 апреля 1848 г.

… Проще всего было обратиться в свой департамент, то есть в департамент Эна. — Департамент Эна — см. примеч. к гл. XV.

… в один из моих приездов я устроил ту знаменитую, известную вам, если только вы прочли мои «Мемуары», Суасонскую экспедицию, во время которой меня едва не расстреляли. — Во время боев Июльской революции в Париже Дюма предложил Лафайету в одиночку добыть для восставших порох из Суасона, но тот, сочтя это безумством, отказал ему в разрешении. Тогда Дюма, подделав подписанный Лафайетом пропуск, добился у одного из генералов визы на приказе, написанном самим Дюма: «Властям гарнизона Суасона приказывается немедленно сдать г-ну Александру Дюма весь порох, включая запасы из пороховых погребов». Эту историю Дюма излагает в «Моих мемуарах» (главы CLIII–CLVII). 31 июля 1830 г. Дюма прибыл в Суасон вместе со своими друзьями Гютеном и Баром. Он сумел добыть там полторы тонны пороха и благополучно вернулся в Париж. Донесение Лафайету об этой экспедиции было опубликовано в «Монитёре» 9 августа 1830 г.

… были связи в Нижней Бургундии… — Бургундия — историческая провинция в Восточной Франции; в IX–XV вв. самостоятельное герцогство, вошедшее в 1477 г. в состав Французского королевства.

… значит, я политический бастард… — Бастард (нем. Bastard — «ублюдок») — внебрачный отпрыск владетельной особы в средние века; часто сам получал права высшего дворянства.

… агент орлеанистского регенства и представляюсь одновременно с г-ном Гайярде, моим сотрудником по «Нельской башне», как регентистский кандидат. — Гайярде, Теодор Фредерик (1808–1882) — французский драматург, соавтор Дюма; был кандидатом в депутаты от департамента Йонна в то же время, что и Дюма; долгое время сотрудничал в «Прессе».

«Нельская башня» («La tour de Nesle») — драма в 5 актах и в 9 картинах Гайярде и Дюма; представлена в театре Порт-Сен-Мартен 29 мая 1832 г.; в том же году напечатана в парижском издательстве Барба.

… газету «Пресса», одну из наиболее читаемых в то время… — «Пресса» («La Presse») — французская ежедневная газета; выходила в Париже в 1836–1929 гг.; в 30–50-х гг. XIX в. придерживалась республиканского направления; пользовалась большой популярностью благодаря публикациям в ней романов-фельетонов.

… нашел своевременным сбросить с пьедестала конную статую господина герцога Орлеанского, стоявшую во дворе Лувра… — Речь идет о конной статуе Фердинанда Орлеанского работы (1845) Марочетти (см. примеч. к гл. XXXVII); копии модели были сделаны для Лиона и Алжира; демонтирована в 1848 г. и позднее перемещена в Версаль.

… я пришел в ярость и написал г-ну де Жирардену письмо… — Жирарден, Эмиль де (1806–1881) — французский публицист и политический деятель в 30–60-х гг. (с перерывами); был редактором газеты «Пресса»; в политике отличался крайней беспринципностью.

… я предпочитаю быть убитым на берегах Рейна, а не в сточной канаве на улице Сен-Дени! — Улица Предместья Сен-Дени — продолжение улицы Сен-Дени, радиальной магистрали Парижа, к северу от Бульваров; бывшая дорога к городу и монастырю Сен-Дени, находящемуся у северной окраины Парижа.

… Идите в Тюильри, и Вы убедитесь, что единственные покои, которые народ пощадил, принадлежат господину герцогу Орлеанскому… — 24 февраля 1848 г. восставший народ ворвался во дворец Тюильри. Ненависть к Июльской монархии привела к разгрому дворцовых апартаментов, в частности королевский трон был сброшен со своего возвышения и публично сожжен у подножия Июльской колонны.

… во главе французских войск захватил перевал Музайя. — Музайя — перевал в Алжире, в местности, известной добычей меди; в 1839 г. герцог Фердинанд Орлеанский командовал колонной, форсировавшей этот проход.

… в течение десяти лет он передавал бедным треть своего цивильного листа. — Цивильный лист — денежные суммы, ежегодно предоставляемые конституционному монарху и членам его семьи для личных нужд и содержания двора.

… Если сегодня можно пожать руку Барбесу… — Барбес, Арман (1809–1870) — французский революционер-демократ; принимал участие в создании тайных революционных союзов «Общество семей» и «Общество времен года»; после неудачи восстания 12 мая 1839 г. был арестован и приговорен к смертной казни, замененной на пожизненное заключение по ходатайству герцога Орлеанского; освобожденный революцией 1848 г., был

избран членом ЦК «Общества прав человека и гражданина» и председателем «Клуба революции»; во время антиправительственной демонстрации 17 апреля 1848 г. выступил в числе защитников Временного правительства, но принял активное участие в попытке свергнуть правительство 15 мая, за что в тот же день был арестован и приговорен к пожизненному заключению; в 1854 г. был освобожден из тюрьмы; эмигрировал в Бельгию.

… Спросите художников, шедших за его гробом, пригласите наиболее известных: Энгра, Делакруа, Гюдена, Бари, Марочетти, Каламату, Буланже. — Энгр — см. примеч. к гл. VIII.

Делакруа — см. примеч. к гл. XXXV.

Гюден — см. примеч. к гл. XXXI.

Бари, Антуан (1795–1875) — французский скульптор-анималист, один из признанных мастеров в этом виде искусства.

Марочетти, Карло, барон ди (1805–1868) — скульптор, итальянец по происхождению; работал в Англии и Франции, где пользовался большим авторитетом среди аристократии. Ему принадлежат барельефы Триумфальной арки на парижской площади Звезды (Этуаль), статуя герцога Орлеанского в Лувре; он оформлял гробницы Наполеона I и композитора Беллини; с 1840 г. в Англии создал статуи Ричарда Львиное Сердце, Веллингтона, памятник английским солдатам, погибшим в Крымской войне 1853–1856 гг., и др.

Каламата, Луиджи (1802–1869) — итальянский гравер; славился точным рисунком, прекрасной передачей оттенков.

Буланже — см. примеч. к гл. XXXV.

… Позовите поэтов и историков: Гюго, Тьерри, Ламартина, де Виньи, Мишле… — Гюго — см. примеч. к гл. XXVI.

Тьерри, Огюстен (1795–1856) — французский историк, один из основателей романтического направления во французской историографии; уделял большое внимание изучению средневековых хроник, работе с подлинными документами; автор серьезных исторических трудов.

Ламартин, Альфонс Мари Луи де (1790–1869) — французский поэт-романтик, историк, публицист и политический деятель, республиканец; в 1848 г. министр иностранных дел Франции.

Виньи, Альфред Виктор, граф де (1797–1863) — французский поэт, писатель-романтик и переводчик, автор исторических романов и драм, идеализирующих прошлое французского дворянства.

Мишле — см. примеч. к гл. I.

… Я составлен из двух начал — аристократического и простонародного: аристократ по отцу и простолюдин по матери… — Дед писателя по отцу — маркиз Александр Антуан Дави де ла Пайетри (1714–1786); его дед со стороны матери — содержатель постоялого двора Клод Лабуре (1743–1809).

… я никогда столько не говорил о семье Наполеона, как при младшей ветви… — То есть в 1830–1848 гг., во времена правления Орлеанов — младшей линии династии Бурбонов.

… я никогда столько не говорил о принцах младшей ветви, как при Республике и Империи. — Речь идет о Второй республике во Франции, провозглашенной 25 февраля 1848 г. в результате Февральской революции 1848 года; существовала до государственного переворота 2 декабря 1851 г., а номинально до 2 декабря 1852 г.

Под Империей понимается Вторая империя во Франции (1852–1870 гг.), период правления Наполеона III; провозглашение ее означало утверждение во Франции бонапартистской диктатуры — особой формы господства наиболее реакционных и наиболее агрессивных слоев крупной буржуазии; в это время были ликвидированы почти все завоевания революции. Конец Второй империи положила сентябрьская революция 1870 года.

… Едва человек упадет, я иду к нему и протягиваю ему руку, зовут ли его граф де Шамбор или принц де Жуанвиль, Луи Наполеон или Луи Блан. — Граф де Шамбор — см. примеч. к гл. XXIX.

Принц де Жуанвиль — см. примеч. к гл. XXXVI.

Блан, Луи (1811–1882) — французский политический деятель, публицист и историк; представитель французского утопического социализма, сторонник социальных реформ; после свержения Июльской монархии был членом Временного правительства (февраль — август 1848 г.), затем до 1870 г. жил в эмиграции; автор «Истории Французской революции», в которой он защищал якобинцев.

Здесь Дюма подчеркивает свой политический нейтралитет и указывает на свои отношения с представителями враждебных лагерей: легитимиста и орлеаниста, бонапартиста и социалиста.

… От кого я узнал о смерти герцога Орлеанского? От принца Жерома Наполеона. — О том, как он узнал о смерти герцога Орлеанского, Дюма рассказывает в «Новых мемуарах» (глава XI).

Это произошло во Флоренции, вечером 15 июля 1842 г., когда Дюма пришел по приглашению принца на ужин; на следующий же день он отправился во Францию, чтобы принять участие в траурных церемониях.

Принц Жером Наполеон — Бонапарт, Жозеф Шарль Поль, принц Наполеон (1822–1891), французский военачальник и политический деятель, племянник императора Наполеона I, сын его младшего брата Жерома; в 1847 г. после смерти своего старшего брата принял имя Жером; известен также под прозвищами «Плон-Плон» и «Красный принц».

Дюма познакомился с принцем Жеромом в июне 1842 г. во Флоренции и совершил с ним поездку на Эльбу и Пьянозу.

… Вместо того чтобы кланяться в Тюильри тем, кто был у власти, я оказывал знаки внимания изгнаннику во Флоренции. — То есть принцу Жерому Наполеону.

Здесь речь идет о втором длительном пребывании Дюма во Флоренции — с января по июль 1842 г.

… проделал пятьсот льё на почтовых для того, чтобы, хотя мои слезы были искренними, найти в Дрё неласковый прием у короля… — Дрё — город в Центральной Франции в департаменте Эр-и-Луар, на реке Блез; там находилась родовая усыпальница Орлеанского дома.

Дюма отправился туда на похороны герцога Орлеанского вместе с товарищами принца по лицею Гилемом, Леруа и Боше. Его знакомый, помощник префекта Марешаль, обещал провести их в часовню. Дюма во многих своих произведениях описывает похороны Фердинанда. Эти описания мало отличаются друг от друга, за исключением концовок. В «Новых мемуарах» Дюма рассказывает, что король любезно разговаривал с ним.

… такой же, какой ждал меня в Вермонте, когда я, из любви проводив гроб сына, счел своим долгом из приличия следовать за гробом отца. — 26 августа 1850 г. в Клермонте в Англии скончался Луи Филипп. Дюма сухо попросили не присутствовать на погребении бывшего короля и бывшего работодателя писателя.

Клермонт — замок к юго-западу от Лондона, близ Виндзора, в графстве Суррей; 4 марта 1848 г. был предоставлен как резиденция бежавшему из Франции Луи Филиппу.

… Накануне 13 июня я был врагом г-на Ледрю-Роллена… — 13 июня 1849 г. в Париже состоялась мирная демонстрация национальной гвардии в поддержку протеста демократической

фракции Законодательного собрания, т. н. «Новой Горы», во главе с Ледрю-Ролленом против нападения французских войск на Рим с целью свержения установленной там республики. Гора требовала отстранения от власти президента Луи Бонапарта и министров и предания их суду за нарушение конституции. Однако нерешительность и непоследовательность Горы (она обещала с оружием в руках защитить конституцию, но к восстанию не готовилась) привели к жестокому разгону демонстрации. Большинство населения Парижа, в первую очередь рабочие, против которых демократы выступили в июне 1848 г., ее не поддержало. Отдельные вспышки вооруженного сопротивления в столице и провинции были подавлены. Началось постепенное разоружение национальной гвардии. Лидеры Горы были изгнаны из Собрания.

Ледрю-Роллен, Александр Огюст (1807–1874) — французский публицист и политический деятель, один из лидеров демократии и оппозиции монархии Луи Филиппа; в 1848–1849 гг. во время Февральской революции и Второй республики — депутат Учредительного и Законодательного собраний; летом 1849 г., после разгона демонстрации в Париже, эмигрировал и значительной политической роли более не играл.

… *на которого ежедневно нападал в своей газете «Месяц»*… — Имеется в виду издаваемая Дюма с 1 марта 1848 г. по 1 февраля 1850 г. газета «Месяц, ежемесячное обозрение исторических и политических событий день за днем, час за часом, полностью составленное А. Дюма» («Le mois, résumé mensuel, historique et politique, de tous les événements, jour par jour, heure par heure, entièrement redigé par A. Dumas»). В последнем ее номере Дюма размышлял о возможности государственного переворота — и переворот действительно свершился через два года, 2 декабря 1851 г.

… *поэтому я трижды был в Аме*… — См. примеч. к гл. III.

… *один раз в Енисейском дворце*… — Елисейский дворец (точнее: дворец Елисейских полей) — построен в 1718 г. архитектором Моле на одноименном проспекте в Париже; в XVIII — первой пол. XIX в. королевское владение; часто служил для приема почетных гостей; в 1848–1852 гг. и с 1871 г. — официальная резиденция президента Французской республики.

О визите в Елисейский дворец Дюма упоминает в первой главе рассказа «Джентльмены Сьерры-Морены».

… и никогда — в Тюильри. — Во время Второй империи (1852–1870) дворец Тюильри (см. примеч. к гл. XXXVI) был резиденцией Наполеона III.

… Я напомнил об Антверпене, о перевале Музайя, о Железных Воротах… — Вслед за тем как нидерландское королевство отказалось признать Лондонский протокол о создании после бельгийской революции 1830 г. на территории Южных Нидерландов независимого королевства Бельгии, французы в ноябре 1832 г. осадили Антверпен. Город, оборонявшийся генералом Шассе, держался до 23 декабря, но, когда цитадель была разрушена французской артиллерией, капитулировал.

Железные Ворота — ущелье, находившееся на нижней оконечности Кабильских гор в Алжире; считалось непроходимым, поскольку его бдительно охраняли воинственные местные племена. На заре 28 июля 1839 г. французский отряд в 5300 человек вступил в мрачное и столь тесно сжатое между двумя высокими каменными стенами ущелье, что понадобилось семь часов, чтобы пройти шесть километров. Бурный ручей Уэд-Буктун, который мог помешать колонне, если бы в нем хоть немного прибавилось воды, на этот раз был маловоден. Радость избавления была так велика, что на одной из стен ущелья была высечена надпись: «Французская армия, 1839».

Правительство поздравило командующего с тем, что он «ввел французов в этот край такими дорогами, которыми не осмеливались идти древние властители мира». Позднее выяснилось, что подвластный Франции халиф Мокрани обеспечил безопасность прохода, подкупив за свой счет племена, которые могли здесь противостоять французам.

… о помиловании гусара Брюйана — по моей просьбе… — Речь идет о деле гусара Брюйана, уроженца Виллер-Котре, осужденного на смертную казнь за попытку в 1834 г. поднять восстание в своем полку. Дюма обратился за помощью к Фердинанду Орлеанскому, и тот попросил короля о помиловании. Казнь была отложена, а через неделю гусару было даровано помилование. Фердинанд заплатил за содержание Брюйана в богадельне, так как тот заболел психическим расстройством.

… пересказал несколько выражений принца, таких остроумных, словно их обронил Генрих IV… — Генрих IV (1553–1610) — король Франции с 1589 г.; в народной памяти (не без усилий официальной пропаганды) остался как добродушный

патриархальный владетель и острослов.

… я приехал к своему доброму другу Шарпийону, нотариусу в Сен-Бри… — Шарпийон — доверенное лицо Дюма на выборах в июне 1848 г.

Сен-Бри — город в департаменте Йонна, в 9 км от Осера.

… совершил побег тем же способом, что Казанова: проделав дыру в крыше. — Казанова, Джованни Джакомо (1725–1798) — итальянский авантюрист и писатель; вел скитальческую жизнь, переменил много профессий, неоднократно сидел в тюрьме; автор фантастических романов и знаменитых «Мемуаров», запечатлевших нравы современников, а также его многочисленные приключения, в том числе и галантные. О заключении в венецианскую тюрьму Пьомбе и своем знаменитом побеге из нее Казанова рассказал в книге «История моего побега» (1787).

К главе XXXVIII

… Это доказала последняя выставка в Осере… — Осер — главный город департамента Йонна; расположен в 170 км от столицы.

… Он выращивает главным образом брам и кохинхинок. — Брама — порода крупных кур, известных как превосходные наседки. Кохинхинки — порода крупных красивых кур из Кохинхины (Намбо, Вьетнам); известны как хорошие наседки; завезены в Европу в 1843 г.

… будучи знатоком и ценителем максимы Горация, сумел решить проблему, заключающуюся в том, чтобы соединить приятное с полезным. — Максима (от лат. maxima — «основное правило») — здесь: выраженный в краткой формулировке, в изречении, в афоризме какой-либо принцип, норма поведения человека.

«Utile dulci» («Приятное с полезным») — выражение из стихотворения Горация «Наука поэзии», или «Послания к Пизонам» (343–344). В пер. М. Гаспарова:

> «Всех соберет голоса, кто смешает приятное с пользой,
> И услаждая людей, и на истинный путь наставляя».

… у них есть шишка воровства… — В соответствии с френологией, чрезвычайно популярным в XIX в. учении, по форме черепа, по выступам («шишкам») на нем можно судить о свойствах человека: предполагалось наличие особых «шишек любви», «ума» и т. п.

… соизволил дать новому Аристиду это разъяснение… — Аристид считался в древности образцом честности и справедливости.

… благодаря листьям латука и цикория… — Латук — трава из семейства сложноцветных; произрастает в Европе, Азии и Африке; некоторые виды съедобны.

Цикорий — травянистое растение семейства сложноцветных, из которого приготовляют суррогаты кофе, спирта, сахара; употребляется как салат.

К главе XXXIX

… «Ищи, кому выгодно преступление, и ты найдешь преступника». — Это высказывание основано на формуле древнеримского права: «Qui prodest» («Ищи, кому выгодно»).

… разорял в саду клумбу фуксий… — Фуксия — небольшое южноамериканское кустарниковое растение.

… я, повидавший столько всего, в том числе шестнадцать смен правительства… — Речь идет о частых сменах кабинета министров Франции в 20–40-х гг. XIX в., что отражало бурную политическую жизнь страны.

… пела, как Жанна д'Альбре, когда та разрешалась Генрихом IV. — Жанна д'Альбре (1528–1572) — королева Наваррская, мать Генриха IV, ревностная протестантка; по преданию, была отравлена королевой Екатериной Медичи при помощи перчаток, смазанных ядом.

В исторической хронике «Генрих IV» (1856) Дюма рассказывает следующий анекдот. Отец Жанны д'Альбре, наваррский король Генрих 11 д'Альбре (правил в 1518–1555 гг.), завещал престол дочери, но с условием, что она родит мальчика и во время родов будет петь, а не плакать. Поэтому даже в самые тяжелые минуты родов Жанна не переставала петь.

… как Сатурн в сходных обстоятельствах пожирал потомство Реи. — О Сатурне (гр. Кроносе) см. примеч. к гл. IV.

Рея — в греческой мифологии жена и сестра Кроноса, мать Зевса и других богов-олимпийцев; первоначально, видимо, высшее женское божество — Великая мать.

… Его следует называть не Причардом, а Ласенером! — Ласенер, Пьер Франсуа Гийяр (1800–1836) — известный французский убийца; гильотирован в Париже 9 января 1836 г.; посмертно были опубликованы два тома его «Мемуаров» (1836).

К главе XL

… Причард, на свою беду, встречается с каноником Фульбером, не встретив Элоизы. — Фульбер (XI–XII вв.) — французский каноник, известный преследованиями своей племянницы Элоизы (ум. в 1164 г.) и ее возлюбленного французского философа и богослова Пьера Абеляра (1079–1142). По настоянию Фульбера их тайный брак был расторгнут, а каноник из мести еще и оскопил Абеляра, после чего любовники приняли монашество. После смерти они были погребены в построенной Абеляром часовне, которая называется Параклет.

… насколько кегельная «девятка» превосходит другие кегли. — Кегли — игра, которая состоит в сбивании фигур (также называемых кеглями) шарами, которые пускают обычно по деревянному настилу. В большинстве стран кеглей бывает девять; самая крупная («король») ставится в центре порядка; счет ведется отдельно для каждого игрока или по командам; завезена во Францию из Германии.

… если вы, сударь, заглянете в Кодекс, то прочтете, что скупщики краденого приравниваются к ворам… — Речь идет о статьях «Уголовного кодекса» («Code pénal»); книга III, раздел II, глава 2, ст. 380 и след.

… у господина Изидора Жоффруа Сент-Илера, живущего в обществе самых вредных тварей… — Изидор Жоффруа Сент-Илер — см. примеч. к гл. VIII.

… Я знаком со славной госпожой Саки… — Саки — см. примеч. к гл. VIII.

… *Он хуже Картуша!* — Картуш — см. примеч. к гл. VI.

К главе XLI

… *господа из Палаты были на нас разгневаны*… — 10 февраля 1847 г. на заседании Палаты депутатов при обсуждении адреса королю («Алжир») депутат Кастеллан (см. примеч. к гл. XXXV) сделал запрос относительно представления средств для путешествия Дюма на «Быстром». Обсуждение запроса длилось два дня (10 и 11 февраля). От правительства выступили морской министр Анж Рене Арман Маскау (1788–1855), военный министр и писатель Александр Пьер Молин де Сен-Йон (род. в 1786 г.), министр просвещения Сальванди (см. примеч. к гл. XXXV). На втором заседании зачитывалось и приводимое в тексте письмо Дюма.

… *Эжен Сю опубликовал «Парижские тайны»*… — Сю, Эжен (настоящее имя — Мари Жозеф; 1804–1857) — французский писатель, по образованию врач; автор авантюрных романов; за критику современного ему общества подвергался преследованию властей; сочувственно относился к простым людям, за что назывался некоторыми современниками «романистом пролетариата».

«Парижские тайны» («Les Mystères de Paris») — роман Э. Сю, посвященный описанию дна Парижа и изображающий бедствия, бесправие народа и эгоизм богачей; вызвал большой резонанс во всех слоях французского общества; печатался в «Газете дебатов» с 22.06.1842 по 15.10.1843.

… *Сулье — «Мемуары дьявола»*… — Сулье, Мельхиор Фредерик (1800–1847) — французский романист и драматург, представитель демократического крыла романтизма; в своих произведениях бичевал пороки современного ему общества; автор многочисленных романов; основоположник жанра романа-фельетона (то есть печатавшегося в прессе по частям, с продолжением), в чем был предшественником Дюма.

«Мемуары дьявола» («Les Mémoires du diable»), в которых в атмосфере готического романа изображены нравы времен июльской монархии, вышли в Париже в издательстве Дюпона в 1837–1838 гг. в 8 томах.

… *Бальзак — «Кузена Понса»*… — Бальзак, Оноре де (1799–1850) — великий французский писатель-реалист; начиная с

1829 г. создавал эпопею «Человеческая комедия», грандиозную по охвату жизни Франции 1816–1848 гг.

«Кузен Понс» («Le cousin Pons») — роман Бальзака, первоначально печатавшийся в «Конституционалисте» с 18.03.1847 по 10.05.1847. Герой произведения, старый музыкант, обладатель прекрасных картин, становится жертвой самых грязных махинаций и подлых преступлений. Бальзак в дальнейшем значительно переработал это произведение, связав повествование о жизни Понса с изображением общества времен Июльской монархии. Действие романа происходит в 1844–1845 гг.

… я — «Монте-Кристо». — Роман Дюма «Граф де Монте-Кристо» печатался с перерывами в «Газете дебатов» с 28.08.1844 по 15.01.1846; первое книжное издание: Paris, Pétion, 1844–1846.

… фельетоны были обложены штемпельным сбором… — Штемпельный сбор — государственная пошлина, установленная во Франции законом от 23 июля 1850 г. за выдачу разрешения для издания газет и особо за право публикации в них литературных произведений.

… Назову «Век», которому я дал последовательно «Корриколо», «Шевалье д'Арманталя», «Трех мушкетеров», «Двадцать лет спустя» и «Виконта де Бражелона». — «Век» («Siècle») — еженедельная газета либерального направления, выходившая в Париже с 1836 г.; собрала очень сильный штат сотрудников; в годы Июльской монархии заключила договор с несколькими писателями, в том числе и с Дюма, получив за высокий гонорар монополию на газетную публикацию их сочинений; быстро завоевала успех и пользовалась большим влиянием; до 1848 г. была органом конституционной оппозиции; после революции 1848 года — республиканским органом; при Второй империи придерживалась либеральных и антиклерикальных тенденций и вошла в число газет, формировавших общественное мнение; позднее влияние ее значительно уменьшилось.

«Корриколо» («Le Corricolo») — книга путевых впечатлений Дюма от поездки в 1835 г. в Неаполитанское королевство; печаталась в газете «Век» с 24.06.1842 по 18.01.1843; издана в 1842–1843 гг. в четырех томах в парижском издательстве Долен; заглавие получила по названию итальянской дорожной повозки.

«Шевалье д'Арманталь» («Le chevalier d'Harmental») — роман Дюма, публиковавшийся в газете «Век» с 28.06.1841 по 14.01.1842; отдельным изданием вышел у Дюмона в четырех

томах в 1843 г.

«Три мушкетера» — см. примеч. к гл. XV.

«Двадцать лет спустя» («Vingt ans après») — вторая книга «мушкетерской» трилогии Дюма, продолжение «Трех мушкетеров»; публиковалась в газете «Век» с 21.01.1845 по 28.06.1845 и в том же году была выпущена в 10 томах в издательстве Бодри.

«Виконт де Бражелон» («Le vicomte de Bragelonne») — третья книга «мушкетерской» трилогии романов Дюма, продолжение «Двадцати лет спустя»; публиковалась в газете «Век» с 20.10.1847 по 12.01.1850; отдельным изданием роман был выпущен в 1848–1850 гг. в 26 томах издательством братьев Мишель Леви.

… Главный редактор «бека» обратился к моему собрату Скрибу … — Главным редактором и директором газеты «Век» с 1840 г. был Луи Мари Перре (1816–1852).

Огюстен Эжен Скриб (1791–1861) — французский драматург.

… из этой позолоченной чернильницы вышел «Пикилло Аллиага». — «Пикилло Аллиага, или Мавры при Филиппе III» — роман Скриба, опубликованный в 11 томах in-8 в 1847 г.; посвящен Фрею Луису Аллиага — историческому лицу, советнику Филиппа III (1573–1621), короля Испании с 1598 г.

… Я утешился, отдав «Королеву Марго» в «Прессу»… — «Королева Марго» («La reine Margot») — первый из романов Дюма о гражданских религиозных войнах во Франции во второй пол. XVI в.; впервые опубликован фельетонами в газете «Пресса» (см. примеч. к гл. XXXVII) с 25.12.1844 по 5.04.1845; отдельное издание выпущено в 6 томах в 1845 г. парижской фирмой братьев Гарнье.

… «Графиню де Монсоро» в «Конституционалист»… — «Графиня де Монсоро» (точнее: «Госпожа де Монсоро» — «La dame de Monsoreau») — второй роман из цикла о французских религиозных войнах; публиковался в «Конституционалисте» с 27.08.1845 по 12.02.1846; первое отдельное издание появилось в издательстве Петиона в 1846 г. в 8 томах; вместе с романами «Королева Марго» и «Сорок пять» образовал романтическую трилогию.

«Конституционалист» («Le Constitutionnel») — французская ежедневная газета, выходившая в Париже с 1815 г.; в период Июльской монархии поддерживала правительство; во время революции 1848 г. — орган ее противников.

… «Шевалье де Мезон-Ружа» — в «Мирную демократию». — «Шевалье де Мезон-Руж» — см. примеч. к гл. XI.

«Мирная демократия» («La Démocratie pacifique») — ежедневная газета французских социалистов-утопистов; выходила в Париже в 1843–1851 гг.

… молния ударила не в громоотвод, не в дуб, но в меня, слабую тростинку. — Намек на басню «Дуб и тростник» Лафонтена: могучий дуб жалеет слабый тростник, которого каждый порыв ветра гнет долу. Но тростник отвечает, что вполне доволен своей участью, ибо, сгибаясь, он не ломается. Налетевшая буря подтверждает его правоту — гнувшийся к земле тростник уцелел, а гордо противостоявший стихии дуб оказался вырванным с корнем.

Дебароль, Адольф (1801–1886) — французский художник и писатель.

… Мои два друга бит Фредерик Сулье и Гийе-Дефонтен. — Сулье — см. выше.

Гийе-Дефонтен, Марселин Бенжамин (1797–1857) — французский политический деятель, член Палаты депутатов (1834–1848) от Вандеи, почетный нотариус Парижа; находился в оппозиции к правительству.

… в Бурбонском дворце, то есть в Палате… — Бурбонский дворец находится на левом берегу Сены, против площади Согласия; заложен в 1722 г. Луизой Франсуазой де Бурбон, мадемуазель де Нант, дочерью Людовика XIV и маркизы де Монтеспан (1640–1707); начал строиться по планам итальянского архитектора Жиардини, продолжен Лассурансом и закончен в 1728 г. Габриелем и Обером; назывался также особняком Конде, так как находился во владении этой семьи; конфискован в 1795 г.; часть дворца, выходящая к Сене, видоизменена в 1806 г. по приказанию Наполеона. С 1830 г. и до настоящего времени во дворце заседает Национальное собрание Франции.

… у меня была подруга. Ее звали г-жа Эмиль де Жирарден. — Жирарден, Дельфина де, урожденная Дельфина Ге (1804–1855) — французская писательница, поэтесса и драматург, жена Эмиля де Жирардена, дочь писательницы Софии Ге (1776–1852); печаталась в «Прессе» под псевдонимом де Лоне.

… г-жа де Жирарден и г-жа Санд приучили нас к подобным чудесам. — Жорж Санд (настоящее имя Аврора Дюпен, по мужу Дюдеван; 1804–1876) — французская писательница-романистка; развивала в своих произведениях идеи свободы личности и демократии.

… от стоической спартанской похлебки… — Речь идет о черной мясной похлебке спартанцев, о которой сообщает Плутарх («Ликург», 12).

… до последнего изобретения Карема… — Карем, Марк Антуан (1784–1833) — знаменитый французский кулинар, автор ряда книг, посвященных поварскому искусству; работал также в России и Австрии.

…он знает все термины «Охотничьего словаря» лучше главного ловчего… — По-видимому, речь идет о книге Ж. Ж. Бодрийара «Словарь различных видов охоты, составленный Бодрийаром и просмотренный и дополненный г-ном де Кенжери» («Dictionnaire des chasses, par Baudrillart, revu et augmenté par M. de Quingery»), изданный в Париже в 1834 г. Книга представляет собой третью часть работы Бодрийара «Общий трактат о водах и лесах для охоты и рыболовства» («Traité général des eaux et forêts, chasses et pêches»), вышедшей в 10 томах в Париже в издательстве Бертрана в 1821–1834 гг. В третьей ее части рассматривается история охоты у различных народов, описываются животные, оружие, порядок охоты.

Бодрийар, Жозеф Жак (1774–1832) — французский агроном, член главной администрации лесов с 1819 г., автор многих книг по лесному хозяйству и агрономии.

Главный ловчий — в королевской Франции высокий придворный чин, управляющий охотой.

… в поединках он более сведущ, чем Гризье… — Гризье, Огюстен Эдм Франсуа (1791–1865) — французский мастер-фехтовальщик; некоторое время преподавал это искусство в России; Дюма использовал его мемуары в романе «Записки учителя фехтования» («Mémoires d’un mâitre d’armes», 1840).

К главе XLII

… механизм, приводившийся в действие тремя пружинами, одна из которых звалась Моле, вторая — Гизо, третья — Тьер… —

Моле, Луи Матьё, граф (1781–1855) — французский государственный деятель; в нач. XIX в. чиновник Империи, после ее падения перешел на службу к Бурбонам; затем сторонник династии Орлеанов, глава правительства в 1836–1837, 1837–1839 гг.

Гизо, Франсуа Пьер Гийом (1787–1874) — французский государственный деятель и крупный историк; вначале — сторонник конституционной монархии и либерал, затем — реакционер; в 1840–1848 гг. — глава правительства; позднее политической роли не играл; автор многих трудов (главным образом по истории Франции и Англии).

Тьер, Адольф (1797–1877) — французский государственный деятель и историк, сторонник конституционной монархии; глава правительства (1836 и 1840); глава исполнительной власти (1871); президент Французской республики (1871–1873); жестоко подавлял революционное движение; автор «Истории Французской революции» (1823–1827) и «Истории Консульства и Империи» (1845–1869), многотомных трудов, в которых защищал Революцию от нападок реакции и прославлял Наполеона.

… знаменитый счет из таверны, который принц Уэльский нашел в кармане пьяного Фальстафа. — Речь идет о сцене из исторической хроники Шекспира «Генрих IV» (часть первая, II, 4). Действие сцены происходит в трактире «Кабанья голова» в лондонском районе Истчип. Принц Уэльский — будущий Генрих V (1388–1422), король Англии с 1413 г.

Сэр Джон Фальстаф — герой хроники «Генрих IV» и комедии «Виндзорские насмешницы», хвастливый трус, балагур и пьяница. В трактирном счете Фальстафа принца поражает, что на «такую прорву» всякой еды и питья Фальстаф съел так мало хлеба.

… Дела Франции — одна неделя. Из этой недели следует вычесть три февральских дня, когда Франция сама занималась своими делами. — «Три февральских дня» 1848 года — вооруженное восстание в Париже, переросшее в революцию, в результате которой 24 февраля была свергнута Июльская монархия и 25 февраля была провозглашена республика.

… о ком не упоминается ни в двух томах Ламартина… — Речь идет о вышедшем в 1849 г. в Париже двухтомнике «История Революции 1848 года» («Histoire de la Révolution de 1848») Ламартина (см. примеч. к гл. XXXVII).

…ни в «Ретроспективном обзоре» г-на де Ташро… — «Ретроспективный обзор» (полное название в 1848 г.: «Revue

rétrospective ou Archives secrètes du dernier gouvernement» — «Ретроспективное обозрение, или Секретные архивы последнего правительства») — периодическое издание, публиковавшее очерки и документы по истории и литературе; выпускалось Ташро в 1833–1837 гг. и было возобновлено 31 марта 1848 г. (выходило по ноябрь 1848 г.).

Ташро, Жан Антуан (1801–1874) — французский публицист и государственный деятель; в 1848–1849 гг. депутат Учредительного и Законодательного собраний, принадлежавший к правому крылу, затем бонапартист.

… *Случилось ли это на бульваре Капуцинок?* — Бульвар Капуцинок (иногда неправильно называемый бульваром Капуцинов) — входит в полукольцо Бульваров, обнимающих правобережную часть старого Парижа; расположен в его северо-западной части; продолжает бульвар Итальянцев в юго-западном направлении; проложен в 1685–1705 гг.; наименование получил от находившегося неподалеку монастыря женского ответвления нищенствующего монашеского ордена капуцинов.

Вечером 23 февраля 1848 г. на бульваре Капуцинок была расстреляна невооруженная демонстрация парижан.

… *Или при наступлении на Разводной мост?* — Разводной мост был перекинут через ров между двумя террасами в саду Тюильри.

… *гриф, не лучше того, что терзал Прометея*… — Прометей — в древнегреческой мифологии титан, бог старшего поколения, герой и мученик; неизменно защищал людей, научил их различным искусствам и ремеслам, чтению, письму; похитил огонь, отнятый у них богами. В наказание верховный бог Зевс повелел приковать Прометея к вершине горы на Кавказе, куда каждый день прилетал стервятник клевать его печень и терзать его тело.

… *я не разделял мнения Катона Старшего*… — Здесь имеется в виду Марк Порций Катон Цензор, прозванный Старшим (234–149 до н. э.) — римский политический и военный деятель, писатель; защитник староримских добродетелей; содействовал проведению завоевательной политики; автор ряда исторических сочинений и трактата «О земледелии», содержащего многочисленные сведения об экономике и сельском хозяйстве того времени; ему приписывается слава основоположника латинской прозы.

… Продайте вашего коня… — Здесь и далее перефразируется совет из трактата Катона «О земледелии» (2, 7): «Он [хозяин] должен произвести продажу: продать масло, если оно в цене, вино, продать излишки хлеба, старых волов, увечный скот, увечных овец (шерсть, шкуры), старую телегу, старые железные орудия, пожилого раба, болезненного раба и вообще продать если есть что лишнее…»

… в трескотне газет, называвшихся «Папаша Дюшен», «Гильотина», «Красная Республика»… — В 1848–1850 гг. несколько газет, издававшихся во Франции, носили название «Папаша Дюшен»; среди них:

«Папаша Дюшен, газета Революции» («Le Père Duchesne, gazette de la Révolution»); выходила с 10 апреля по 24 августа 1848 г. и была наиболее популярным из органов демократов;

в мае 1848 г. выходил журнал рабочих «Истинный папаша Дюшен 1848 года» («Le vrai Père Duchesne de 1848»);

в июне 1848 г. — «Внук папаши Дюшена» («Le Petit-fils du Père Duchesne»);

в июне 1848 г. — сатирический журнал «Подзорные трубы папаши Дюшена» («Les Lunettes du Père Duchesne»);

в июле 1848 г. — газета «Папаша Дюшен революции» («Le Pёre Duchesne de la Révolution»);

в мае 1849 г. — газета «Папаша Дюшен 1849 года» («Le Père Duchesne de 1849»);

в марте — апреле 1850 г. — «Пробуждение папаши Дюшена» («Le Reveil du Père Duchesne»).

Все эти газеты защищали интересы рабочих, выходили якобы от имени фольклорного персонажа, продавца перчаток папаши Дюшена, и подделывались под грубую простонародную речь парижских предместий. Их «прородителем» был знаменитый «Папаша Дюшен» времен Французской революции. Подобные издания выходили во Франции и позднее, например во время Коммуны 1871 г. «Гильотина» («La Guillotine») — в 1848 г. издавалось две газеты с таким названием: одна в марте, другая в июле.

«Красная республика» («La République rouge») — французская революционная газета, издававшаяся в июне 1848 г.

… я основал газету под названием «Месяц» и сотрудничал с другой газетой — «Свободой». — «Месяц» — см. примеч. к гл. XXXVII. «Свобода. Газета идей и фактов» («La Liberté. Journal des idées et des faits») — издавалась со 2 марта 1848 г. по 16 июня

1850 г.; среди ее сотрудников был и Дюма.

… вел в обеих газетах ожесточенную войну против господ Барбеса, Бланки и Ледрю-Роллена… — Барбес — см. примеч. к гл. XXXVII.

Бланки, Луи Огюст (1805–1881) — французский революционер, коммунист-утопист, организатор нескольких тайных обществ и заговоров, неоднократно подвергавшийся тюремному заключению: активный участник революции 1830 года; в период революции 1848 года стоял на крайнем левом фланге демократического и пролетарского движения Франции.

К главе XLIII

… я написал драму, озаглавленную «Граф Герман»… — «Граф Герман» («Le comte Hermann») — пятиактная драма Дюма, премьера которой состоялась в Историческом театре 22 ноября 1849 г.; вышла в том же году в издательстве Маршана.

… Лефевр, один из моих собратьев… — Лефевр, Луи — французский драматург; соавтор Дюма по комедии «Школа принцев» (ее премьера состоялась в Одеоне 29 ноября 1843 г.).

… принес мне комедию, принятую Водевилем… — Пьеса Лефевра «Une jeune vieillesse» (Дюма называет ее «Une vieille jeunesse») была сыграна впервые 17 ноября 1847 г. в Водевиле.

Водевиль — музыкально-драматический театр легкого комедийного жанра; основан в Париже во время Революции.

… граф Герман, воплощенный Меленгом, стоял на подмостках Исторического театра об руку с г-жой Персон и Лаферьером. — Меленг — см. примеч. к гл. II.

Персон, Беатрис Мартен (1828–1883) — французская актриса, игравшая во многих пьесах Дюма.

Лаферьер, Адольф (настоящее имя — Луи Фортюне Делаферьер; 1806–1877) — французский драматический актер, дебютировал в Комеди Франсез; артист Исторического театра; много играл в пьесах Дюма; в «Графе Германе» исполнял роль Карла, племянника графа.

… охотничьи угодья поблизости от Мелёна. — Мелён — город во Франции на Сене, в 60 км юго-восточнее Парижа, в департаменте Сена-и-Марна.

… он жил на пятом этаже дома по улице Маре-Сен-Жермен. — Маре-Сен-Жермен — улица в Париже на левом берегу Сены неподалеку от реки; существует с XVI в., с 1864 г. носит имя архитектора Висконти (1791–1853).

Департамент Сена — административный район Франции, включавший в XIX в. в себя Париж и его ближайшие окрестности.

… в ваших угодьях всего пятьсот арпанов земли… — Арпан — старинная французская поземельная мера; варьировалась в разных местах и в разное время от 0,2 до 0,5 га; с введением во время Революции единой метрической системы мер заменен гектаром.

… это превосходный финь-шампань. — Финь-шампань — высококачественный французский коньяк.

… я поспешил к моему другу д'Орсе… — Орсе (Орсей), Альфред Гийом Гаспар Альфред Гримо, граф д' (1801–1852) — французский аристократ, художник-любитель, законодатель мод и вкусов второй четверти XIX в.; жил главным образом в Англии; выставлялся в королевской Академии с 1843 по 1848 гг.; в 1852 г. получил назначение на пост директора школы Изящных искусств в Париже. Его портреты и бюсты (главным образом представителей европейской аристократии) находятся в нескольких известных музеях Европы.

… Он лепил бюст Ламартина. — Ламартин, Альфонс Мари Луи де (1790–1869) — французский поэт-романтик, историк, публицист и политический деятель, республиканец; в 1848 г. министр иностранных дел Франции.

… граф д'Орсе, брат прекрасной г-жи де Граммон… — Граммон, Ида (род. в 1802 г.) — урожденная д'Орсе, сестра графа Альфреда д'Орсе, приятельница писателя Шатобриана.

… Единственный оставшийся нам портрет Байрона… сделан д'Орсе. — Байрон, Джордж Гордон, лорд (1788–1824) — великий английский поэт-романтик, оказавший огромное влияние на современников и потомков как своими произведениями, так и чертами своей личности и стилем жизни; в своих произведениях (особенно в поэмах) создал образ непонятого, отверженного и разочарованного романтического героя-бунтаря, породившего

множество подражателей в жизни и в литературе («байронизм»).

Акварельный портрет Байрона работы д'Орсе хранится в музее Виктории и Альберта в Лондоне.

… не торговец из Сити… — Сити — старинная деловая часть Лондона, имеющая статус самостоятельной административной единицы; там находятся крупнейшие английские банки, страховые компании, фондовая и товарные биржи, оптовые рынки, конторы крупнейших юридических фирм и монополий, Английский банк.

… его можно было принять за рисунок Беато Анжелико… — Беато, Анжелико — итальянский религиозный художник-монах Джованни да Фьезоле (в миру Гвидо ди Пьетро; 1387–1455); за свою душевную чистоту и религиозность был прозван «Фра Анжелико» — «ангелоподобным»; католической церковью причислен к лику святых под именем Беато фра Джованни.

… герцог де Гиш, его племянник (сегодня это герцог де Граммон, посланник в Вене). — Граммон, Антуан Альфред Аженор, граф де Гиш, герцог де (1819–1880) — французский дипломат; посланник в Касселе (1851), Штутгарте (1852), Турине (1853), посол в Риме (1857), Вене (1861); 15 мая 1870 г. был назначен на пост министра иностранных дел; неудачно провел дипломатическую подготовку Франко-прусской войны 1870–1871 гг.; уволенный в отставку, опубликовал в свою защиту ряд работ по истории дипломатии, а также историю рода Граммонов.

К главе XLIV

Кастор и Поллукс (Полидевк) — в древнегреческих мифах сыновья Зевса и Леды, братья-близнецы (обычно фигурируют вместе под прозвищем Диоскуры); прославились своими подвигами и братской дружбой.

… Его замок находился в нескольких льё от Берне. — Берне — старинный город в департаменте Эр, в долине реки Шарантон; известен своими бумаго- и шерстопрядильными фабриками, заводами полотен и лент, белильным заводом, а также торговлей лошадьми, самыми красивыми в Нормандии.

… гравюра с картины Дедрё, изображавшая английскую королеву верхом на вороном коне… — По-видимому, речь идет об

Альфреде Дедрё (1810–1860), французском художнике, любившем рисовать лошадей и борзых; его картины хранятся в Лувре; убит на дуэли.

Английская королева — Виктория (1819–1901), правила с 1837 г.; ее царствование — время английской промышленной монополии, расцвета капитализма и создания колониальной Британской империи; по ее имени XIX столетие иногда называется «веком Виктории», а стиль жизни, сложившийся в Англии, «викторианством».

… он перешел к картинам, полюбовался «Гиппократом, отвергающим дары Артаксеркса»… — «Гиппократ, отвергающий дары Артаксеркса» — знаменитая картина французского художника Жироде-Триозона (настоящее имя — Анн Луи Жироде де Куси Триозон; 1767–1824); написана в Риме в 1792 г. и ныне находится в Медицинской школе в Париже. Здесь имеется в виду гравюра с этой картины, выполненная художником Жаном Массаром (1740–1822).

Гиппократ (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — знаменитый древнегреческий врач, реформатор античной медицины. Хотя о его жизни известно очень мало, с его именем связано представление о высоком моральном облике врача, нормы поведения которого сформулированы в известной «клятве Гиппократа».

Артаксеркс — либо Артаксеркс I Долгорукий (правил в 465–424 гг. до н. э.), персидский царь из династии Ахеменидов, либо Артаксеркс II Мнемон (правил в 404–358 до н. э.), один из его преемников. Согласно легенде, Артаксеркс прислал в Афины к Гиппократу своего посла с богатыми дарами и предложением жить при его дворе. Гиппократ отказался принять подарки и переехать в Персию. Этот эпизод стал распространенным сюжетом поэзии и живописи.

… вздохнул при виде «Наполеона, прощающегося с войсками во дворе замка Фонтенбло». — Речь идет о картине знаменитого французского художника-баталиста Эмиля Жана Ораса Верне (1789–1863); написана в период 1817–1823 гг.

Фонтенбло — замок-дворец неподалеку от Парижа; начал строиться с XIII в.; летняя резиденция французских монархов. В апреле 1814 г. в Фонтенбло Наполеон признал свое поражение в войне с коалицией европейских держав и подписал свое первое отречение. Здесь же 20 апреля в одном из дворов замка произошла трогательная сцена прощания императора со своей гвардией, неоднократно увековеченная в произведениях

искусства.

… бросил рассеянный взгляд на двух собак, лежащих рядом, словно два сфинкса… — Здесь имеется в виду статуя фантастического существа в Древнем Египте, воплощающая царскую власть: лежащий лев с человеческой головой (обычно с лицом правящего фараона) или с головой фантастического животного; статуи сфинксов ставились вдоль дорог к храмам. Наиболее известен т. н. Большой (или Великий Сфинкс), воздвигнутый в Гизе около пирамиды фараона Хефрена (XXVI в. до н. э.) — его длина равна 57 м, высота 20 м, и высечен он из цельной скалы.

… издал тот звук, из-за которого мадемуазель де Роган так страдала, пока г-н де Шабо не взял вину на себя. — Маргарита де Роган (ок. 1617–1684) — дочь и наследница герцога Анри де Рогана (1579–1638), предводителя французских протестантов в религиозных войнах XVII в.; была одной из богатейших невест во Франции; имела тайный роман с графом Анри де Шабо, сеньором де Сент-Оле (1616–1655) и против воли своей матери Маргариты де Бетюн-Сюлли, вдовствующей герцогини де Роган, вышла за него замуж в 1645 г., совершив мезальянс, ибо он был значительно ниже ее по положению; в 1648 г. граф де Шабо получил право носить титул герцога Рогана, и от него идет линия герцогов Роган-Шабо.

… поручили своему другу Девиму купить для вас собаку… — Возможно, имеется в виду Девим, Луи Франсуа (1804–1873) — французский оружейник, известный рядом усовершенствований, какие он внес в некоторые виды огнестрельного оружия, в частности в карабин и револьверы.

… г-н де Жуи обогатил латинский язык словом «agreabilis». — Жуи, Виктор Жозеф (настоящая фамилия — Этьенн; 1764–1846) — французский литератор; начинал как военный, служил во французских войсках в колониях, где и встретил Революцию; в 1790 г. вернулся во Францию и продолжал службу в армии, в то же время понемногу пробуя себя в журналистике; заподозренный в роялизме, вынужден был бежать в Швейцарию, вернулся после 9 термидора; испытал некоторые злоключения в связи с событиями 13 вандемьера (подавлением роялистского выступления осенью 1795 г.); в 1797 г. покинул военную службу; при Империи служил в провинциальной администрации; в 1810 г. принял пост цензора, утраченный при Реставрации; сразу после Июльской революции

очень недолго был мэром Парижа; позднее был назначен хранителем библиотеки Лувра; много писал для театра — либретто к операм, трагедии, комедии, водевили; большим успехом пользовались также его письма-обзоры; участвовал во многих литературных начинаниях, был редактором ряда газет; с 1815 г. член Французской академии. Многие произведения Жуи при его жизни вызывали интерес у современников, однако не все наследие пережило автора.

«Agreabilis» — латинизированная форма фр. agreable («приятный»).

… божество, покровительствующее садам, не богиня, а бог по имени Вертумн. — Вертумн — в мифологии этрусков бог превращений природы (преимущественно созревания плодов и времен года), садов и земледелия, а также торговли; муж богини Помоны; иногда изображался в виде юноши с садовым ножом и корзиной плодов.

… он женился на нимфе из очень хорошей семьи, ее зовут Помона. — Помона — древнеримская богиня древесных плодов, стала женой Вертумна после долгих лет его ухаживания.

… Флора умерла подобно Эвридике. — Эвридика — в древнегреческой мифологии жена замечательного поэта, певца и музыканта Орфея; умерла от укуса змеи. После ее смерти Орфей спустился в преисподнюю, очаровал владыку душ умерших своим пением и просил отпустить супругу на землю. Разрешение было дано с условием, что на обратном пути Орфей ни разу не обернется. Но певец, желая проверить, следует ли за ним Эвридика, нарушил запрет, и ее тень исчезла.

К главе XLV

… решили составить прошение к Юпитеру… — Юпитер (гр. Зевс) — верховный бог в античной мифологии, повелитель грома и молний, владыка богов и людей.

… послать его с борзой, получившей первый приз на последних состязаниях в Лаконии. — Лакония — плодородная область в юго-восточной части Пелопоннеса; расположена между горными хребтами Парной и Тайгет в долине реки Еврот. В древности горы Лаконии изобиловали дичью, на которую охотились с помощью известной породы оленегонных лаконских собак.

… хотя до вершины Олимпа далеко, она вернется через три месяца. — Олимп — священная гора древних греков в области Фессалия, в древнегреческой мифологии — местопребывание богов; находится примерно в 500 км к северу от Лаконии.

… она находится между Фессалией и Македонией. — Фессалия — историческая область в Северо-Восточной Греции.

Македония — историческая область в центральной части Балканского полуострова.

Еврот (Эврот; Ири) — одна из главных рек Пелопоннеса; ее исток находится в Лаконии.

… в этой реке воды не больше, чем в Арно, о котором я слышал от вас… — Арно — река в Средней Италии в Тоскане; в засушливое время значительно мелеет.

… и в Мансанаресе, о котором я слышал от вашего сына. — Мансанарес — река в Центральной Испании (правый приток реки Харамы), на которой расположена столица страны Мадрид; сравнительно невелика (длина 85 км) и маловодна, в прежние времена (до серьезных ирригационных работ, проведенных на ней во второй пол. XIX в. и в XX в.) жарким летом ей случалось почти пересыхать.

… В замке я нашел письмо от дочери… — Мария Александрина (1831–1878) — признанная отцом дочь Дюма и его любовницы актрисы Белль Крельсамер (1800/1803–1875).

… Я жил тогда в небольшом особняке… — В 1850–1851 гг. Дюма жил в Париже в доме № 7 на авеню Фрошо, проложенной в 1830 г. в северной части города в предместье Монмартр, и занимал там второй и четвертый этажи.

… даже Гектора и Ахилла не охватывала с первого же взгляда такая сильная взаимная ненависть. — Гектор — герой древнегреческой мифологии и «Илиады», сын царя Приама, храбрейший из троянских героев, предводитель войска, сражавшегося против греков. Его гибель за родину от руки Ахилла — один из ярчайших литературных примеров самопожертвования и патриотизма.

Ахиллес (Ахилл) — храбрейший из греческих героев, осаждавших Трою. Согласно одной из легенд, мать Ахилла,

морская богиня Фетида, чтобы сделать сына неуязвимым, опускала его в воды Стикса, реки в подземном царстве душ умерших. При этом она держала его за пятку, которая осталась незакаленной. Отсюда пошло выражение «ахиллесова пята» — т. е. уязвимое место. Ахиллес был, согласно некоторым мифам, убит стрелой, поразившей его в эту уязвимую пяту. Стрела была пущена троянским царевичем Парисом, а направил его руку бог-прорицатель Аполлон, не любивший Ахилла.

Ахилл возненавидел Гектора и искал с ним боя после того, как тот убил его ближайшего друга Патрокла.

… *Его надо звать не Катина́, а Катилина.* — См. примеч. к гл. II.

… *Подобно умирающему аргосцу у Вергилия, Причард открыл свой горчичный глаз…* — Имеется в виду Антор, персонаж «Энеиды» Вергилия (X, 778–781), воин, происходивший из древнегреческого города Аргоса на полуострове Пелопоннес; погиб случайно от удара копьем; перед смертью, вспоминая свой родной город, возвел глаза к небу.

… *Ранцау доблестный тебе примером стал…* — Ранцау, Джозиа, граф фон (1609–1650) — французский военачальник; родился в Германии, на французской службе с 1635 г.; маршал Франции; в сражениях потерял глаз, ногу, руку и ухо. На его могиле была эпитафия: «Но сердце Марс тебе нетронутым оставил».

К главе XLVI

… *Много говорят о том, как выходит на сцену Тальма́ в трагедии «Гамлет» Дюсиса.* — Тальма́, Франсуа Жозеф (1763–1826) — знаменитый французский драматический актер, реформатор театрального костюма и грима; во время Революции активно участвовал в общественной жизни, содействовал продвижению на сцену нового репертуара.

Дюсис, Жан Франсуа (1733–1816) — французский поэт, автор трагедий; известен своими переводами Шекспира — по существу, был первым, кто по-настоящему познакомил французского зрителя с пьесами великого английского драматурга. Позднейшие критики упрекали его в некоторой вольности этих переводов, не вполне учитывая то, что Дюсису приходилось считаться с жесткими французскими театральными канонами (консерватизм

части публики был так силен, что первые постановки Шекспира вызывали нечто вроде литературно-общественных скандалов); к тому же Дюсис не знал английского языка и знакомился с творчеством Шекспира «из вторых рук»; был известен всепоглощающей преданностью литературе и театру и нежеланием принимать любые посты и знаки отличия от представителей всех режимов, при которых ему довелось жить.

«Гамлет» — переделанная Дюсисом пьеса для французской сцены на основе плохого перевода Летурнера трагедии Шекспира.

… *страшный возглас «Ужасный призрак!»*… — Имеется в виду сцена трагедии «Гамлет». Дух злодейски убитого отца Гамлета является к сыну и открывает ему тайну своей смерти.

… *Всеобщее избиение… Варфоломеевская ночь!* — Варфоломеевская ночь — массовое избиение французских протестантов (гугенотов), начавшееся в ночь с 23 на 24 августа (под праздник святого Варфоломея, отсюда ее название) в Париже и перекинувшееся в провинции Франции; было организовано с согласия короля Карла IX правительством и воинствующими католиками. Название Варфоломеевской ночи вошло в историю как символ кровавой, беспощадной резни.

… *подобные крайности хороши были для Цицерона*… — Цицерон, Марк Туллий (106–43 до н. э.) — древнеримский политический деятель, юрист и писатель; сторонник республиканского строя; знаменитый оратор. В качестве одного из двух консулов (высших должностных лиц в Риме) Цицерон раскрыл заговор Катилины, произнес против него несколько вошедших в историю речей в сенате и добился его осуждения и казни нескольких заговорщиков.

… *он был адвокатом, он был напуган и хотел обеспечить победу тоги над оружием*… — То есть обеспечить победу права над насилием. Имеются в виду слова «Меч, перед тогой склонись» из трактата Цицерона «Об обязанностях» («De Officiis»; I, 77).

Тога — верхняя одежда полноправных граждан Древнего Рима — длинная белая накидка.

… *Господь хочет раскаяния, а не смерти грешника.* — См. примеч. к гл. I.

… *небо заволоклось тучами, как во время пира Фиеста.* — В греческой мифологии Фиест — брат Атрея, царя Микен; пытался

захватить престол брата, соблазнив его жену Аэропу. Узнав об этом, Атрей тайно убил детей Фиеста и накормил ничего не подозревавшего отца этой страшной пищей. Во время пира по небу раскатился гром, посланный разгневавшимся Зевсом, а бог солнца Гелиос повернул свою колесницу обратно, чтобы не видеть ужасного зрелища. Когда все раскрылось. Фиест проклял Атрея, и это проклятие перешло на сына Атрея Агамемнона и внука Ореста.

… *надо послать его к Санфуршу.* — Санфурш — парижский ветеринар.

… *Санфурш — это собачий Эскироль.* — Эскироль, Жан Этьенн Доменик (1772–1840) — французский психиатр, один из основоположников классической психиатрии, член академий ряда стран; работал в нескольких психиатрических больницах Парижа, создал проект психиатрической больницы, близкий к современному ее типу; внедрил в практику новшества: ведение истории болезни, регулярные врачебные обходы, трудовую терапию как метод лечения, систему патронажа хронических больных; разработал первое в мире законодательство о психических больных (закон от 30 июня 1830 г.); заложил основы психопатологии; первым дал описание галлюцинаций, ввел понятия ремиссии; первым начал статистические исследования в психиатрии.

К главе XLVII

… *подписал с директором марсельского театра Жимназ договор на пьесу «Лесники».* — Жимназ — театр в Марселе, в котором играли мелодрамы и водевили.

«Лесники» («Les Forestiers») — пьеса в прозе и куплетах; написана Дюма при участии драматургов и либреттистов Адольфа Рибинга (Лёвена; 1802–1874) и Леона Лери, известного как Лери Брунсвик (1805–1859); по мотивам ее была написана повесть «Катрин Блюм» (см. примеч. к гл. IV); премьера пьесы состоялась в Париже в театре Варьете 15 марта 1845 г.; в Марселе представлена в Большом театре 23 марта 1858 г.

… *заболел пляской святого Витта*… — Пляска святого Витта — средневековое название инфекционно-токсического заболевания малой хореи или хореи Сиденгама (по имени впервые описавшего ее в 1646 г. английского врача Т. Сиденгама);

его признаки: непроизвольные беспорядочные движения, подергивание конечностей и т. п., общее беспокойное состояние больного, затрудненная речь, затем ложный паралич и, возможно, галлюцинации; такое название получила в Германии, потому что в XIV в., во время вспышки там этой болезни, страждущие получали облегчение в часовне святого Витта.

Витт (III в.) — христианский святой, мученик; погиб во время гонений на христиан, предпринятых императором Диоклетианом; день его памяти — 15 июня.

notes

Примечания

1

Зрелище *(нем.)*.

2

«Избранные отрывки из светских писателей» *(лат.)*.

З

Англичанин *(англ.)*.

4

«Бастард де Молеон», глава III, пер. Л. Токарева.

5

«Познай себя» *(гр.)*.

6

Ступнями и ногами *(искаж. лат.)*.

7

Комическая сила *(лат.)*.

8

Перевод Г. Адлера.

9

«Бастард де Молеон», глава IV.

«О знаменитых мужах» *(лат.)*.

11

Перевод Г. Адлера.